

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ



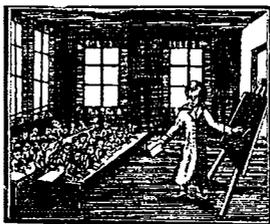
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

Под редакцией С.П. Карнова

[15]

СЕРИЯ III
INSTRUMENTA STUDIORUM
(6)



МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2000

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
КАФЕДРЫ
ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ



OPVSCVLA CATHEDRAE
LINGVARVM
ANTIQVARVM



(К 50-летию кафедры)



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛТЕИЯ»
2000

УДК 93/99
ББК 63.3
И91

Серии Трудов исторического факультета МГУ:

- ◆ Исторические источники ◆ Исторические исследования
- ◆ Instrumenta studiorum ◆ Библиографии

Редакционный совет:

С. П. Карпов (председатель), А. Г. Голиков, Н. В. Грашенков,
В. И. Кузишин, Ю. С. Кукушкин, Л. С. Леонова, Г. Ф. Матвеев
Л. В. Милов, А. И. Морозов, В. В. Пименов, Г. М. Степаненко
Н. С. Тимофеев, В. А. Федоров, Е. Ф. Язьков, В. Л. Янин

Т 78 **Труды** кафедры древних языков (К 50-летию кафедры) /
Отв. ред. И. С. Чичуров. — СПб: «Алетейя», 2000. — 330 с. —
(Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 15; Сер. III. Instrumenta
studiorum: 6).
ISBN 5-89329-333-9

Сборник, посвященный 50-летию кафедры древних языков, отражает тематическое, хронологическое и географическое разнообразие научных интересов ее сотрудников.

Для историков, филологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

УДК 93 / 99
ББК 63.3

ISBN 5-89329-333-9



9 785893 129333

© Издательство «Алетейя». 2000
© Исторический факультет МГУ, 2000

История кафедры

Г.Г. Козлова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

Кафедра древних языков как самостоятельная единица на историческом факультете Московского государственного университета возникла в 1949 г. До этого все преподаватели латинского и древнегреческого языков, обучавшие студентов всех гуманитарных факультетов университета, входили в состав кафедры классической филологии на филологическом факультете МГУ. Заведовал кафедрой в те годы профессор Сергей Иванович Радциг, а преподавание на других гуманитарных факультетах организовал и возглавил Виктор Сергеевич Соколов, опытный заслуженный педагог, составивший учебные пособия еще для гимназии дореволюционной России, необыкновенно доброжелательный и тактичный человек. Под его руководством находились старые специалисты также с дореволюционным стажем, такие, например, как знатоки римского права Александр Ливерьевич Саккетти, Федор Карлович Арнольд, Александр Иустинович Громов, как давние гимназические учителя — Леонид Петрович Богоявленский, Константин Рудольфович Мейер, Георгий Михайлович Кесаев, Николай Матвеевич Шеллер, Михаил Осипович Адамчук, Николай Иванович Скаткин, Владимир Антонович Домбровский; вернуться после вынужденного перерыва, вызванного отменой преподавания древних языков, к работе по избранной профессии на новом, высшем уровне было для них, разумеется, большим счастьем.

Преподавание древних языков, помимо филологического факультета, велось, и весьма серьезно, на историческом, юридическом и философском факультетах. На каждом из них латынь изучалась по два года; студенты-историки, избравшие специализацию по кафедрам древнего мира и средних веков, не оставляли ее изучение до самого конца, а те из них, кто предпочел историю Древней Греции и Византии, занимались также древнегреческим языком; этот язык изучали и студенты-философы, занимающиеся античной философией; древние языки были необходимым предметом в учебных программах кафедры истории России эпохи феодализма и, позже, источниковедения.

В 1949 г. преподаватели нефилологических факультетов образовали отдельную кафедру, она была названа кафедрой древних языков и во-

шла в состав исторического факультета. Заведовать кафедрой стал Виктор Сергеевич Соколов. В связи с увеличением учебной нагрузки кафедры была расширена за счет молодых преподавателей. Так, заведующий пригласил Людмилу Михайловну Попову, угадав в ней талантливого преподавателя и способного филолога, которой будет под силу овладение сложным материалом латинского средневековья. Людмила Михайловна стала прекрасным специалистом и опубликовала переводы средневековых латинских текстов по истории славянских стран; это был результат огромного труда; она сама много лет спустя с улыбкой вспоминала, как одолевала эту латинскую «целину», обливаясь слезами в прямом смысле слова.

Необходимо отметить, что Виктор Сергеевич целеустремленно начал придавать кафедре источниковедческое направление, делая ее не подсобной, а серьезной научной единицей, необходимой для исторического факультета. В поле зрения кафедры, естественно, попали средневековые греческие источники. Для работы с ними В.С. Соколов пригласил на кафедру опытного византиниста Елену Борисовну Веселаго, позднее к этому подключилась Наталья Петровна Зембатова (Аверинцева); обе они внесли большой вклад в освоение этих источников и были прекрасными преподавателями обоих языков, но главным образом работали с греческим языком.

Первой лаборанткой стала выпускница кафедры классической филологии милейшая, тактичная и аккуратная Клавдия Андреевна Морозова, выросшая постепенно в превосходного педагога.

Я, автор этих строк, Козлова Галина Глебовна, была зачислена в штат кафедры в 1949 г., и этому предшествовал забавный диалог между мною и заведующим кафедрой классической филологии Сергеем Ивановичем Радцигом: «Галина Глебовна, кажется, ваш отец окончил юридический факультет Петербургского университета?» — «Да, Сергей Иванович», — «Так не согласитесь ли вы взяться за преподавание латыни на юридическом факультете?» Причин для возражения против такой непрерываемой логики не было, и я согласилась.

Преподавала я, как и мои коллеги, и юристам (в числе которых было немало известных впоследствии государственных и общественных деятелей), и историкам и философам (здесь некоторое время вела занятия и по древнегреческому языку), а несколько позднее взяла заочное отделение исторического факультета (чем погасила назревавший конфликт: Виктор Сергеевич хотел поручить это отделение двум старым преподавателям, но они сочли это как бы «ссылкой» и воспротивились, так что мое добровольное принятие заочников сильно выручило Виктора Сергеевича). Сначала преподавание заочникам делили мы с Лидией Николаевной Годовиковой, но позднее оно осталось целиком в моей педагогической нагрузке. Опыт заочного преподавания пригодился и при составлении мною учебника по латинскому языку специально для



Кафедра древних языков Исторического факультета МГУ.

Фотография сделана в мае 1955 г. на ул. Герцена, 5.

Сидят (слева направо): Александр Ливерьевич Саккетти, Георгий Михайлович Кесаев, Леонид Петрович Богоявленский, Виктор Сергеевич Соколов, Елена Борисовна Веселаго, Людмила Михайловна Попова.

Стоят (слева направо): Михаил Осипович Адамчук, Андрей Чеславович Козаржевский, Донат Александрович Дрбоглав, Геннадий Григорьевич Литаврин, Ирина Алексеевна Миронова, Клавдия Андреевна Морозова, Лидия Николаевна Годовикова, Галина Глебовна Козлова, Моисей Наумович Цетлин.

заочников исторических факультетов.

В 1950-х годах выпускницы кафедры классической филологии МГУ Лидия Николаевна Годовикова, Елена Васильевна Федорова и Наталия Георгиевна Ткаченко пополнили контингент молодых преподавателей кафедры, впоследствии удачно сочетая преподавание с серьезной научной работой: Лидия Николаевна осуществила перевод и фундаментальное исследование латинского источника по истории России XVI века — труды Антонию Поссевино, Наталия Георгиевна опубликовала переводы средневековых папских булл, а Елена Васильевна провела серьезную научную разработку латинской эпиграфики, ставшую темой ее докторской диссертации. Несколькими годами ранее Виктор Сергеевич пригласил также в качестве преподавателей медиевистку Ирину Алексеевну Миронову и выпускника кафедры классической филологии ИФЛИ (которую окончили до этого и Людмила Михайловна, и Галина Глебовна) Андрея Чеславовича Козаржевского. Наряду с умелым преподаванием, он составил учебники латинского и греческого (первое издание его в соавторстве с Виктором Сергеевичем Соколовым) языков, а глав-

ный научный интерес его лежал в сфере средневекового греческого языка в связи с исследованием греческого текста Нового Завета. После кончины Виктора Сергеевича он возглавил кафедру.

Андрей Чеславович был широко известен не только в университетских кругах как блистательный лектор и знаток истории и культуры Москвы. Он любил водить по историческому центру столицы группы студентов, к которым охотно присоединялись и люди старшего поколения, на его лекции стекалась «вся Москва»; курс «Памятники мировой истории и культуры» А.Ч. Козаржевского и Е.В. Федоровой пользовался необычайной популярностью.

Ведущим специалистом по средневековой латыни и латинской палеографии стал доцент Донат Александрович Дрбоглав, окончивший исторический факультет МГУ в 1949 году; он опубликовал труды по расшифровке средневековых латинских надписей, в том числе — на берестяной грамоте из Новгорода.

В 1954 г. на кафедру пришел один из первых выпускников исторического факультета МГУ Моисей Наумович Цетлин. Необыкновенно мягкий и доброжелательный человек, умный преподаватель, он не только занимался плодотворными научными исследованиями в области медиевистики, но и был хорошим поэтом, имевшим широкий круг собственных почитателей.

Кафедра постоянно пополнялась молодыми преподавателями из числа выпускников кафедр древнего мира и средних веков, а также классической филологии, причем некоторые вырастали в преподаватели с должности лаборанта. Хорошими специалистами стали Маргарита Александровна Кондратюк и Ирина Юрьевна Шабага, достигшие должности и ученого звания доцента, Татьяна Сергеевна Нагайцева, ставшая старшим преподавателем, и успешно работающие Ирина Владимировна Кувшинская и Борис Александрович Макеев.

Члены кафедры с преподаванием обоих древних языков постоянно вели и ведут серьезную исследовательскую работу. Так, была проведена скрупулезная работа по составлению двухтомной хрестоматии средневековых латинских источников с развернутыми комментариями, выпускались учебники и учебные пособия, издавались латинские источники и исследовательские труды, как например, интереснейшие книги Е.В. Федоровой об императорском Риме, предназначенные для научной общественности и широкого круга читателей.

Давние и недавние выпускники исторического факультета, волею судьбы разбросанные по разным странам и континентам, с благодарностью вспоминают суровую выучку кафедры древних языков и требовательных преподавателей, сумевших заставить их познать ту классическую премудрость, начатки которой обязательны для каждого истинного гуманитария. Молодые преподаватели оказались достойными коллегами и продолжателями старых опытных педагогов и с течением времени

и преподавательский и научный уровень кафедры повышается, равно как и все более осознается обществом роль древних языков, которые отнюдь не «из моды вышли», а могут и должны способствовать более глубокому и всестороннему образованию.

В настоящее время помимо многих вышеперечисленных активную преподавательскую и научную работу ведут выпускницы филологического факультета МГУ старший преподаватель Ольга Викторовна Смыка, доценты Елена Владимировна Приходько и Елена Федоровна Шичалина, а также выпускники исторического факультета МГУ доцент Наталия Геннадиевна Майорова, Арчил Савелич Балахванцев, Алексей Михайлович Крюков, Галина Вячеславовна Лим и Елена Викторовна Финогентова. С осени 1996 года кафедру возглавляет профессор Игорь Сергеевич Чичуров.

Е.В. Фёдорова

**ПРОФЕССОР В.С. СОКОЛОВ —
ОСНОВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ**

Виктор Сергеевич Соколов родился 15(2) февраля 1889 г. в Москве в семье архитектора, где из поколения в поколение передавалась память о родоначальнике семьи Соколовых: это был выходец из Шотландии, который в конце XVIII в. служил садовником в богатом подмосковном имении Вороново, принадлежавшем графу Ф.В. Ростопчину, организовавшему там рациональное хозяйство; иностранец-садовник был его составной частью.

Виктор Сергеевич уже в детстве получил блестящее образование с прекрасным знанием иностранных языков. Когда его однажды спросили, помнит ли он то время, когда ещё не знал латинский язык, он ответил: «Нет, я его всегда знал».

В 1913 г. В.С. Соколов окончил историко-филологический факультет Московского университета по специальности «история», а в 1915 г. — классическое отделение Шелапутинского педагогического института. Ещё в студенческие годы он стал преподавать латинский язык в гимназии Реформатского общества. При советской власти эта гимназия была преобразована в техникум, где до 1932 г. Виктор Сергеевич преподавал историю и обществоведение. В тридцатых годах он заведовал кафедрой иностранных языков в Институте повышения квалификации хозяйственных работников тяжёлой промышленности.

Преподавателем кафедры древних языков на историческом факультете Московского университета В.С. Соколов стал в 1936 г. Одновременно он преподавал в Институте Истории, Философии и Литературы (ИФЛИ).

В первые месяцы войны в МГУ восстановили филологический факультет и слили с ним ИФЛИ. Кафедра древних языков исторического факультета прекратила своё самостоятельное существование, так как на филологическом факультете ИФЛИ была кафедра классической филологии, которая превратилась в университетскую. Виктор Сергеевич стал членом этой кафедры.

Много усилий приложил В.С. Соколов к тому, чтобы убедить университетское руководство в необходимости восстановить на историческом факультете кафедру древних языков, что и было сделано осенью 1949 г. Заведующим стал Виктор Сергеевич, а значительная часть преподавателей была переведена с кафедры классической филологии.

В.С. Соколов с самого начала придал кафедре источниковедческий характер, создав новую методику целенаправленного изучения древних языков, позволяющую в сжатые сроки (по сравнению с обилием учебных часов на филологическом факультете) научить студента понимать подлинный исторический текст, античный или средневековый. Адаптированный текст был исключён из преподавания почти полностью (достаточно сказать, что в общем курсе латинского языка при четырёх часах в неделю первокурсники знакомились с подлинным античным текстом уже в ноябре; правда, это была только первая глава первой книги «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря).

Заслугой кафедры является то, что был освоен широкий круг античных и средневековых авторов и документов, ранее никогда не входивший в практику преподавания.

Виктор Сергеевич был превосходным преподавателем; он обладал не только широким знанием языков и истории, но и особым умением установить дружеский контакт со студентами, сочетая требовательность с очень уважительным отношением к ним. Он не был злым человеком, и студенты ощущали и ценили его благожелательность; у него никогда не было с ними никаких конфликтов. Те, кто у него учились, на всю жизнь сохранили о нём восторженные воспоминания. Перефразируя известные слова А.С. Пушкина, можно сказать, что Виктор Сергеевич своим самоотверженным трудом пробуждал в студентах добрые чувства и этим был им любезен.

А.Ч. Козаржевский, его многолетний коллега, в некрологе почтил его такими словами: «В.С. Соколов был педагогом по призванию. Он ценил в студентах прежде всего сознательное отношение к делу, непримиримо борясь как с бездумной зубрёжкой, так и с пренебрежением черновой работой в освоении языка. При чтении исторических источников он не ограничивался чисто грамматическими объяснениями, а всегда давал обширные комментарии исторического характера. Античность для него не была чем-то застывшим, музейным, бесконечно далёким от современности. Многочисленные ученики В.С. Соколова (а среди них немало известных учёных) с благодарностью вспоминают своего учителя за то, что древность в его устах была вечно живой» (Вестник Московского университета. 1967. Серия «История». № 4. С. 93).

Виктор Сергеевич был первым среди филологов-классиков, кто категорически заявил о необходимости отраслевой методики преподавания древних языков, о том, что их надо преподавать по-разному филологам, историкам, юристам, философам. Он эту методику создал и успешно претворил в жизнь. В соавторстве с И.С. Розенталем он написал учебник латинского языка специально для юристов (он издан дважды — в 1953 и в 1956 г.). Совместно с А.Ч. Козаржевским был создан учебник древнегреческого языка специально для историков (издан в 1962 г.). В 1956 г. вышла первая хрестоматия латинских средневековых

исторических текстов (под ред. В.С. Соколова и Д.А. Дрбоглава). Кафедра издала коллективные труды — переводы «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа и сочинений Николая Дамасского.

В 1943 г. В.С. Соколов защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук «Девять книг писем Плиния Младшего как художественное произведение эпистолярного стиля»; в 1956 г. опубликована его монография «Плиний Младший (Очерк истории римской культуры времён империи)».

В.С. Соколов уделил много внимания исследованию трудов историков IV в. н. э. и результаты этой работы частично опубликовал в виде отдельных статей (их полный перечень помещён в его некрологе). Кроме того, он перевёл большое число древних и средневековых текстов, в частности, 10 книг «Римской истории» Диона Кассия.

В 1965 г. В.С. Соколову было присвоено учёное звание профессора.

Виктор Сергеевич был человеком замечательным, он принадлежал к лучшим представителям русской дореволюционной и советской интеллигенции. В нём всегда очень проявлялись качества именно дореволюционного интеллигента. Это выражалось в его высокой образованности, в совершенно свободном владении немецким и французским языками, в широте его научного кругозора, в его глубоком либерализме, в его особой тактичности, в очень благожелательном отношении к людям, в его стойкости в перенесении несчастий, а они его не миновали (достаточно вспомнить, что оба его сына, очень достойные молодые люди, погибли на фронтах Отечественной войны, пришлось ему пережить и кончину своей супруги Лоры Александровны, женщины в высшей степени добродетельной, но это его не сломило и не озлобило).

Виктор Сергеевич был человеком столь увлекающимся работой, что иногда преступал меру; он был убеждён, что надо работать всегда. Однажды это выразилось в том, что научный план кафедры оказался настолько перегружен количеством запланированных работ, что руководство факультета решило уменьшить их число, и это в те времена при советской власти, когда лозунгом эпохи были слова из популярной песни: «Всё выше, и выше, и выше». Так вот, беспартийному Виктору Сергеевичу указали, что кафедра устремилась слишком высоко. План сократили. Но в данном случае Виктор Сергеевич, будучи интеллигентом дореволюционного времени, следовал традициям патриарха классической филологии Сергея Ивановича Соболевского; когда тот был уже в преклонном возрасте, от него потребовали, чтобы он представил план научной работы на пять лет вперёд; Соболевский представил план на 20 лет вперёд; он сохранял работоспособность до 95 лет. Но... не все обладают силой Соболевского и не ото всех её можно требовать. Однако благодаря энергии Виктора Сергеевича кафедра древних языков дала большую печатную продукцию.

Виктор Сергеевич всегда оставался деятельным человеком с живым

интересом к людям, к своей работе, к науке. Глетворный дух скептицизма был очень далёк от него. Виктор Сергеевич был человеком светлой души, любил посмеяться и пошутить, но его шутки всегда были изящны и беззлобны. Будучи уже весьма пожилым, он всё ещё оставался очень восприимчивым к тому смешному, что встречается в жизни. Однажды был такой случай. Одна из преподавательниц кафедры собиралась переехать на новую квартиру, которая находилась на окраине Москвы около Верёво-Войлочного проезда. Виктор Сергеевич был потрясён тем, что в Москве есть улица с таким диким названием. Случилось так, что в эти дни он вместе с другой преподавательницей пошёл в консерваторию на симфонический концерт. Но удовольствие оказалось полностью испорченным. Как рассказывала потом эта преподавательница, время от времени Виктор Сергеевич вспоминал про Верёво-Войлочный проезд, и его душил смех, явно неуместный при серьёзной музыке.

Эта живость восприятия всегда отличала Виктора Сергеевича. Он был человеком очень лёгким в общении. И даже если ему что-то не нравилось, он умёл выразить своё отношение тактично. Будучи человеком старых вкусов, он ценил в людях скромность и не приветствовал следование моде. Однажды одна молодая преподавательница изменила причёску: подстриглась под мальчика. Виктору Сергеевичу это очень не понравилось, но он ей ничего не сказал, а на заседании кафедры мельком заметил: «Появился у нас ужасный мальчишка». Преподавательница смущённо улыбнулась, а все присутствовавшие сделали вид, что ничего не поняли, а потом, когда волосы отрасли, негодная причёска исчезла сама собой, и не могло быть речи о её восстановлении. У Виктора Сергеевича был естественный взгляд на мир: он полагал, что женщина должна быть похожа на женщину, а не на что-нибудь другое. Разумеется, при Викторе Сергеевиче ни одной представительнице прекрасно пола не могло прийти в голову явиться в университет в брюках; другое дело — во время путешествия, в горах — там можно. Сам Виктор Сергеевич одевался скромно и очень достойно, всегда при галстуке. Держался прямо. Был художав. Ходил с палочкой быстрым и лёгким шагом.

Виктор Сергеевич к людям относился с уважением, а к студентам не только с уважением, но и с особой любовью, и они ему платили взаимностью, хотя человек он был требовательный. Всем своим обликом, всем своим поведением он вызывал к себе чувство уважения и симпатии; не было людей, которые о нём говорили бы плохо — нечего было сказать. Напротив, не раз нам, работникам кафедры, приходилось слышать: «Вы — счастливые люди, вы работаете у Виктора Сергеевича». Это была правда, ибо мы шли на работу с интересом и лёгким сердцем.

Виктор Сергеевич Соколов благополучно прошёл свой жизненный путь, будучи окружён любовью и вниманием своих коллег. Он заблаговременно позаботился о преемнике, дав возможность Андрею Чеславовичу Козаржевскому войти во все кафедральные дела. Виктор Сергее-

вич покинул мир спокойно, зная, что дело всей его жизни — кафедра древних языков — остаётся в надёжных руках. Свою библиотеку он завещал своей кафедре, которая благодаря этому располагает хорошим собранием текстов древних греческих и латинских авторов.

Виктор Сергеевич скончался у себя дома 21 апреля 1967 г. в возрасте 78 лет.

Вся жизнь В.С. Соколова была образцом высокого человеческого достоинства и преданности своему делу.

Н.М. Мещерякова

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ — В.С. СОКОЛОВЕ

В сороковые-пятидесятые годы, когда мне посчастливилось учиться на Историческом факультете, находившемся тогда на небывалом научном подъеме, кафедра истории средних веков была едва ли не самой сильной своим профессорско-преподавательским составом. На ней работали наши дорогие старики — Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, В.М. Лавровский, А.И. Неусыхин, М.М. Смирин, и молодые, только что вошедшие в науку — Н.А. Сидорова, Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова. О каждом из преподавателей кафедры можно было бы написать поучительные и увлекательные очерки — столь яркими и незаурядными не только учеными и преподавателями, но личностями они являлись. Существовавшая благодаря им на кафедре атмосфера высокой научной требовательности, поощрения исследовательского поиска, доброжелательности и дружелюбия благоприятствовала в огромной мере научно-му формированию студентов и аспирантов.

И, казалось, может вызвать удивление тот факт, что в первую очередь и чаще всего вспоминаются с величайшей благодарностью и теплотой занятия на кафедре латинским языком, по сути вспомогательной дисциплиной, но, конечно, обязательной и необходимой для историка, его непременным инструментарием. Эти занятия вел Виктор Сергеевич Соколов. Кто знал его и учился у него, не станет удивляться.

Занятия по своей организации в малочисленных группах студентов и аспирантов (не более двух-трех человек) отличались вполне камерным характером. Однако, естественно, дело не в этом. Важно, что мы постоянно встречались с Виктором Сергеевичем на частых регулярных занятиях, и теперь, издалека, с особым смыслом видится и ценится то, как существенно и необыкновенно обогащали нас эти встречи. Обогащали не только знанием языка, но мудростью и редко встречаемой именно такой, какая была присуща Виктору Сергеевичу, высотой нравственности. Огромную роль в воспитании студентов и аспирантов играла личность самого Учителя. Даже внешне скромный, особо не приметный облик Виктора Сергеевича поистине излучал свет внутреннего, душевного богатства, жизненной стойкости, доброты.

Латинский язык, как познавали мы на занятиях Виктора Сергеевича, сам по себе дает великолепные образцы логики и диалектики, глубины и широты мышления. А неспешное содержательное обсуждение различных тем и проблем в латинских текстах на занятиях Виктора Сер-

геевича в действительности превращалось в настоящие философские раздумья и откровения. Более всего впечатляло и запомнилось на всю жизнь изучение текстов Лукреция «De rerum natura» и од Горация.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
Finem di dederint... —

эти горациевы строки, повествующие о восприятии поэтом извечной проблемы жизни и смерти, приковывали наше пристальное внимание благодаря проникновенному раскрытию их содержания трактовкой, рассуждениями Виктора Сергеевича. Комментарии Виктора Сергеевича основывались на богатом, но отнюдь не легком, горестном опыте его собственной жизни.

Подлинным уроком гражданственности становилось знакомство с одой Горация, посвященной осмыслению темы римской государственности в бытность трудных времен республики:

O navis, referent in mare te novi
Fluctus! O, quid agis? Fortiter occupa
Portum...

К вдумчивым толкованиям Виктором Сергеевичем стихов Горация нередко и сейчас по памяти обращаешься, сталкиваясь с различными вопросами на жизненном пути. И диву даешься, как сам Виктор Сергеевич стойко и мужественно переносил со свойственной ему нравственной силой выпавшие на его долю несчастья.

Как сейчас помню, прекрасная музыка скорбной прощальной мелодии Седьмой симфонии Бетховена в Актовом зале Истфака на улице Герцена сопровождала уход от нас Виктора Сергеевича. Но уже проверено достаточно длительным с той поры временем, что искренняя признательность замечательному, светлому человеку, ученому, мудрому Учителю сохраняется в душе пожизненно.

Е.В. Фёдорова

**ПРОФЕССОР А.Ч. КОЗАРЖЕВСКИЙ —
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ
В 1967 — 1995 ГГ.**

Андрей Чеславович Козаржевский был, бесспорно, выдающейся личностью. Он пользовался широкой известностью не только в МГУ, но и в Москве и за её пределами. Высокая культура, подлинная интеллигентность, широта интересов, активная жизненная позиция, энергия, личное обаяние привлекали к нему множество людей разных возрастов и профессий. Он обладал природённым даром лектора и истинным талантом общения с любой аудиторией. Диапазон его деятельности был чрезвычайно велик.

К А.Ч. Козаржевскому в полной мере применимо знаменитое древнеримское изречение «Человек сам своего счастья кузнец». Судьба далеко не всегда была к нему добра: наградив его талантом и неравнодушной душой, она отмерила ему немалую горсть трудностей, которую сыпала на его пути уже в первые годы жизни.

Андрей Чеславич (а именно так он сам себя называл — Чеславич, а не Чеславович) родился 19(6) августа 1918 г. в интеллигентной семье почтовых служащих. Его мать, Анастасия Александровна, была дочерью обрусевшего немца Александра Эдуардовича Аккермана и русской — Елены Павловны Глебовой. Его отец, Чеслав Альфонсович, поляк, в 1918 г. находился в Гродно и по причине изменившейся политической ситуации не смог приехать в Россию; он знал, что у него родился сын, но неблагоприятная судьба не позволила встретиться отцу и сыну, оказавшимся в разных государствах. В 1920 г. в Польше Чеслав Альфонсович скончался от болезни. Андрей Чеславич остался без отца.

В 1936 г. А.Ч. Козаржевский окончил в Москве среднюю школу и стал студентом классического отделения Московского института Истории, Философии и Литературы (ИФЛИ).

В 1938 г. умерла мать Андрея Чеславича. Заботу о нём взяли на себя её сёстры, к которым он навсегда сохранил чувство глубокой признательности.

В 1941 г. Козаржевский с отличием закончил институт, получил рекомендацию в аспирантуру и блестящую характеристику, подписанную крупными учёными: профессором С. Гвоздевым, академиком М. Покровским и профессором Д. Коноваловым. На характеристике стоит дата: 17 июня 1941 г.

Через четыре дня началась война, и вся жизнь перевернулась.

Андрей Чеславич, будучи человеком активным, студентом вступил в ВЛКСМ, а в первые дни войны записался добровольцем в народное ополчение. У него был туберкулёз лёгких, и поэтому в регулярную армию его не взяли. Наркомпрос направил его работать в Сибирь учителем русского языка и литературы средней школы в селе Ермаковском Красноярского края. Так, лишённый родных, больной, Козаржевский начал свой самостоятельный жизненный путь далеко от Москвы в годы великого лихолетья своего Отечества.

В этих экстремальных условиях молодой Козаржевский не пал духом, но с увлечением стал осваивать профессию учителя. Впоследствии он всегда с душевной теплотой вспоминал годы, проведённые в сибирском селе, и хотя в дальнейшем работал только в высшей школе в Москве, тем не менее всегда думал, что его призвание именно в том, чтобы быть учителем. Уже будучи профессором, он сам себя считал учителем и проявлял к студентам именно учительское отеческое отношение, сеял разумное, доброе, вечное. Студенты это чувствовали и любили Андрея Чеславича.

В 1944 г. Всесоюзный Комитет по делам Высшей Школы при СНК СССР отправил А.Ч. Козаржевскому вызов в Москву для поступления в аспирантуру классического отделения филологического факультета МГУ. В связи с отъездом из Сибири директор школы А. Крупская выдала ему характеристику, где было отмечено, что его уроки как в младших, так и в старших классах проходили живо и интересно, что ученики любят его, что он хороший общественник, работал агитатором в колхозе, был внештатным лектором РК ВЛКСМ и читал лекции в клубе, парткабинете и других местах.

Так в юные годы в тяжелейших условиях А.Ч. Козаржевский сумел найти своё достойное место в жизни. Болезнь, особо опасная в годы лишений, через много лет всё-таки отступила, и в 1958 г. его поставили на военный учёт, признав полностью здоровым.

В Москве Андрей Чеславич навсегда вернулся к своим любимым древним грекам и римлянам. В январе 1954 г. он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук на тему: «“Киропедия” Ксенофонта Афинского как историко-литературный памятник IV в. до н. э.».

В 1946 г., будучи ещё аспирантом, Козаржевский начал преподавать античную литературу, древнегреческий и латинский языки в Московском Городском Педагогическом институте им. В.П. Потёмкина сначала на условиях почасовой оплаты, а затем в штате; в его характеристике отмечено, что он умеет связать преподавание древних языков с новыми, что является «очень ценным преподавателем для лингвистических специальностей, прекрасным квалифицированным педагогом, пользующимся, несмотря на свою молодость, большим авторитетом у студентов и аспирантов».

С 1953 г. Андрей Чеславич стал работать на кафедре древних языков исторического факультета МГУ (сначала как старший преподаватель, с 1959 г. — как доцент, с 1967 г. — заведующий кафедрой, а с 1985 г. — профессор Московского университета).

Когда кафедру древних языков возглавил А. Ч. Козаржевский, она уже имела своё лицо, свои традиции и немалую печатную продукцию.

Будучи человеком в высшей степени интеллигентным, Андрей Чеславич всегда с глубоким почтением относился к добрым традициям и следовал им: он вёл кафедру в её прежнем направлении. Обладая хорошим практическим знанием не только языков, но и истории, он никогда не являлся филологом-лингвистом, его специализацией было литературоведение, а его кандидатская диссертация имела явно выраженный исторический уклон.

Научная деятельность А. Ч. Козаржевского целиком подчинялась интересам исторического факультета. Продолжая традицию создания отраслевой методики преподавания древних языков, он написал учебники по латинскому и древнегреческому языкам, ориентированные специально на студентов-историков. Козаржевский не любил абстрактного теоретизирования, и вся его деятельность по преподаванию и созданию учебников преследовала чисто практическую цель — научить студента досконально понимать текст исторических источников, без чего невозможна научная работа. При этом он стремился к лаконичности изложения материала, терпеть не мог наукообразную заумь и не любил многословия; ему всегда было тяжело общаться с людьми, употребляющими слишком много слов. В учебнике по латинскому языку он учёл также интересы студентов-юристов и философов. Для юристов А. Ч. Козаржевский написал особое краткое учебное пособие, представляющее исключительную ценность, ибо специальный учебник по латинскому языку для юридических факультетов, написанный И. С. Розенталем и В. С. Соколовым, был сожжён в те печальные годы, когда латынь была отменена на юридическом факультете.

Андрей Чеславич глубоко почитал университетские традиции: он был сторонником фундаментального и широкого образования, проявлял уважительное отношение к личности, считал, что университетский преподаватель имеет право на свой метод, а студент — на собственное мнение. При необходимости соблюдения учебного плана преподаватели кафедры древних языков не были обязаны, как по команде, в одно и то же время произносить одни и те же слова. В рамках единых требований и определённого объёма материала преподаватель имел возможность варьировать (например, на первом курсе вместо традиционных двух глав Цезаря и двух Цицерона можно было прочесть и вынести на экзамен две главы Цицерона, одну Саллюстия и одну Юстина). Это придавало преподавательской работе творческий характер, побуждало к поиску новых текстов, способов объяснения материала и методов его

усвоения. Отсутствие формализма создавало основу для хороших отношений между преподавателями и студентами, большинство из которых с интересом относились к учёбе.

Не будучи формалистом и уважительно относясь к людям, Андрей Чеславич редко посещал чужие занятия, ибо хорошо понимал, что в его присутствии преподаватель чувствует себя «не в своей тарелке», а студенты от страха теряют способность соображать. Он любил приходить в чужую группу в случае отсутствия преподавателя и тогда, ведя занятие сам, мог судить о знаниях студентов. Именно знания студентов были для него критерием качества работы преподавателя. Андрей Чеславич всегда охотно допускал на все занятия чужих студентов и преподавателей, не преследующих целей инспектирования. Об уровне работы кафедры говорит тот факт, что выпускники исторического факультета МГУ преподают древние языки во многих учебных заведениях вплоть до Лингвистического университета. В этом заслуга создателя кафедры В.С. Соколова и достойного продолжателя его дела А.Ч. Козаржевского.

В непосредственные обязанности Андрея Чеславича входили только практические занятия по древним языкам. Но его кипучая и неутомная натура уводила его далеко за эти пределы. По собственной инициативе А.Ч. Козаржевский создал курс лекций по мастерству устной речи, а также по памятникам мировой истории и культуры (с показом диапозитивов и даже с музыкальным сопровождением). Человек богатой и щедрой души, он стремился свой интерес к жизни, к культуре, к искусству передать студентам. Он вообще считал, что главное в жизни не потреблять, а именно отдавать свои знания, свои силы, свои чувства. По собственному желанию Андрей Чеславич создал также спецкурсы по источниковедению раннего христианства, по восточно-греческому диалекту «койне», и читал их не только на историческом факультете, но и на классическом отделении филологического факультета МГУ.

Деятельность А.Ч. Козаржевского не ограничивалась стенами МГУ. Он читал лекции по ораторскому искусству и памятникам истории и культуры для самой широкой аудитории. Выступал в Политехническом музее, а также во многих других учреждениях Москвы вплоть до Аппарата Президиума Верховного Совета СССР и КГБ. По линии всесоюзного общества «Знание» Козаржевский читал лекции во многих городах Сибири, Литвы, Латвии, Западной Украины, Грузии. В круг его интересов входила также история христианской религии и культы; это были лекции по религиозно-социальной проблематике Нового Завета, по символике православного храма и иконы, по старообрядчеству и обновленческому расколу. Преимущественно эти лекции он читал в Православном университете и в Богословском институте. А.Ч. Козаржевский был участником многочисленных конференций. Когда коллеги пытались уговорить его не перегружать себя, он отвечал, что испытывает ог-

ромное удовлетворение от общения с людьми, в том числе и с людьми иных профессий. Ему была присуща огромная потребность в общении, он не был кабинетным учёным, не мог проводить жизнь, замкнувшись только в мире книг. Ему нужны были люди.

Активная жизненная позиция А. Ч. Козаржевского обусловила его обширную общественную деятельность. На историческом факультете МГУ он много лет был агитатором в студенческих группах, а также возглавлял факультетскую организацию общества «Знание». Вместе со своим коллегой по кафедре доцентом Донатом Александровичем Дрбоглавым Андрей Чеславич создал работавший много лет кружок по изучению Москвы и Подмоскovie (формально он был приписан к Дому культуры МГУ на улице Герцена, и поэтому студенты имели возможность за счёт университета совершать автобусные экскурсии по Подмоскovie, а по Москве, экономя университетские деньги, ходили пешком). За многие годы работы кружка была составлена фототека и собраны ценные сведения по выявлению состояния памятников архитектуры, что сыграло определённую положительную роль в их постановке на охрану и дальнейшей реставрации.

В последние годы А. Ч. Козаржевский возглавлял университетское бюро организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был членом Экспертно-консультативного Совета при Главном Архитектурном управлении Москвы, а также руководителем лекторской группы правления Всероссийского общества «Знание».

А. Ч. Козаржевский награждён медалями «Ветеран труда» и «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», почётным знаком Министерства высшего образования СССР. В 1992 г. ему присуждена Ломоносовская премия за блестящее лекторское мастерство (это был первый случай присуждения Ломоносовской премии именно за преподавательскую, а не за научную работу).

Андрей Чеславич имел неброскую внешность, не выделялся высоким ростом и атлетичностью сложения, но подобно Юлию Цезарю относился к себе сурово и закалил себя так, что отличался силой, выносливостью и простуда редко осмеливалась приблизиться к нему. В обращении Козаржевский был прост и тактичен. Как подлинно интеллигентный человек он был не способен на грубость, и злое слово не могло слететь с его уст, это было просто вне его природы. Даже студентам, ошалевшим от демократии, он не делал резких замечаний; когда эти несмышлёныши начинали шуметь на лекциях, он увещательным тоном без малейших признаков раздражения говорил: «Друзья мои, тихонечко, тихонечко». Легкоранимая душа его страдала при виде хамства. Он очень любил студентов и искренне огорчался, если замечал в них заносчивость, разболтанность, неуважение к другим. И терпеть не мог так называемую «раскованность». Ему нравились в людях простота и естественность. Его внутренне передёргивало при виде размалёван-

ных дам; в этом отношении он был человеком старомодным. А элегантные худосочные парижанки произвели на него самое тягостное впечатление. Когда одна из них коснулась на улице его руки, он, по его собственным словам, почувствовал хватку скелета и поспешил избавиться от этого ужасного ощущения. Он избегал общаться с молодыми бородачами, ибо среди них нередко попадались личности с некоторым «сдвигом». Уважительно относясь к религии, Андрей Чеславич резко осуждал сектантство и выражал возмущение по поводу пропаганды экстрасенсов и тому подобного. Он не имел ни малейшей склонности к мистике. Проявление бездумности современного мира удручало его. Как у всякой яркой личности, у Козаржевского были не только единомышленники, но, обладая достаточной силой духа, он не реагировал на шипение недоброжелателей.

Андрей Чеславич был профессором в самом подлинном и высоком смысле этого слова: он говорил перед большой аудиторией, говорил прекрасно и был счастлив, когда видел перед собой равнодушные, одухотворённые лица.

Силой своего лекторского таланта и незаурядностью личности он производил сильнейшее впечатление на аудиторию. Один из его слушателей, доцент-химик из казахстанского города Аркалыка, посещавший его лекции по памятникам истории и культуры, оставил такую запись: «Нежно-саркастичный, галантный и изумительный Андрей Чеславич своей непостижимой верой в людей, тонкостью восприятия мира, полагающей незащищённостью, духовностью высшего порядка, неустанным стремлением к укреплению утончающейся связующей нити времён пробуждает в нас веру в Добро, надежду на Исцеление и любовь к Красоте. Низкий поклон за это».

Андрей Чеславич скончался у себя дома 26 марта 1995 г. в возрасте 77 лет.

Светлой памяти А.Ч. Козаржевского посвятил свою монографию «Император Диоклетиан и конец античного мира» (М., 1999) доктор исторических наук И.О. Князький, его ученик, закончивший МГУ в 1976 г.

А.Ч. Козаржевский искренне радовался успехам своих учеников; в их памяти он навсегда остался обаятельным, доброжелательным и в высшей степени эрудированным учителем.

А.Ч. Козаржевский прожил яркую и содержательную жизнь; он общался с очень большим числом людей, и это доставляло ему подлинное счастье.

Н.Г. Майорова

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ — А.Ч. КОЗАРЖЕВСКОМ

Помимо собственно преподавательской деятельности Андрей Чеславович вел огромную просветительскую работу и вне стен учебных заведений.

Долгое время он входил в Комиссию по лекторскому мастерству при Правлении Всесоюзного общества «Знание», был руководителем лекторской группы этой Комиссии и должен был пропагандировать методические знания, отвечать за повышение квалификации лекторских кадров. Кроме того, он и сам выступал с обучающими курсами. Вот выдержки из «Аннотированного каталога лекций, циклов лекций и учебных курсов по мастерству устной публичной речи» (М., 1989), которые позволяют нам представить тематику лекций Андрея Чеславовича в обществе «Знание»: «Техника речи лектора», «Теоретические основы нормативности речи и нормы в области ударения и произношения», «Нормы грамматики и словоупотребления», «Выразительность речи», «Античная риторика», «Русская риторика» и т. д. Все, кто когда-либо слушал Андрея Чеславовича, в один голос говорят, что он был не просто блестящим лектором, но лектором, с удивительным уважением относившимся к аудитории, что встречается не так уж часто.

С лекционными курсами (в частности, с курсом «Памятники мировой культуры», который читался на историческом факультете МГУ) неразрывно связана еще одна сторона деятельности Андрея Чеславовича. В течение почти всей своей жизни он занимался охраной памятников, долгие годы был членом Экспертной комиссии по вновь выявленным объектам при Управлении государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры, что ежемесячно собиралась на Пятницкой, 19.

В октябре 1986 г. Андрею Чеславовичу было поручено возглавить Оргкомитет учредительного собрания ВООПИК МГУ, председателем Бюро которого он и был избран в том же 1986 г. И под его добрым руководством преподаватели, студенты и аспиранты МГУ выявляли, реставрировали памятники, выступали с лекциями, учили и учились сами любить и сохранять город, в котором они живут.

Однако Андрей Чеславович с большой осторожностью относился к вопросу реставрации, а тем более восстановлению памятников, считая, что не все нужно и можно восстанавливать. И он имел право так думать, потому что у него была еще одна «пламенная страсть»: Андрей Чеславо-

вич знал и беззаветно любил Москву, изучал ее, пропагандировал историю, культуру, быт города, в котором родился и жил.

В конце декабря 1989 г., в день 80-летия «Старой Москвы» в стенах Государственной публичной Исторической библиотеки двенадцать энтузиастов решили воссоздать Комиссию «Старая Москва». Среди этих людей, конечно же, был и Андрей Чеславович.

На заседаниях Комиссии Андрей Чеславович сделал интереснейшие по тематике и содержанию сообщения: «Старомосковский говор и его судьба», «Патриарх Тихон в Донском монастыре (к 400-летию Донского монастыря)», «Праздник Пасхи в Москве», «Музыкальная жизнь Москвы в 20 — 30-е годы». Ведь он был не только краеведом и «москвоведом» (к слову, Андрей Чеславович — профессор МГУ — постоянно подчеркивал, что в этой области он не специалист, что оценка тех или иных памятников — только его личное мнение, а как краеведа и знатока Москвы высоко ценил своего однокашника по ИФЛИ Ю.А. Федосюка), он жил в той самой Москве двадцатых-тридцатых годов, о которой рассказывал. Он сам праздновал праздник Пасхи в храме Ильи Обиденного, прихожанином которого был с детства и оставался до конца своей жизни. Именно отсюда, наверное, его прекрасное знание расположения и истории московских храмов, священнослужителей (а со многими из них он был знаком лично), и, конечно же, уставной службы. К ней Андрей Чеславович относился очень ревностно, считая кощунственными любые «модные», по его выражению, нововведения.

Все свои лекции, какие только было возможно, А.Ч. Козаржевский сопровождал музыкой. А про себя в одном из выступлений сказал, что и как преподаватель он состоялся именно благодаря музыке. И какой музыке! Андрей Чеславович рассказывал, что, учась в ИФЛИ, он умудрялся бывать на тридцати концертах и на тридцати оперных спектаклях в год. Он слушал Марию Юдину, Мирона Полякина, Владимира Софроницкого, поклонялся Евгению Мравинскому, считая его величайшим дирижером современности, и с детской радостью сообщал, что однажды ему довелось сидеть на концерте рядом с Сергеем Сергеевичем Прокофьевым и наблюдать, как тот слушает произведения Шостаковича.

Обо всем этом Андрей Чеславович говорил не только в специальных лекциях, но и просто проводя занятия со студентами. Иногда могло показаться, что он отвлекается, уходит в сторону от «учебного процесса». В действительности же это были самые нужные, самые «учебные» минуты его лекций и семинаров, потому что Учитель не рассуждал о духовности и возрождении культуры, а щедро делился тем, что знал и пережил лично, принадлежа к той самой старой русской интеллигенции, о которой так много говорят сейчас.

Андрей Чеславович считал себя «не пишущим, но говорящим человеком» (тем не менее, А.Ч. Козаржевский написал немало; перечень его трудов помещен в «Вестнике Московского университета», серия «Исто-

рия». 1996, № 2. С. 68 — 71.) и очень жалел, что почти нет стенограмм и магнитофонных записей его лекций, хотя, к счастью, многие из них, в том числе и выступления на Комиссии «Старая Москва», превратились в статьи, стали нашим общим достоянием.

Т.С. Нагайцева

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ — Е.Б. ВЕСЕЛАГО

Елена Борисовна Веселаго (27.12.1895 г. — 9.06.1987 г.) была доцентом кафедры древних языков исторического факультета МГУ, одним из её ведущих преподавателей с 1949 по начало 1963 года.

Елена Борисовна Веселаго была одним из моих самых любимых преподавателей, человеком в высшей степени интеллигентным и высокообразованным, блестящим педагогом, воспитавшим большое количество успешно работающих в разных областях истории учеников, благородным и бескомпромиссно честным человеком, высокотребовательным прежде всего к себе. Для всех, знавших её, она была и на всю жизнь осталась высочайшим, недостижимым образцом человека и педагога, чья жизнь и работа является интересным и поучительным примером.

Е.Б. Веселаго, будучи нашим преподавателем, практически ничего о себе не рассказывала, а когда говорила о своих учителях, то по косвенным данным мы могли узнать кое-что и о ней. Уже будучи на пенсии, она поведала нам, проводивавшим её ученицам, некоторые сведения о своей жизни. Многое мне рассказал её сын после кончины Елены Борисовны, и я очень благодарна ему за это.

Долгая жизнь Е.Б. Веселаго стоит того, чтобы о ней рассказать, насколько я могу, подробно.

Елена Борисовна Веселаго родилась 27 декабря 1895 года в Петербурге в дворянской семье. Её отец, Коялович Борис Михайлович (1867 — 1941), был профессором математики и метрологии Санкт-Петербургской военно-инженерной академии, работал также в Главной палате мер и весов, преподавал на Высших женских курсах, а в конце тридцатых годов XX в. в Педагогическом институте им. А.И. Герцена в Ленинграде. Он автор более 40 научных трудов, известный математик своего времени и известный шахматист (известно, что он играл даже с Алёхиным и Ласкером и однажды выиграл у Алёхина; см.: Историко-математические исследования. Вып. XVIII. М.: Наука, 1973. С. 310). Происходил из старинного дворянского рода литовского происхождения (см. Брокгауз).

Дед, Коялович Михаил Осипович (1828 — 1891), будучи сыном священника, стал профессором Санкт-Петербургской духовной академии, где заведовал кафедрой сравнительного богословия и русского раскола, затем — кафедрой русской гражданской истории. Автор многих трудов по истории юго-западных областей Руси. Его перу принадлежит огром-

ный труд «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884. 603 с.) и ряд сборников документов. Елена Борисовна рассказывала, что её дед давал уроки русской истории детям великого князя Константина Романова (поэта) и показывала нам, в составе большого семейного архива, письмо великого князя, на романовской гербовой бумаге, М.О. Кояловичу относительно этих уроков. Ещё Елена Борисовна говорила, что Михаил Осипович бывал в Петербурге ходатаем по делам Юго-Западного края и показывала нам письма к нему на разных языках.

Дядя Елены Борисовны, Коялович Михаил Михайлович, был известным в своё время писателем, автором повестей и рассказов.

Другом отца был выдающийся русский востоковед Б.А. Тураев, часто посещавший семью Кояловичей, жившую в большой петербургской квартире в начале Владимирского проспекта. Елена Борисовна рассказывала, что три её сестры и она очень любили Бориса Александровича и, радуясь его приходу, выбегали в прихожую с восторженными возгласами: «Бог Тот пришёл, бог Тот пришёл». А гость гонял их по античной мифологии, по тонкостям её, и «мы, четыре девицы», как говорила Елена Борисовна, старались читать и перечитывать Гомера, Овидия, Вергилия, Аполлония и других авторов, чтобы не оплошать перед Борисом Александровичем, не запутаться...

Так что интерес к истории и историческим сочинениям был у Елены Борисовны, что называется, в крови.

Елена Борисовна рассказывала, что родители уделяли большое внимание воспитанию и образованию детей. Особенное значение придавалось изучению иностранных языков. Елена Борисовна подчёркивала, что в родительском доме и его окружении не придавалось значения знатности происхождения, богатству, положению или близости ко двору, так как главным считалось воспитание, образованность и, конечно, нравственные качества. С целью знакомства с памятниками истории и культуры, а также для совершенствования в активном знании языков летом родители с дочерьми ездили в Западную Европу. Жили в недорогих гостиницах и пансионатах, посещали музеи. И в 1914 году Первая мировая война застала семью на курортном побережье Германии, в которой, по воспоминаниям Елены Борисовны, царил необыкновенный милитаристский и шовинистический дух. Она подробно рассказывала нам в последние годы своей жизни, как несколько русских семей с большим трудом, наняв полузатопленное судно, ночью, без огней, перебрались в Скандинавию и через Финляндию возвратились в Россию.

По окончании гимназии Елена Борисовна, после долгого обсуждения в семье вопроса о дальнейшем образовании дочерей, поступила на Бестужевские Курсы и, пройдя их полный курс, не стала сдавать выпускные экзамены и получать диплом, считая это неважным.

В начале 1918 года Елена Борисовна вышла замуж за Георгия Сергеевича Веселаго, инженера-энергетика, происходившего из старинного и очень разветвлённого, известного со времён Ивана Грозного, дворянского рода, многие десятки представителей которого из поколения в поколение служили в морском флоте и морском министерстве. В конце 1918 года у Е.Б. Веселаго родился сын. Вскоре с мужем и маленьким ребёнком она уехала на Волховстрой, куда был назначен на работу её муж. Там, по рассказам младшего сына Елены Борисовны, она, чтобы полноценно питать мужа и сына, завела огород и корову, которую сама доила. Елена Борисовна, оказывается, умела, когда нужно, делать всё. Хотя мне очень трудно представить её на дойке коровы, но я уверена, что и это она делала хорошо. Более того, она даже сама построила сарай; он получился, как она рассказывала, несколько кривым, но держался крепко (опорные столбы забили в землю мужики, а всю остальную работу предоставили представительнице слабого пола).

В дальнейшем, когда мужа Елены Борисовны направляют на строительство Днепрогэса, где он был одним из ведущих инженеров, а впоследствии получил за это орден Ленина, она с сыном едет туда же. Здесь у неё родился второй сын. Она с детьми живёт в деревне, которая теперь затоплена водохранилищем, заводит огород и, на этот раз, козу.

В 1937 году, когда муж Елены Борисовны погиб в железнодорожной катастрофе, она решила, имея образование, но не имея диплома, поступить в ИФЛИ, а после его ликвидации экстерном сдавала экзамены в МГУ по кафедре классической филологии филологического факультета, также посещая некоторые курсы исторического факультета.

С 1946 года Е.Б. Веселаго работала на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ, а с осени 1949 года перешла на кафедру древних языков исторического факультета, организованную стараниями Виктора Сергеевича Соколова. Елена Борисовна считала очень важным образование такой источниковедческой кафедры для подготовки научных и педагогических кадров историков, видела большую перспективу кафедры именно древних языков широкого профиля, чрезвычайно ценила сделанное В.С. Соколовым в этом направлении и целиком ушла в работу. На этой кафедре Е.Б. Веселаго проработала до начала 1963 года, когда ушла на пенсию после двухмесячной болезни (нам, своим ученикам, она сказала о причине ухода, что студенты должны регулярно видеть преподавателя, а не его бюллетень), неожиданно для коллег.

Е.Б. Веселаго очень любила педагогическую работу, в которой добилась больших успехов. Она вела все виды занятий латинским и древнегреческим языками с первого курса и до последнего года аспирантуры, занималась с сотрудниками и преподавателями, читавшими разнообразные, порой очень сложные тексты на обоих древних языках в самом широком диапазоне от античности и поздних комментариев к антич-

ным авторам до поздней Византии, истории славянских стран, западного и восточного средневековья и т. д.

Е.Б. Веселаго занималась со студентами из национальных республик в отдельных группах (она очень ценила тех, кто с детства знает два и более языков), организовала отдельные занятия для слепых студентов, дополнительно занималась с отстающими и особенно хорошо успевающими студентами, считая, что любого и каждого можно научить, стимулировать заниматься и даже заставить, если не подходить к делу формально, без души и энергии, а главное — «знать дело» самому преподавателю. Она часто повторяла, что роль преподавателя исключительно важна, что он должен помогать развиваться способностям студентов, выявлять скрытые способности, ни в коем случае не ломать индивидуальность студентов, а способствовать раскрытию её, а некоторых, наиболее способных и самостоятельно работающих учеников, только контролировать, консультировать и по мере надобности направлять и помогать им.

Е.Б. Веселаго прочла со своими студентами и аспирантами много ценных и трудных исторических источников, разработав специальные курсы и спецсеминары по ним. Например, она читала со своими учениками письма Феофилакта, Записку греческого топарха, Хронику Льва Диякона, грамоты сербских королей, комментарии позднего времени к Аристотелю, хроники Дуки и Сфрандзи, источники на греческом языке по истории России феодального периода и т. д. и т. п.

Е.Б. Веселаго в 1955 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Византийский историк XV века Лаоник Халкокондил как источник по истории средневековой Албании». Переведя этот огромный по размерам и сложный труд в несколько сот страниц, она посвятила много лет работы ему и впоследствии передала рукопись этого перевода византинистам в Академию наук, чтобы желающие могли пользоваться переводом этого источника.

В 1958 году Е.Б. Веселаго было присвоено учёное звание доцента. Перу её принадлежит 12 научных трудов. Е.Б. Веселаго принимала участие в коллективных трудах кафедры древних языков, много занималась переводами, придавая большое значение вводу в учебный и научный оборот переводов исторических источников.

Е.Б. Веселаго очень любила студентов. Она, при внешней сдержанности, активно вникала в их научную работу, поддерживала всякий искренний интерес к делу, любую серьёзную работу с историческими источниками. Так, она одобрила интерес Б.Л. Фонкича к изучению греческих рукописей и сделала для этого всё, зависящее от неё. Елена Борисовна помнила абсолютно всех своих учеников. С особым удовольствием вспоминала успешно занимавшихся и специализировавшихся на кафедрах, где изучались древние языки. С уважением вспоминала послевоенных студентов, вернувшихся с фронта и жадно стремив-

шихся к знаниям. Помнила и интересовалась дальнейшей судьбой тех, с кем занималась всего один-два раза, заменяя коллег, но заметила способность и вкус к древним языкам.

Е.Б. Веселаго много готовилась к занятиям. Лето и «просветы» в учебной работе использовала для проработки многочисленных и сложнейших источников, которые ей придётся читать в учебном году. У неё всё было заранее переведено, продумано, прокомментировано. И во время занятий... хранилось в портфеле. Она говорила, что в течение учебного года из-за большого количества сложных занятий ей некогда к ним готовиться «как полагается». В последние годы, к тому же, Елена Борисовна вела только специальные занятия, первого курса у неё не было, и каждое занятие было далеко не простым. Работа была главным делом её жизни. В выходные дни Елена Борисовна тоже работала и мы, любопытные ученицы, однажды спросили у неё, бывает ли у неё свободное время. И Елена Борисовна ответила: «Да-а! В воскресенье после 5 часов вечера я свободна». Вообще, это «да-а!» или «о-о!» могло иметь множество оттенков и выражать всё многообразие различных чувств без комментариев.

Е.Б. Веселаго радовалась успехам своих учеников, защитами ими кандидатских и докторских диссертаций, их активным занятиям наукой, преподавательской работой, что растут поколения знающих людей с широким кругозором.

Е.Б. Веселаго вспоминала с удовольствием библиотеки Москвы и Ленинграда: Горьковскую, Ленинскую, Публичную, БАН. С тёплым чувством говорила, что сотрудники этих библиотек всегда всё ей предоставляли, что она никогда не знала отказа. «Я любила самые дальние и тёмные углы в читальном зале, — говорила Елена Борисовна, — там хорошо работалось».

Е.Б. Веселаго свободно знала основные западные языки. Во время занятий иногда любила читать комментарии к трудным местам текстов из разных изданий и переводы на разные языки. Выразительно улыбалась, если переводы были не точные, а иногда говорила: «Фантазия!».

Елена Борисовна очень уважала и ценила своих коллег. Снисходительно относилась к небольшим человеческим слабостям, как выяснилось в последние годы её жизни. Более всего требовала от самой себя. Философски воспринимала неприятности на работе, если кто-либо ей жаловался на это. И в таком случае говорила: «На работе редко бывает хорошо, надо просто работать». Аскетическая в быту, Е.Б. Веселаго всё подчинила работе, которая была смыслом её жизни.

В молодости Е.Б. Веселаго серьёзно занималась теннисом. Ещё в 1935 — 37 годах посещала теннисную секцию Дома инженеров и техников. Говорила, что играла с чемпионкой Тепляковой («Играть с чемпионкой — совсем другое дело!»). Всю жизнь выписывала «Советский спорт», любила смотреть по телевизору хоккей, переживала междуна-

родные встречи наших команд и говорила: «Когда наши проигрывают, у меня повышается давление».

Будучи на пенсии, Елена Борисовна, по возможности, следила за литературой по античности и византиноведению. С удовольствием прочла, попросив принести ей эту книгу, работу С.С. Аверинцева по византийской эстетике и высоко её оценила. Была очень рада, что византилисты, среди которых много её учеников, подарили ей I том «Культуры Византии».

Коллеги Елены Борисовны Веселаго и её многочисленные ученики помнят, что Елена Борисовна на занятия всегда приходила заранее. неизменно строго одетая, в тёмном костюме с белой блузкой, гладко причёсанная и собранная, она размеренным шагом прогуливалась по коридору, потирая руки, в ожидании звонка, и весь её облик благородной красивой дамы, старой интеллигентки настраивал нас соответствующим образом. Она говорила нам в последние годы, что если явиться в последний момент, «занятие не то, если не пропало». Всё у Елены Борисовны было чётко продумано, логически выстроено, сложные конструкции она объясняла понятно, приводя во многих случаях соответствующие параграфы и примеры из С.И. Соболевского. И всё это было у неё заранее выписано на отдельные листы и раздавалось нам. В то же время Е.Б. Веселаго учила нас не упрощать авторского текста, при этом она многократно вспоминала слова своего учителя С.И. Соболевского: «Трудное чтение есть верное чтение». Я бы сказала, что в подходе к переводу у неё был в отношении синтаксиса философский подход в понимании А.Ф. Лосева, труды которого она чрезвычайно ценила.

Е.Б. Веселаго большое значение при работе с историческими источниками придавала умению работать со словарями и призывала делать это как можно тщательнее, учитывая все возможные оттенки значений.

Е.Б. Веселаго и в 90 лет была очень живым, всем интересующимся человеком. Общение с ней доставляло большое удовольствие, она так всем интересовалась, так быстро и тонко на всё реагировала, что просто не верилось, что Елене Борисовне уже 90 лет, более 90...

Е.Б. Веселаго воспитала двух сыновей. Старший, Андрей Георгиевич Веселаго, участник Великой Отечественной Войны, от тяжёлых ран умер в госпитале. Елена Борисовна никогда об этом не говорила. Радовалась, что внука назвали его именем. Младший сын, Виктор Георгиевич Веселаго, физик, доктор наук, работает в ФИАНе, профессор МФТИ, лауреат Государственной премии.

Елена Борисовна Веселаго скончалась 9 июня 1987 года на девяносто втором году жизни и похоронена на Донском кладбище рядом с мужем.

Нам, ученикам Елены Борисовны Веселаго, очень повезло в жизни, что у нас был такой замечательный учитель в годы учёбы в МГУ, и ещё более повезло тем, кто имел счастье общаться с ней и в последующие

годы. Для нас Елена Борисовна была и на всю жизнь останется самым высоким образцом человека и педагога, представителем старой русской интеллигенции, посвятившей всю свою жизнь работе и служению самым высоким человеческим идеалам.

Е.В. Приходько

РАЩЕЛИНА В ДЕЛЬФАХ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Не так давно на занятии древнегреческим языком мы читали со студентами III курса текст о Дельфийском оракуле. Комментируя сделанный перевод, я заметила, что в Дельфах под треножником Пифии никогда не было расщелины с поднимающимися оттуда зловонными испарениями. Студенты не поверили, стали вспоминать книги, где им приходилось читать о способе прорицаний Дельфийского оракула, и даже ссылались на лекционные курсы весьма почтенных преподавателей, рассказывавших о знаменитом феномене Дельф.

Действительно, наше современное представление об устройстве и методе дельфийского прорицалища отличается сплавом самых неожиданных и, я бы сказала, взаимоисключающих черт. С одной стороны, оно неимоверно живуче, безоговорочно претендует на истинное отражение реальности и к тому же чарует красотой и таинственностью создаваемой картины: в адитоне, святая святых дельфийского храма, над извергающей опьяняющие пары расщелиной стоял треножник; восседающая на нем жрица Пифия вдыхала испарения и, придя в состояние неистового транса, начинала издавать странные, нечленораздельные звуки; стоявшие рядом жрецы переводили ее возгласы на язык человеческих понятий и возвещали полученные откровения Аполлона тем, кто пришел в святилище за божественным советом. Но с другой стороны, это представление всецело является сказкой, выдумкой: каждая из его частей выросла под влиянием вполне определенных тенденций, имевших место в жизни античного общества, но их соединение в то, что мы могли бы назвать «мифом о Дельфийском оракуле», произошло лишь на закате античности, уже после гибели самого оракула. И вопрос о зловонной расщелине, и вопрос о неистовом безумии пророчествующей жрицы, и вопрос о роли жрецов-профетов в процедуре возвещения оракулов предстают при последовательном изучении совершенно в ином виде — легенда отступает перед правдой жизни. Однако каждый из этих тезисов нуждается в серьезном доказательстве, и поэтому в рамках данной статьи давайте рассмотрим лишь одну проблему: есть ли у нас основания верить в существование дельфийской расщелины?

Извергающая дурманящие испарения расщелина поистине является основой «дельфийского мифа»: именно воздействием этих испарений традиционно объяснялось пророческое безумие Пифии и обусловленная им необходимость в искусных толкователях бессвязных выкри-

ков неистовствующей жрицы. Однако сокрушительный удар вере многих столетий нанесли, сами того не желая, археологи Французской археологической школы Афин, начавшие в 1892 г. раскопки дельфийского святилища и не обнаружившие никаких следов существования расщелины. Впоследствии П. Пердризет, один из участников раскопок, писал: «Из всех памятников пифийского святилища больше всего ожиданий связывалось, что легко понять, с храмом Аполлона. Как был размещен адитон? Что нам следует думать о пророческой расщелине, чьи испарения опьяняли Пифию? Установлено, что расщелина существовала лишь в воображении верующих и поэтов. В скале под адитоном не было дышащей трещины, и никакие испарения вообще не поднимались в том месте из глубин земли. Нижние помещения храма не скрывали ничего таинственного; подземные комнаты, над которыми был возведен храм, были оставлены во время закладки фундамента исключительно ради экономии материала»¹. Еще полным ходом продолжались раскопки Дельф, когда против возможности существования дельфийской расщелины стали выступать геологи и филологи. В 1901 г. географ А. Филиппсон при описании местоположения Дельф и геологического строения Парнаса подчеркнул, что «трещины, над которой проричала Пифия, больше не существует, так же как и каких бы то ни было испарений»². А в 1903 г. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф уверенно заявил, что существование под храмом Аполлона в Дельфах зловонной трещины является исключительно «рационалистическим вымыслом», а настоящей расщелиной всегда было Касталийское ущелье³. Правда, Виламовиц-Мёллендорф ограничился лишь этим заявлением, но уже через год вышла в свет статья А. Оппе «Расщелина в Дельфах», где рассмотрение данных археологии и геологии было соединено с изучением свидетельств античных авторов и лексико-семантическим анализом⁴. По мнению Оппе, самый серьезный аргумент против возможности существования дельфийской расщелины был получен при изучении геологии Парнаса. Оно показало, что в Дельфах никогда не было вулканической деятельности, которая могла бы стать причиной образования извергающей газы расщелины. Весь район Дельф образован из твердой известняковой породы, обычно изобилующей пещерами и трещинами; но сам город лежит на террасе из аспидного сланца, который не пропускает воду и, следовательно, лишен промытых водой отверстий, открывающих доступ в более глубокие пещеры.

Таким образом, уже почти столетие назад проблема расщелины Дельф получила отрицательное решение. То, что под храмом Аполлона никогда не было дышащей зловонными парами трещины, признавали доказанным фактом такие известные ученые как М. Нильссон, П. Амандри, Э. Доддс, Г. Парк, Дж. Фонтенроуз и др.⁵. Но сколь бы весомыми ни были их доводы, вопрос о существовании — пусть не сейчас, а в древности — расщелины с испарениями до сих пор остается откры-

тым. Сторонники традиционного представления подчеркивают, что геология так и не вынесла окончательного решения этого вопроса, и выдвигают новый тезис, доказать или опровергнуть который в данный момент, как они считают, практически невозможно из-за технической невыполнимости необходимого исследования: расщелина была, но она исчезла во время землетрясения⁶. Сложность заключается в том, что выявление закрывшихся трещин осуществляется путем прокладывания геологических канав до материнских пород, для чего необходимо бурение нескольких скважин глубиной 2 — 3 км. Но метод глубокого бурения в археологии не применяется: связано это как с весьма высокой стоимостью этого мероприятия, так и с тем, что во время бурения уничтожается культурный слой.

Однако геологическое изучение горного массива Парнаса нельзя признать единственно возможным способом решить интересующую нас проблему. Есть и другой путь, причем не требующий столь огромных материальных затрат. Все исследователи отмечают, что начиная с I в. до н. э. некоторые античные авторы сообщают о дышащей парами расщелине, и собственно именно эти упоминания и рассматриваются как основные свидетельства в пользу существования такой расщелины. Однако возникает вопрос: имеем ли мы право столь безоговорочно доверять подобным сообщениям? а также: правильно ли мы понимаем суть сообщаемого? Иными словами, нам следует разобраться в том, действительно ли авторы поздней античности знали и писали о дельфийской расщелине, или представление о ее существовании обязано своим возникновением нашему неправильному прочтению передаваемой информации. Правомерность такой постановки вопроса подтверждается и тем, что подобное явление — то есть изначальное ошибочное понимание античного текста — мы уже наблюдали при изучении самого понятия «оракул». Привычный перевод древнегреческих слов *μαυτεῖον* и *χορητήριον* как «оракул», «прорицалище» практически приучил нас к мысли о том, что оракул — это святилище, где давались прорицания. Но анализ функционирования этих слов в ткани живой эллинской речи раскрыл перед нами собственно античное представление об оракуле⁷. Оракулом древние эллины называли вещий дух места. Для них этот вещий дух, порожденный Землей и освящавший своим присутствием место своего обитания, а также возведенный на этом месте храм, — эта сила геоактивной точки земли, благодаря которой устанавливалась связь между человеком и богом — был чем-то безлично-живым и почитался если не персонифицированным божеством, то, по крайней мере, своего рода анимистическим существом, активно участвовавшим в процессе возвещения откровений. Греки верили, что это существо, не доступное в трехмерном мире для человеческих глаз, в другом, высшем мире имеет зримое воплощение. Феспий у Плутарха, три дня пролежавший без чувств, после того как упал с высоты и стукнулся

затылком, рассказывает, что в том мире, по которому его водил даймон, есть веший дух (μαντήιον) Аполлона, но увидеть его Феспий не смог из-за скрывающейся и не пускающей так высоко земной части души (Mog. 566 c — d (Ser. Num. 29)).

Авторы архаики и классики не предоставляют нам никаких данных в пользу теории расщелины и испарений. Впервые рассказ о пифийской трещине появляется в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, автора I в. до н. э., и, значит, это свидетельство почти на тысячелетие младше самого прорицалища. Диодор излагает одну из версий возникновения святилища — легенду о козах — первооткрывательницах оракула: «Ведь говорят, что в древности козы нашли вешее дыхание (μαντήιον), благодаря чему в Дельфах и до сих пор вопрошение оракула начинается именно с коз. Произошло же это, как рассказывают, следующим образом. В том месте, где сейчас расположен так называемый адитон храма, есть расщелина (ὄντος χάσματος), и раньше вокруг нее паслись козы, — ведь дельфийцы здесь тогда еще не жили. И каждый раз, стоило лишь какой-нибудь козе подбежать к отверстию и заглянуть в него, как она начинала очень странно прыгать и издавать звуки, каких прежде никогда не издавала. Следивший за стадом пастух был удивлен необычным явлением и, подойдя к расщелине и посмотрев вниз, испытал то же самое, что и козы: они вели себя, словно одержимые, а он стал предсказывать будущее. После этого среди местных жителей распространилась молва о том, что претерпевают подходящие к расщелине, и к этому месту устремилось много людей, и все, кто приближался к расщелине, испытывая на себе ее необычное воздействие, становились вдохновенными. По этой причине вешее дыхание (τὸ μαντήιον) вызывало всеобщее удивление, и утвердилось мнение, что там находится оракул Земли (τῆς Γῆς εἶναί χρηστήριον). В течение некоторого времени все желавшие получить откровение, подходя к расщелине, сами возвещали пророчества друг другу, но затем из-за того, что многие в состоянии воодушевления прыгали в расщелину и все погибали, местные жители, дабы никто больше не пострадал, решили назначить женщину-прорицательницу, которая бы одна всем возвещала оракулы. Для нее было изготовлено приспособление, восходя на которое она, не подвергаясь опасности, воодушевлялась и возвещала откровения всем желающим. У этого приспособления имелось три ноги, почему оно и было названо треножником, и его форму почти в точности копируют медные треножники, изготавливаемые даже в наше время. Так вот о том, каким образом было найдено вешее дыхание (μαντήιον), и почему был сооружен треножник, мне кажется, я достаточно рассказал» (XVI 26, 1 — 5). В повествовании Диодора речь, несомненно, идет о реальной природной трещине, реальной, по крайней мере, для самого автора, детально описывающего, как коза подбегает к отверстию и заглядывает в него (προσιούσαν τῷ χάσματι καὶ προσβλέψασαν αὐτῷ), как, в свою очередь,

пастух подходит к расщелине и смотрит вниз (προσελθόντα τῷ χάσματι καὶ κατιδόντα), а потом многие из тех, кто приходил к расщелине (προσιόντας τῷ χάσματι) за откровениями, в воодушевлении начинают прыгать в отверстие (καβαλλομένων εἰς τὸ χάσμα) и погибают.

В несколько измененном варианте историю Диодора пересказывает автор схолии к «Оресту» (165) Еврипида: «В древности некий пастух пас на горе скот, а посреди той горы была щель, которую первой обнаружила одна из коз. Заметив, что коза издает несвойственные ее природе звуки, пастух, нагнувшись, посмотрел туда и сам начал произносить хитросплетенные стихи и другие необыкновенные изречения. Видя, как он плетет кружево стихов, люди стали спрашивать его, каким образом он это делает. А пастух сказал, что научился этому на горе, где пас скот, от какой-то расщелины. Услышав это, местные жители воздвигли там храм Аполлону, внутри которого и треножник медный поставили для вопрошения его откровений, а на треножник усадили девушку, чтобы она обращалась к богу и получала от него прорицания. Локсием же зовут Аполлона из-за того, что он посылает разукрашенные пророчества». Однако схолиаст уже не так уверенно, как Диодор, употребляет слово «расщелина»: у него нет конкретных описаний того, что коза, а за ней пастух подошли и заглянули в щель; его выражения подобраны весьма осторожно: «посреди той горы была щель (ἤν χάσος), которую первой открыла одна из коз», — как она это сделала, схолиаст не объясняет; «пастух, нагнувшись, посмотрел туда (παρὰ κύψας... ἐξεῖσε)», — но глагол παρὰ κύπτω («нагибаться возле чего-то») в отличие от диодоровских προσβλέπω и особенно καθόραω не имеет значения «смотреть вниз», «заглядывать», и в качестве указания на расщелину при нем всего лишь стоит наречие ἐξεῖσε (туда); пастух сказал: «Я научился от какой-то расщелины (μεμάθηκα ἀπὸ χάους τινός)», — подобное выражение вообще представляет расщелину чем-то одушевленным; «местные жители воздвигли храм Аполлона, внутри которого и треножник медный поставили», — Диодор бы, наверное, уточнил: поставили над расщелиной, — но схолиаст, переходя к рассказу о храме Аполлона, начисто забывает о расщелине.

Подобные несовпадения в пересказе одной и той же версии легенды уже сами по себе кажутся странными, и еще больше неожиданных разногласий таят в себе варианты этой же версии, изложенные Павсанием и Плутархом, авторами, знавшими Пифо по личному опыту. «Я слышал, — пишет Павсаний, — также и рассказ о том, как мужи, пасущие скот, случайно обнаружили вешее дыхание, и боговдохновенными стали от дуновения (ὕπὸ τοῦ ἀτμοῦ), и возвещали откровения Аполлона» (X 5, 7). А Плутарх, служивший жрецом в дельфийском святилище, знаком с мельчайшими подробностями этой истории и упоминает даже имя прославившегося пастуха: «Ибо рассказывают, что здесь впервые стала явной сила этого места, когда с ней совершенно случайно встре-

тился какой-то пастух и затем начал возносить восторженные речи, которые сначала вызывали презрение у тех, кто их слышал, но потом, когда предсказания этого человека исполнились, стали предметом удивления. А наиболее сведущие из дельфийцев помнят даже имя этого человека и называют его Коретом» (Мор. 433 с (Def. Or. 42)). И еще: «Ведь тот Корет, который, по словам дельфийцев, первым случайно встретившись с силой этого места, испытал ее действие, ничем, как я думаю, не отличался от остальных пастухов, пасущих коз и другой скот» (Мор. 435 d (Def. Or. 46)). И Павсаний, и Плутарх молчат о расщелине. У одного пастуха «случайно обнаружили вешее дыхание» (ἐπιτύχοιεν τῷ μαντεῖω), у другого пастух «случайно наткнулся» (ἐμλεσόντος κατὰ τύχην) на «силу этого места» (τῆν περὶ τὸν τόλον δύναμιν): перед нами два синонимичных выражения, где употребленному Павсанием глаголу ἐπιτυγχάνω у Плутарха соответствует ἐμλεῖτω, а оракул — «вещий дух места» — первого вполне логично назван у второго «силой этого места».

Еще одно изложение этой легенды находим у Фемистия, автора IV в. н. э.: «Сначала амфиктионы стали основателями и открывателями Дельф, когда некий пастух на Парнасе испытал воодушевляющее воздействие вешего дыхания из Касталии...» (IV 53 а). Несмотря на то, что ко времени его жизни античность уже несколько столетий обсуждала пифийскую расщелину, Фемистий оставляет без внимания этот эффектный, казалось бы, материал и ограничивается упоминанием «вешего дыхания» (τῷ μαντικῷ πνεύματι).

Было в древней Пифо что-то таинственное и могущественное, требующее определения и разума. Был там оракул. Эту незримую, безлично-живую силу, соединявшую жрицу и бога, древние эллины представляли анимистическим существом, видимо, того же мира, что и гомеровские δαίμων и κῆρ — динамические проводники судьбы, не боги и не люди, а связывающие их живые силы⁸. И подобно тому, как существование этих даймонов и кер по мере развития общества и отмирания древнейших представлений потребовало объяснения с неизбежно сопутствующим ему переосмыслением: о даймонах рассуждали Сократ и философы, а керы «доросли» уже у Гесиода до богинь греческого пантеона (Ночь «и Мойр, и Кер родила жестоко карающих» (Theog. 217)), — так и оракул постепенно стал чем-то туманно-непонятным даже для тех, кто чуть ли не ежедневно произносил это слово. И тогда его стали объяснять, расшифровывать, передавать его сущность другими словами. Философски настроенные авторы могли, как Плутарх, говорить о силе места. Но в живом народном восприятии одержало верх буквальное понимание, своего рода перевод: оракул — μαντικὸν πνεῦμα (вешее дыхание). Μαντεῖον и πνεῦμα оказались взаимозаменяемыми понятиями, почему в рассказе Диодора традиционная расщелина как бы лишена своих испарений: зачем вновь говорить о «дыхании», если уже несколько раз сказано об «оракуле» (то есть о том же самом, лишь другим

словом выраженном «вещем дыхании»). И, наоборот, у Фемистия пастух испытывает воодушевляющее воздействие «вещего дыхания», и уже нет необходимости вспоминать об оракуле. Павсаний использует вместо *πνεῦμα* более редкое в подобном контексте слово *ἀτμός* — «дуновение», но и оно в его повествовании не указывает на какие бы то ни было зримые испарения, а просто заменяет уже присутствующее в этом отрывке слово «оракул».

В научной литературе нередко отмечалась присущая древним манера легко переходить от материальных вещей в сферы духовные и наоборот⁹; и если бы оракулу суждено было воплотиться в материальном мире, он, несомненно, принял бы облик поднимающегося из земли дыхания, тех традиционных испарений, которые и заменили вещей дух Пифо в трудах наиболее рационалистично настроенных авторов. «Равным образом и разные испарения (*τῶν πνευμάτων πολλὰ*) испускают во многих местах устья земли (*γῆς στόμα*), — замечает автор приписываемого Аристотелю трактата «О мире». — Одни из них заставляют воодушевляться тех, кто к ним приближается, другие — чахнуть, третьи — пророчествовать, как, например, это происходит в Дельфах и Лебадии, а некоторые даже убивают, как те, что во Фригии» (395 b (IV)). Аналогичное высказывание находим и у Плиния Старшего. Рассуждая о губительной силе поднимающихся в отдельных местах испарений, он упоминает и Дельфы: «...езде, где пророческие пещеры (*fatidici specus*), чье опьяняющее дыхание (*exhalatione temulenti*) заставляет петь о будущем, как в знаменитейшем оракуле Дельф» (NH II 95, 208). Но и в этих научно-материалистических описаниях явно прослеживается древнейшее представление об оракуле как о вещем духе места: в них испарения не связаны исключительно с Дельфами, а мыслятся характерной чертой всех пророческих мест, в то время как традиция превратила их в особую индивидуальную черту пифийского прорицалища.

Понимая или просто интуитивно чувствуя двойственный характер понятия *πνεῦμα*: и физические испарения, и незримое дыхание высшего мира, — некоторые авторы особо оговаривают его божественный характер. Максим Тирский пишет, что в Пифо «прорицательница, восседающая на треножнике, пророчествует, наполняясь божественным дыханием (*δακνονίου πνεύματος*)» (VIII 1 Trapp). Валерий Максим сообщает, что Аппий Клавдий «заставил жрицу дельфийского треножника войти в самую дальнюю часть священной пещеры (*sacri specus*), откуда вопрошающим достаются истинные изречения, а возвещающим являет себя слишком губительный глоток божественного дыхания (*divini spiritus haustus... pestifer*)» (I 8, 10). О духовной чистоте вещего дыхания Пифо (вернее, об ее отсутствии) рассуждает Ориген: «Но пусть считается признанным, что не вымыслом и не притворством людей в отношении одержимости является все, что касается Пифии и других оракулов. Итак, давайте посмотрим, не придем ли мы, исследуя проблему с прав-

долюбием к тому же заключению, что и тот, кто не допускает никаких сомнений в том, что при этих оракулах находятся не какие-то там боги, а, наоборот, некие злые демоны и духи враждебные роду человеческому и препятствующие восхождению души по пути добродетели и возвращению к истинному почитанию Бога. Так вот о Пифии известно, — а именно этот оракул превзошел своей славой все остальные, — что сидящая над устьем Касталии (τὸ τῆς Κασταλίας στόμιον) пророчица Аполлона принимает дыхание (πνεῦμα) через женское лоно и, наполнившись им, произносит слова, считающиеся священными и божественными пророчествами. Смотри же, не проявляется ли порочность и нечистота того духа (τοῦ πνεύματος) в том, что он входит в душу пророчествующей не тонкими и незримыми путями, несравнимо более чистыми, чем женское лоно, но через то, на что разумному человеку непозволительно было бы даже смотреть, я уж не говорю, касаться, и делает это не один и не два раза, — хотя и это в равной степени недопустимо, — но столько раз, сколько она, как верят, пророчествует от Аполлона» (Cels. VII 3, ср. III 25). Как видим, Ориген ничего не говорит о материальном характере дыхания Дельфы, но признает его подвластным нечистым духам, проникающим в душу пророчицы теми путями, какими никогда не входят откровения истинного Бога. И действительно, если бы Отцы Церкви¹⁰ считали состояние пророчествующей Пифии исключительно результатом опьяняющего воздействия земных испарений, то на каком основании они стали бы возводить всю свою систему опровержения и изобличения эллинской мантики? Они же, напротив, утверждают, что за воодушевляющим Пифию дыханием стояли враждебные людям злые духи, стремившиеся оторвать человеческую душу от Бога и погубить ее.

Представление об оракуле как о некоем анимистическом существе требовало определить, где обитает это существо, и откуда оно являет людям свое могущество. Но незримый мир эллины описывали теми же словами, что и мир земной, — ведь он был столь же реален, — и подобно тому как боги Олимпийцы поселились в народной вере на снежных вершинах Олимпа, так же и оракул обрел свой дом в недрах породившей его Земли, и выглядело это жилище как χάσμα — «расщелина». Говоря, что вещий дух поднимается из расщелины, эллины не сомневались в существовании этой расщелины, но только расщелины не природной, не грубо материальной, а другой, тоже реальной, но не воспринимаемой обычным человеческим зрением и к тому же не находящей в языке особого слова для своего воплощения в понятии и звуке, кроме уже имеющегося χάσμα с его одновременно и родственным, и инородным значением.

Как место обитания оракула расщелина представлена не только у Диодора. В приписываемой Аполлодору «Мифологической библиотеке» рассказывается следующее: «А Аполлон... пришел в Дельфы, когда

там пророчествовала Фемида, и поскольку охраняющий оракул (τὸ μαντεῖον) змей Пифон не давал ему подойти к расщелине (ἐπὶ τὸ χάσμα), Аполлон, убив его, завладел оракулом (τὸ μαντεῖον)» (I 22 (4, 1)). Трудно сказать, отдавал ли автор этого сочинения себе отчет в том, какую, природную или оракульную, расщелину обозначает употребленное им слово χάσμα, но даже если сам он верил в существование под храмом Аполлона зловонной трещины, то используемый им языковой материал хранит память о древнейшем веровании: дважды встречающееся в этом отрывке слово «оракул» подрывает буквальное прочтение: у природной расщелины должны были быть реальные испарения, — а весь контекст очень напоминает слова хора из «Ифигении в Тавриде» Еврипида: «...где покрытый медью виноцветный дракон с пестрою спиной, жуткое чудище земли, под тенистым прекраснolistным лавром хлопотал около из земли рожденного оракула» (1245 — 1248), — только теперь место «из земли рожденного» (χθόνιον) заняла расщелина, не имеющая, в отличие от диодоровской, никаких реальных характеристик.

Упоминания о расщелине других авторов также далеки от конкретности. Божественное в них переплетено со смертно-материальным, а само изложение нередко отличается такой расплывчатостью, словно в сознании автора борются рудименты древней веры и общая рационалистическая направленность эпохи. Юстин предлагает такое описание: «На этом изгибе утеса почти в середине склона горы есть небольшое ровное место, и там в земле бездонное отверстие (profundum ... foramen), которое ведет к оракулу: выгалькиваемое из него наверх некоей силой, словно ремнем метательного копья, холодное дыхание (frigidus spiritus) заменяет разум пророчиц на безумие и заставляет их, наполнившись богом, возвещать ответы вопрошающим» (XXIV 6, 9). У Цецы находим: «Говорят, что у треножника была великая бездна (χάος ἤν μέγα), откуда, словно из Аида, поднимались пророчества, которые являл миру Аполлон» (Lucophr. 1420). А Лактанций Плацид замечает: «В Кирре... есть зияющее отверстие земли (hiatus terrae), где давались дельфийские прорицания» (Theb. VIII 331).

В некоторых случаях синонимом χάσμα и χάος выступает и еще одно слово — στήμιον (устье, отверстие). Сообщения о пифийском «устье» пронизаны той же противоречивостью, что и рассказы о «расщелине»: ведь по сути своей все они отражают один и тот же процесс «материализации» древнего верования. Интересное рассуждение принадлежит автору приписываемого Лонгину трактата «О возвышенном»: «Ибо многие бывают одержимы чужим дыханием (πνεύματι) тем же самым образом, каким, согласно сказанию, и Пифия: приближаясь к треножнику, где есть пролом в земле (ρήγμα ἔστι γῆς), испускающий, как говорят, воодушевляющее дуновение (ἀτμὸν ἐνθεον), и наполняясь там божественной силой (τῆς δαίμονίου... δυνάμεως), она сразу же начинает петь по вдохновению пророчества. Точно так же и от великого духа

древних поэтов, как из священных устьев ($\acute{\alpha}\lambda\theta\acute{o}$ $\iota\epsilon\rho\acute{o}\nu$ $\sigma\tau\omicron\mu\acute{\iota}\omega\nu$), изливаются на души тех, кто им подражает, некие потоки, вдохновляемые которыми даже те, кто почти не знаком с божественным наитием, творят воодушевленные величием других» (XIII 2). Что понимает Псевдо-Лонгин под «проломом в земле», информацию о котором, как он сам признается ($\acute{\omega}\varsigma$ $\phi\alpha\sigma\iota$ — «как говорят»), он почерпнул из чужих рассказов? Ответить сложно. С одной стороны, еще более конкретное, нежели $\chi\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha$, слово $\rho\acute{\eta}\gamma\mu\alpha$ — «пролом»; но с другой, — этот «пролом» испускает не какие-то там природные пары, а воодушевляющее дуновение, полное божественной силы, и к тому же автор ставит его в один ряд со «священными устьями» древних поэтов. Творения древних поэтов оказываются у него теми «расщелинами», откуда исходит в души слушающих и читающих поэтическое вдохновение, но эти «священные устья» не имеют и не могут иметь географического воплощения — точно так же и дельфийское вдохновение не связано с природным феноменом или особенностями рельефа местности.

Метафизическое осмысление того, что происходило в дельфийском храме, когда Пифия восходила на треножник, находим у неоплатоника Ямвлиха в работе «О египетских мистериях»: «А в Дельфах пророчица либо благодаря тонкому огненному дыханию, поднимающемуся откуда-то из устья ($\acute{\alpha}\lambda\theta\acute{o}$ $\lambda\upsilon\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ $\lambda\epsilon\lambda\tau\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\iota$ $\lambda\upsilon\rho\acute{\omega}\delta\omicron\upsilon\varsigma$ $\acute{\alpha}\nu\alpha\phi\epsilon\rho\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$ $\lambda\omicron\theta\acute{\epsilon}\nu$ $\acute{\alpha}\lambda\theta\acute{o}$ $\sigma\tau\omicron\mu\acute{\iota}\omega\upsilon$), возвещает людям откровения, либо дает ответы, сидя в адитоне на медном стуле, имеющем три или четыре ноги, который является священным сидением бога. И в том, и в другом случае она отдает себя божественному духу ($\tau\acute{\omega}$ $\theta\epsilon\acute{\iota}\omega$ $\lambda\upsilon\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\iota$) и озаряется лучом божественного огня. И всякий раз когда собранный воедино сильный огонь, поднимающийся из устья ($\acute{\alpha}\lambda\theta\acute{o}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\sigma\tau\omicron\mu\acute{\iota}\omega\upsilon$ $\lambda\acute{\iota}\rho$), кольцом охватывает ее со всех сторон, она наполняется через него божественным сиянием; а когда она сидит на троне бога, то соединяется с его неподвижной пророческой силой. И благодаря обоим этим действиям вся она оказывается во власти бога» (III 11). В этом пассаже древнейшее верование, пройдя через горнило философской рефлексии, приобретает новое мистическое одеяние, заменяющее в итоге вещей дух места поднимающимся из устья огнем.

К сожалению, осуществить точную реконструкцию внутреннего устройства дельфийского храма до сих пор так и не удалось. Поэтому лишь в качестве самого общего предположения можем мы говорить о том, что, превращая в действительность древнее представление, эллины могли сделать на полу храма возле треножника некое изображение устья земли, как это имело место в прорицалище Трофония (Paus. IX 39, 9). Возникает такое предположение при анализе текста Диона Кассия, который, рассказывая о посещении Дельф императором Нероном, пишет следующее: «Так вот, то ли разгневавшись на Аполлона за то, что тот предсказал ему что-то неприятное, то ли просто в приступе безумья, он

и киррейскую землю разорил и отдал солдатам, и положил конец оракулу (τὸ μαντεῖον κατέλυσε), сбросив трупы зарубленных им людей в устье, откуда поднималось священное дыхание (τὸ στόμιον ἐξ οὗ τὸ ἱερὸν πνεῦμα ἀνῆει)» (LXIII 14, 2). Это описание отличается такой конкретностью, что для его объяснения мы должны либо констатировать, что Дион Кассий в своем полном незнании истинного устройства прорицалища Дельф зашел дальше всех других авторов в изображении реальной природной расщелины, либо задуматься над тем, не было ли в храме некоего места, называемого «устьем» — своего рода имитации якобы существующей здесь бездны. Очевидно, это же событие имеет в виду в «Нероне» один из Филостратов: «И пифийское устье (στόμιον), из которого дышат откровения, попытался загородить...» (10). И то, и другое сообщение еще в большей степени, чем свидетельства, рассмотренные выше, являют собой странный, но, видимо, закономерный для поздней античности сплав еще живущих по инерции древнейших представлений: дыхание еще «священное», из устья поднимаются откровения, и даже μαντεῖον — это не прорицалище, а именно оракул, которому перегораживают выход, — и набирающего силу бытового реализма: если в Дельфах существует устье, то оно должно быть настолько реальным, что туда можно сбросить трупы. В чем-то перекликаются с этими утверждениями слова Лукана: «Безмолвна расщелина (hiatu) — умолк Парнас и изгнал бога: либо вещей дух (spiritus) покинул эти устья (fauces) и отправился в другие пределы вселенной, либо, когда Пифо горела от варварских факелов, в бездонные пещеры (in immensas... cavernas) попал пепел и загородил дорогу Фебу...» (131 — 136). И опять перед нами описание, где тесно переплетается природное и божественное, очевидное и незримое, и мыслится возможным, что обычный пепел, как и трупы у Диона Кассия, — то есть предметы материального мира — способны перегородить дорогу оракулу или даже самому богу — существам либо тонко-материальным, либо духовным.

Еще более странное сообщение принадлежит Страбону: «Говорят, — пишет Страбон, сразу указывая на вторичность передаваемой информации, — что оракул представляет собой глубокую полую пещеру с не очень широким устьем (εἶναι τὸ μαντεῖον ἄντρον κοῖλον κατὰ βάθους οὐ μάλα εὐρύστομον); из пещеры поднимается воодушевляющее дыхание (πνεῦμα ἐνθουσιαστικόν), а над устьем стоит высокий треножник, взойдя на который Пифия воспринимает дыхание и пророчествует и в стихах, и в прозе» (IX 3, 5). Здесь место «расщелины» занимает имеющая определенные характеристики «пещера с устьем»; и к тому же сама эта пещера оказывается оракулом. По всей вероятности, вещей дух не только освящал своим присутствием окружающую его местность, но и мог передать ей свое название; и значит, допустимо было назвать «оракулом» и место обитания этого вещего духа — в данном случае глубокую пещеру. Кстати, появляющееся в этом пассаже вместо «расщелины»

слово ἄντρον — «пещера» свидетельствует о том, что Страбон совершенно не ориентировался в дельфийской «терминологии», поскольку начиная с Ликофрона (Alex. 208) слово «пещера» неизменно служило поэтическим названием адитона дельфийского храма; расщелина им никогда не обозначалась¹.

Таким образом, мы убедились в том, что, сколь бы реальными ни казались создаваемые некоторыми авторами описания расщелины, их вообще не следует рассматривать как свидетельства о ее существовании. Перед нами рационалистическое осмысление древнего верования, обязанное своим возникновением (помимо общей тенденции того времени) настойчиво требующей объяснения таинственности самого предмета, а также вторичности передаваемой этими авторами информации. Конечно, можно продолжать призывать к изучению Дельф геологов-профессионалов, но разумно ли ради красоты легенды исказить историческую реальность и пытаться доказать существование того, о чем, как оказывается, молчит сам античный мир?

Примечания:

- ¹ Perdrizet P. Die Hauptergebnisse der Ausgrabungen in Delphi // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 1908. XXI. S. 29 — 30.
- ² Philippson A. Delphoi. A. Lage // RE. 1901. Bd. IV. Hbd. VIII. S. 2518.
- ³ Wilamowitz-Moellendorf U. von. Apollo // Hermes. 1903. XXXVIII. S. 579.
- ⁴ Oppé A.P. The chasm at Delphi // JHS. 1904. XXIV. P. 214 — 240.
- ⁵ Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. I. Die Religion Griechenlands bis auf die griechischen Weltherrschaft. 3. Aufl. // Handbuch der Altertumswissenschaft. München, 1967. Abt. V. Tl. 2. Bd. 1. S. 160; Amandry P. La Mantique apollinienne à Delphes: Essai sur le fonctionnement de l'Oracle. Paris, 1950. P. 219 — 220; Dodds E.R. The Greeks and the Irrational // Sather Classical Lectures. Berkeley; Los Angeles, 1951. Vol. XXV. P. 73 — 74; Parke H.W., Wormell D.E.W. The Delphic Oracle. Oxford, 1956. Vol. I. P. 19 — 24, 36; Fontenrose J. The Delphic Oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. P. 202 — 203. См. также: Courby F. La terrasse du temple // FD. Paris, 1915. T. I. Fasc. 1. P. 66; Holland L.B. The mantic mechanism at Delphi // AJA. 1933. XXXVII. P. 214; Latte K. Orakel // RE. 1939. Bd. XVIII. Hbd. XXXV. S. 841; Latte K. The coming of the Pythia // HThR. 1940. XXXIII. P. 17; Fauth W. Pythia // RE. 1963. Bd. XXIV. Hbd. XLVII. S. 536; Price S. Delphi and divination // Greek religion and society. London, 1985. P. 140.
- ⁶ Flacelière R. Le fonctionnement de l'Oracle de Delphes au temps de Plutarque / Études d'archéologie grecque // Annales de l'École des Hautes Études de Gand. 1938. II. P. 105 — 106; Селиванова Л.Л. О дельфийской мантике // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 74 — 76. Ср. также мнение Остеррайха о недостаточном геологическом изучении Дельф: Österreich T.K. Possession: demonical and other: among primitive rages, in antiquity, the Middle ages and the modern times / Authorized translation by D. Ibberson (ed. 1930). Seacaucus; New Jersey, 1966. P. 318 — 319.
- ⁷ Подробнее см.: Приходько Е.В. Оракул: кто это? или что это? // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 109 — 119.
- ⁸ О даймонах и керах см.: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 68 — 72.

Onians R.B. The origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time, and fate. *New Interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs*. 2nd ed. Cambridge, 1954. P. 397 — 410.

⁹ См., например: Will E. *Sur la nature du pneuma delphique* // ВСН. 1942. LXVI. P. 161 — 175.

¹⁰ Ср. Joan. Chrys. Ep. I ad Cor. Hom. XXIX 1. Col. 242; Migne. PG. T. LXI.

¹¹ Цец объясняет, что выражение Ликофрона «возле пещеры» (παρ' ἄντρα) означает «возле самых сокровенных мест храма», иными словами — возле адитона. Ср. Nonn. Dion. IX 274; Ovid. Met. III 14; Sil. It. XII 322 — 323; Claudian. XXVIII 29 — 34; Stat. Theb. I 492; Lucan. V Phars. 153 — 154, 159, 162, 169; Prud. Apoth. 438; Liv. I 56, 10; Oros. Hist. VI 15, 11.

В.О. Никишин.

ЭЛЛИНСКИЙ ШОВИНИЗМ В АРХАИЧЕСКУЮ И КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Зарождение у греков этнического самосознания, проявившееся как в возникновении широких этнокультурных понятий «Эллада» и «эллины», так и в противопоставлении «эллинов» «варварам», относится к эпохе архаики. Ещё в гомеровских поэмах, записанных в конце этой эпохи, было трижды употреблено слово «Эллада» (Il. II, 683; Od. I, 340; XV, 80) и по одному разу — «эллины» (Il. II, 684) и «панэллины» (Ibid. 530). Это обстоятельство дало основание В. Йегеру утверждать, что в поэмах Гомера нашёл своё выражение «панэллинский дух», который «заставил греков в первый раз осознать, что они являются нацией»¹. Однако впервые слово «эллины», или «панэллины», как общее самоназвание греков зафиксировано у Гесиода (Hes. Erg. 528) и Архилоха (Archil. fr. 54. Cf. Thuc. 1, 3; Strab. VIII, VI, 6)². Эти авторы, а также Гераклит (Heraclit. fr. 107 DK) стояли у истоков противопоставления эллинов варварам, которое в классическую эпоху породило такое явление, как эллинский шовинизм³.

По-видимому, первоначально этноним «эллины» объединял греков исключительно по лингвистическому признаку, т. е. на основании владения ими одним языком, общим для всех уроженцев Эллады. Происхождение понятий «варвар» и «варварский» носило вторичный, но тоже сугубо лингвистический характер⁴. Уже в «Илиаде», где нет ни одного упоминания о «варварах», говорится о «варвароязыких» карийцах (Il. II, 867. Cf. Od. VIII, 294). На раннем этапе формирования у греков этнического самосознания они называли «варварами» чужеземцев, которые говорили «непонятно», т. е. либо вовсе не знали греческого языка, либо недостаточно чисто и внятно на нём изъяснялись (Strab. XIV, II, 28).

Впоследствии к лингвистическому значению понятий «эллины» и «варвары» добавились этническое и культурное, которые с течением времени довольно тесно переплелись. Некоторые греческие авторы иногда вполне отчётливо дают понять, какой конкретно смысл они вкладывают в эти понятия. Так, например, Геродот совершенно определённо выдвигает на первый план то лингвистическое значение в ущерб двум другим (Herodot. II, 158), то этническое, за которым следуют лингвистическое и культурное (Ibid. VIII, 144). Фукидид употребляет слово

«варвары» в лингвистическом смысле (Thuc. II, 68), а Исократ, характеризуя эллинов, ставит на первое место культурный фактор (Isocr. Paneg. 50). Однако, как считает А. Тойнби, в большинстве случаев однозначно определить конкретное идеологическое наполнение противопоставляемых друг другу понятий «эллины» и «варвары» практически невозможно. По его мнению, к IV в. до н. э. оба понятия стали двусмысленными, т. е. употреблялись одновременно как в этническо-лингвистическом, так и в культурном смысле⁵.

Как считает Г. Диллер, вначале употребление греками слов «варвар» и «варварский» не было глубоко продуманным и осмысленным. Ему не сопутствовала рефлексия, и понятия «варвар» и «варварство» не несли в себе никакого идеологического заряда. Лишь со временем, а именно в период греко-персидских войн, греки пришли к осознанному, идеологически обоснованному и морально оправданному противопоставлению эллинов варварам⁶. Впервые же оно появляется у Гекатея Милетского (см.: Strab. VII, VII, 1) и Геродота (Herodot. I, 60)⁷.

Период греко-персидских войн стал переломным в истории отношений греков с другими народами. Тогда «национальный» подъём перед угрозой варварского нашествия, с одной стороны, породил идею «эллинского национального единства»⁸, а с другой — посеял в греках ненависть и презрение к варварам. В те времена такие этногеографические понятия, как Азия и варварский мир, в общественном сознании эллинов ассоциировались с Персией, победа над которой ознаменовала для них торжество эллинской цивилизации, т. е. культуры, идеологии, образа жизни и государственного устройства греков над варварством с его государственной идеологией, политическим строем, образом жизни, обычаями и установлениями. Для греков это была победа света над тьмой, свободы над рабством, — победа, преисполнившая их чувством собственного превосходства, непримиримой враждебности и глубокого презрения к варварам⁹.

Таким образом, если в эпоху архаики восприятие греками чужезмцев было сравнительно беспристрастным, то в период греко-персидских войн ситуация коренным образом изменилась. Тогда в глазах греков отождествились понятия «варвар» и «раб», а тезис о природном превосходстве эллинов над варварами стал активно использоваться представителями полисной интеллектуальной элиты в качестве идеологического обоснования «справедливости» рабства¹⁰. Греческое чувство превосходства закономерно вызвало представление о «неполноценности» варваров¹¹. Это представление, аргументированное такими «научными» доводами, как «климатическая теория» (Псевдо-Гиппократ, Исократ, Аристотель и др.), надолго определило презрительное отношение греков к чужеземцам.

Итак, с первой половины V в. до н. э. в массовом сознании греков укореняется тот шовинизм (*chauvinisme*), который достигнет своего

апогея через сто с небольшим лет, в канун похода в Азию Александра Македонского. К тому времени лучшие греческие мыслители во главе с Аристотелем создали теорию неполноценности варваров, их рабской природы и неспособности к нормальной политической жизни. Эта теория подводила идеологическую основу, с одной стороны, под развивавшееся рабовладение, а с другой — под воинственные устремления сторонников войны с Персией.

В V — IV вв. до н. э. в общественном сознании греков постепенно формируется стереотип враждебного и презрительного отношения к варварам¹². Его формированию во многом содействовали представители греческой культурной элиты. Как отмечает Э.Д. Фролов, уже Эврипид «провозглашал принцип, исполненный столь же высокого патриотизма, сколь и самого откровенного и низменного шовинизма»¹³. Те же взгляды можно найти у Ксенофонта в «Греческой истории» и «Агесилае», у Исократ в «Панегирике» и «Ареопагитике», у Платона в «Государстве» и у Аристотеля в «Политике». В первой половине IV в. до н. э. рупором эллинского шовинизма был Исократ, приложивший немало усилий как к пропаганде идеи панэллинизма, так и к созданию из варваров в лице персов образа врага¹⁴.

Итак, к середине IV в. до н. э. отношение греков к чужеземцам было проникнуто ярко выраженным шовинизмом, возникшим в итоге «долгой и сложной трансформации идеи исключительности греков»¹⁵. Однако необходимо отметить, что, во-первых, далеко не все греческие авторы эпохи классики были шовинистически настроены по отношению к варварам. К этим авторам относятся, в частности, Эсхил и Софокл, Геродот и Фукидид. Во-вторых, с враждебностью и презрением к варварам греческие мыслители нередко сочетали глубокий интерес к самым разным сторонам жизни чужеземных народов. Прежде всего об этом свидетельствует расцвет ионийской этнографии в V в. до н. э.¹⁶ Далее, такие «ксенофобы», как Ксенофонт, Платон, Аристотель и Исократ, обращаясь к проблеме единовластия, не могли не принять во внимание феномен восточной деспотии, который наиболее зримо для них воплотился в державе персидского «царя царей». Исократ и Платон идеализировали государственный строй древнего Египта, Аристотель дал высокую оценку государственному устройству Карфагена, а Ксенофонт, воспевая аристократический этос в своей «Киропедии», использовал для этого факты из истории персидской державы. Кризис полисного строя стимулировал размышления греческих интеллектуалов о сильном властителе, который сумел бы сначала объединить под своей эгидой всю Грецию, а затем повести греков в поход против Персии. В результате стали предприниматься попытки создания своего рода «собирающего образа» идеального правителя, одно из наиболее ярких воплощений которого было осуществлено Ксенофонтом в фигуре Кира Старшего¹⁷.

Наконец, греческой литературе издавна была присуща традиция идеализации первобытных народов, населявших периферию обитаемого мира. По словам В.И. Исаевой, «греки презирали варваров как существ неполноценных, не достигших высот истинной культуры, и одновременно идеализировали патриархальные устои, сознательно приписывая отдельным этносам гораздо более низкий уровень развития, чем это было в действительности»¹⁸. Одной из причин возникновения у греков «культурного примитивизма» было «обаяние далёкого и необычного, стремление представить и даже испытать некий образ жизни, который по меньшей мере отличался от всего столь привычного облика бытия, каким он до сих пор представлялся тому, чьё воображение или чья деятельность были сильно стеснены на родине»¹⁹. Кроме того, под знаменем культурного примитивизма, по меткому выражению Д.П. Каллистова, «осуществлялся поход против античной цивилизации»²⁰, — цивилизации со всеми её пороками, упадком нравов и социальной несправедливостью.

Традиция идеализации «благородных дикарей» восходит к поэмам Гомера и Гесиода²¹. Со временем в рамках этой традиции оформились два направления, которые можно условно определить как «мягкий» и «жёсткий» примитивизм. Мягкий примитивизм представлял собой идиллические картины из цикла легенд о Золотом веке и являлся идеализацией со знаком «плюс». В качестве примеров мягкого примитивизма можно привести описание феаков, эфиопов и гипербореев в поэмах Гомера. Жёсткий примитивизм означал органичное вплетение в ткань рассказа о быте и нравах «благородных дикарей» целого ряда достоверных деталей, сообщая тем самым идеализированной характеристике варваров немало реалистических черт. Это была идеализация со знаком «минус». Примерами жёсткого примитивизма являются описания обычаев и нравов таких народов, как скифы, геты и германцы²². Важнейшей составляющей культурного примитивизма был тезис о моральном совершенстве «благородных дикарей». К примеру, со времён Эфора, положившего начало идеализации скифов²³, в античной литературной традиции бытовало расхожее представление об их «справедливости» и, как следствие, «непобедимости». Такие авторы, как Эфор, Феопомп и Эвгемер, идеализировали варваров прежде всего в целях морального воздействия на своих современников, нравы которых, по мнению греческих моралистов IV в. до н. э., под влиянием многочисленных пороков, свойственных культурному образу жизни, пришли в полный упадок²⁴.

Итак, «хорошая осведомлённость греков о быте и общественном устройстве некоторых племён и твёрдая вера в приоритет эллинов не мешали появлению представления об идеальных примитивных обществах с господством патриархальных устоев, поддерживающих равновесие как внутри себя, так и с окружающей средой. Конкретные, реально

существующие племена превращались в собирательные образы»²⁵. Идеализация «благородных дикарей» проводилась в русле критики издержек культурного образа жизни и, в частности, порчи нравов. Однако вместе с тем в античной литературной традиции всегда сохранялся баланс между мифом об упадке цивилизации и мифом о прогрессе²⁶.

Таким образом, отношение греков к варварам в классическую эпоху было отмечено своеобразным дуализмом: с одной стороны, в массовом сознании и на бытовом уровне присутствовали враждебность и презрение, а с другой — в среде интеллектуалов нередко проявлялись интерес и уважение к древневосточным культурным традициям, а также тенденция к идеализации некоторых варварских народов.

Примечания:

- ¹ Jaeger W. Paideia. The Ideals of Greek culture. Vol. I. Oxf., 1943. P. 56.
- ² См.: Diller H. Die Hellenen-Barbaren-Antithese im Zeitalter der Perserkriege // Grecs et barbares. Entretiens sur l'antiquite classique. VIII. Vandoeuvres-Geneve, 1962. S. 45; Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. № 6. 1976. С. 44.
- ³ См.: Haarhoff T.J. The Stranger at the Gate. Aspects of exclusiveness and cooperation in ancient Greece and Rome, with some reference to modern times. Basil Blackwell, Oxf., 1948. P. 6 — 12.
- ⁴ См.: Bengtson H. Hellenen und Barbaren // Bengtson H. Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 159; Diller H. Op. cit. S. 39 f.; Dörrie H. Die Wertung der Barbaren im Urteil der Griechen. Knechtnaturen? Oder Bewahrer und Kündler heilbringender Weisheit? // Antike und Universalgeschichte. Festschrift H.E. Stier. Munster, 1972. S. 147 f.; Haarhoff T.J. Op. cit. P. 51; Toynbee A. Some problems of Greek History. Oxf., 1969. P. 58; Werner H. Barbarus // NJA. XXI, 1918. S. 389 ff.; Wilcken U. Hellenen und Barbaren // NJA. XVII, 1906. S. 463.
- ⁵ Toynbee A. Op. cit. P. 60 ff.
- ⁶ Diller H. Op. cit. S. 40 f.
- ⁷ Haarhoff T.J. Op. cit. P. 51; Werner H. Op. cit. S. 394.
- ⁸ Jaeger W. Op. cit. Vol. III. Oxf., 1945. P. 289.
- ⁹ Bengtson H. Hellenen und Barbaren... S. 159 — 161; Фролов Э.Д. Панэллинизм в политике IV в. до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 157.
- ¹⁰ Müller R. Hellenen und Barbaren im Spiegel der Hellenistischen Philosophie // Klio. 60, 1978. S. 183 f. Ср.: Dörrie H. Op. cit. S. 152 ff.; Reverdin O. Crise spirituelle et évasion // Grecs et barbares... P. 93.
- ¹¹ Г.Вернер назвал это «националистическим чванством» (nationalistischer Dünkel). См.: Werner H. Op. cit. S. 389.
- ¹² Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 157 слл.; Она же: Идеологическая подготовка эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 59 слл.
- ¹³ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 158. Ср.: Werner H. Op. cit. S. 394 ff.
- ¹⁴ Исаева В.И. Идеологическая подготовка... С. 60 слл.
- ¹⁵ Там же. С. 59.
- ¹⁶ Dihle A. Zur Hellenistischen Ethnographie // Grecs et barbares... S. 207.
- ¹⁷ Обо всём этом богатейший материал собран и великолепно изложен в третьем томе «Пайдеи» В. Йегера. См.: Jaeger W. Op. cit. Vol. III. Oxf., 1945.

-
- ¹⁸ Исаева В.И. Идеологическая подготовка... С. 79.
- ¹⁹ Lovejoy A., Voas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. Baltimore, 1935. P. 8.
- ²⁰ Каллистов Д.П. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье / Исторические записки. Вып. 16. 1945. С. 191.
- ²¹ Об этом см.: Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 353 — 361; Широкова Н.С. Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис. Л., 1979. С. 124 — 138; Ferguson J. *Utopias of the Classical World*. Ithaca, N.Y., 1975. P. 16 — 23; Trudinger K. *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Diss. Basel, 1918. S. 133 — 146.
- ²² Lovejoy A., Voas G. *Op. cit.* P. 10 f.
- ²³ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 6 слл.
- ²⁴ Döggie H. *Op. cit.* S. 150 f.
- ²⁵ Исаева В.И. Идеологическая подготовка... С. 71 — 72.
- ²⁶ Ferguson J. *Op. cit.*, P. 22.

Н.Г. Майорова

РИМСКИЕ ФЕЦИАЛЫ: КТО ОНИ?

О римских фециалах написано немного, и написанное не отличается разнообразием. Главным образом об этом своеобразном институте римской *civitatis* говорилось в общих трудах, посвященных религии Древнего Рима¹, и только в последние двадцать-тридцать лет появились работы (по преимуществу, статьи), в которых делались попытки конкретизировать ту или иную сторону деятельности фециалов².

Суммируя все, что сказано о них, можно выявить определенную историографическую традицию. Согласно ей, фециалы — это жрецы³, следившие в первую очередь за тем, чтобы войны возвещались и объявлялись по определенным правилам, дабы не навлечь на общину божеский гнев⁴, а также присутствовали при заключении договоров⁵. Помимо этого фециалы выдавали противнику римлян, нарушивших те или иные «международные» обязательства и привлекались в качестве консультантов при решении спорных «внешнеполитических» вопросов⁶.

Конечно, писали и о примерном составе коллегии, и об обязанностях ее отдельных членов⁷. Общее представление о фециалах было составлено, но, к сожалению, одни вопросы, касающиеся их деятельности, вообще не были поставлены, а на другие не удалось найти удовлетворительного ответа.

Естественно, в рамках одной статьи невозможно не только решить все связанные с этой темой проблемы, но даже и сформулировать многие из них. Однако ряд задач я все же постараюсь разрешить⁸, обратившись, прежде всего, к анализу небольшого отрывка из сочинения Тита Ливия, того, в котором он описывает обряд заключения договора Рима с Альбой-Лонгой в царствование Туллы Гостилия и в котором впервые в его повествовании упоминается фециал (*Liv. I, 24,3 sqq.*)

Ливий называет этот договор *foedus* и отмечает, что условия *foederis* могут быть различными, но любой договор такого рода всегда заключается одинаковым способом (*Liv. I, 24,3*). В повествовании же о войне Рима с самнитами 433 г. до н. э. историк делает очень важное, с моей точки зрения, замечание. Он говорит, что договор (*foedus*), помимо прочих условий, не может быть заключен без фециалов и без торжественных церемоний: *sine fetialibus caerimoniaeque alia solemn* (*Liv. IX, 5,1*). В противном случае договор будет уже не *foedus*, а *sponsio* (*Liv. IX, 5,2*). Таким образом, фециал оказывается связанным с совершенно опреде-

ленным способом заключения актов, регулирующих отношения между отдельными общинами⁹.

Ливий подчеркивает, что о более древнем договоре, чем договор, заключенный при Тулле Гостилии, упоминаний нет: *nes ullius vetustior foederis memoria est* (Liv. I, 24,4). Тем не менее, уже в рассказе о правлении Ромула можно прочесть, что между Римом и Лавинием был возобновлен некий договор — *foedus* (Liv. I, 14,3). Что же, Ливий противоречит сам себе? Но тогда зачем в девятой книге он обращается к достаточно пространному разъяснению различий между терминами *foedus* и *sponsio*?

Можно предположить, что при Ромуле в Риме фециалы уже существовали, тем более, что и Ливий в повествовании о Тулле сообщает о фециале без каких-либо дополнительных комментариев, как об обычном и привычном «должностном» лице (Liv. I, 24,4). Но, при всей своей противоречивости¹⁰, античные источники не относят появление фециалов ко времени ранее, чем царствование Нумы Помпилия, второго римского царя.

Посему обратимся вновь к обряду заключения договора. Фециал начинает ритуальные действия, испрашивая у царя разрешения заключить договор, требует у него священную траву и просит назначить его, фециала, вестником римского народа квиритов (Liv. I, 24,4 — 5). На каждый вопрос фециала царь дает строго регламентированный ответ: велит заключить договор, приказывает принести священную траву, назначает фециала вестником римского народа квиритов (Liv. I, 24, 4 — 5), то есть выступает как полноправный участник обряда. Точно так же в обряде участвует и диктатор альбанцев Меттий Фуфещий (Liv. I, 24,9).

Позволю себе напомнить, что позже, помимо заключения договоров, в ведении фециалов находилось предъявление претензий обидчикам Рима и возведение войны¹¹. Впервые у Ливия упоминание об этом обряде появляется в главах о царствовании Анка Марция, третьего царя римлян (Liv. I, 32 sqq.). Обряд заключается в том, что испытавшая несправедливость сторона отправляет послов к обидчикам и, если претензии не приняты, возвещает о состоянии войны, после чего, символическим броском копья на территорию врага, начинаются военные действия. Копье бросает фециал (Liv. I, 32,13). А вот претензии предъявляет *legatus* — посол (Liv. 32, 5 — 6), и Ливий осторожно замечает, что данный обряд находился в ведении фециалов в его (*punc*) — Ливия — время (Liv. I, 32,5).

И действительно, когда альбанцы и римляне нанесли взаимный урон, войну альбанцам, обвинив их в отказе дать удовлетворение, возвестил сам царь Тулл Гостилий (Liv. I, 22,7). А еще раньше копье на территорию противника — символ начала войны — бросал и вождь рутулов Турн (Verg. Aen. IX, 52 — 55). Следовательно, даже при столь скудной источниковой базе можно видеть, что те функции, которые в разное

время исполняли фециалы, некогда находились в ведении царя, и, видимо, лишь позже были переданы специальным людям. И память об этом сохранилась, поскольку даже император Октавиан Август, помимо всех своих прочих регалий, отметил и статус фециала (RGDA, 4,7).

Рассказ Тита Ливия о заключении договора при Тулле Гостилии пестрит глаголами в *perfecto*: *rogavit, attulit, respondit, dixit, percussit* (Liv. I, 24,4 — 9). В описании же обряда требования удовлетворения преобладают формы настоящего времени: *nominat, facit, peragit, exposcit, indicit* (Liv. I, 32,6 — 11).

При заключении договора фециал именно у царя испрашивает разрешения на заключение договора (Liv. I, 24,4). А текст обряда требования удовлетворения безличен, и не просто безличен. Он являет собой как бы общую формулу, в которую «подставляются» нужные названия. Ведь посол вещает: *audite fines — cuiuscumque gentis sunt, nominat* (Liv. I, 32,6);... *populum illum — quicumque est, nominat* (Liv. I, 32, 10). И лишь позже, при описании заседания сената и непосредственного начала войны, когда фециал уже бросает копье на территорию противника, вдруг называется имя обидчика Рима — *populi Priscorum Latinorum* (Liv. I, 32, 11, 13 — 14). И как раз в этой части у Ливия вновь появляется прошедшее время: *patres consulebant...* (Liv. I, 32,11); *hastam emittebat* (Liv. 32,14). Создается впечатление, что Ливий пользовался двумя различными «типами» источников: первый отражал конкретные факты противостояния римлян с конкретными врагами — *populo Albano* и *populo Priscorum Latinorum*, а второй являлся общей формулой, которой и пользовались фециалы во времена самого Ливия. Зная, что фециалы издревле бросали копье, символически начиная войну, и имея перед собой, скажу осторожно, некую запись о том, что фециал начал войну со Старыми Латинами в царствование Анка Марция, Ливий и обряд предъявления претензий возвел к этому царю, хотя и чувствовал, что не совсем имеет на это право, почему и сделал оговорку о статусе обряда предъявления претензий (*gerum repetendogum*) в его время (Liv. I, 32, 5). Таким образом, в обряде предъявления претензий, видимо, отразилось два этапа его формирования, и само требование удовлетворения, скорее всего, более позднее. И уж в любом случае очевидно, что круг обязанностей фециалов не был определен единовременно, но расширялся со временем.

При заключении договора Рима с Альбой-Лонгой фигурирует не только «этническое наименование» противника римлян, но и имена и римского фециала, и римского *patris patrati*, то есть Марка Валерия и Спурия Фузия: *fetialis erat M. Valerius. Is patrem patratum Spurium Fusium (sic — Н.М.) fecit* (Liv. I, 24,6). Отсутствие ротацизма в имени *Fusius* свидетельствует о достаточно ранней эпохе¹². Кроме этого в конечной части присяги, которая сопровождала заключение договора, содержится призыв к альбанцам: *audi tu, populus Albanus* (Liv. I, 24,7). Тожество форм

именительного и звательного падежей так же, возможно, указывают на архаичность формулы¹³.

Правда, оба эти довода могут свидетельствовать лишь о том, что подобные архаизмы несли источники Ливия — анналисты. Царский же период был бесписьменным, и сведения о фециалах, почерпнутые мной у Ливия — при этом не важно, появились ли фециалы при Нуме, Тулле или Анке Марции — относятся к более поздней эпохе, не ко времени царей.

Но в начале своих действий фециал просит назначить его *царским* вестником (*regium nuntium*) римского народа квиритов (*Liv. I, 24,5*), а такой термин вряд ли мог фигурировать в обрядности, возникшей в эпоху Республики.

Кроме того, *pater patratus* считывает текст договора с деревянных табличек или с воска: *ex... tabulis cerave* (*Liv. I, 24,7*). Поэтому возможность записи хотя бы имен лиц, подтвердивших эти договоры, не представляется абсурдной¹⁴. И, по крайней мере, те части обрядов, в которых содержится название народа — обидчика римлян, наверное, с известной долей осторожности, можно считать даже записями, одновременно тем событиям, что в них зафиксированы.

Описывая обряд заключения договора с Альбой-Лонгой, Ливий с самого начала включает в него царя Тулла: *fetialis regem Tullum ita rogavit* (*Liv. I, 24,4*), и тут же сообщает, кто именно был фециалом и отряженным (*Liv. I, 24,6*). Таким образом именно эти люди тесно связываются и с правлением Тулла Гостилия, и с заключением договора с Альбой-Лонгой. Возможно, это были первые римские фециалы, и именно они впервые подтвердили договор, заключенный Римом. Ранее, скорее всего, это делал сам царь, подобно тому, как до фециалов он сам требовал удовлетворения и, в качестве военного лидера общины, бросал копьё на территорию противника, объявляя ему войну. Передача царем одной своей, достаточно важной, обязанности специальным людям и нашла отражение в кажущемся противоречии повествования Ливия о древнейшем *foedere*, заключенном при Тулле Гостилии, и о существовании некоего *foederis* уже в царствование Ромула.

Но такое предположение позволяет думать, что как раз при Тулле у Рима почему-то возникала настоятельная потребность определенным способом подтверждать договоры, и именно это стало первой (по времени) обязанностью фециалов, хотя все историки нового и новейшего времени в первую очередь говорят об обязанности возвещать и объявлять войны¹⁵. К этой проблеме я вернусь позже.

А пока попробую ответить еще на один важный вопрос. Ливий не говорит прямо, что фециалы возвещали и объявляли войны уже при Анке Марции. Однако этим самым он заставляет задуматься, а на каком вообще основании этот обряд рано или поздно перешел в ведение коллегии.

В чем заключались функции фециала при заключении договора?

Фециал Марк Валерий испрашивает у царя разрешения заключить договор, просит священную траву, приносит ее из цитадели, просит назначить себя вестником и уже сам назначает «отряженного» — *patrem patratum*. Этот же произносит клятву и зачитывает текст договора, в знак верности которому забивает свинью (*Liv. 24, 6 — 9*).

Традиционно обязанность *patris patrati* произносить клятву (*pater patratus ad ius iurandum patrandum, id est sanciendum fit foedus... peragit: Liv. I, 24,6*) трактуется так, будто «отец-отряженный»¹⁶ назначается для принесения присяги, то есть для освящения договора»¹⁷. Однако, это не совсем так.

Судя по тексту, *pater patratus* не освящает договор, а лишь произносит присягу, вследствие которой тот становится освященным. То есть *pater patratus* словами присяги как бы переводит договор в ведение неких могущественных покровителей, сам при этом не имея никакой власти над вхождением статей договора в силу. В данном случае я согласна с тезисом Ж. Дюмезиля, что фециалы давали только основу, базу, фундамент любым «внешнеполитическим» шагам Рима¹⁸. Поскольку в другом эпизоде Ливий сообщает о присутствии при заключении договора двух фециалов (*Liv. IX, 5,4*), понятно, что *pater patratus* не кто иной, как такой же фециал, но отнюдь не глава коллегии фециалов, как считали некоторые историки¹⁹. Он, скорее всего, один из фециалов, произвольно, или в порядке очередности, или даже по жребию назначаемый для совершения обряда, когда это необходимо.

Таким образом фециал произносит определенные формулы и совершает определенные действия, то есть отправляет некий ритуал. А Анк Марций перенял у эквикулов *ritum, ius, bellicas caerimonias* (*Liv. I, 32,5*). Возможно, именно ритуальность актов, сопровождавших начало войны, и послужила причиной того, что в какой-то момент они были переданы той коллегии, которая уже имела в своем ведении один ритуал, связанный с «внешнеполитической» деятельностью Рима.

Причем, поскольку речь идет о ритуалах, и фециал в своих речах обращается к Юпитеру (*Liv. I, 24,7 — 8; 32, 7,10*), историографическая традиция устойчиво называет их жрецами²⁰. Я не буду останавливаться здесь на таком сложном вопросе, как определение жречества, но скажу, что, даже если с таким определением и можно в какой-то степени согласиться, нужно отметить: фециалы исполняли ритуал не в честь бога, а ритуал, подтверждающий и хранивший *ius gentium*, право народов, что существенно отличает их от «классических» жреческих коллегий²¹.

Возвращаясь к обрядности заключения договоров, хочу обратить внимание еще на один факт. Ливий сообщает, что в ответ на действия римского *patris patrati* альбанцы произносят «*sua carmina... suumque ius iurandum*» (*Liv. I, 24,8*).

Однако раньше он говорит следующее: *pater patratus ad ius iurandum*

patrandum, id est sanciendum fit foedus multisque id verbis, quae longo effata carmine non operae est, referre, peragit (Liv. I, 24,6). Судя по этому отрывку, carmina употребляются уже не наряду с ius iurandum (как в Liv. I, 24,8), а как часть ее.

Плутарх сообщает, что «всякая клятва заканчивается проклятием клятвопреступнику» (Plut. Q. R. 44). Но ведь проклятие в обряде присутствует, именно его произносит pater patratus, когда, грозя всяческими карами римскому народу в случае, если он первым нарушит этот договор, забивает в подтверждение верности слову свинью (Liv. I, 24,8). И если ius iurandum — это клятва и если проклятие Ливий нашел возможность привести, то что же представляют собой carmina?

В римской религиозной и литературной традиции бытовали Песни Арвальских братьев и Салийские гимны, известные как carmina (Carmen Arvale и carmina Salaria). Возможно, и pater patratus в начале обряда принесения ius iurandum произносил некую, может, даже ритмическую формулу²². Именно ее Ливий опускает. Почему? Поскольку речь идет о «внешней политике», текст данных carmina мог быть секретным, не предназначенным для широкого круга лиц.

Или объяснение проще?

Уже Платон отмечал, что принесение клятв свидетельствует о неразвитости общества, о том его уровне, когда законы еще не стали всеобщим средством регулирования (Plato, Leges, XII, 4). Возможно, сам по себе факт принесения фециалами клятвы говорит о глубокой древности ритуала, а carmina, подобно многим другим carmina или формулам, просто не были понятны человеку эпохи Ливия²³.

В обрядах, которые исполняются фециалами, вообще множество элементов, восходящих к старине. Так трава, принесенная из цитадели (Liv. I, 24,5) и вербена, которой фециал назначает patrem patratum (Liv. I, 24,6) заставляют вспомнить о первобытной магии. Заклание же свиньи кремниевым ножом (Liv. I, 24,9) и копье с деревянным обожженным концом, что фигурирует в ритуале начала войны (Liv. I, 32,13), прямо свидетельствуют о каменном веке²⁴.

Но при этом источники единодушно помещают появление фециалов в царскую эпоху.

Обряд начинается с того, что фециал приносит священную траву не откуда-нибудь, а из цитадели — ex arce (Liv. I, 24,5). Pater patratus назначается прикосновением к его голове и волосам вербеной (Liv. I, 24,6). В Сервиевых комментариях к «Энеиде» дается пояснение, что слово verbena может означать любую священную ветвь: лавр, оливу (Serv. Aen. XII, 120). Но с такими ветвями послы выходили сдавать свои города победителям (Dionys. III, 41, 5). Видимо, и трава из цитадели, и вербена в обряде заключения договоров представляли собой символ родной земли, даже территории, определенным образом организованной, с уже сформировавшимся центром. Следовательно, и фециал, путем приоб-

шения к этим символам, сам становился таким же символом конкретной территории, в данном случае — Рима.

Если фециал связан именно с территорией, на которой проживает община, а Рим конституировался лишь в середине VIII в. до н. э., но при этом обряды фециалов содержат следы первобытной магии, то вывод напрашивается сам собой.

Ни Нума, ни Тулл Гостилий, ни тем более Анк Марций, конечно, не «изобретали» фециалов с их своеобразной обрядностью. Собственно фециалы, или схожие с ними институты, существовали на территории Лация и вокруг него издревле. Но Нума Помпилий «привел» эту древнюю организацию собственно на территорию Рима, когда Рим начал выделяться из прочих Старых Латинцев. Однако по-настоящему этот процесс развернулся при Тулле Гостилии. Именно в этот момент Рим, видимо, окончательно перестал ощущать свое единство с остальными латинами, что и нашло отражение в привлечении специальных людей для подтверждения договоров²⁵, которые Рим заключал с некогда родственными ему общинами. А Анк Марций поручил таким же специальным людям требовать удовлетворения и возвещать войну.

Я уже отмечала, что все эти обряды когда-то исполнял сам царь. Для чего понадобилось создавать отдельную коллегию, тем более, что царь продолжал принимать участие в ритуале (Liv. I, 24, 5 — 6)?

Ответить на этот вопрос, как мне кажется, поможет одно сообщение Дионисия Галикарнасского. Повествуя о начале царствования Анка Марция, он сообщает, что латины стали нападать на Рим под предлогом того, что договор у них был заключен не с Анком Марцием, а с предыдущим царем и, следовательно, соблюдать условия этого договора в отношении Анка Марция они не обязаны (Dionys. III, 36,3). И Ливий в рассказе о Кавдинском мире говорит, что консулы и прочие магистраты могли заключать только *sponsio*, но никак не *foedus* (Liv. IX, 5, 1 — 2). Соотнося это сообщение с нежеланием латинов соблюдать договор, заключенный с одним царем, в отношении другого, можно предположить, что римляне стремились к тому, чтобы на «международной арене» от имени Рима выступало не какое-то конкретное лицо (царь или позже магистрат), а абстрактный представитель общины, и первым шагом на пути к этому стало присутствие фециалов при заключении договоров, хотя, видимо, окружение римлян еще не хотело принять тот факт, что в Лации появился новый субъект *iuris gentium*.

Мы уже отмечали, что через священную траву, принесенную из цитадели, и вербену, которой назначался *pater patratus*, фециал тесно связан с территорией Рима.

Но, кроме этого, фраза фециала «*facisne me tu regium nuntium populi Romani Quiritium, vasa comitesque meos?*» (Liv. I, 24,5) позволяет думать, что он является не только символом территории, но и символом общины. Это тем более вероятно, что в клятве, которая приносилась при тре-

бовании удовлетворения и возвещения войны²⁶ посол, а в будущем — фециал — заявлял, что в случае, если претензии несправедливы, он готов к тому, чтобы лишиться принадлежности к своему отечеству: *tum patriae compotem me nunquam siris esse* (Liv. I, 32,7), то есть настолько откровенно заявил себя со своей общиной, что для него в порядке вещей принять лично на себя наказание²⁷ за несправедливые требования Рима, коих он является только «передатчиком», вестником — *nuntium*²⁸.

А в той части формулы, которая содержит проклятие нарушителю договора, *pater patratus* призывает кару на весь римский народ: *populum Romanum sic ferito* (Liv. I, 24,8).

И, наконец, суть происшествия с Кавдинским миром заключается в том, что народ не захотел взять на себя обязательства, на принятие которых он не давал своего разрешения. Консулы, как военачальники, имея другие задачи, не обладали полномочиями заключать договор — *foedus*. Это могли сделать только фециалы, которым община дала именно такое, специфическое, поручение.

Но тогда из всего сказанного следует один вывод. Фециал связан не с властью, не с царем или магистратами, а непосредственно с общиной, от которой он и получает распоряжения, а поэтому, фециал стоит скорее ближе к людям, обладающим «политической» властью, нежели к религиозной организации.

Анк Марций, отправляясь воевать с латинами, поручил заботу о священнодействиях «фламинам и другим жрецам» (Liv. I, 33,1). Точно так же ранее Тулл Гостилий (а, может быть, и Нума) поручил специальным людям обряд, сопровождавший заключения договоров, чтобы договор заключался не с конкретным правителем, который придет и уйдет, а со всем *populo Romano*, живущим на определенной территории. Вечность существования *populi Romani* обуславливала и вечность заключенных договоров.

Для этого римские цари привлекли традиционную организацию, существовавшую на территории Лация с глубокой древности, и включили ее в число институтов формировавшейся римской *civitas*. Это произошло, видимо, в тот исторический момент, когда Рим перестал ощущать себя частью сообщества *Priscorum Latinorum* и превратился в самостоятельную территориальную единицу.

Таким образом, несмотря на скудные данные источников, которые предполагают больше вопросов, чем ответов, о фециалах можно сказать достаточно много и иметь, по крайней мере, основания для того, чтобы наметить ряд проблем, связанных с их деятельностью, и пути их решения.

«Первобытность» института фециалов, их действия не внутри Рима, а вне его, специфичность обрядов, связанных не с почитанием того или иного бога, а сопровождавших «внешнеполитические» шаги Рима²⁹ делают их организацией, несколько отличающейся от традиционных

жреческих коллегий, хотя, повторяю, именно так они определяются в историографии³⁰. И царь, участвуя в обряде наряды с фециалом, выступает не как царь-жрец, а как военный и политический глава определенной территориальной единицы. Речь действительно идет о коллегии, но коллегия, призванной в Рим — и не от другого народа, а, скорее, из другой эпохи — для совершения обрядов, обслуживающих чисто политические потребности нарождающейся *civitatis*. Как таковые, фециалы, по моему мнению, занимают промежуточное положение между жречеством (а, в силу религиозности мышления человека того времени, любое действие сопровождалось обращением к богам) и прамагистратурой³¹.

Примечания:

- ¹ Latte K. *Römische Religiongeschichte*. München: C.B. Beck, 1960. S. 121 — 124; Marquart J. *Römische Staatsverwaltung*. Bd. 3. Darmstadt: Hermann Centr. Ver., 1957. S. 415 — 427.
- ² Dumézil G. *Rémarques sur le «ius fetiale»* // *Revue des études latines*. A. 34. T. 34. P., 1957. P. 93 — 111; Broughton T.R.S. *Mistreatment of Foreign Legates and the Fetial Priests: Three Roman Cases* // *Phoenix*. Vol. XLI. № 1. Toronto, 1987. P. 50 — 62; Penella R.J. *War, peace and the ius fetiale* // *Classical philology*. Vol. 82. № 3. Chicago, 1987. P. 233 — 237; Barnes M.J. *Cicéron et la guerre juste* // *Bulletin de la société française de philosophie*. A. 80, № 2. P. 37 — 80.
- ³ RE. T. 6. Stuttgart, 1909. Coll. 2259; Marquart J. *Op. cit.* S. 415 — 416; Broughton T.R.S. *Op. cit.* P. 50.
- ⁴ *Ibid.*
- ⁵ Latte K. *Op. cit.* S. 123; Marquart J. *Op. cit.* S. 415 — 416.
- ⁶ Penella R.J. *Op. cit.*
- ⁷ RE. T. 6. Coll. 2259 — 2260; Latte K. *Op. cit.* S. 123 — 124; Marquart J. *Op. cit.* S. 417 — 419.
- ⁸ См. подробнее: Майорова Н.Г. *Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н. э.)* // *Религия и община в Древнем Риме*. М., 1994. С. 97 — 124; Майорова Н.Г. *Трибуны и фециальное право. К интерпретации Кавдинского эпизода* // *Ius antiquum*. № 1. М., 1996. С. 76 — 79.
- ⁹ На связь самого термина *fetialis* с понятием *foedus*, *ferire* указывали уже античные авторы (*Fest. Fetialis; Feretrius*). Ряд современных историков (Marquart J. *Op. cit.* S. 417; Érnout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latines. Histoire des mots*. P.: Librairie C. Klincksieck, 1939. P. 354), согласен с таким предположением, действительно, не лишенным интереса.
- ¹⁰ Если Ливий впервые упоминает о фециалах в рассказе о царствовании Туллы Гостилия в связи с заключением договора (*Liv. I, 24, 3*), то Цицерон, так же приурочив сообщение о них к описанию деяний этого царя, соотносит *ius fetiale* с понятием справедливой, возмездной и объявленной, войны (*Cic. De rep. II, 17, 31*). А Дионисий Галикарнасский (*Dionys. II, 72, 1*) и Плутарх (*Plut. Numa, XII*) относят появление фециалов к царствованию Нумы Помпилия. Это противоречие зафиксированно как факт в историографии: RE. T. 6. Col. 2259; Эрман А.Ф. *Легенда о римских царях. Ее происхождение и развитие*. СПб., 1896. С. 177 — 178.
- ¹¹ Кстати, в историографии именно эта функция фециалов считается главной: RE.

- Т. 6. Coll. 2260; Latte K. Op. cit. S. 121; Marquart J. Op. cit. S. 416, 419; Bloch R. *Tite-Live et les premiers siècles de Rome*. P.: Les Belles Lettres, 1965. P. 101; Эрман А.Ф. Указ. соч. С. 186 — 167.
- 12 Видимо, не позднее середины IV в. до н. э.: Полонская К.П., Поняева Л.П. Хронология по ранней римской литературе. М.: Высшая школа, 1984. С. 191.
- 13 Там же. С. 193.
- 14 Ведь Анк Марций даже законы записал на белых досках, которые выставил на площади (Liv. I, 32, 2).
- 15 См. сноску 11.
- 16 Термин *pater patratus* очевидно связан с глаголом *patro*, I — «приводить в исполнение».
- 17 Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 31.
- 18 Dumézil G. Op. cit. P. 98 — 106.
- 19 Érnout A., Meillet A. Op. cit. P. 354; Latte K. Op. cit. S. 121.
- 20 RE. T. 6. Coll. 2259, 2263; Dumézil G. Op. cit. P. 98, 101.
- 21 Моммзен Т. Римская история. Т. 1. М., 1936. С. 161, 163.
- 22 Известный итальянский исследователь профессор Фр. Сини говорит, что нет сведений о существовании каких бы то и было записей, относящихся к коллегии фециалов (Sini Fr. *Documenti sacerdotali di Roma antica*. Sassari; Libreria Dessi editrice, 1983. P. 170). Однако, в труде Феста мы находим упоминание о подобных *Commentariis* (Fest. L. 183: <Nuntius et in re ipsa et> in persona dicitur..., <ut nuntius> allatus est: qu....<in Com>mentariis fetialium>).
- 23 Но, судя по тому, что в проклятии следует обращение к Юпитеру (Liv. I, 24, 7 — 8), можно предположить, что и *carmina* возносились этому богу.
- 24 Моммзен Т. Указ. соч. С. 150. Ж. Дюмезиль относит эту обрядность к индоевропейскому единству: Dumézil G. Op. cit. P. 93, 98; Bloch R. Op. cit. P. 119 — 120.
- 25 О том, что при Тулле фециалы на римской почве — не новость, свидетельствует так же и то, что у альбанцев были *sua carmina* и *suum ius iurandum* (Liv. I, 24, 9), то есть римские фециалы, если и не успели сформулировать свои собственные клятвы, то, во всяком случае, начали укоренять представление о том, что некогда общелатинские клятвы приобретают на римской почве свою специфику и отличаются от клятв прочих латинских общин.
- 26 Этот обряд, по всей видимости, более поздний, чем обряд заключения договоров.
- 27 Изгнанием из общины наказывали убийц, как, например, сыновей Анка Марция за убийство ими Тарквиния Старшего (Liv. I, 41, 7).
- 28 Возможно, даже не «вестником», а «вестью».
- 29 Dumézil G. Op. cit. P. 98.
- 30 См. сноски 3, 19.
- 31 Майорова Н.Г. Римские фециалы... С. 117 — 119.

А.С. Балахванцев

НАСЛЕДОВАНИЕ СЕНАТОРСКОГО ЗВАНИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ?

В истории изучения проблемы наследования senatorского звания в эпоху Юлиев-Клавдиев имеется много белых пятен. Неясно даже, кто первый высказал утверждение, что при Августе senatorское звание стало передаваться по наследству. Часто при этом ссылаются на Т. Моммзена¹, однако сам великий немецкий ученый писал нечто прямо противоположное: «“ordo” обозначает в императорское время, как и при республике, сенат, и исключает сыновей senatorов..., потому что они вплоть до вступления в сенат принадлежали к ordo equester»². Однако мнение о наследовании senatorского звания, начиная с эпохи Августа, приобрело в исторической науке значения аксиомы³.

Какие же аргументы приводятся в поддержку этой точки зрения? Их можно разделить на две группы. Так, А. Шастаньоль, ссылаясь на свидетельство Светония⁴, делает вывод: «дети senatorов составляли “ordo senatorius” и имели право носить тунику с широкой пурпурной каймой (latus clavus)»⁵. По мнению этого же ученого, пожалование latus clavus'a означает причисление к ordo senatorius⁶. Однако, спрашивается, можно ли делать из фразы Светония столь далеко идущие выводы? Равнозначно ли ношение туники с latus clavus'ом и присутствие на заседаниях сената получению ordo senatorius?

Сначала разберемся с latus clavus'ом. Следует иметь в виду, что хотя latus clavus и являлся официальным символом, он не обладал стандартной формой и расположением. Ширина пурпурной полосы на senatorских и всаднических туниках могла быть произвольной⁷. Вообще же «установление отличительных образцов одежды как символов статусов классовых различий... не характерно для римского общества в первые века Империи..., во время Принципата никогда не существовало серьезных намерений установить “иерархию одежд”»⁸.

Итак, мы видим, что в эпоху раннего принципата тип римской официальной одежды еще не устоялся, что он не мог служить «лакмусовой бумажкой» для определения принадлежности гражданина к тому или иному ordo. Но этого мало. У нас есть данные, показывающие, что сплошь и рядом senatorскую одежду носили лица, которые заведомо не были ни senatorами, ни их сыновьями. К их числу относились и всадник Публий Овидий Назон (Ovid. Trist. IV. 10. 28 — 29), и будущий им-

ператор Веспасиан (Suet. *Vesp.* 2. 2). А. Шастаньоль отвел первый пример на том основании, что Овидий сменил латиклаву на ангустиклаву в 18 г. до н. э., и именно в тот же год Август разрешил носить *latus clavus* только сенаторам и их сыновьям⁹. К мнению А. Шастаньоля присоединился и Р.Талберт¹⁰.

Опираясь на свидетельство Диона Кассия¹¹, А. Шастаньоль поставил под сомнение и данные Светония (*Vesp.* 2. 2) о том, что будущий император Веспасиан носил латиклаву после достижения совершеннолетия. По его мнению, «дарование латиклавы всаднику Тиберием находится в противоречии с законодательством Августа, о котором мы узнаем от Диона Кассия и Светония»¹².

Такую интерпретацию источников нельзя признать убедительной. Во-первых, у Светония нет ни слова о том, что Август запретил всем, кроме сыновей сенаторов, носить *latus clavus*. Во-вторых, хотя Дион Кассий и говорит, что до Калигулы носить senatorскую одежду было позволено только потомкам сенаторов, он тут же подчеркивает неуверенность в правильности своего сообщения, употребляя выражение «как кажется»¹³. Следовательно, говорить о существовании законодательства Августа, якобы разрешившего носить *latus clavus* только сыновьям сенаторов, и сомневаться в точности данных Светония относительно начального этапа senatorской карьеры Веспасиана нет никаких оснований.

Наши источники сообщают о многочисленных случаях дарования лицам различного звания квесторских, преторских или консульских знаков отличия. Так, преторские знаки отличия получили префекты претория Элий Сеян при Тибери (Dio Cass. 57. 19. 7) и Руфрий Криспин при Клавдии (Tac. Ann. 11. 4), а также вольноотпущенник последнего Паллант (Tac. Ann. 12. 53). При Нероне консульские знаки отличия получили префекты претория Офоний Тигеллин и Нимфидий Сабин (Tac. Ann. 15. 72). Квесторские знаки отличия получил при Тибери префект вигилей Лакон (Dio Cass. 58. 12. 7), а при Клавдии — его вольноотпущенник Нарцисс (Tac. Ann. 11. 38). Таким образом, все эти лица получили право носить претексту, если им были даны преторские или консульские *ornamenta*, или, по крайней мере, *latus clavus*, если они имели квесторские знаки отличия. Тем не менее, никто из них не стал обладателем *ordo senatorius*¹⁴.

Теперь коснемся права сыновей сенаторов посещать заседания Сената. Прежде всего следует выяснить, было ли это право безусловным, а если нет — то от кого зависела его реализация? Тацит сообщает, что старший сын Германика Нерон достиг совершеннолетия в 20 г. н. э. (Tac. Ann. 3. 29). В начале 23 г. н. э. мужскую тогу надел и Друз, второй сын Германика (Tac. Ann. 4. 4). Однако, когда 14 сентября 23 г. н. э. умер сын Тиберия Друз Младший, на состоявшемся в тот же день заседании Сената ни Нерон, ни Друз не присутствовали (Tac. Ann. 4. 8). Итак, со-

вершеннолетние дети Германика, который был сенатором, дважды консулом, внуком Августа и приемным сыном Тиберия, не воспользовались своим правом. Не воспользовались или не смогли воспользоваться? Скорее всего, последнее предположение более верно.

Начиная с правления Августа, дети сенаторов, как это было принято в IV — III вв. до н. э. (Aul. Gell. NA. 1. 23), могли¹⁵ приходиться в Сенат в сопровождении своих отцов или опекунов. Отец Нерона и Друза умер еще до наступления их совершеннолетия. После его кончины Тиберий поручил юношей Друзу Младшему (Tac. Ann. 4. 8). Понятно, что во время его болезни и смерти ни Нерон, ни Друз не могли посещать заседания Сената. Следовательно, право сыновей сенаторов посещать заседания Сената не являлось безусловным, и его реализация в эпоху Юлиев-Клавдиев зависела от отца или опекуна.

Следует ли понимать это право как доказательство того, что сыновья сенаторов обладали *ordo senatorius*? Против такого вывода предостерегает сенаторское постановление, принятое в честь Друза Младшего в 10 г. н. э.¹⁶. В нем сыну Тиберия было предоставлено право до достижения 24-летнего возраста только присутствовать в Сенате, а подавать голос (т. е. реально участвовать в заседаниях) — после того, как он станет квестором¹⁷.

Кроме того, только ли сыновья сенаторов могли посещать заседания сената? Как известно, Плиний Младший был сыном муниципального магистрата¹⁸. После смерти отца его усыновил дядя по матери всадник Плиний Старший. Но вот что писал Плиний Младший своему другу: «... мы учились от старших...» (здесь и далее пер. А.И. Доватура)¹⁹. И ниже: «...те, кто предназначал себя к государственной деятельности, присутствовали на заседаниях сената, стоя в дверях...»²⁰. Затем Плиний Младший переходит к рассказу о событиях конца семидесятых — первой половины восьмидесятых годов. «И мы же увидели сенат, сенат трепещущий и безмолвный... То же самое зло мы видели и терпели в течение многих лет, уже сами став сенаторами»²¹. Следовательно, Плиний Младший, не будучи сенатором или сенаторским сыном, присутствовал на заседаниях сената. Возможно, что он сопровождал туда своего опекуна Вергиния Руфа (Plin. Ep. 2. 1. 10). Таким образом, на заседаниях сената могли присутствовать не только дети сенаторов, но и другие лица, готовившие себя к магистратской деятельности. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что наши источники четко разграничивают присутствующих в курии лиц от участвующих в заседании Сената²². Только последние входили в *ordo senatorius*.

Обратимся теперь ко второй группе аргументов, приводимых в поддержку мнения о наследовании сенаторского звания в эпоху Юлиев-Клавдиев. Ряд исследователей, основываясь на данных Дигест, считают, что Август сделал сенаторское звание наследственным и создал та-

ким образом senatorское сословие, членство в котором принадлежало senatorам и их потомкам в трех поколениях²³.

Первое и, пожалуй, самое важное место — это выдержка из закона Юлия и Папия-Поппея *de maritandis ordinibus* (Dig. 23. 2. 44. pr). Этот закон состоял, собственно, из двух тесно связанных между собой законов: *Lex Iulia de maritandis ordinibus* и *Lex Papia Poppaea nuptialis*, и преследовал цель всемерного укрепления римской семьи. *Lex Iulia* говорил следующее: «Senator или его сын, или внук по мужской линии, или правнук по мужской линии не могут сознательно, со злым умыслом взять в качестве невесты или жены вольноотпущенницу или женщину, которая занимается или занималась ремеслом, служащим для забавы других, или отец либо мать которой занимаются или занимались этим ремеслом. И дочь сенатора, или внучка по мужской линии, или правнучка по мужской линии не могут быть сознательно со злым умыслом невестой или женой вольноотпущенника или лица, которое занимается или занималось ремеслом, служащем для забавы других, или отец либо мать которого занимается или занималась этим ремеслом, и никто из этих лиц не может со злым умыслом сознательно взять ее (дочь, внучку, правнучку сенатора) в качестве невесты или жены» (пер. И.С. Перетерского)²⁴. Как явствует из текста закона, в нем нет ни слова о передаче senatorского звания по наследству. Более того, само упоминание потомков сенатора во втором и третьем колене по мужской линии является косвенным доказательством того, что senatorское звание по наследству не передавалось. Действительно, в противном случае достаточно было запретить неподобающие браки только для senatorских сыновей и дочерей: ведь у внуков, внучек, правнуков и правнучек по мужской линии отцы должны были обладать *ordo senatorius*.

Кроме вышеупомянутого отрывка из закона Юлия от 18 г. до н. э., Р.Талберт пытается опереться на несколько фрагментов девятого титула первой книги Дигест²⁵. Эти фрагменты (пятый, шестой и седьмой) представляют собой комментарии выдающихся римских юристов Ульпиана и Павла к закону Юлия и Папия. Поскольку в этом законе запрещение неподобающих браков для senatorов распространялось и на их потомков, римские юристы III в. н. э. сосредоточили свое внимание на вопросе: кого можно считать сыном и внуком сенатора? Иными словами: кто подпадает под действие этого закона?

Ульпиан говорит, что под действие закона Юлия и Папия подпадает не только прирожденный, но и приемный сын сенатора²⁶. Павел считает, что приемный сын сенатора подпадает под действие этого закона, но до тех пор, пока не освободится от отцовской власти. По его мнению, даже усыновленный лицом более низкого звания, сын сенатора все равно подпадает под действие этого закона²⁷. Ульпиан, ссылаясь на Лабео-на, указывает, что под действие закона подпадают и тот, кто был рожден после смерти отца сенатора, и тот, кто был зачат до исключения его отца

из Сената. Развивая эти положения, Ульпиан приходит к выводу, что под действие закона подпадает даже тот, чей отец потерял звание сенатора до зачатия сына, если его дед был сенатором²⁸.

Мы не случайно постоянно подчеркиваем связь комментариев Павла и Ульпиана с законом Юлия и Папия: ведь единственной целью этих комментариев было выяснение круга лиц, подпадающих под действие данного закона. Но, будучи оторванными от него и помещенными среди титулов, где идет речь об обязанностях высших должностных лиц, они приобрели совершенно другой смысл и слишком широкое толкование. Разумеется, этот разрыв текста закона и комментария к нему произошел не случайно. Для римского менталитета вообще и для римского права в частности всегда было характерно стремление представить вводимое новшество возрождением *mores maiorum*, подогнать новые социальные отношения под старые правовые нормы²⁹. Иногда желаемый результат достигался путем фальсификации исторического или юридического материала³⁰; иногда — путем выхватывания отдельных замечаний из контекста и их абсолютизации без всякого внимания к тому, по какому поводу было высказано то или иное положение. Последним не раз грешили кодификаторы Дигест³¹. В данном конкретном случае действия Трибониана и его коллег невозможно объяснить без учета той политической обстановки, в которой шла работа над Дигестами. В январе 532 г. в Константинополе вспыхнуло восстание Ника, едва не закончившееся свержением Юстиниана. В восстании была замешана большая часть сенаторов. Несмотря на подавление восстания, императору пришлось пойти на уступки и предпринять ряд мер, увеличивших влияние и авторитет сената³². Возможно, что среди них было и введение института наследования сенаторского звания.

Таким образом, данные фрагменты девятого титула первой книги Дигест не могут служить доказательством передачи сенаторского звания по наследству, начиная с принципата Августа. Хотя в них и отражена определенная социальная реальность — это реальность эпохи Юстиниана I, но никак не Юлиев-Клавдиев. В пользу последнего предположения говорит и тот факт, что Исидор Севильский, писавший в начале VII в. в вестготской Испании, отношения которой с Империей были весьма напряженными, ничего не знал о введении наследования сенаторского звания или сознательно это игнорировал³³.

Прежде чем расстаться с юридическими источниками, следует сказать следующее. У римлян даже установление особых мест на зрелищах для сенаторов и всадников проводилось специальными законами. И хотя ни *Lex Roscia*, ни *Lex Iulia theatralis* до нас не дошли, о них сохранились упоминания у более поздних авторов (*Vell. Pat.* 2. 32; *Tac. Ann.* 15. 32; *Plut. Cic.* 13; *Suet. Aug.* 40. 1) Тем более не мог бесследно исчезнуть закон, устанавливающий передачу сенаторского звания по наследству. Однако до нас не дошло никаких следов существования *Lex*

Iulia de ordine senatorio: ни текста закона, ни ссылок на него. В данном случае *argumentum ex silentio* говорит скорее не о неполноте наших знаний, а об отсутствии подобного закона.

Между тем, в наших источниках содержатся два безусловных указания на то, что в I в. н. э. сыновья сенаторов до занятия магистратур принадлежали к *ordo equester*. Светоний³⁴ и Дион Кассий³⁵ указывают, что будущий император Клавдий до 46-летнего возраста числился среди всадников, до тех пор пока Калигула не сделал его сенатором, взяв себе в коллеги по консульству. Почему же Клавдий, внук сенатора, сын консуляра Друза Старшего, член императорской фамилии, все еще принадлежал к всадникам? На этот вопрос невозможно ответить, если придерживаться теории о передаче senatorского звания по наследству³⁶. Единственное разумное объяснение этого факта заключается в том, что Клавдий не занимал до своего консульства никаких магистратур. «Высокопоставленные» родственники считали его человеком глуповатым и попросту не допускали Клавдия к должностям (*Suet. Clav. 4. 7; 5. 1*). Именно поэтому Клавдий не имел *ordo senatorius*.

Плиний Младший пишет об одном мальчике, что «со стороны отца дедом ему доводится почтенный человек senatorского звания, отец же и брат отца носили славное имя всадников» (пер. М.Е. Сергеевко)³⁷. Этим мальчиком был будущий ординарный консул 122 г. н. э. Кореллий Панса, а его дедом с отцовской стороны — Марк Гиррий Фронтон Нераций Панса, консул-суффект в неизвестном году, легат Галатии и Каппадокии при Веспасиане или Тите (*PIR¹ N 129*)³⁸. Итак, сыновья senator-консуляра не унаследовали senatorского звания и были всадниками.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: в эпоху Юлиев-Клавдиев senatorское звание по наследству не передавалось. И это вполне объяснимо: в условиях, когда внесенатский аппарат управления еще не сложился, передача senatorского звания от отца к сыну по наследству в скором времени привела бы к складыванию узкой и всесильной касты, не только не зависящей от принцепса, но и поставившей его под свой полный контроль. Ни Август, ни его преемники никогда не забывали, что императорская власть родилась в ожесточенной борьбе с senatorской республикой и ее сторонниками. Правда, принцепсы, начиная с Августа, постоянно это отрицали (*RgdA. 34*). Но происхождение — это такая вещь, которую можно отрицать, но нельзя отменить. Передача senatorского звания по наследству стала возможной лишь тогда, когда *ordo senatorius* потеряло всякое политическое значение. Однако до этого было еще очень далеко.

Примечания:

¹ См. например: Хвостов В.М. История римского права. М., 1919. С.180.

² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Leipzig, 1887. Bd. III. S.466. См. также:

- Fig. 14. 6. 9. 2; 16. 1. 22.
- ³ Chastagnol A. La naissance de l'ordo senatorius // MEFR. 1973. Т. 85. P. 591; Ibid. Les femmes dans l'ordre sénatorial: titulature et rang social à Rome // RH. 1979. Т. 262. P. 5, 7; Nicolet C. Le cens sénatorial sous la République et sous Auguste // JRS. 1976. Vol. 66. P. 38; Ibid. The world of the citizen in the republican Rome. Berkeley; Los Angeles, 1988. P. 4; Reinhold M. Usurpation of Status and Status Symbols in the Roman Empire // Historia. 1971. Bd. 20. P. 281; Millar F. The emperor in the Roman World (31 B.C. — A.D. 337). Ithaca, 1984. P. 291; Garnsey P., Saller R. The Roman Empire. Economy, Society and Culture. L., 1987. P. 113; Talbert R.J.A. The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 39; Alföldy G. The Social History of Rome. L., 1988. P. 115; Портнягина И.П. Сенат и сенаторское сословие в период раннего принципата. Рук. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Л., 1983. С.30 — 32; Она же. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989. С. 4, 27, 50.
- ⁴ Suet. Aug. 38. 2. «Liberis senatorum, quo celerius rei publici assuescerent, protinus a virili toga latum clavum induere et curiae interesse permisit».
- ⁵ Chastagnol A. Le laticlave de Vespasien // Historia. 1976. Bd. 25. P. 253. Ср.: Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens. Rome, 1988. P. 780.
- ⁶ Chastagnol A. «Latus clavus» et adlection. L'accès des hommes nouveaux au sénat romain sous le Haut-Empire // RHD. 1975. Т. 53. P. 381.
- ⁷ См.: Кнабе Г.С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 104. Автор справедливо замечает, что в противном случае Александру Северу не пришлось бы в начале III в. н. э. устанавливать размер и форму всаднических полос на тунике.
- ⁸ Reinhold M. Op.cit. P. 282; ср.: Talbert R.J.A. Op.cit. P. 216.
- ⁹ Chastagnol A. Le laticlave... P. 253; Ibid. «Latus clavus»... P. 381. Следует заметить, что многие ученые не упоминают об установлении наследования сенаторского звания в связи с законодательством 18 г. до н. э. См.: Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1925. Т. 4. С. 185 — 186; Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 435 — 436; Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 108. А.Б. Егоров (Рим на грани эпох: проблемы зарождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 108) говорит об этом довольно неопределенно.
- ¹⁰ Talbert R.J.A. Op. cit. P. 11. Тем не менее, ниже (p. 513) Талберт отмечает, что законодательство Августа, запрещающее сыновьям всадников носить *latus clavus*, «уже долго игнорировалось в практике тридцатых годов».
- ¹¹ Dio Cass. 59. 9. 5. «τοῦ τε τέλους τοῦ τῶν ἱππέων ὀλιγανδροῦντος, τοὺς πρώτους ἔξ ἀπάσης καὶ τῆς ἕξω ἀρχῆς τοῖς τε γένεσι καὶ ταῖς περιουσίαις μεταπεμφάμενος κατέλεξετο, καὶ τισιν αὐτῶν καὶ τῇ ἐσθῆτι τῇ βουλευτικῇ, καὶ πρὶν ἄρξαι τινὰ ἀρχὴν δι' ἧς ἐς τὴν γερουσίαν ἐσερχόμεθα, χρῆσθαι ἐπὶ τῆς βουλῆς ἑλπίδι ἔδωκε πρότερον γὰρ μόνοις, ὡς εἶοικε, τοῖς ἐκ τοῦ βουλευτικοῦ φύλου γεγεννημένοις τοῦτο ποιεῖν ἔξῃ».
- ¹² Chastagnol A. Le laticlave... P. 255. См. также: Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312 — 43 av. J.C.). P., 1966. Т. 1. P. 198; Demougin S. Op. cit. P. 780, n. 65. Заметим, что Светоний (Vesp. 1. 2 — 3; 2. 2 — 3) нигде не называет Веспасиана или его отца римскими всадниками.
- ¹³ См.: Saller R. Personal Patronage under the early Empire. Cambridge, 1982. P. 50.
- ¹⁴ Представляется справедливым замечание Ф. Миллара (The emperor... P. 233), согласно которому *latus clavus* давал человеку не больше, чем право поступления на сенаторскую службу.
- ¹⁵ Светоний говорит нам, что Август разрешил сыновьям сенаторов посещать

- заседания сената. Однако, если учесть данные Диона Кассия о том, как Август боролся с недостатком кандидатов на магистратские посты (Dio Cass.54. 17. 3; 26. 8; 30. 2; 56. 27. 1), то скорее следует считать это разрешение приказом.
- 16 Dio Cass.56.17.3. «καὶ τῷ Δρούσῳ δὲ τῷ τοῦ Τιβερίου υἱεῖ, καίτοι μὴ μετάσχοντι τοῦ πολέμου, καὶ ἐξ τὸ συνέδριον συμφροῖτ' ἄν πρὶν βουλευῆσαι, καὶ ἐλειδᾶν ταμιεύῃ, γνῶμην πρὸ τῶν ἐστρατηγηκότων ποιῆσθαι, ἐψηφίσθη».
- 17 То, что данное постановление было принято в 10 г. н. э., опровергает датировку, предложенную А. Шастаньолом, согласно которому все сыновья сенаторов стали посещать курию с 18 г. до н. э.
- 18 См.: Gagé J. Les classes sociales dans l'Empire Romain. P., 1964. P. 89.
- 19 Plin. Ep. 8. 14. 4. «...a maioribus... disceremus...».
- 20 Plin. Ep. 8. 14. 5. «...inde honores petituri adsistebant curiae foribus...» Следует обратить внимание на то, что Плиний говорит не о детях сенаторов, а о тех, кто желал стать сенатором.
- 21 Plin. Ep. 8. 14. 8 — 9. «Idem prospeximus curiam, sed curiam trepidam et elinguem... Eadem mala iam senatores, iam participes malorum multos per annos vidimus tulimusque...».
- 22 О присутствовавших в курии нечленах Сената см.: Talbert R.J.A. Op. cit. P. 154 — 162.
- 23 Talbert R.J.A. Op.cit. P. 39; Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 113; Alföldy G. Op. cit. P. 115. Последний говорит только о сенаторах и их сыновьях.
- 24 Lege Iulia ita cavetur: «Qui senator est quive filius neposve ex filio proneposve ex filio nato cuius eorum est erit, ne quis eorum sponsam uxoremve sciens dolo malo habeto libertinam aut eam, quae ipsa cuiusve pater materve artem ludicam facit fecerit. neve senatoris filia neptisve ex filio proneptisve ex nepote filio nato nata libertino eive, qui ipse cuiusve pater materve artem ludicram facit fecerit, sponsa nuptave sciens dolo malo esto neve quis eorum dolo malo sciens sponsam uxoremve eam habeto».
- 25 См.: Talbert R.J.A. Op.cit. P. 11.
- 26 Dig. 1. 9. 5. «Senatoris filium accipere debemus non tantum eum qui naturalis est, verum adoptivum quoque: neque intererit, a quo vel qualiter adoptatus fuerit nec interest, iam in senatoria dignitate constitutus eum susceperit an ante dignitatem senatoriam».
- 27 Dig. 1. 9. 6. «Senatoris filius est et is, quem in adoptionem accepit, quamdiu tamen in familia eius manet: emancipatus vero nomen filii emancipatione amittit. A senatore in adoptionem filus datus ei qui inferioris dignitatis est, quasi senatoris filius videtur, quia non amittitur senatoria dignitas adoptione inferioris dignitatis, non magis quam ut consularis desinat esse».
- 28 Dig. 1. 9. 7. «Emancipatum a patre senatore quasi senatoris filium haberi placet. Item Labeo scribit etiam eum, qui post mortem patris senatoris natus sit, quasi senatoris filium esse. sed eum, qui posteaquam pater eius de senatu motus est concipitur et nascitur, Proculus et Pegasus opinantur non esse quasi senatoris filium, quorum sententia vera est: nec enim proprie senatoris filius dicitur is, cuius pater senatu motus est antequam iste nasceretur. si quis conceptus quidem sit, antequam pater eius senatu moveatur, natus autem post patris amissam dignitatem, magis est ut quasi senatoris filius intellegatur: tempus enim conceptionis spectandum plerisque placuit. Si quis et patrem et avum habuerit senatorem, et quasi filius et quasi nepos senatoris intellegitur. sed si pater amiserit dignitatem ante conceptionem huius, quaeri poterit an, quamvis quasi senatoris filius non intellegatur, quasi nepos tamen intellegi debeat: et magis est ut debeat, ut avi potius ei dignitas prosit, quam obsit casus patris».
- 29 См.: Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 152; Grimm Д.Д.

- Лекции по догме римского права. Киев, 1919. С. 1 — 4.
- ³⁰ В 29 г. до н. э. проконсул Македонии Марк Лициний Красс убил в единоборстве царя бастарнов Делдона (Dio Cass. 51. 21. 4). До Красса подобное совершили только три римских полководца: Ромул, Авл Корнелий Косс и Марк Клавдий Марцелл. Каждый из них смог принести в дар Юпитеру Феретрию снятые с убитого вождя доспехи. Однако Крассу было в этом отказано под предлогом, что все его предшественники обладали высшей властью. Для того, чтобы отказ выглядел правдоподобным, Август «рекомендовал» историку Титу Ливию включить в его труд указание на то, что Авл Корнелий Косс совершил свой подвиг, будучи не военным трибуном, а консулом (Liv. 4. 20. 5 — 11).
- ³¹ См.: Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956. С. 69 — 71.
- ³² См.: Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986. С. 118 — 119.
- ³³ Isid. Etym. 9. 4. 12. «*Quamvis autem senatoria quisque origine esset, usque ad legitimos annos eques Romanus erat, deinde accipiebat honorem senatoriae dignitatis*».
- ³⁴ Suet. Cal. 15. 2. «*...patruum Claudium, equitem Romanum ad id tempus, collegam sibi in consulatu assumpsit...*».
- ³⁵ Dio Cass. 59. 6. 6. «*οὗτος γὰρ ἔν τε τοῖς ἱππεύσι μέχρι τότε ἐξεταζόμενος... τότε πρῶτον, καίτερ ἕξ καὶ τεσσαράκοντα ἔτη βεβιωκώς, καὶ ὑπάτευσεν ἅμα καὶ ἐβούλευσεν*».
- ³⁶ А. Шастаньоль считает, что «... нося по праву рождения тунику-латиклаву и являясь членом *ordo senatorius* в августовском смысле, он [Клавдий — А.Б.] оставался всадником до 37 г. н. э...» (Chastagnol A., *Le laticlave...* P. 253). Но автор не объясняет, как было возможно одновременно являться членом двух сословий.
- ³⁷ Plin. Ep. 3. 3. 1. «*...illi paternus etiam clarus spectatusque contigerit, pater quoque et patruus inlustri laude conspicui*».
- ³⁸ См.: Sherwin-White A.N. *The letters of Pliny. A historical and social commentary*. Oxford, 1966. P. 212; Thomasson B.E. *Senatores procuratoresque Romani nonnulli quorum cursus honorum munerumve post volumina P.I.R. edita aut innotuerunt aut melius noti sunt quomodo rei publicae operam dederint breviter illustravit*. В.Т. Goeteborg, 1975. P. 43 — 45.

И.А. Гвоздева

CONTROVERSIA DE FINE В CORPUS AGRIMENSORUM ROMANORUM

Важнейшая экономическая категория древности, земля, имеет наиболее точное определение в римском аграрном праве. Гражданские правоотношения Рима не только выражали status каждого земельного участка, полученного гражданином или оставшегося собственностью всего гражданского коллектива, но и формировали способы их юридической защиты. Для укрепления правосознания в архаическом обществе важное значение приобретает такая категория аграрного права, как граница земельной собственности или владения.

Известно, что сам Юпитер покровительствовал акту деления земельного пространства, а проведение границ и было божественным распоряжением о выделении его части. Граница, получившая название *finis*, становится священной и неприкосновенной. Согласно пророчеству нимфы Вегойи, на голову нарушителя границ обрушатся страшные кары: эпидемии, раны, смещение плодов, гибель виновника и всего его рода (SRF. I. S. 358)¹.

Наиболее раннее упоминание *finis* встречается в Законах XII таблиц: «*usus capionem XII tab. intra V pedem esse noluerunt*» (Cic. De leg. I, 21, 55). Древний юридический памятник показывает, что граница была не разметочной линией, а дорогой в 5 футов шириной (2,5 м), вполне пригодной для проезда. Так, уже в архаику, *Ius Civile* материализует через *finis* права гражданского коллектива на определенную часть земельной собственности, а развивает это право через иски.

Actiones — судебные иски — раскрывают правовое положение *ager* в этапах судебного процесса и по его юридическим результатам. Среди них особое положение занимают иски о границе (*finis*). Поскольку *finis* является дорогой, то ее ширина может быть предметом иска; кроме того сам объект ограничения — *locus*, также является предпосылкой для выдвижения иска, но не пограничного характера, а вещного, т. к. *locus*, как участок, можно было подвергнуть делению. Для пограничного иска сохраняется архаический титул — *controversia*: предполагается, что противники (*adversarii*) или шли на примирение, или на следующем этапе разбирательство рассматривалось в суде. Тип *controversia de fines* становится частью римской судебной системы *legis actio* — древнейшей формы гражданского процесса в Риме.

Значение, которое в римском аграрном праве придавалось погра-

ничным controversiis, видно по специальной разработке этой темы в научных трактатах специалистов по землеустройству — agrimensores. Эти авторы I — II вв. посвятили свои произведения межеванию и анализу правового положения земель. Среди трактатов: «De agrogum qualitate» Фронтин, «De condicionibus agrogum» Гигина Старшего и Сикула Флакка, «De limitibus» Фронтин и Гигина Старшего, «Constitutio limitum» Гигина Громатика (CAR)². Видно, что это были квалифицированные землемеры, но именно они оставили нам сочинение юридического характера: «De generibus controversiis».

По мнению основоположника римского землеустройства Фронтин, главное содержание спора «de fine» — подтверждение ее ширины: «nam et eadem lege continentur et de quinque pedum agitur latitudine» (CAR. S. 5). Именно это качество границы упоминается и в Законах XII таблиц. Такая граница-дорога создавалась двумя хозяевами соседних участков, выделявших по 2,5 фута от своего поля.

Для римлян было привычным, что границы обозначали межевые знаки (чаще из камня) — термины; считалось, что они были названы так в честь Термина — бога покровителя границ (Plin. N. H. 16, 5, 15). Наиболее полное описание обряда жертвоприношения и всего ритуала освящения и установки термина приводит Сикул Флакк, специалист по земельным спорам (CAR. S. 105).

Термин на границе символизирует священное право собственника на участок, отделенный от другого при помощи finis — дороги (CAR. S. 4; 30 — 31; 58 — 59). Таким образом, finis и термин не только вместе, но и каждый по отдельности охраняют собственность. Тигин Старший даже выделяет, как составную часть controversiis «de fine», спор «о термине на границе, что нуждается в выпрямлении» (CAR. S. 89). Фронтин формулирует самостоятельный тип controversiis «de positione terminogum», причисляя его к искам пограничного характера (CAR. S. 4).

В Дигестах пограничный спор рассматривается как иск, в котором участвуют двое соседей (D. 43, 27, 1, 8). Предполагается, что разбирательство может касаться ширины границы или непрерывности обозначения. Подробный анализ материальной предпосылки спора проводился землемерами. Они указывали, что обочина дороги бывает обсажена определенным видом кустарника, межой или ровиком и т. д. (CAR. S. 107 — 108). Наиболее пристального внимания специалистов требовало место пересечения двух finis, называемое confinium (Cic. De leg. I, 55; CAR. S. 4, 5). Именно этот отрезок границы землемеры проверяли с особой тщательностью, и даже увеличивали здесь ширину finis до 15 футов. В этом пункте finis, приобретает значение ambitus (Fest, m. 16 ambitus), как поворот дороги, выделяемый в особую землемерную категорию, так как в углу закладывается точное направление finis. Здесь же устанавливается термин, гарантирующий неприкосновенность собст-

венности трех или четырех владельцев (D. 43, 28, 1). Следовательно, при нарушении положения термина число участников может возрасти. Но и в этом случае можно согласиться с мнением Ф. Хинрикса о том, что в архаическую эпоху клятвы (*fides*) вполне достаточно для подтверждения того владения, что создается *ex iure Quiritium*³. Сакральный штраф явно удовлетворял претензии, и controversia соответствовала тому уровню судопроизводства, когда вопрос решался без вмешательства магистратов.

По Законам XII таблиц запрет захватывать *finis* разъяснял невозможность создавать *usucapio*, т. е. давность владения на указанных 5 футах. Следовательно, в controversia одновременно решался вопрос и о самом участке. Чрезвычайно сложно было отделить объект иска и сформулировать титул controversia «*de loco*» и «*de fine*». Визуальное же восприятие любого места (*locus*) могло происходить только через границу, и ее вид нуждался в квалификации. Однако, материальное выражение границы, т. е. способы ее обозначения, в архаике специально не обсуждались и основывались скорее на традициях и клятвах. Аграрные писатели конца Республики — начала Принципата рассматривают *finis* как дорогу, обозначенную терминами. Агрименсоры же анализируют на практике два типа *fines*: один — со знаками, другой — описанный по рельефу местности (CAR. S. 112).

Для Фронтин «*de fine*» — спор о границе — дорожке на полях, которые называются *arcifinius* (CAR. S. 5). Тип *Ager Arcifinius* определяется учеными-землемерами как земля, не измеренная, а лишь обозначенная по рельефу и ландшафту местности границей⁴. Сикул Флакк считал, что наиболее удобными для выражения границы, также называемой *finis*, являются отдельно стоящие деревья или пригорки или группа холмов и т. д. (CAR. S. 107 — 108). Только священные клятвы могут сделать неприкосновенной подобную границу. Такое описание границы по топографическим признакам применяется и для крупной территории (Caesar. B.G. 13, 12), и для лесного массива, опушек, лугов. Указанный способ обозначения земельных площадей был удобен для быстрого разделения земли, отошедшей к римлянам при завоевании Италии. Деление *Ager Publicus* также происходило этим способом, более того, практическим выражением общественного поля стал *Ager Arcifinius* (CAR. S. 2, 53)⁵.

По определению землемеров, этот тип поля не содержит расчетов и деления, результатом которых является ассигнация — передача земли в собственность. *Ager Arcifinius* предназначен для оккупации и создания квинтского *possessio*, поэтому землемеры называют его *Ager Occupatoris* (CAR. S. 78, 102). По всей Италии римские граждане реализовывали свои права *occupatio Ager Publicus* и клялись не нарушать *Arcifinius*, обозначая *finis* по природе места (CAR. S. 103 — 104). Так создавался *locus*, демонстрировавший признак гражданства. Еще более

полным выражением этого качества римского гражданина была земля, полученная в результате ассигнации, которая происходила на полях *divisi*, т. е. разделенных сплошной линией — *finis* — с терминами на поворотах. *Fundus*, ассигнованный гражданину, имел специально проверенную линию границы (Plin. NH, 19, 4, 50; D. 50, 6 — Ulp.).

Mensores при техническом оформлении *finis* исходили из правового положения поля: *Arcifinius* ведет к образованию *possessio* (CAR. S. 78), а ассигнованный *fundus* снабжен терминами (CAR. S. 162 — 163). Исковая защита строится на сведениях *agrimensores*, специалистов по межеванию и знатоков местных обычаев по обозначению *finis*. Кроме того, *agrimensores* выступают в споре в качестве *arbiter ex compromisso* (CAR. S. 50). Это обстоятельство чрезвычайно важно для выявления функций третейского судьи. С. *Helvidius Priscus*, известный *mentor* времен Веспасиана, был и судьей (*mentor — arbiter ex compromisso*. CIL. IX, 2827 (= Dessau 5982, FIRA, Negotia, Nr). В функции *менторов* входило указать или подтвердить то, что неделимо и не может подвергаться размежеванию и жеребьевке. Следовательно, Фронтин указывая, что *finis* является «*per flexus, omnibus arcifinii agri continentur*», выделяет тип границы, закрывающей древний *possessio* (CAR. S. 5). В споре же двух или более соседей о термине, которому придают устойчивое положение, происходит восстановление *finis* для участков двух соседей, вероятнее всего, получивших их в результате ассигнации, по сведениям того же Фронтин (CAR. S. 4).

В предклассический период развития *Ius Civile — fides*, как гарантия собственности в замкнутой патрицианской *civitas*, уже не удовлетворяет требованиям правового обеспечения владения римских граждан по всей Италии. От архаического периода для подтверждения *Arcifinius* дошли записи — *scriptura*, рассматриваемые А. Бурдесе как юридическое основание *possessio*⁶. Вероятно, что именно *scriptura* стала существенным подспорьем в активной правовой деятельности преторов. Ведь они получали данные для предварительного процесса из этих записей при квалифицированной консультации *менторов*. Гигин Старший указывает, что такие надписи бывали чаще всего на деревьях. Деревья с зарубками и надписями должны быть видны соседним владельцам (CAR. S. 80). *Менторы* при арбитраже обязаны были знать все местные обычаи межевания и обозначения *Arcifinius*, дабы не допустить ошибки при определении *finis* (CAR. S. 76).

Особенно роль *менторов-консультантов* возрастает при развитии формулярного процесса в классический период *Ius Civile*. Преторы обращаются к ним и при составлении формулы эдикта для определения размеров и границ *possessio*. Типы контroversий «*de possessione*» у Фронтин и комментатора его текстов Агенния Урбика основывают на преторской формуле (CAR. S. 6, 65). Часть формулярного протеста — *adjudicatio* раскрывает для *агрименторов* возможности самостоятель-

ных действий по установлению прав сторон⁷. Доскональное знание всех видов *finis* превращает экспертов в судей предварительного слушания о неделимой границе. В таком качестве «*de fine*» становится одним из исков типа *finium regundorum*, который анализирует содержание, проведение и ширину границы⁸.

Выделение особой группы *actiones finium regundorum* было логично в классический период, где коммунальность и неделимость *finis* было общим правовым положением для границ *possessio* и земли, переданной в собственность. Ассигнация участков оформляется как *dominium* гражданам же государства в лице Принцепса. Эта земельная собственность образовывалась в результате раздела больших площадей лимитами — дорогами общественного значения (*CAR. S. 157 — 159*). Пересечение лимитов образует *центурии* — единицы площади, в которых и происходит жеребьевка и наделение граждан землей (*CAR. S. 162 — 164*).

Технической основой выделения участка становится расчет — *modus* (*CAR. S. 5, 73, 122*). *Fundus* образуется как результат расчета, и *finis*, его ограничивающая, хотя и сохраняет установленную в древности ширину в 5 футов, но приобретает вид прямой дороги непрерывного обозначения со специально утвержденными большими каменными терминами⁹.

На полях *divisi et adsignati* гарантия собственности выступает в виде термина, снабженного подробной надписью о размере участка, номера *центурии*, названия лимитов, ее создавших и т. д. (*CAR. S. 8, 166 — 167*). При такой жесткой межевой сетке и определенности *finis* спор может возникнуть лишь при падении или наклоне межевого камня (*CAR. S. 30 — 31*). В этом случае *менсор* становится главным экспертом, так как может апеллировать к основному документу межевания — плану (*forma*) (*CAR. S. 18, 102, 144*). Сохраняя функции арбитров при *магистратах колоний*, *муниципиев*, *агрименсоры* могли быть судьями в земельных спорах и на полях *divisi et adsignati*¹⁰. *Сикул Флакк* описывает, как много должен знать *менсор*, решающий споры на землях, разделенных лимитами: все типы терминов и характер надписей на них, их размещение, дополнительные способы обозначения сплошной границы (*CAR. S. 111 — 114*). Именно на такой *finis* *контroversia* может вестись между двумя собственниками — о восстановлении старых границ с *апелляцией* к земельным планам, все более приобретаая черты *иска частного характера* (*CAR. S. 89*).

Агенний Урбик считал, что в классический период «*controversia de fine*» по сути сводится к типу «*de positione terminorum*», хотя все три спора — «о границе», «о месте» и «о положении термина» остаются в группе *actiones finium regundorum* (*CAR. S. 58 — 62*). Основаниями для *иска* служат теперь документы *ассигнации*. Но земли, которые оставались на положении *Ager Publicus* и становились предметом *оккупации*, создавали *предпосылки* для образования *possessio*; следовательно, *претор-*

ская формула также фигурировала в разбирательствах пограничного характера.

Так, controversia «de fine» эволюционирует от архаического «иска о проведении границ», где процесс legis actio строит на fides доводы о неделимости коммунальной собственности и неприкосновенности границ, к формулярному процессу, в котором эдиктом претора подтверждаются владельческие права. Кроме того, рассматриваемая controversia приобретает черты частного иска о восстановлении древних границ и обозначений по документам о межевании земель, гарантирующим dominium на участок земли.

Примечания:

- ¹ SRF — Die Schriften der römischen Feldmesser herausgegeben und erläutert von F. Blume, K. Lachmann und A. Rudorff. Berlin, 1848 — 1852. Vol. I — II — первое издание Корпуса римских землемеров.
- ² CAR — Corpus Agrimensorum Romanorum. Lps., 1913 — второе издание Корпуса римских землемеров.
- ³ Hinrichs F.T. Die Geschichte der Gromatischen Institutionen. Wiesbaden, 1974. S. 185.
- ⁴ Burdese A. Studi sull'ager publicus. Torino, 1952. P. 19, 26; Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. М., 1996. С. 199.
- ⁵ Rudorff A. SFR, II. S. 252; Burdese A. Op. cit. P. 32; Castillo M.J. Ager arcifinius: significado etimológico y naturaleza real // Gerion; Madrid, 1993, № 11. P. 145 — 151.
- ⁶ Burdese A. Op. cit. P. 32; Дождев Д.В. Указ. соч. С. 202.
- ⁷ Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 22.
- ⁸ Hinrichs F.T. Op. cit. S. 181.
- ⁹ Moatti Cl. Archives et partage de la terre dans le monde Romain (II siècle avant — II siècle apres J.C.). P., 1993. P. 99 — 100; Campbell B. Shaping the rural environment: surveyors in ancient Rome // The Journal of Roman Studies, 1996. Vol. LXXXVI. P. 74 — 99.
- ¹⁰ Capagrossi Colognesi L. La struttura della proprietà e la formazione dei “Jura praediorum” nell'età Repubblicana. Milano, 1976. Vol. II. P. 37.

И.Н. Захарова

**«ТЕЗЕЙ» ПЛУТАРХА:
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ БИОГРАФИИ ГЕРОЯ**

Можно почти с уверенностью сказать, что Плутарх, приступая к жизнеописанию прославленного афинского героя, располагал богатейшим материалом. Будучи глубоким почитателем сферы ἀρχαιολογία, любителем путешествий, частым посетителем, а затем и гражданином Афин, он, конечно, хорошо знал разноречивые мифологические предания о Тезее, которые сохранялись традицией уже не одно столетие и неоднократно становились сюжетной основой произведений лирических поэтов и трагиков. Ему были известны и ежегодные афинские календарные праздники, а также многочисленные исторические места и памятники, связанные с именем героя и окружавшие каждого, ступившего на аттическую землю. Очевидно, поэтому Плутарх счел необходимым включить в биографию Тезея темы, многие из которых стали к его времени уже каноническими: рождение и родословие героя; юношеские подвиги; путешествие на Крит и возвращение; объединение Аттики; война с амазонками; похищение Елены; путешествие с Пирифоем в подземный мир; смерть Тезея и его погребение в Афинах. Почти каждый из данных сюжетов Плутарх мог бы, наверное, положить в основу отдельной книги. И если он не упоминает о каких-то вариантах мифа, которые можно встретить, например, у Диодора, Аполлодора или Павсания, то это не значит, что они не были ему знакомы. Правильнее предположить, что писатель по определенным причинам не включает их в свое повествование¹.

Действительно, Плутарх, делая Тезея одним из персонажей своего биографического цикла, следовал, очевидно, тем же принципам и целям, которыми руководствовался при подборе других героев². Тезей интересен ему в первую очередь как основатель Афин (Thes. 1. 5), то есть как государственный деятель, прославившийся своими преобразованиями и сыгравший в истории исключительно важную роль. И не случайно параллельность актов афинского синойкизма и основания Рима послужила организующим началом в сопоставлении жизнеописаний Тезея и Ромула³. В интерпретации Плутарха Тезей — законодатель, а потому, вслед за легендарным Ликургом, ставится биографом в один ряд с другими государственными людьми и политическими реформаторами греческой полисной классики. В то же время, представляя Тезея государственным деятелем, Плутарх, как видно в синкрисисе

(Rom. 30 — 35), продолжает этологические изыскания и, ориентируясь на свой канон «великого мужа», дает моральную оценку деяниям и поступкам героя.

Таким образом, Тезей Плутарха предстает как историческая личность, а потому и повествование о подвигах героя должно было носить достоверный или, по крайней мере, правдоподобный характер. Об особенностях своего изложения биограф говорит уже во вступлении: «Пусть же мифическое начало, очищенное разумом, проявит покорность и примет видимость истории (*ιστορίας ὄψιν*); но там, где оно своєювольно пренебрежет правдоподобием и отвергнет всякое сочетание с ним, мы просим читателей о благосклонном снисхождении к этим рассказам о старине» (Пер. С. С. Аверинцева)⁴. Эта авторская установка на рационализацию мифа⁵ стала, очевидно, определяющей при подборе материала для жизнеописания Тезея.

Вопрос о том, из каких источников Плутарх черпал сведения для своих произведений, принадлежит, как известно, к числу сложных и часто дискутируемых. Более или менее точное представление об используемом им материале удастся сформировать, опираясь на данные самого Плутарха — его цитаты. И хотя подобный подход к исследованию источниковой базы писателя имеет ряд ограничений, он может дать определенные результаты при рассмотрении интересующей нас проблемы⁶.

По словам Циглера, нельзя пожаловаться на то, что Плутарх слишком редко сообщал о своих источниках⁷. И тем не менее, сравнительно небольшая по объему биография Тезея привлекает особое внимание благодаря необычайному обилию цитат. В ней в 56 местах даются ссылки на 26 различных авторов⁸. Как показали исследования, Плутарх ссылается на конкретный источник чаще всего в тех случаях, когда приводит различные варианты обсуждаемой темы⁹. И если в «Ромуле» биограф лишь несколько раз прерывает свое повествование, чтобы ввести научную цитату, то в «Тезее» описание почти каждого деяния героя он сопровождает несколькими версиями. По предположению Фроста, Плутарх мог считать необходимым показать свою эрудированность при рассмотрении темы, посвященной герою, с чьим именем традиция связывала славу основания великого греческого города¹⁰.

Не имея возможности подробно обсудить весь многообразный материал, представленный в цитатах Плутарха, мы остановимся только на нескольких важных моментах.

Прежде всего необходимо отметить, что в большинстве случаев писатель цитирует произведения логографического и мифографического характера. При этом значительную часть сведений о подвигах Тезея биограф черпает у аттидографов. Объяснить неоднократное обращение Плутарха к их сочинениям можно, в частности, тем, что в аттидографии, с ее рационализацией или, по словам Якоби, «рационалистичес-

кой историзацией»¹¹ мифологических преданий, служивших главным материалом для исторической реконструкции ранней истории Афин, Тезей, вслед за древним царем Кекропом, предстает одним из реально действующих лиц отдаленной эпохи.

Насколько позволяют судить сохранившиеся фрагменты, фигуре Тезея было отведено достаточно большое место в трудах аттидографов, особенно Гелланика, Клидема и Филохора. Плутарх использует их данные при описании целого ряда сюжетов. Это предание о Гекале (цитируется Филохор в гл. 15); критская эпопея Тезея (в главах 16, 17, 19, 23 трижды цитируется Филохор, один раз — Гелланик, Клидем и Демон); организация Тезеем Истмийских игр (ссылка на Гелланика в гл. 25); поход против амазонок (ссылки на Филохора, Гелланика, Биона в гл. 26); война с амазонками в Аттике (цитируются Гелланик и Клидем в гл. 27); помощь Тезея Адрасту при погребении павших в битве при Фивах (ссылка на Филохора в гл. 29); похищение Елены (ссылка на Гелланика в гл. 31); передача Тезеем Гераклу четырех священных участков (цитируется Филохор в гл. 35). Последнее сообщение завершает описание неудавшейся попытки Тезея и Пирифоя похитить Кору. Рассказ начал Плутархом в главе 31, продолжен в главе 35 и, скорее всего, полностью восходит к Филохору.

Надо, однако, отметить, что степень рационализации мифа у аттидографов не одинакова. По наблюдению исследователей, Гелланику, старшему из представителей аттидографической традиции, свойственен достаточно традиционный подход к преданию о Тезее¹². Так, Гелланик следует одной из версий мифа, согласно которой Минос приезжает в Афины и сам, а не по жребию, выбирает подростков, первым из которых стал Тезей. По заключенному договору, афиняне снаряжали корабль, на котором безоружные молодые люди доставлялись на Крит. И только смерть Минотавра должна была положить конец возмездью Миноса (Thes. 17. 3). Гелланик сообщает также о том, что Тезей основывает Истмийские игры (Thes. 25. 7), организует поход против амазонок (Thes. 26. 1), воюет с ними в Аттике (Thes. 27. 2), а также похищает Елену (Thes. 31. 1). Плутарх, правда, отмечает, что некоторые писатели, считающие предание о похищении Елены порочащим имя героя, стараются иначе объяснить его связь с данным эпизодом (Thes. 31. 1). Однако, Гелланик не стремится облагородить Тезея, его более интересует выяснение хронологических несоответствий: благодаря замечанию аттидографа, можно понять, что Тезей был на поколение старше Елены (Thes 31. 1) Среди фрагментов Гелланика есть и рассказ о путешествии Тезея и Пирифоя в подземное царство¹³. Характерно, что Плутарх обходит полным молчанием эту известную версию мифа и предпочитает ей другую, согласно которой Тезей и Пирифой пытались похитить Кору, дочь эпирского царя Аидонея (Thes. 31. 4 — 5). Таким образом, в сообщениях Гелланика Тезей предстает как «афинский Геракл»: он сохраня-

ет ряд архаических черт, но, основывая игры, воюя с амазонками, вступающая в единоборство с Минотавром, выполняет ряд функций, присущих культурному герою¹⁴.

Иной характер, несмотря на различие версий, носит рассказ о подвигах Тезея у Клизема, Демона и Филохора. Описывая критскую эпопею героя, Плутарх отмечает, что Клидем повествует об этих событиях «по-своему и ни с кем не схоже» (ἰδίως δὲ πῶς καὶ περὶ τούτου) (Thes. 19. 8). Главным противником Афин выступает сын Миноса Девкалион. Сам Минос, отправившись в погоню за бежавшим в Афины Дедалом, погибает на Сицилии, занесенный туда бурей. На требование Девкалиона выдать ему Дедала Тезей отвечает отказом, а сам между тем, держа свои планы в тайне, начинает строить корабли в Аттике и, с помощью Питфея, в Трезене. Вскоре афинский флот оказывается у берегов Крита. В Кноссе, у ворот Лабиринта, Тезей убивает Девкалиона, а затем заключает мир с Ариадной, к которой перешла власть, и забирает подростково-зачужников. Так Тезей кладет начало дружескому союзу между афинянами и критянами, которые поклялись никогда более не начинать войну (Thes. 19. 8 — 10). Видно, сколь высока степень рационализации в повествовании Клизема. При этом ему удается избежать трудностей, возникающих при согласовании различных преданий о Миносе как о справедливом законодателе, с одной стороны, и жестоком тиране, — с другой. Кроме того, он обходит полным молчанием историю любви Ариадны и Тезея, возможно, полагая, что рассказ об этом может дискредитировать имя правителя Афин. Напротив, аттидограф старается представить Тезея как умного государственного деятеля и опытного военачальника¹⁵. Эта же тенденция прослеживается в подробном и точном, что особо отмечает Плутарх, рассказе Клизема о битве с амазонками в Афинах, у подножия Акрополя (Thes. 27. 3). Сообщая о расположении сил амазонок и о действиях выступивших против них афинян, аттидограф снова стремится показать военные способности Тезея, а также его умение, подобающее государственному мужу, улаживать конфликтные ситуации: по версии Клизема, война, благодаря посредничеству Ипполиты, подруги Тезея, заканчивается перемирием (Thes. 27. 5).

Столь же высокая степень рационализации свойственна и рассказам Демона и Филохора. Оба аттидографа исключают из своего повествования сказочного Минотавра. Вместо него появляется Тавр, военачальник Миноса (Thes. 16. 1, 19. 4). Демон, как и Клидем, говорит о состоявшейся битве между критянами и афинянами, но у Демона это морское сражение, во время которого и погибает Тавр (Thes. 19. 3). У Филохора ничего не сообщается о какой-либо битве, но говорится о гимнастических состязаниях, которые устраивал Минос в память об Андрогее. Наградою победителю были афинские подростки, содержавшиеся под стражей в Лабиринте, который был обычной тюрьмой. В двух первых состязаниях верх одерживал Тавр, человек дикого и грубого

нрава (Thes. 16. 1 — 2), чьим могуществом тяготились критяне. Но в третий раз, к общей радости и удовольствию Миноса, победителем вышел Тезей. После этого Минос вернул ему подростков и освободил Афины от уплаты дани (Thes. 19. 4 — 7).

Неизвестно, как рассказывал Демон о победе Тезея и освобождении афинян. Но он сообщает, что Тезей взял на Крит не всех девушек, выбранных жребием, а подменил двух из них своими друзьями. По возвращении домой Тезей и эти юноши прошли по городу в том облачении, в котором и потом выступали осхофоры. Тезей показан таким образом основателем праздника Осхофорий. У Демона есть также сведения, объясняющие, что должны были делать приглашавшиеся в это время дипнофоры: они участвовали в жертвоприношениях, изображая матерей подростков, уехавших когда-то на Крит (Thes. 23. 2 — 5).

У Филохора Тезей тоже несколько раз предстает основателем религиозных праздников и культов. Так, он учреждает Гекалессии, в память о Гекале, оказавшей ему добрый прием и молившейся Зевсу во время его битвы с Марафонским быком (Thes. 14. 3). В Фалерах близ храма Скира Тезей воздвиг святилища Навсифою и Феаку, которые были его кормчицами во время путешествия на Крит. По мнению Филохора, в честь этих героев справляется праздник Кибернессии (Thes. 17. 6). Аттидограф, кардинально перерабатывая предание о Тезее и стараясь удалить из него все элементы сверхъестественного, не может, конечно, согласиться с тем, что Тезей, основатель культов, когда-либо выступал против богов¹⁶. Поэтому, по его версии, Тезей и Пирифой пытаются похитить не богиню подземного мира Персефону, а Кору, дочь царя молоссов Аидонея, правившего в Эпире. Царь, узнав о замысле, приказывает схватить обоих. Пирифоя растерзал большой пес, которого Аидоней называл Кербером, а Тезей был посажен в тюрьму (Thes. 31. 4 — 5). И хотя своим освобождением герой был обязан Гераклу и даже передал ему почти все свои священные участки (Thes. 35. 1 — 4), Филохор не принимает версию, которая представляет Тезея «вторым Гераклом». В отличие от Гелланика, считавшего, что Геракл был на поколение старше Тезея, Филохор делает их современниками и товарищами, равными по оружию, — они вместе участвуют в походе против амазонок (Thes. 26. 1). Но Тезей у Филохора не только умелый воин. Разделяя мнение других писателей, согласно которому Тезей помог Адрасту в погребении павших под Фивами, уговорами склонив фиванцев к перемирию, аттидограф добавляет, что это был первый договор о погребении трупов (Thes. 29. 4). Таким образом, Тезей Филохора выступает как гарант соблюдения священных обычаев, умелый политик и защитник страждущих.

Кроме работ аттидографов, для описания деяний Тезея и для рассказа о различных обрядах, праздниках и местах, представляющих исторический интерес в силу их взаимосвязи с мифом о герое, Плутарх использует также труды других авторов. Это мифографы, составители

генеалогий, авторы ктисисов, логографы. Причем среди них встречаются и довольно редкие писатели, чьи имена известны нам только благодаря Плутарху, например, Пеон Амафунтский¹⁷ и Герей Мегарский¹⁸. Обращение к ним позволяет Плутарху не только снабдить деталями ту или иную версию рассказа о подвигах Тезея, но иногда и существенно расширить повествование. Примером могут послужить довольно пространственные цитаты из Менекрата, издавшего историю вифинского города Nikei и сообщавшего об основании Тезеем города Пифополя в стране амазонок, (Thes. 26. 3 — 7), и Пеона Амафунтского, связавшего происхождение древнего кипрского культа Ариадны-Афродиты с мифом о Тезее (Thes. 20. 3 — 7).

Однако, говоря о столь разнообразном материале, встречающемся в биографии Тезея, нельзя не затронуть давно дискутируемый вопрос о том, в какой степени Плутарх был самостоятелен при подборе цитируемых авторов и насколько хорошо и полно знал их труды.

Еще в прошлом веке была выдвинута гипотеза, согласно которой Плутарх писал биографию Тезея, опираясь прежде всего на сочинение Истра. Этот автор, принадлежавший к школе Каллимаха, составил своеобразный свод произведений аттидографов, называвшийся Ἄττικά или Ἀτθίδων συνταγωγή¹⁹ и включавший в себя, скорее всего, только мифологический материал²⁰. При этом, будучи представителем александрийской учености, он достаточно скрупулезно фиксирует не только разнообразные версии, но и имена авторов, чьи взгляды сопоставляет. Возможно, Истр включал в свое произведение информацию не только аттидографов, но и других авторов. Сложно, однако, сказать, сам ли он отбирал разнообразные сведения или находил их у какого-либо цитируемого им писателя, например, Филохора²¹. Плутарх же, согласно выдвигавшемуся предположению, ссылаясь непосредственно на тех авторов, которых находил у Истра, не указывая при этом свой главный источник.

Гипотеза о том, что Плутарх широко пользовался Ἄττικά Истра при создании жизнеописания Тезея, не лишена оснований. Произведение Истра, являлось ли оно своеобразным справочником или новым вариантом афинской истории²², должно было заключать в себе богатый материал и быть довольно удобным для пользования. Нужно учесть, что значительная часть биографического корпуса Плутарха была создана в относительно небольшой промежуток времени, а состояние библиотеки в родном городе вызывало даже жалобы писателя. Поэтому может показаться вполне вероятным, что он далеко не всегда занимался изучением оригинальных источников²³ и вполне мог обращаться к таким произведениям, как Ἄττικά Истра. Хорошим знанием этой работы можно было бы объяснить не только необычное обилие цитат в биографии Тезея, но ссылки на весьма редких авторов. И есть вероятность, что Плутарх действительно хорошо знал работу Истра, так как, ссылаясь на

нее один раз в «Тезее», указывает не только название произведения, но и номер книги: «...не схожие ни с какими иными сведения об Этре приводит Истр в тринадцатой книге “Истории Аттики”» (34. 3). Такая форма цитирования, как известно, является очень редкой у писателя²⁴.

Нельзя, однако, не принять во внимание и то обстоятельство, что у нас нет никаких точных данных, подтверждающих, что в более позднюю эпоху, то есть во время Плутарха, произведение Истра было более широко известно или обладало большей репутацией, чем труды цитируемых в этом сочинении авторов²⁵. И весьма вероятно, что, например, произведения Филохора долгое время оставались в обиходе ученых или таких образованных и начитанных писателей, как Плутарх²⁶. Поэтому можно предположить, что работы этого последнего аттидографа были известны Плутарху не хуже, чем, например, труды Геродота или Фукидида²⁷.

Вопрос об использовании биографом *Ἀττικῆς* Истра должен, очевидно, остаться пока открытым. Хотелось бы, однако, отметить, что возможное обращение Плутарха к литературе справочного характера ни в коей мере, на наш взгляд, не ставит под сомнение умение писателя отбирать имеющийся материал и применять его сообразно задачам, решаемым при создании конкретного произведения.

Важно поэтому, что в «Тезее» Плутарх использует, непосредственно или с помощью сочинения Истра, те источники, которые дают ему более правдоподобную и достоверную, на его взгляд, информацию о герое, нежели, например, трагедия или лирика. Видимо, не случайно писатель, будучи глубоким знатоком творчества греческих трагиков и лирических поэтов, неоднократно делавших Тезея одним из персонажей своих произведений²⁸, подбирая биографический материал для своего героя, лишь трижды цитирует Еврипида (Thes. 3. 4, 15. 2, 29. 5), дважды Симонида (Thes. 17. 5, 6), один раз Эхила (Thes. 29. 5) и один раз Пиндара (Thes. 28. 2). Очевидно, для Плутарха-биографа лирическая поэзия и трагедия были слишком тесно связаны со сферой чудесного и сверхъестественного, где «нет места достоверности и точности» (τὰ δ' ἑλέχματα τερατώδη καὶ τραγικὰ, ποιηταὶ καὶ μυθογράφοι νέμονται, καὶ οὐχὲτ' ἔχει λίστιν οὐδὲ σαφήνειαν) (Thes. 1. 4). И создается впечатление, что писатель в своем повествовании старается избегать изложения излюбленных и хорошо разработанных поэтами версий мифа о Тезее.

Но вопрос о том, в какой степени произведения трагиков и лириков, а также поэмы Гомера и Гесиода, становились для Плутарха при создании «Тезея» источником биографического материала, заслуживает, на наш взгляд, отдельного исследования. Оно могло бы проводиться, например, в рамках обсуждения темы наследия трагиков, эпических и лирических поэтов в творчестве Плутарха²⁹ и дать результаты, важные для дальнейшего изучения жизнеописания героя.

Приложение:
Авторы, цитируемые в биографии Тезея

1. Эпические и лирические поэты и трагики

Архилох	5. 3
Еврипид	3. 4, 15. 2, 29. 5
Гесиод	3. 4, 16. 3, 20. 2
Гомер	2. 1, 5. 1, 16. 3, 20. 2, 25. 3, 34. 1
Пиндар	28. 2
Симонид	17. 5 — 6
Эсхил	1. 4, 29. 5
автор «Тесеиды»	28. 1

2. Аттидографы

Бион	26. 2
Гелланик	17. 3, 25. 7, 26. 1, 27. 2, 31. 1
Демон	19. 3, 23. 5
Клидем	19. 8, 27. 3
Филохор	14. 3, 16. 1, 17. 6, 19. 4, 26. 1, 29. 4, 35. 4
Истр	34. 3

3. Другие авторы

Андрон Галикарнасский	25. 7
Аристотель	3. 4, 16. 2, 25. 3
Герей Мегарский	20. 2, 32. 7
Геродор	26. 1, 29. 3, 30. 4
Дикеарх	21. 2, 32. 5
Диодор Путешественник	36. 5
Ион Хиосский	20. 2
Менекрат	26. 3
Пеон Амафунтский	20. 3
Ферекид	19. 2, 26. 1
Мегарские историки	10. 2
Писатели с Наксоса	20. 8

Примечания:

- ¹ Frost F. Plutarch and Theseus // The Classical Bulletin. 1984. № 60. P. 66.
- ² Об этом подробно изложено у С.С. Аверинцева. См.: Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М. 1973. С. 176 — 187.
- ³ Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 217.
- ⁴ Цит. по: Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 179. В дальнейшем цитаты даются в переводе С.П. Маркиша (Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.1. М. 1994.)
- ⁵ Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 216, 252. Прим. 15.
- ⁶ Ziegler K. Plutarchos von Chaironea // RE. 1951. Bd. 21. S. 911, 923 — 924, 928.
- ⁷ Ibid. S. 911.

- ⁸ В это число включены все цитаты: и содержащие сведения биографического характера, и те, которые введены Плутархом, очевидно, в иных композиционно-стилистических целях (Напр., *Hom. II. VII*, 281 — *Thes. 2. 1*; *Hom. II. II*, 542 — *Thes. 5. 1.*). В данной работе мы рассматриваем только первую группу цитат.
- ⁹ Ziegler K. *Op. cit.* S. 912.
- ¹⁰ Frost F. *Op. cit.* P. 66.
- ¹¹ Jacoby F. *Atthis*. Oxford. 1949. P. 134.
- ¹² Pearson L. *The local historians of Attica*. Philadelphia. 1942. P. 150.
- ¹³ *Ibidem*.
- ¹⁴ *Ibidem*.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 151.
- ¹⁶ *Ibid.* P.114, 152.
- ¹⁷ Seel O. *Paion von Amathus* // *RE* 1942. Bd. 18. Hlbd. 36. S. 2401 — 2403.
- ¹⁸ Jacoby F. *Hereas* // *RE* 1913. Bd. 8. S. 621. См.также: Ampolo C., Manfredini M. *Plutarcho. Le vite di Teseo e di Romolo*. Milano. 1988. P. 225.
- ¹⁹ Jacoby F. *Istros* // *RE*. 1916. Bd. 9. S. 2271 — 2272.
- ²⁰ Pearson L. *Op. cit.* P. 136 — 137.
- ²¹ Попытка доказать, что главным источником Истра было произведение Филохора, сделана в статье Гильберта Г. См.: Gilbert G. *Die Quellen des Plutarchischen Theseus* // *Philologus*. 1874. Bd. 33. S. 46 — 66.
- ²² Jacoby F. *Istros*. S. 2274.
- ²³ Ziegler K. *Op. cit.* S. 911.
- ²⁴ *Ibid.* S. 928.
- ²⁵ Pearson L. *Op. cit.* P. 137.
- ²⁶ Jacoby F. *Istros*. S. 2272.
- ²⁷ Ziegler K. *Op. cit.* S. 924.
- ²⁸ Насколько можно судить по дошедшим, фрагментарно сохранившимся или просто упоминаемым традицией произведениям, только у трех ведущих драматургов — Эсхила, Софокла и Еврипида — было написано несколько сочинений, сюжетно связанных с мифом о Тезее. К ним относятся прежде всего «Эдип в Колоне» Софокла, «Ипполит», «Геракл» и «Просительницы» Еврипида. Это также недошедшие «Элевсинцы» и «Керкион» Эсхила; «Эгей», «Тезей», «Федра» Софокла; «Эгей», «Тезей», первый вариант «Ипполита», «Пирифой», «Скирон», «Алопа» Еврипида. В лирике подвиги Тезея привлекали внимание Алкмана, Стесихора, Сапфо, Пиндара, Симонида, Бакхилида.
- ²⁹ Нам известна только одна работа, написанная на эту тему. См.: Самуткина Л.А. *Плутарх и древнегреческие поэты. Проблема поэтического наследия Гомера, Гесиода и Аристофана в творчестве Плутарха*. Автореф. дис. на соискание учен. ст. канд. филологич. наук. М. 1987.

Е.В. Фёдорова

РИМ И ВАРВАРЫ

Древние греки и римляне называли варварами всех тех, для кого греческий и латинский языки не были родными. Греческое слово *barbaros* представляет собой звукоподражательное слово, то есть *barbaros* — это тот, кто не умеет говорить понятно, а бормочет что-то невразумительное — бар-бар-бар (русское «бормотать» является таким же звукоподражательным словом).

На протяжении всей долгой истории античного мира римляне осознавали свою общность с греками, потому что древняя литературная традиция утверждала, якобы именно греки были далёкими предками римлян.

Греков и римлян от всех прочих народов Востока и Запада отличало то, что у них не было касты жрецов, то есть идеологической власти, стоящей над обществом. У греков и римлян одни и те же люди были и пахарями, и воинами, и общественными распорядителями, и жрецами; у них не было профессиональных «идеологических работников», а жрецы считались лицами частными, а не государственными. Это предопределило полную свободу мысли и высокую человечность античной культуры.

В древнем Риме официальной идеологии не было. Гражданин обязан был подчиняться законам и отвечал за свои поступки, а не за мысли. Как гражданин он мог быть обязан участвовать в общественных религиозных ритуалах, но при этом никого не интересовало, что именно он думает о богах, которым приносит жертвы; он не был обязан их любить и отдавать им свою душу. Древние римляне держали свои души при себе и были уверены, что богам они просто не нужны. Античный мир поклонялся богам не из любви к ним, а из страха перед внешними злыми неуправляемыми силами. По сути дела первой официальной идеологией стало христианство, когда оно окончательно победило старые языческие культы: христианин обязан любить единого Бога и думать только так, как предписывает Священное Писание (недаром инквизиция — церковный суд — возникла уже на заре христианства, язычество никаких судов не знало и вообще не имело чёткой организации, попытка императора Юлиана Отступника создать языческую церковь успехом не увенчалась). Именно отсутствие обязательных религиозных догм и светский характер культуры позволил грекам и римлянам, разным народам с разной историей, осознать своё единство и противостоять всем другим народам — всему миру варварства.

Греки и римляне никогда расистами не были и презирали варваров не за цвет кожи, а либо за их внешнее бескультурье, либо за их рабскую покорность своим владыкам. За бескультурье презирали главным образом варваров вольного Запада, лохматых, разрисованных краской и одетых в шкуры, а за раболепие — покорных варваров деспотического Востока.

Греки и римляне, обладающие свободой мысли, не были ни вольными дикарями, ни подобострастными рабами, в массе своей они были цивилизованными людьми и гордились этим.

Величие античного мира заключалось в том, что главным мериллом ценности человека как личности были преимущественно качества его души и ума, а не только формальные критерии происхождения или благосостояния. Социального равенства, разумеется, не было, но были мечты о нём и понимание того, что от природы даже раб-варвар не хуже свободного, и только несправедливый закон лишил раба прав человека. Греки это осознали первыми, а римляне об этом помнили.

Трезвомыслящие римляне всегда признавали более высокий интеллектуальный уровень греков и ездили учиться к ним; правда, уважение к культуре не помешало римлянам силой оружия покорить Грецию, а военнопленных превратить в своих рабов, хотя они варварами не были; именно греки, захваченные в плен в середине II в. до н. э. при завоевании Коринфа, строили в Риме самый мощный водопровод — Aqua Marcia, который работает до настоящего времени.

Естественно, что римляне не сразу стали культурными людьми; как всякий древний народ, они тоже в своё время находились на стадии дикости, тоже были варварами в нашем смысле слова.

Корни истории Рима уходят в глубочайшую даль веков. Территория Вечного города была обитаема, начиная с эпохи нижнего палеолита, когда здесь находились стоянки «человека выпрямившегося» (*homo erectus*), потом — «неандертальского человека разумного» (*homo sapiens Neanderthalensis*), и наконец в период неолита между 40 000 и 35 000 лет до н. э. появился тип современного человека — «человек очень разумный» (*homo sapiens sapiens*). В III тысячелетии до н. э. наступил энеолит. Около 1800 г. до н. э. камень полностью отступил перед металлом, и восторжествовал бронзовый век. В начале I тысячелетия до н. э. наступил железный век.

Из металла сначала делали украшения и орудия труда, а затем научились изготавливать оружие. Так первобытный человек перешёл от мирного каменного века к бесконечной эпохе войн, а военная добыча, разная у разных людей в разных условиях, стала основой имущественного неравенства.

Раскопки римских погребений 770 — 720 гг. до н. э. выявили тот знаменательный факт, что в этот период уже существует заметное имущественное неравенство: из массы единоплеменников выделилась во-

енная знать, могилы которой отличаются более богатым погребальным инвентарём, в состав которого входят оружие и останки намеренно убитых людей, вероятно, военнопленных, превращённых в рабов и принесённых в жертву при похоронах господина.

Средние десятилетия VIII в. до н. э. (770 — 720 гг. до н. э., так называемая III фаза Лациевой культуры — *cultura Laziale*) представляет собой переломный период в истории Лация, когда стремительно меняется характер культуры в социальном плане; сами по себе материальные предметы мало отличаются от предшествующей II фазы Лациевой культуры (900 — 770 гг. до н. э.), но они в принципе иначе организованы в пространстве, что свидетельствует о появлении социальных различий как между отдельными людьми, так и между кровно-родственными группами, а также — между ремёслами, которые обособляются, выходя за пределы семьи; кроме того, погребения полностью отделяются от жилищ и образуют кладбища.

Рим начала VIII в. до н. э. — это уже общество городского типа, хотя сам «город» ещё состоит из хижин. Середина века — это время перехода от хижины к домам на каменных фундаментах, но со стенами, сплетёнными из тростника. Это именно то время, к которому античная традиция относит основание Рима Ромулом и Ремом; по сути дела в 753 г. до н. э. произошло превращение древнего мирного селения в воинственную крепость, обнесённую каменными стенами.

Именно в это время, в середине VIII в. до н. э., римляне стали выходить из стадии дикости; их уникальность заключается в том, что они оказались первым народом древней Италии, который смог отрешиться от дикарской психологии.

Великий знаток психологии и идеологии первобытного мира Д.Д. Фрэзер дал такое определение самой сущности дикаря: «Из всех источников опасности дикарь страшится более всего магии и колдовства, и всех иноплеменников он подозревает в причастности к этому искуству. Предохранение от пагубного воздействия, которое намеренно или невольно оказывают иноплеменники, является поэтому элементарным предписанием дикарского благоразумия... Страх перед чужаками бывает взаимным. Вступая в незнакомую страну, дикарь испытывает чувство, что идёт по заколдованной земле, и принимает меры к тому, чтобы охранить себя как от демонов, которые на ней обитают, так и от магических способностей её жителей»¹.

Римляне преодолели в себе этот патологический страх перед иноплеменниками и их колдовскими силами, а вместе с ним утратили и чувство ненависти; они не боялись ни чужих людей, ни чужих территорий; они сохранили лишь уважительное отношение к чужим святилищам и, как правило, не разрушали их, опасаясь прогневать потусторонние силы. Но с первобытной неприязнью к иноземцам римляне расстались навсегда, и у них никогда не было национального вопроса.

Терпимость римлян к иноплеменникам особо отмечает Тит Ливий: «Между тем укрепления Рима расширялись, охватывая всё более обширное пространство. Римляне возводили эти новые укрепления в надежде, что в будущем население города будет гораздо многочисленнее теперешнего. Чтобы большая городская территория не пропадала даром, Ромул ради привлечения большого количества новых жителей прибег к древнему способу основателей городов, которые, принимая к себе тёмное и низменное простонародье, притворно заявляли, будто это люди, рождённые для них самой землёй. Для подобных людей Ромул отвёл особое место, где им дано было право убежища. Туда стал стекаться от соседних племен всякий сброд, охочий до новизны, без разбора, будь то свободный или раб. Это послужило основой для усиления Рима»².

У римлян на протяжении всей их долгой истории никогда не было ничего похожего на прописку: город был открыт для всех людей и для всех религий; при этом хозяева Вечного города никому не навязывали свою идеологию, даже рабы не обязаны были приобщаться к римской религии, а могли поклоняться своим богам.

Поскольку Рим сделался открытым городом, население его стало расти очень быстро, а так как пришлые были в основном молодыми и сильными мужчинами, то боеспособность римлян оказалась неизмеримо более высокой, чем у обитателей соседних небольших городков.

Это численное и качественное превосходство обеспечило римлянам выдающиеся успехи в военной деятельности; более того, война навсегда стала их главным занятием. Недаром в их первом календаре, созданном в конце VIII в. до н. э., год начинался с того времени, когда начинались военные действия — это был месяц март, посвящённый именно богу войны Марсу; ведь в древнем мире войны начинались весной, а заканчивались осенью, зимой же не воевали по причине холодов и плохой погоды: как-никак, а римские воины ходили в короткой одежде с голыми руками и ногами (прошло много времени, прежде чем они догадались позаимствовать у варваров штаны).

Римляне всегда были откровенными агрессорами. Это даже нашло отражение в знаменитых стихах «Энеиды» Вергилия, где говорится о том, что призвание римлян — «властью народами править, водворять обычаи мира, покорённых щадить и поражать непокорных»³.

Многочисленные победоносные войны постоянно приносили большую добычу не только в виде золота и прочих материальных ценностей, но и в виде пленных, которых превращали в рабов. Когда-то, на заре римской истории, рабов было так мало, что раб юридически считался сыном господина и даже имени своего не имел; если, например, господина звали Гай, то его раба — Гаипор (из *Gaii puer*), что означает «сын Гая». Эти немногие рабы использовались в качестве домашней прислуги. Но когда Рим стал получать от войн огромные массы рабов,

то появилась возможность использовать их более широко — на государственных работах (на строительстве и в рудниках), а частные лица направляли их труд в сельское хозяйство и ремесло. Так многовековой милитаризм привёл к тому, что экономика римского государства попала в зависимость от рабского труда.

Отказаться от милитаризма римляне не могли по двум основным причинам. Первая заключалась в том, что период древнего мира — это война всех против всех. Если бы Рим не завоёвывал других, то сам был бы завоёван (эту смертельную опасность он пережил во время войн с Карфагеном). Вторая причина состояла в том, что римляне любили войну, поскольку факт существования рабства резко ограничивал творческую деятельность свободного человека, ибо позорным считался труд одного человека на другого за плату (так велико было презрение к оплачиваемому труду, что даже юристы получали не плату (*merces*), а почётное вознаграждение (*honorarium*)).

Для римлянина, принадлежащего к правящему классу, были закрыты пути в профессиональное искусство, науку, изобретательство; стать крупным деловым человеком, превратиться в капиталиста он также не мог, потому что, с одной стороны, древний римский закон категорически запрещал сенаторам заниматься торгово-финансовой деятельностью как делом недостойным, а с другой стороны, экономика не предоставляла таких возможностей: крупные товарные хозяйства с сотнями рабов были редкостью даже в период развитого рабства, в большинстве же хозяйств использовалось по 10 — 15 рабов, причём хозяйство сохраняло в основном натуральный характер, имея лишь какую-нибудь одну отрасль товарного производства.

Торгово-финансовая деятельность всегда находилась главным образом в руках вольноотпущенников, то есть бывших рабов, то есть в значительной мере в руках варваров; иначе говоря, римский мир противостоял варварам и вместе с тем находился в зависимости от них, от их сообразительности, от их деловых качеств. Таких людей в Риме было очень много, о чём свидетельствует тонкое замечание Тацита: «Если обособить вольноотпущенников, то станет очевидной малочисленность свободнорожденных»⁴.

В эпоху империи значение внутриримских варваров стало особенно велико, так как из них, из бывших императорских рабов, состояла императорская канцелярия, а отдельные, особо выдающиеся личности иногда бывали могущественнее императора и заправляли делами всего государства. Такими были знаменитые бывшие рабы императорской семьи Каллист, Паллант и Нарцисс, которые при безвольном Клавдии (41 — 54 гг.) творили всё, что хотели, и если от имени слабоумного императора исходили порой вполне разумные распоряжения, то это была их работа, ибо они имели большую власть. Паллант, например, ведал всеми финансами империи, он и Нарцисс, по словам Аврелия Виктора,

«были так богаты, что, когда Клавдий жаловался на недостаток денег в казне, то в народе остроумно говорили, что у него могло бы быть денег в избытии, если бы эти два вольноотпущенника приняли его в свою компанию»⁵. Недаром в Риме возникла поговорка: «Великие вольноотпущенники — признак невеликого императора».

Римские дамы тоже не оставляли рабов своими милостями. Это явление приняло столь широкий размах, что, как пишет Тацит, «Клавдий выступил в сенате с предложением относительно наказания женщин в случае их брачного сожителства с рабами, и сенаторы постановили, что если свободная женщина дошла до такого падения без ведома владельца раба, то её следует считать обращённой в рабство, а если с его согласия — то считать её вольноотпущенницей»⁶. Инициатором этого закона был Паллант.

Конечно, законодательная власть бывших рабов не имела никакой юридической основы, и вообще их положение не отличалось прочностью: Паллант был отравлен по прихоти Нерона, наследника Клавдия, а Нарцисс благоразумно вовремя уехал из Рима, сославшись на слабое здоровье.

Таким образом, римляне находились отнюдь не в простых отношениях с варварами, с которыми жили бок о бок в своём государстве.

Рабство, ограничивая диапазон деятельности свободного человека, способствовало созданию таких условий, при которых для римлянина высшего ранга смыслом жизни становилась только военная и государственная деятельность, что в конечном итоге создало серьёзные психологические предпосылки для развития безграничного тщеславия и властолюбия. Когда в силу ряда причин в конце II в. до н. э. армия из народного ополчения превратилась в профессиональную, когда солдаты стали получать от полководца жалование из военной добычи, тогда армия, лично преданная своему полководцу, своему императору, сделалась опорой его единовластия, и римская республика преобразовалась в монархию.

Римляне на протяжении всей своей истории не только воевали с варварским миром, но и общались с ним. Не отличаясь племенной замкнутостью и не будучи националистами, римляне всегда легко заимствовали культурные достижения других народов. Известно, например, что ещё в конце VI в. до н. э. этрусские мастера построили в Риме главный храм — храм Юпитера на Капитолийском холме, а создателем знаменитого символа Римского государства — Капитолийской волчицы с младенцами Ромулом и Ремом — был Вулка, выдающийся этрусский скульптор VI в. до н. э.

Римляне охотно вступали в контакты с варварами, если считали это для себя выгодным. В 48 г. до н. э. Юлий Цезарь в битве с Гнеем Помпеем при Фарсале использовал варваров-галлов, входивших в состав его войска в качестве наёмников⁷.

В Вечном городе всегда находилось множество иноплеменников. Во второй половине I в. до н. э. число их достигло столь внушительных размеров, что Октавиан Август принял меры к ограничению отпуска рабов на волю (ведь отпущенники становились римскими гражданами). По словам Светония, «особенно важным считал он, чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови»⁸. Однако сам Август не пренебрегал теми варварами, которые обладали деловыми качествами и могли быть ему полезны; именно он впервые в истории ввёл в римский сенат варвара из италийского племени пелигнов Квинта Вария Гемина, о чём свидетельствует сохранившаяся почётная надпись⁹.

Император Клавдий охотно предоставлял иноплеменникам права гражданства и впервые в римской истории допустил в сенат галлов из племени эдуев, то есть варваров-неиталийцев; хотя кое-кому в Риме это не понравилось, однако решительного противодействия не последовало.

Роковой порок античного Рима заключался в том, что он всегда шёл ширирь, а не вглубь; Рим шёл по пути экстенсификации, жил за счёт расширения своих владений и ограбления других народов, а не за счёт использования и совершенствования внутренних ресурсов; древние римляне просто не знали, что можно идти по пути интенсификации — в этом заключалась их историческая ограниченность; у них наука не сокнулась с производством, ибо развитию науки воспрепятствовало рабовладение. Хозяину невыгодно было тратиться на техническое усовершенствование производства, поскольку проще и дешевле было его поддерживать и расширять за счёт увеличения числа рабов: не наука питала античное производство, а война.

В начале II в. римская экспансия достигла своего физического предела; хватило сил завоевать далёкую Армению, но удержать её на положении провинции не удалось. С прекращением победоносных войн прекратился и приток рабов. С конца II в. рабовладельческий способ производства, лишённый питательной силы, вступил в период безнадежного кризиса; доходность рабовладельческого хозяйства стала падать.

Неблагополучие в экономике пагубно сказалось на всём положении государства и повлекло за собой кризис в идеологии и внутривластную неустойчивость. Частая смена императоров в III в. отрицательно сказалась на боеспособности государства, а она была необходима не только для защиты от нападений варваров, но и для охраны завоеванных территорий — провинций, откуда поступал в Италию хлеб; своего хлеба ей никогда не хватало, и она всегда жила под угрозой голода.

В этих новых условиях процесс взаимодействия римлян с иноплеменниками качественно изменился: если раньше варвар, попадая в Рим, вовлекался в сферу его культуры, то теперь в Римском государстве

всё пошло под откос, и римлянин стал быстрее опускаться до уровня варвара, чем тот подниматься до уровня римлянина.

Процесс варваризации армии заметно ускорился при Септимии Севере (193 — 211 гг.), который родился в Северной Африке и по латыни говорил с африканским акцентом; он стал брать в преторианские когорты выходцев из придунайских земель и восточных стран.

Но если Септимий Север всё-таки приобщился к римской культуре, то его сын Каракалла оказался откровенным варваром как по духу, так и по внешности. Ведя суровый образ жизни воина, он сдружился с германцами, любил наряжаться в их одежды и даже иногда надевал белокурый парик; по свидетельству Геродиана, германцы очень любили его за это¹⁰.

В 212 г. Каракалла предоставил право гражданства почти всем жителям Римской империи для того, чтобы увеличилось число налогоплательщиков.

После убийства Каракаллы на императорском троне перебивало много варваров: Макрин, человек тёмного происхождения, о котором поговаривали, что в прошлом он был рабом, Гелиогабал, наглый и невежественный сириец, Александр Север, тоже сириец, но добродетельный, Максимин Фракиец, чудовищно жестокий гигант, коварный Филипп Араб с тупым затылком и прочие.

Варварские племена учуяли ослабление Римской империи и с первобытной энергией устремились на её владения. Теперь Риму всё чаще и чаще приходилось обороняться. В 272 г. иллириец Аврелиан, суровый и разумный император, начал в Риме строительство новых мощных оборонительных стен, пытаясь защитить его от буйного мира варваров.

Но варварство успешно овладевало Римом изнутри.

С 284 г. Рим вступил в период домината, когда императорская власть стала беспредельной, когда бюрократия всплыла на поверхность, когда большинство граждан превратилось в бесправных налогоплательщиков, часть которых оказалась прикреплённой к месту жительства, когда армия стала состоять почти целиком из варваров-наёмников, когда верховными военачальниками сделались тоже варвары, которым императоры платили жалование.

Большинство императоров периода домината были по происхождению варварами и людьми некультурными, не испытывавшими к Риму никаких чувств; их варварское равнодушие ввергло город в упадок.

Со времени домината Римская империя оказалась в объятиях варварства как внешне, так и по существу. Диоклетиан, Константин, Констанций II и другие императоры усвоили восточные обычаи, облеклись в пурпур, парчу и шёлк; как истинные варвары, они разукрасились золотом и драгоценными камнями и учредили особый церемониал на персидский манер: подданные падали перед ними ниц и целовали край их одежды. Страшнее этой внешней варваризации была варваризация

внутренняя, заключающаяся в неумении и нежелании просчитывать вперёд ход событий и предвидеть последствия. Это проявилось прежде всего в непомерном увеличении налогового бремени на всё население. По меткому замечанию Аммиана Марцеллина¹¹, сборщики собирали для императора больше ненависти, чем денег. А Лактанций, выражая своё возмущение, утверждает, что число сборщиков налогов даже превысило число налогоплательщиков, так как последние в массе своей стали бежать со своих полей и из своих домов¹². Согласно утверждению Либания¹³, дело дошло до того, что некоторые деревни взяли на своё содержание солдат, чтобы те силой отгоняли сборщиков налогов. И они убивались восвояси с ранами, но без денег, а так как они обязаны были внести в казну эти несобранные деньги, то им приходилось продавать своих рабов, имущества, дома и самим превращаться в нищих. Такого варварства древний Рим ранее не знал никогда.

Среди граждан стремительно росло число недовольных, ибо сбор неразумных налогов вёл только к полному истощению экономики и остановке производства; по сути дела Римское государство шло по пути самопожирания, но у варваров-императоров не хватало интеллекта, чтобы это понять.

Константин Великий, опасаясь разгневанных сограждан, вынужден был брать в армию преимущественно варваров-наёмников. В римских войсках служило много скифов, а также готов и других германцев, а при императорском дворе особым влиянием пользовались франки. Константин был первым императором, который стал предоставлять варварам должности консулов. Так варвары вступили на путь, который привёл их к полному овладению Римом.

Тем временем сами римляне медленно, но бесповоротно превращались в варваров. Если в эпоху республики римлянин мог думать о делах земных и небесных всё, что угодно, и нёс ответственность не за мысли, а только за противозаконные поступки, то империя с первых же своих шагов позаботилась о том, чтобы мысли взять под контроль: уже Октавиан Август исподволь начал отучать людей от свободного полёта мысли и прилагать усилия к тому, чтобы писатели пропагандировали высоко нравственные идеи римской государственности, а о теневых сторонах жизни умалчивали бы. Долгие годы империи в конце концов сделали своё дело; последние великие римские писатели скончались во II в., после чего в литературе форма стала превалировать над содержанием.

К IV в. римляне настолько свыклись с монархией, что государство в их сознании перестало быть *res publica*, делом общественным, они стали рассматривать государство как личную собственность монарха и усвоили ту идеологию рабского подчинения, за которую прежде презирали варваров — жителей стран Востока.

Варварство римлян при сооружении триумфальной арки императо-

ра Константина проявилось в том, что для её украшения сняли скульптуру с одной из триумфальных арок Траяна. Как видно, никого не смущало, что Траян считался лучшим императором во всей римской истории; к IV в. большинство римлян разучилось уважать достойные деяния предков. Некоторые барельефы для новой арки сделали специально, но в сравнении с гармоничными произведениями эпохи Траяна они поражают своей грубостью и примитивностью. Это не значит, что в те времена в Риме уже не стало хороших мастеров, они ещё были, но художественный вкус большинства римлян упал столь низко, что мало кого шокировало это соседство разных художественных уровней.

Город Рим вступил на путь упадка с конца III в., когда он перестал быть императорской резиденцией. С 330 г. столицей империи стал построенный Константином Новый Рим, переименованный впоследствии в Константинополь. После раздела империи в 395 г. столицей Запада стал Милан, а с 402 г. — Равенна.

В конце IV в. в Римской империи единственной государственной религией стало христианство, отличающееся высоконравственными идеями, но в реальной жизни оно несло на себе печать варварства в самом низменном смысле этого слова. Высокопоставленные христиане нередко пребывали во власти отнюдь не христианских чувств, они были зачастую корыстны и тщеславны, а их паства никакого смирения не проявляла. Это варварское своеволие христиан находилось в полном противоречии с евангельскими наставлениями, а на практике иногда приобретало чудовищные формы. Так, согласно свидетельству Аммиана Марцелина, в 367 (или 368) г. в Риме при выборах епископа сторонники двух враждующих кандидатов устроили настоящее побоище в церкви Санта Мария Маджоре; после окончания баталии там было похоронено 137 трупов¹⁴.

Варварское пренебрежение гуманными христианскими заповедями проявилось также и в том, что после победы христианства рабство отменено не было. Ввиду полной разрухи и развала экономики число рабов резко сократилось, и они в основном вернулись на прежнее положение домашней прислуги. Римская церковь, конечно, испытывала некоторый стыд, но только в VIII в. ей удалось добиться закрытия рынка рабов в Вечном городе, а в других городах христианской Италии работорговля продолжала существовать ещё много веков.

В 403 г. Гонорий отправился в Рим, чтобы отпраздновать десятилетие своего правления. На пути в бывшую столицу империи его сопровождали войска, уже почти целиком состоявшие из варваров. Вступив в Рим, Гонорий был поражён внешним видом его жителей и издал постановление, запрещающее местному населению облачаться в меха, носить штаны и ходить с длинными волосами, как это принято у варваров-германцев. Разумеется, этот запрет не мог предотвратить уподобления римлян варварам, ибо Гонорий через год покинул Рим, а варвары

фактически уже сделались хозяевами Западной империи; всеми делами государства заправлял Стилихон, родом из германского племени вандалов. Гонорий в полном бездействии отсиживался в неприступной Равенне, которую окружавшие её болота защищали надёжнее каменных стен; монарх развлекался кормлением кур. Императорская власть изжила себя; император превратился в парадную куклу: он не был нужен ни для укрепления устоев рабовладения (ибо рабовладельческий способ производства почти совсем изжил себя), ни для охраны римских владений от варваров, ибо теперь империю от одних варваров защищали другие варвары, получавшие жалование.

В 410 г. вестготы в медных панцирях и сарматы в звериных шкурах под предводительством варвара Алариха впервые ворвались в Рим. История, однако не сохранила вполне достоверного и подробного описания этого трагического события, даже дата — 24 августа 410 г. — не является бесспорной. К началу V в. процесс упадка интеллектуальной культуры и отмирания творческой мысли зашёл столь далеко, что Римская империя уже не имела ни мудрых и беспристрастных историков, ни вдохновенных и увлекательных поэтов; писатели языческие всё больше впадали в цветистую и пустую риторику, а христианские заботились более о прославлении своей религии, чем об исторической достоверности. Подлинная история перестала представлять серьёзный интерес для большинства римлян, что явилось одним из проявлений того процесса варваризации, который шёл в течении нескольких веков. К V в. римляне достигли такой степени варваризации, чтобы плавно слиться с варварским миром; через 66 лет после первого падения Рима Западная империя прекратила своё существование, а современники почти и не заметили этого, ибо Италия давно уже была наводнена варварами, как пришлыми, так и местными, то есть — бывшими римлянами.

Не варвары-завоеватели разрушили античный Рим; сами римляне, превратившись в бездумных варваров, стали разрушать древние здания и брать из них строительный материал. Гневный эдикт императора Майориана, пытавшегося остановить варварское саморазрушение Рима, провозгласил поистине варварскую меру наказания: будут отрублены руки тем чиновникам, которые дадут разрешение на снос старых зданий. Но в 461 г. самому Майориану отрубили голову, и больше уже никто не мешал интенсивному процессу самораспада античного Рима и погружению его в мир варварства.

В 476 г. варвар Одоакр в Равенне сверг с престола молоденького императора с громким именем Ромул Август, и сам стал хозяином Италии; третью часть её территории он отдал для поселения своему разноплеменному войску.

На этом завершилась история великого древнего Рима, а у средневековых римлян впереди были долгие столетия варварства, из которого

они выползут только через тысячу лет. Чтобы прочувствовать истинно варварскую глубину падения интеллекта обитателей средневекового Рима, достаточно вспомнить хотя бы о том, что было написано в путеводителях для паломников, а именно: поблизости от будущего Рима Ной основал свой город, а его сыновья Янус, Иафет и Камез построили на Палатинском холме город Яникул и так далее в том же духе¹⁵.

История древнего Рима является собой скорбный поучительный пример того, как можно впасть в варварство и утратить великую культуру, если не проявить заботы о её спасении.

Примечания:

- ¹ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 222, 256.
- ² Livius I, 8, 5 — 6.
- ³ Vergilius. Aeneis. IV, 851 — 853. Пер. А.В. Артюшкова.
- ⁴ Tacitus. Annales. XIII, 27.
- ⁵ Aurelius Victor. Excerpta. IV.
- ⁶ Tacitus. Annales. XII, 53.
- ⁷ Appianus. Bella civilia. 2, 70.
- ⁸ Suetonius. Augustus. 40, 3.
- ⁹ Фёдорова Е.В. Латинские надписи. М., 1976. Надпись № 160.
- ¹⁰ Herodianus. 4, 7.
- ¹¹ Ammianus Marcellinus. XXI, 16, 17.
- ¹² Lactantius. De mortibus persecutorum. VII.
- ¹³ Libanius. De patronatibus. 4 — 10.
- ¹⁴ Ammianus Marcellinus. XXVII, 3, 11 — 13.
- ¹⁵ Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века. Т. 3. СПб., 1904. С. 437.

И.Ю. Шабага

НЕБЕСНОЕ ВИДЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗЕМНОЙ ПОЛИТИКИ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

Божественная помощь земному правителю, особенно в те моменты, когда ему сильно досаждают враги, — мотив в римской панегирической литературе достаточно распространенный. Например, в хвалебных речах сборника XII *Panegyrici Latini*, посвященных императору Константину (Pan. Lat. VI — X), божественное расположение к нему подчеркивается постоянно, причем, в соответствии со своеобразием политической обстановки, помощь правителю оказывают различные представители небес.

Так, с 306 года, когда Константин после смерти своего отца Констанция был провозглашен императором и автоматически стал членом языческой династии Иовиев — Геркулиев, его небесным покровителем считался Геркулес¹. Однако патроном императора он оставался недолго.

Поскольку Констанций являлся Августом Западной части империи, Константин, как его преемник, претендовал на тот же титул. Однако Галерий, — старший на тот момент Август, — признал за ним лишь титул Цезаря. Такое положение дел не устраивало честолюбивого императора, который нашел себе союзника в лице вынужденного в 305 году отказаться от власти Максимиана Геркулия: последний с удовольствием признал Константина Августом в обмен на признание за собой такого же титула (Pan. Lat. VI 1. 1). Однако эти любезности имели силу лишь на территориях, подвластных Константину; к тому же союз двух властолюбивых императоров мог быть только временным, так как реальная сила (прежде всего, армия) находилась в руках Константина, тогда как Максимиан пользовался лишь видимостью власти. Постоянно нарастающая напряженность между союзниками и родственниками (по принятому обычаю, Константин в 307 году женился на дочери своего соправителя) вылилась в мятеж Максимиана, завершившийся его гибелью. С этого времени Константин стал единоличным правителем большей части Западных областей империи; его влияние ограничивалось тем, что Рим, Африканские провинции и Острова (Сицилия и Сардиния) до 312 года находились под управлением сына Максимиана Максенция², официально не признанного другими правителями империи.

После гибели Максимиана Константин перестал считать себя членом династии Иовиев — Геркулиев и отказался от поддержки языческих богов — покровителей этой династии. С другой стороны, в соответст-

вии с менталитетом античной эпохи, Константин не мог остаться вовсе без божественного покровительства. Поэтому в 310 году он совершил важный как в политическом, так и в идеологическом плане шаг: провозгласил свое происхождение от императора Клавдия II Готского³ и объявил своим божественным покровителем Аполлона-Солнце (Sol-Apollo), находившегося в числе божественных патронов Клавдия (Pan. Lat. VII 2. 2; VIII 2. 5; 4. 2).

Выбор в качестве нового небесного покровителя именно Аполлона-Солнце был сделан отнюдь не случайно. Как дальновидный политик, Константин, без сомнения, учитывал, что на подвластных ему Галльских территориях поклонение солнечному богу было распространено издавна и очень широко; сближение же образов местного солярного божества и греко-римского Аполлона стало возможным потому, что последний отождествлялся в поздней античности с Солнцем⁴. Кроме того, такой «римский» Аполлон считался в Галлии покровителем «хороших» принцепсов⁵. В религиозном аспекте выбор Аполлона-Солнце в качестве божественного покровителя скорее всего можно рассматривать как продуманный шаг Константина на пути к введению монотеистической религии.

Третий этап религиозного пути Константина связан с христианством. Достоверно известно, что официально император принял крещение лишь незадолго до своей смерти в 337 году⁶, хотя всегда относился к христианам более чем терпимо. Вся религиозная политика Константина была направлена на всемерное укрепление позиций христианской церкви: именно эта заслуга сделала его в глазах церкви Великим.

В целом можно утверждать, что, каких бы религиозных пристрастий и убеждений ни придерживался Константин в тот или иной период своей жизни, он всегда жертвовал ими в угоду своим политическим интересам. Более того, для достижения своей конечной политической цели — установления единоличной власти в государстве — император тонко и умело использовал религиозные настроения основной массы населения.

Яркой иллюстрацией этого может служить описание панегиристом Назарием (Pan. Lat. X) небесного видения императору накануне решающей битвы того с Максенцием 28 октября 312 года⁷. Имена Константина и его панегириста сближаются здесь потому, что речь Назария, как произведение официозное, в конечном счете инспирировалась самим императором.

Специфика подачи этого эпизода оратором особенно хорошо видна при сопоставлении с рассказами двух других авторов — Лактанция и Евсевия. При этом сравнение имеющихся версий следует проводить, как представляется, по трем направлениям: 1) политическая и религиозная ситуация в Римской империи в момент появления каждого из рассказов; 2) религиозные убеждения авторов имеющихся версий и

3) общая направленность трудов, содержащих интересующие нас сообщения.

Рассмотрим сначала рассказы Лактанция и Евсевия⁸.

Версия Лактанция⁹ носит характер очень краткого сообщения¹⁰:

«Константин был предупрежден во сне, чтобы он начертал на щитах божественный знак Господень [caeleste signum Dei] и таким образом вступил в сражение. Он делает так, как было приказано, и, развернув <букву> x <u> загнув самую верхушку буквы <i>, помещает на щитах <знак> Христа [Christum notat]», то есть изображает монограмму ¹¹ (Lact. De mort. pers. 44. 5).

Рассказ Евсевия гораздо более пространен и не во всем совпадает с версией Лактанция, вследствие чего некоторые исследователи сомневаются в том, что оба автора говорят об одном и том же видении¹². Итак, приводим сообщение Евсевия:

«Примерно в полдень, когда день уже переваливает на вторую половину, <Константин>, как он рассказывал, собственными глазами увидел над находящимся в зените солнцем составленное из световых лучей знамение [τροβαίου] креста, на котором была надпись, гласящая: “Побеждай с его помощью”»¹³.

Увидев это, он и все войско, которое как раз выступало вместе с ним в поход и также стало свидетелем чудесного явления, пришло в ужас¹⁴. Действительно, <Константин>, по его собственным словам, находился в полном замешательстве относительно того, что значило это знамение, и неотступно думал о нем вплоть до наступления ночи. Во сне же перед ним, вместе с явленным на небе знамением, предстал Христос, <сын> Божий, который посоветовал ему воспользоваться в сражениях с врагами этим средством защиты [ἀλεξήματα]» (Euseb. Vita Const. I 28 — 29)¹⁵.

Далее, как повествует Евсевий, Константин повелел изготовить знамя с изображением сделанного из золота и драгоценных камней креста и инициалов Иисуса Христа, а воинам — поместить крестный знак на щитах и шлемах.

Итак, Лактанций утверждает, что небесное видение произошло во сне непосредственно в ночь перед битвой с Максенцием, то есть в окрестностях Рима, причем Константину было приказано неизвестно кем [iussus est] изобразить на щитах монограмму Христа. По словам Евсевия, императору было явлено, по существу, два видения, причем еще на территории Галлии, откуда он отправлялся в поход против Максенция: сначала вместе со своим войском он около полудня увидел знамение креста со знаменитой надписью¹⁶, а затем ночью, во сне, ему одному явился сам Христос, лишь посоветовавший [παρακαλεῦσασθαι] воспользоваться в битве этим знамением.

Таким образом, очень краткое и «зыбкое» сообщение Лактанция приобретает у Евсевия форму развернутого, избыливающего подробностями рассказа. Причины этого вполне очевидны. Сочинение Лактан-

ция «О смерти гонителей христианства» было написано, во всяком случае, до 321 года, а 44-я глава, в которой содержится исследуемое свидетельство, датируется, вероятнее всего, 313 — 314 гг.¹⁷. Обстановка в империи в это время была такова.

После победы над Максенцием осенью 312 года Константин становится единоличным правителем всей Западной части Римской империи, в то время как на Востоке после смерти Галерия в 311 г. обостряется борьба двух соперничающих между собой Августов — Лициния и Максимиана Дайи. В поисках союзника Лициний сближается с Константином и в начале 313 года скрепляет свои союзнические отношения женитьбой на сводной сестре Константина — Констанции. Тогда же появляется серия указов обоих императоров, известная под названием «Миланского эдикта», провозгласившего равноправие христианской религии с остальными религиозными учениями и возвращение (или возмещение) конфискованного в ходе предыдущих гонений имущества христианской церкви. Этот шаг, помимо всего прочего, был призван привлечь на сторону союзников тех христиан, которые проживали на подвластных Максимиану территориях и страдали от его жестоких преследований.

Весной того же года Лициний начинает активные военные действия против Максимиана, 30 апреля разбивает войско последнего под Адрианополем и становится единоличным правителем Восточной части Римской империи.

Таким образом, с 314 года государство находилось под управлением двух правителей с примерно одинаковой властью: это нашло отражение и в таком не имеющем прямого отношения к политике произведении, как «О смерти гонителей...». Лактанций показывает, что оба Августа пользуются равной поддержкой христианского бога, и божественная помощь Константину «уравновешивается» явлением ангела Божьего Лицинию перед решающей битвой того с Максимианом:

«...возле спящего Лициния появился ангел Божий, призывавший <императора> немедленно встать и вместе со всем своим войском помолиться высшему Богу [deus summius]: если он сделает так, победа будет за ним» (Lact. De mort. 46. 3).

Более того, ангел даже научил Лициния, «каким образом и в каких выражениях следует молиться» (Ibid. 46. 4 — 5).

Как и в эпизоде с Константином, здесь содержится недвусмысленное предупреждение о том, что победа над врагами гарантирована императору лишь в том случае, если он чтит христианского бога. Эта мысль подкрепляется изображением «нечестивого» поведения противников Лициния и Константина, которые ищут помощи у языческих богов: Максимиан обещает Юпитеру в случае своей победы истребить всех христиан, а Максенций обращается за благоприятными предсказаниями к Сивиллиным книгам (Ibid. 46. 2, 44. 8). Мысль о необходимости

почитания христианского бога последовательно проводится во всем сочинении Лактанция, которое является своеобразным предупреждением Константину о том, как следует вести себя с христианской церковью.

Что касается эпизода, описанного Евсевием (который, по его словам, просто воспроизвел рассказ самого Константина), то он появился много позже — в 338 году, вскоре после смерти императора, и в совершенно иной обстановке.

После победы над своим бывшим союзником и последним политическим противником — Лицинием — осенью 324 г. Константин стал, наконец, единоличным правителем всей Римской империи. Проводимая им религиозная политика заключалась во всемерной поддержке христианской церкви, которую он совершенно логично стремился сделать одной из опор своей власти. В непосредственное окружение императора начало входить все большее число христиан; Константин все внимательнее прислушивался к советам церковных иерархов; наставниками своих детей он избирал учителей-христиан: так, еще в 307 — 308 гг. он пригласил в учителя своему первенцу Криспу Лактанция, который обучал юношу в течение десяти лет. Постепенно наиболее близкими к императору людьми становятся Оссия, епископ Кордубский, который в качестве доверенного лица выполнял различные и порой весьма деликатные поручения Константина, и два Евсевия: епископы Кесарийский и Никомедийский, — будущий биограф и будущий крестный отец императора¹⁸. Любопытно, что оба церковных деятеля не были ортодоксами, склоняясь в своих взглядах к арианству, так что Константин, вообще слабо разбиравшийся в тонкостях христианского вероучения, принял крещение от епископа-арианина.

Между тем к 338 году христианская церковь чрезвычайно усилила свои позиции в государстве. Появившееся в это время сочинение Евсевия — панегирическая «Жизнь императора Константина» — было призвано всеми способами показать его заслуги перед Римским государством вообще и перед христианской церковью в частности; особенно четко проводилась мысль о том, что именно христианские убеждения Константина и его почитание Христа способствовали успешному завершению всех его начинаний. Именно поэтому эпизод о небесной помощи императору из краткого сообщения превращается в развернутый и подробный рассказ. Впрочем, оба сообщения, несмотря на все их различия, объединяет главное: речь в них совершенно определенно и недвусмысленно идет о помощи христианского бога.

Иначе обстоит дело с рассказом панегириста Назария:

«Все в Галлиях только и говорили, что о явившихся им небесных войсках, которые гордились тем, что были посланы по божественной воле [divinitus]. И хотя обычно божественное не предстает перед глазами людей... твои помощники, позволяя видеть и слышать себя, скрылись от взглядов смертных лишь тогда, когда удостоверили твою заслугу... Невы-

разимо горели сверкавшие щиты¹⁹, а блеск их небесного оружия внушал священный трепет: ибо таковы были те, кто пришел засвидетельствовать, что являются твоими. Вот их речи, и вот, что они говорили тем, кто им внимал: “Мы ищем Константина, мы идем Константину на помощь!” Безусловно, самомнение и тщеславие присущи даже небожителям. Они, спустившиеся с небес, они, посланные по божественной воле [divinitus], радовались, что сражались на твоей стороне... Их вел, я верю этому, твой <отец> Констанций, который, уступив своему более великому сыну земные триумфы и уже будучи причислен к богам, руководил небесными походами» (Pan. Lat. X 14. 1 — 6).

Итак, по версии Назария видение, как и в более позднем рассказе Евсевия, происходит в Галлии, видимо, днем, и видят его не только Константин и его армия, но и все жи ели Гал ьских п овинций (что, конечно же, является характерным для панегириков риторическим преувеличением). На этом сходство двух рассказов исчерпывается, ибо описание Назария носит несомненную языческую окраску. Оратор говорит о многочисленных небесных армиях, которые, в полном соответствии с языческой традицией, ведет обоженный после смерти отец Константина Констанций; небесные воины поступают в полное распоряжение Константина, причем оратор усматривает их самомнение и тщеславие в том, что они считают себя достойными быть помощниками императора; Константин является не просто послушным исполнителем божественной воли, а господином, повелевающим небесными войсками. Дабы отклонить возможные сомнения в подлинности описываемого небесного видения, Назарий вспоминает о хорошо знакомом из языческой мифологии эпизоде о божественной помощи братьев Диоскуров, оказанной римлянам в их битве с латинами в Регильском ущелье (Pan. Lat. X 15. 4 — 7).

В то же время панегирист обходит самый важный в религиозном плане вопрос: кто послал Константину небесных помощников? Как мы помним, Лактанций также умолчал о том, кто приказал императору изобразить на щитах его воинов монограмму Христа, однако из контекста совершенно ясно, что сделать это мог лишь христианский бог. Евсевий определенно говорит, что во сне Константину явился сам Христос. Что же касается Назария, то он, в целом описывая видение в языческом духе, излагает его самый важный момент в продуманно двусмысленных выражениях, тщательно избегая терминов, которые могли бы вызвать однозначное толкование в христианском или языческом смысле. Особенно старательно панегирист избегает слова «бог» [deus], которое в то время уже ассоциировалось с, может быть, и не христианским, но, во всяком случае, неким единым богом, неприемлемым для «чистых» язычников. Итак, вместо слова «бог» оратор дважды использует нейтральный термин divinitus, который язычники и христиане вольны были понимать, как им угодно: первые могли заподозрить, что под «небесны-

ми воинами» оратор подразумевает языческих богов, вторые — предположить, что верховное руководство всеми небесными силами (может, это были ангелы!) принадлежит христианскому богу.

Итак, главная задача панегириста состояла в следующем: описать небесное видение Константину, особенно в части, касающейся того, кто послал ему небесную помощь, в как можно более обтекаемых выражениях, допускающих трактовку как в языческом, так и в христианском духе. При этом языческая окраска данного эпизода у Назария столь сильна, что некоторые исследователи пришли к выводу о языческих убеждениях самого оратора²⁰. В то же время Эд. Галлетье совершенно правильно обращает внимание на нарочитую неопределенность выражений панегириста во всех случаях, когда тот упоминает о проявлениях божественности. Рассматривая версию Назария о небесном видении, исследователь, в частности, отмечает, что оратор выказывает «некоторое знакомство с христианской легендой»²¹.

На мой взгляд, следует говорить о чем-то гораздо более серьезном, нежели о простом знакомстве языческого оратора с одним из христианских преданий. Как анализ всей речи Назария (других его произведений не сохранилось), так и свидетельства о панегиристе других античных авторов позволяют сделать вывод о том, что Назарий был христианином²². Более того, и адресат его речи, император Константин, уже задолго до произнесения панегирика был, во всяком случае в душе, приверженцем христианского учения.

Таким образом, налицо коллизия: и составитель, и адресат (он же, в конечном счете, и заказчик) речи — люди, придерживающиеся или, по крайней мере, симпатизирующие христианскому вероучению, а описание столь важного в религиозном и политическом плане эпизода о божественной помощи императору носит явную языческую окраску. В чем тут дело?

Конечно, как совершенно верно указывает Эд. Галлетье, Константин не хотел подчеркивать своих христианских убеждений перед публикой, приверженной (в основной своей массе — *И.Ш.*) язычеству, и в произведении литературного жанра, который традиционно оставался совершенно языческим²³. Также следует иметь в виду, что так называемые «галльские панегирики» сборника XII *Panegyrici Latini*, к числу которых относится и речь Назария, являлись по сути своеобразными программными документами, отражавшими настроения той части правящего класса Галльских провинций, которая выступала против всяческих проявлений сепаратизма²⁴. Эти панегирики выполняли двойную задачу: собранные в единый сборник, демонстрировали якобы неизменную лояльность галльской аристократии по отношению к центральной власти, а как произведения, произносимые на злобу дня, служили, помимо прочего, средством доведения до общественности тех намерений и пожеланий императора, которые по каким-либо причи-

нам не могли быть высказаны им в более жесткой или открытой форме.

Являясь, как было отмечено выше, официозными документами, панегирики позволяли императору преподносить событие в желательном для него свете. В частности, в речи Назария, прославляющей победу Константина над Максенцием²⁵, раскрытие божественной помощи императору составляет один из ключевых пунктов²⁶.

Устами панегириста Константин пропагандирует свои действия в нужном направлении, предоставив оратору право самому избрать подходящую для этой пропаганды форму. Ситуация же, сложившаяся в государстве к 321 году — времени произнесения речи Назария, — была такова, что оптимальной являлась как можно более обтекаемая форма изложения небесного видения. Она в наибольшей степени соответствовала тактическим соображениям Константина, который заботился о расширении числа своих сторонников накануне решающей битвы за власть с Лицинием. В религиозном плане панегирик Назария являлся попыткой совместить христианские представления оратора (и императора) с языческим культом императора.

Итак, обрисuem в общих чертах, в каких условиях появилась речь Назария. В 319 г. Константин, в качестве Старшего Августа, объявил на 320 год консулами себя и своего сына Константина, а на 321 год — своих сыновей Криспа и Константина, вообще не упомянув при этом Лициниана, сына своего соправителя Лициния. Этот жест имел символическое значение: он показывал, что «дружбе» Лициния и Константина пришел конец, поскольку последний считал ситуацию удобной для начала открытой борьбы за единоличную власть. Особенность момента заключалась в том, что огромное значение в политической жизни империи приобрел религиозный фактор, и от отношения обоих императоров к такой влиятельной религиозной силе того времени, какой стала христианская церковь, в значительной степени зависело, кто из них победит в борьбе за власть. А отношение к церкви у обоих императоров было прямо противоположным. Лициний, хотя и был женат на христианке Констанции, проявлял все большую нетерпимость к христианам, возобновив в 320 году прекращенные после Миланского эдикта гонения: в Восточных областях империи были начаты судебные преследования христиан, их молитвенные собрания предписывалось проводить только на открытом воздухе, христианам было запрещено находиться на императорской службе и т. д. Как справедливо отмечает Н.Х. Бейнз, эти меры были предприняты Лицинием для того, чтобы: 1) добиться поддержки язычников в областях, находившихся под властью Константина, и 2) ослабить позиции христиан, как возможных сторонников Константина, на своей территории²⁷.

Если вторая цель была Лицинием в какой-то степени достигнута, то ожидаемой поддержки от язычников, проживавших на территории Константина, он не получил: Константин проводил дальновидную ре-

лигиозную политику, всеми силами стараясь не только не сталкивать между собой приверженцев различных религиозных учений, но и при-ирять различные течения внутри христианства.

Следует подчеркнуть, что, как показывает весь *curriculum vitae* Константина, император поступал так не как глубоко верующий и гуманный человек, а именно как мудрый и дальновидный политик, стремящийся обеспечить себе поддержку как можно большего числа жителей империи независимо от их религиозных убеждений. Совершенно ясно поэтому, что оповещение подданных об оказанной ему божественной помощи значительно укрепляло политические позиции Константина и вселяло уверенность в необходимости его поддержки у всех колеблющихся — как язычников, так и христиан. Единственно, что следовало сделать, — не уточнять, от какого бога, христианского или языческого, исходит эта помощь, предоставив подданным право решать этот вопрос самостоятельно в соответствии с собственными религиозными убеждениями. И панегирист Назарий блестяще справился с поставленной перед ним задачей.

В заключение отметим, что император Константин, стремясь добиться претворения в жизнь своих целей, всегда действовал решительно и находчиво, используя все имеющиеся в его распоряжении средства. Именно поэтому «правильно» изложенное небесное видение, которое наглядно демонстрировало божественное расположение к императору, являлось одним из средств, с помощью которых Константин совершенно логично рассчитывал добиться успеха в своей сугубо земной политике.

Примечания:

- ¹ Династию Иовиев-Геркулеев составляли Диоклетиан и Максимиан, принявшие эти титулы в 287 г. в честь своих «божественных родителей» Юпитера и Геркулеса, и их соправители и преемники.
- ² Максенций был приверженцем староримской религии и носил титул Великого понтифика.
- ³ Отец Константина Констанций (Хлор) был внучатым племянником императора Клавдия Готского (SHA 25. 9. 9; Eutr. IX 22. 1).
- ⁴ MacCormack S. Change and continuity in late antiquity: the ceremony of Adventus. *Historia* (1972) Bd. 17. S. 721 — 752.
- ⁵ Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 267 — 268.
- ⁶ Euseb. VC IV 62 — 64; Socr. HE I 39. — Существует также версия о более раннем крещении Константина папой Сильвестром (314 — 335 г.). Согласно этой версии, Константин в наказание за убийство в 326 году своего сына Криспа и жены Фаусты был поражен проказой, исцелиться от которой смог лишь после того, как принял крещение от Сильвестра. В благодарность император признал первенство римского епископа во всех вопросах христианской веры и культа в Западных областях империи. Этот рассказ появился, вероятнее всего, во второй половине VIII века и в настоящее время считается явной выдумкой.

- ⁷ Оно произошло недалеко от Рима в местечке Красные Скалы. Обычно эту битву называют «сражением на Мульвиевом мосту», хотя там проходила лишь его заключительная часть.
- ⁸ Разброс мнений исследователей относительно подлинности видения Константина очень велик: от признания, хотя и с некоторыми оговорками (Gwatkin H.M. art. *Constantinus and his city* // *Cambr. Medieval Hist. Vol. I. Cambr., 1924. P. 4*) его подлинности до полного отрицания. Так, например, А. Альфельди считает, что все имеющиеся рассказы о небесном видении представляют собою «выплески (abortions) возбужденной религиозной фантазии» поздней Римской империи (Alföldi A. *The Conversion of Constantine and pagan Rome. Oxf., 1948. P. 19*).
- ⁹ Лактанций, Луций Цецилий Фирмиан (250 — 330 гг.) был известным ритором и стихотворцем, учеником христианского ритора Арнобия. В 290 или 301 гг. он был приглашен Диоклетианом на кафедру риторики в Никомедии, где и принял христианскую веру. Когда в 303 году начались гонения Диоклетиана против христиан, Лактанций перебрался в Галлию. Там он вошел в окружение императора Константина и стал наставником его старшего сына. Надежных биографических данных о Лактанции после 317 г. нет.
- ¹⁰ Здесь и далее перевод автора.
- ¹¹ О форме этой монограммы см.: Lactance. *De la mort des persécuteurs* / *Introd., texte critique et trad. par J. Moreau. P., 1954. P. 434 — 436*.
- ¹² Baynes N.H. art. «Constantinus». *Cambr. Antient Hist. Vol 12. Cambr., 1939. P. 684*.
- ¹³ Более известен традиционный перевод этой надписи: «Сим победиши».
- ¹⁴ Ужас Константина и его войска при виде креста объяснялся тем, что крест, как позорное орудие казни в языческом Риме, считался дурным предзнаменованием.
- ¹⁵ Принадлежность «Жизни императора Константина» Евсевию не безусловна.
- ¹⁶ М. Дероше (M. J.-P. Desroches. *Labarum. P., 1894*) локализует это видение в окрестностях г. Шалон-на-Сене у деревни Сан-Круа. Подробнее см. об этом: *Panegyriques Latins in 3 vol. / Texte établi et trad. par E. Galletier. T. 2. P., 1952. P. 156*).
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: Simon M. *La civilisation de l'antiquité et la christianisme. P., 1972. P. 434*.
- ¹⁸ «Отец церковной истории», биограф Константина Евсевий (260 — 339 гг.) был учеником мученика Памфила в г. Кесарии; в 313 году стал епископом этого города. Во время I Вселенского (Никейского) собора 325 года Евсевий возглавлял большую партию «умеренных», стремившихся каким-либо образом примирить взгляды сторонников епископа Александрийского Афанасия, выступавшего за единосущие Бога-Отца и Бога-Сына, и приверженцев пресвитера Ария, считавшего, что Сын лишь подобен Отцу. Евсевий предложил собору свой вариант Символа веры, который был составлен в выражениях, отчасти благоприятных арианству. Позже Евсевий перешел на сторону Александрийской партии и голодовал за Символ веры, который отвергал положения Ария. — Его тезка Евсевий Никомедийский (? — 341? гг.) был более непримиримым противником александрийцев, и на Никейском соборе отказался публично осудить Ария. Резко отрицательное отношение Евсевия к Афанасию и постоянные выступления против александрийского епископа привели к тому, что Евсевия изгнали из г. Берита (совр. Бейрут), где он занимал епископскую кафедру. Позже, благодаря своему влиянию на сестру Константина Констанцию, Евсевий был прощен и назначен епископом в более важную епархию в г. Никомедии. В 339 году он стал епископом Константинопольским и до самой своей смерти возглавлял антиникейскую партию.

-
- ¹⁹ Древние комментаторы видели в этих словах намек на монограмму Христа, о которой говорит Лактанций (*Panegyriques Latins*. Т. 2. P. 156 n. 7).
- ²⁰ Pichon R. *Histoire de la littérature latine en Gaule*. P., 1898. P.784; Grégoire H. *La vision de Constantin «liquidée»*. Byzantion. 1939. Vol.14. P. 345; Holsapple L.B. *Constantine the Great*. N. Y., 1942. P. 163.
- ²¹ *Panegyriques Latins*. Т. 2, P. 178.
- ²² Шабага И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 40 — 41.
- ²³ *Panegyriques Latins*. Т. 2. P. 157.
- ²⁴ Шабага И. Ю. Славься, император... С. 105.
- ²⁵ Эта речь была произнесена перед сыновьями Константина Криспом и Константином Младшим по поводу Пятилетия провозглашения их Цезарями.
- ²⁶ Любопытно, что предложение, описывающее небесное видение Константина, — самое длинное во всей речи (71 слово). Как показал специальный количественный анализ текста галльских панегириков, наибольшее предложение в них является и самым важным в содержательном плане. Об этом см.: Шабага И. Ю. Славься, император... С. 59 — 61.
- ²⁷ Baynes N.H. *Constantine*. P. 695.

Н.Ю. Чехонадская

КУДА И КОГДА ВЫЛИВАТЬ ПОМОИ?

К вопросу интерпретации начального эпизода «Приключения Неры»

«Приключение Неры» (*Echtra Nerai*) — одна из древнеирландских саг так называемого «уладского» цикла. Под этим названием она упоминается в содержащемся в Лейнстерской книге (рукописный сборник XII века) перечне саг, известном как «Список А»¹. Текст «Приключения» дошел до нас в трех рукописях, все на пергаменте, относящихся к XV — XVI вв. Это: 1) Egerton 1782, fo. 71b — 73b, 1517 год; 2) TCD H. 2. 16. (Желтая книга Лекана), col. 658 — 662, XIV — XV вв.; 3) R.I.A., 23048 (*Liber Flavus Fergusiorum*), vol. II, f. 51 (102), около 1437 — 1440 года². В 1889 году сага была издана Куно Майером³. Майеру были известны только первые две из указанных рукописей, на которых и основана его публикация. Правда, в *Liber Flavus Fergusiorum* сага содержится в неполном варианте, охватывая лишь первые 82 строки издания Майера. Этот отрывок был включен в статью Джона Кэри⁴.

Турнайзен полагал, что «Приключение» могло быть записано не ранее X века; Джеймс Деларги на основе отдельных языковых фактов считал возможным относить составление этого памятника даже к VIII веку и ему как будто удалось убедить в этом Турнайзена⁵.

Странный эпизод, которым открывается «Приключение Неры», всегда привлекал внимание исследователей, как просто кельтологов, так и индоевропеистов, к примеру, Олдена Уотсона⁶. Деларги видел в нем просто сказку, механически присоединенную к фрагменту эпоса о Похищении быка из Куальнге⁷.

Чтобы детальнее разобраться в этом вопросе, мы приведем здесь текст первых пяти параграфов памятника в издании Майера (и первую фразу шестого)⁸:

1. Bui Ailill ocus Medb aidqi samnoi hir-Raith Cruachan cona techluch huili. Gaibtiur ar bearbad bid leu. Rocrochta da chimid leo ad-laa remiu sin. Asmbert Ailill iarum: “Inti domberud tra”, ol se, “id im choiss nechtar na da chimmig fil issien croich, rambiath a log lium-so airiu amuil bied ail do”.

2. Ba mor iarum a dorchotai na haidqi sin, ogus a grandatai, ogus doaidbitis demnoie ind oidqi sin dogres. No teged gach fer ar huair huaidip immach dia fromud ina haidqi sin⁷ ba hopunn ticced issin tech doridisi. “Rombith-si a loug lat”, oll Neroi, “7ragat himmach”. “Rotmbiad mo chlaidium ordurnsie eim”, ol Ailill.

3. Dochomlui ass iarum inti Nero⁷ gaibiss gaisced maith fair dochum na

cimmido. Atnaid iarum id im choiss indaro fiur dona cimbethuip. Docuirethar iarum ina deguid aitheruch co ma tri. Asmberth iarum in cimmith friss, meno thuco menuth taccuir fair, dia m-be aicci co maitin. ni duinfiuth iarum fair a menod fein ind fedo. Atnaig Nero menod taccuir fair iar sin.

4. Atpert cimith assin croich fria Nero: “Ferdai sin, a Nero!” “Feurdo ecin!” ol Nerai. “Ar fir do laechtachtdoi fritt, nombeir fort muin conn-esbiur dich latt. Rombui hito mor form in tan romcrochad”. “Tair efm form muin!” oll Nero. Dotoet iarum for a muin. “Cedh leth notmber?” oll Neuro. “Don taich iss nessum duinn”, or in cimith.

5. Lotar iarum don taich hi sin. Confaccatar iarum ni, in loch tiniuth immon tech sin. [72a] “Ni fil ar n-dig hissinn tig siu”, ol in cimith. “Ni bi teniu gen cogluid ann dogres. Tair riunn don taich aili dono is nessim duinn”, ol in cimith. Lotar dono do sidi. Confaccatar dono loch n-uscci hime suidiu. “Na herich don tich sin”, ol in cimith. “Ni gnath athinnldad na athfotraccad na ambor co némiud ann ind aichee iar cotlud. Tair riund don toig aili beus”, ol in cimid. “Ata mu dig-siu isin taig siu immoro”, or in cimid. Dolleciu de for lar. Tet issin tech. Athinnlat ogus athfothruccad ann, oculus bid dig hi cechtur de. Ammor con-neimid dana for lar in taige. Ibid dono dig a cechtarna dosuidiu, 7 sroithid loimb n-degenuch asa beluib im aigti na n-doini batar hissinn tig, connapatar uili. Is iar sin tra ni maith athindlat na athfotraccod na teniu gin cogluid na ammor con-neimid a taig iar cotlud.

6. Dombeir iarum sin dochum a rede doridsiu...

Перевод⁹

1. В ночь Самайна¹⁰ Айлиль и Медб были в Рат Круахане со своими домочадцами. Готовилась для них еда. За день до того они казнили двух пленников (cimmid). Айлиль тогда сказал: «Если бы кто обернул, — говорит, — ивовый прут вокруг ног кого-нибудь из этих двух пленников, которые на виселице (croich), я был дал ему такой подарок, которого он сам пожелает».

2. Велика была тьма и ужас этой ночи, и в эту ночь всегда появлялись демоны. Тогда ни один муж не осмелился попытаться выйти наружу в эту ночь; все быстро возвращались обратно. «Если дашь мне подарок, — сказал Нера, — то я пойду наружу». «Я дам тебе мой позолоченный меч», — сказал Айлиль.

3. Тогда Нера вышел и взял с собой хорошее оружие, чтобы идти к пленникам. Стал он обертывать прут вокруг ноги одного из этих пленников. Прут спадал вниз неоднократно — три раза. Тогда этот пленник сказал ему, что если он не закрепит его подходящим шпёнком, то хоть бы он пробыл тут до самого утра, он не замкнет его своим собственным деревянным шпёнком. Нера закрепляет его подходящим шпёнком.

4. Тогда пленник с виселицы сказал Нере: «Вот это по-мужски, о Нера!» «Конечно, по-мужски» — сказал Нера. «Ради твоей доблести, посади меня к себе на шею, чтобы я мог выпить. Когда меня вешали, я

очень хотел пить». «Ну, иди ко мне на шею!» — сказал Нера. Тот сел к нему на шею. «Куда тебя отнести?» — сказал Нера. «В ближайший к нам дом», — сказал пленник.

5. Пошли в этот дом. И увидели, что вокруг этого дома — озеро огня. «Нет для нас питья в этом доме», — сказал пленник. «Тут всегда загребают жар на ночь¹¹. Пойдем же в другой ближайший к нам дом», — сказал пленник. Пошли туда. Увидели там кругом озеро воды. «Не пойдем в этот дом, — сказал пленник. — Тут не оставляют ни посуды с водой от мытья рук, ни посуды с водой от мытья тела, ни кадушки на ночь, после того, как ложатся спать. Пойдем же в другой дом», — сказал пленник.

«А вот в этом доме есть для меня питье», — сказал пленник. Они подошли. Заходят в дом. Там вода от мытья рук и мытья тела, и ее-то он и пил. Они ведь оставили кадушку на середине дома. Он выпил это питье и разбрызгал последний глоток в лицо людям, которые были в этом доме, так что они все умерли. И вот после этого-то нехорошо оставлять воду от мытья рук и от мытья тела или огонь, не загребая его, или кадушку в доме, после того как ложишься спать.

6. Тогда он отнес его снова на место пытки (a rede)...

Конечно, при чтении этого отрывка а тем паче при его переводе возникает множество вопросов. Во-первых, не совсем понятно, что, собственно, Айлиль и Медб сделали с пленниками — живы они или мертвы?

Буквально термин *go-crochta* следует переводить как «распятие», поскольку *croich* — это крест. Однако в раннеирландских текстах, прежде всего законодательных, слово *crochad*, которое теоретически должно означать распятие, следует, скорее всего, понимать как «повешение». На это указывает Фергус Келли¹². Для виселицы существовало несколько терминов — *gabul* (буквально «вилка»), упомянутый нами *croich* («крест»), а также *giag* или *giadh*, основное значение которого — «пытка, мучение»¹³. Ким Мак-Кон предпочитает все же переводить *go-crochta* как «crucified», распятие¹⁴, допуская, таким образом, что казненные еще не умерли. В законодательных памятниках, написанных по-латыни, слово *crucifigi* также служило синонимом повешения. Оно чаще всего служило наказанием за воровство. «Любой вор, у которого найдена краденая вещь, — говорится в одном из ирландских законодательных текстов, — три смертных казни (букв. смерти) применяются мирянами — убийство, яма и повешение (*guin7golo7crochad*), одна казнь — Церковь: только повешение»¹⁵. В «Анналах Ульстера» под 745 годом упоминается о повешении шести осквернителей монастыря в Доунпатрике (*ui.cimmidi.cruciati*)¹⁶.

Употребленное в предыдущей фразе ирландское слово *cimmid* весьма многозначно: его можно переводить как «пленник», «заключенный», «приговоренный», «смертник»¹⁷. Исходя из того, что в *saeg* речь идет о короле и королеве, традиционно принят перевод — «пленник» (*captive*).

Известно, что у древних кельтов повешение играло ритуальную роль; о применении его к пленникам пишет Орозий (V, 16, 5 — 6). Не исключено, что в качестве жертв богам подвешивались каким-то образом и живые люди.

Во-вторых, весьма любопытен эпизод с тремя домами. Предлагалось много различных его толкований. В упомянутой статье Олден Уотсон пытается рассматривать «Приключение Неры» со структуралистских позиций. По его мнению, эпизод с пленником находится в родстве с одним из дальнейших эпизодов: когда Нера попадает в иной мир (сид — волшебный холм), он видит там хранителей сокровища короля сидов — слепого, у которого на плечах сидит хромой. Это сокровище — прославленная «корона Бриона», которая хранится в колодце. Уотсон справедливо указывает на параллелизм этих двух эпизодов: «Неру мы можем считать слепым, а пленника — хромым: пленника символически сделали хромым, надев ему на ногу ивовый прут, в то время как Нера слеп по отношению к сверхъестественному миру и его значению»¹⁸. Исходя из этого параллелизма, Уотсон приходит к выводу, что поскольку во втором эпизоде вода (колодец) символизирует власть, то в первом эпизоде вода (ведра с помоями) также должны символизировать власть. «Путешествие пленника — это негативная парадигма, которая показывает, чем власть не должна быть, — полагает Уотсон. — Власть должна творить во всем порядок... Непорядок во власти короля может привести к некоей сверхъестественной катастрофе, которая падает на головы нерях-обитателей нечистого дома из-за их собственной моральной несостоятельности»¹⁹.

Хотя сам Уотсон не настаивает на том, что помои в начале саги обязательно символизируют власть, для К. Мак-Кона это уже твердо установленный факт. Известно, что этот исследователь во все ирландские памятники пытается «вчитать» христианское содержание, намеки на Священное Писание, незаметно рассыпанные тут и там переписчиками-монахами. Ему даже кажется странным, что пленников два — почему не три? Ведь «данный текст имеет склонность к группировкам по три», и Мак-Кон приходит к выводу, что тут недостает третьего пленника — самого Христа²⁰, а «неприятная аура» саги подчеркивает дурную, языческую натуру королевской власти и ее символов («корона Бриона»).

Однако мотив запрета на оставление грязной воды в доме при такой трактовке остается, тем не менее, невыясненным. Если даже допустить, что в третьем доме вода символизирует «плохую» королевскую власть, а вода в колодце, где хранится корона — «хорошую», неясно, однако, почему же эту воду из второго дома вообще выливают и это мешает мертвецу туда попасть? По мнению Уотсона, это просто «прекрасная санитарная мера. Для общества, где не было никаких гигиенических предосторожностей и не было понятия микробов, которые переносят

болезни, этот эпизод предлагает интересную модель инфекции. Поскольку в то время это нельзя было объяснить естественным способом, то болезнь якобы вызывает сверхъестественная причина, представленная пленником, а недостаток превентивной гигиены — своего рода моральное прегрешение со стороны обитателей дома. Хотя средневековые ирландцы должны были представлять себе какую-то сверхъестественную причину инфекции, этот случай нам демонстрирует весьма раннее осознание практических санитарных мер. Здесь, хотя пока мифология объясняет, как устроен мир, мы уже различаем тот образ мыслей, который, в конце концов, может привести от мифа к науке»²¹.

Несмотря на всё наше уважение к Уотсону, это объяснение совершенно невозможно принимать всерьез. Поскольку в тексте речь идет о единственной кадушке, стоящей в центре дома, то совершенно очевидно, что в ней моется вся семья, и если уж в дом проникла какая-то инфекция, заражение всех домочадцев неизбежно, хоть выливай воду, хоть не выливай. Выливание этой воды за дверь вряд ли улучшает санитарные условия в доме в целом.

Нам представляется, что тут следует искать более простое и естественное объяснение.

Исследование Джеймса Деларги показало, что сюжет «Приключения Неры» глубоко укоренен в ирландском фольклоре. В 1931 — 1938 годах Ирландской фольклорной комиссией было собрано 39 вариантов подобной истории, в основном на севере и западе страны²². Здесь на спину юноше, которого отец послал за забытой (в церкви, на кладбище или на перекрестке) вещью, садится черт. Он не может войти в первые два дома, потому что их обитатели не забыли прикрыть на ночь огонь и выплеснуть за дверь воду от мытья ног²³. Черт заходит в третий дом, где живет молодая пара. У супругов рождается сын — «сын дьявола» — который впоследствии становится священником, и юноша, который когда-то нес на плечах нечистого, спасает от этого «служителя Бога» ничего не подозревающих прихожан. Происходит спор между Богом и дьяволом, в результате которого душа священника спасена.

Видный фольклорист, Деларги указывает на то, что воде, в которой моют ноги, в народе придаются особые свойства. Он также отметил с некоторым недоумением, что хотя в сказке черт, а в саге мертвец не может попасть в дом, потому что его обитатели вылили за порог грязную воду, «инструкции» относительно обращения с этой водой разительно отличаются в разных местностях. В деревне Корнамона (графство Голуэй) считают, что если эту воду выливать, то мертвые не вернуться. В деревне Клониатти (графство Корк) записана «быличка», где мертвый советует живому выливать воду. Однако там же после захода солнца эту воду не выливают из-за страха перед феями (good people). В Росдонахе (графство Мэйо) никогда не выливают воду от мытья ног ночью, всякую другую воду — только предупредив good people. В деревне Ранна-

ферште (северо-запад Донегола) воду, в которой моют ноги, никогда не выливают в ночь на день всех святых и вообще никогда не выливают за порог, поскольку из-за этого мертвые не могут вернуться. В Кьянтурке (Корк) считается дурной приметой оставлять на кухне на ночь посуду с грязной водой²⁴.

Деларги считает эти данные «противоречивыми»: нужно все-таки выливать воду или нет? Из приведенных данных совершенно очевидно одно: вылитая за порог вода мешает проникновению в дом сверхъестественных существ. Вопрос лишь в одном: желательно ли, чтобы эти сверхъестественные существа в дом заходили? Видимо, на этот вопрос каждый отвечает для себя сам. По мнению того же Деларги, черта ирландцы бояться гораздо меньше, чем *sluagh sidhe* (народа сидов). Именно поэтому, выливая воду за порог, крестьяне боялись оскорбить фей: хотя им и хотелось бы держать их подальше от дома, они крайне опасались их гнева.

Что же касается мертвецов, тут тоже отношение к ним было двойственное. С одной стороны, существовали благодетельные покойники — духи родных и друзей. С другой стороны — души чужих, преступников, казненных. Этим озлобленных мертвецов следовало держать подальше от дома. Поскольку в ночь Самайна все жители иного мира были особенно активны и грань между их миром и нашим стиралась, чужие мертвецы становились особенно опасны. Мне представляется, что в начальном эпизоде «Приключения Неры» следует видеть этиологический рассказ, объясняющий предписание выливать грязную воду за порог в ночь Самайна и не оставлять ее в доме. Поскольку во многих мифологиях загробный мир — противоположность земного, то естественно, что для мертвеца грязная вода — идеальное питье, и оставлять ее для него было просто глупо. В вышеупомянутой примете жители деревни Ранна-ферште воду в День всех святых, заменивший Самайн, напротив, считали нужным выливать, а то мертвецы не смогут прийти. Именно для таких, как они, и была написана эта сага: напоминание о том, что в день умерших могут явиться не только святые, но и грешники.

Примечания:

- 1 Thurneysen R. Die Irische Helden- und Königsage. Halle, 1921. S. 22.
- 2 Ó Duilearga S. [Delargy J.H.]. Nera and the dead man // Féil-sgríbhinn Eoin Mhic Néill. Áth Cliath [Dublin], 1940. P. 522.
- 3 Echtra Nerai. Ed. Kuno Meyer // Revue celtique. X. 1889. P. 212 — 227.
- 4 Carey J. Sequence and causation in Echtra Nerai // Eriu. XXXIX. 1988. P. 73 — 74.
- 5 Ó Duilearga. Op.cit. P. 522.
- 6 Watson A. A structural analysis of Echtra Nerai // Études celtiques. XXIII. 1986. P. 129 — 142.
- 7 Ó Duilearga. Op.cit. Ibidem.
- 8 Курсив означает издательские вставки Майера. 7 — традиционный ирландский рукописный значок, употребляемый вместо *ocus* «и».

- ⁹ Полный перевод памятника Т.А. Михайловой смотри в издании: Похищение быка из Куальнге. М., 1985. С. 102 — 110. Поскольку издание, о котором идет речь, снабжено вполне исчерпывающей вступительной статьей и комментариями, я в переводе комментирую только те места, которые являются существенными для темы данной статьи.
- ¹⁰ Кельтский Новый год 1 ноября, позднее замененный Днем всех святых.
- ¹¹ Coslad (или coicill): буквально «сохранение»: имеется в виду, что огонь оставляют на ночь, прикрывая его.
- ¹² Kelly F. A guide to Early Irish law. Dublin, 1988. P. 217.
- ¹³ См.: Dictionary of Irish Language (DIL), compact edition. Dublin, 1990. V. croich, riag.
- ¹⁴ McCone K. Pagan Past and Christian Present in Early Irish Literature. Maynooth, 1990. P. 151.
- ¹⁵ Kelly F. Ibid., со ссылкой на Corpus iuris hibernici, 1101, 27 — 8. В легенде об аббате Друменаха, неожиданно для себя превратившемся в женщину, несчастный клирик, жалуясь на свою судьбу, утверждает, что «никогда не говорил ни о ком плохо» и «никого не вешал» (nar chrochus duine). См.: Meyer K. Story of the Abbot of Druimenaig, who was changed into a woman // Anecdota from Irish manuscripts. I. 1907. P. 77.
- ¹⁶ Ibid. P. 218.
- ¹⁷ DIL. V. cimmid.
- ¹⁸ Watson A. Op. cit. P. 132 ff.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Mac-Cone K. Ibidem.
- ²¹ Watson A. Op.cit. P. 132.
- ²² Ó Duilearga. Op.cit. P. 523. ff.
- ²³ Интересно, что в одном варианте нечистая сила не может проникнуть в дом, потому, что там рассказываются саги о Финне (bhi Fiannaigheacht ann). Ibid. P. 526.
- ²⁴ Ó Duilearga. Op. cit. P. 532 — 533.

Д.А. Дрбоглав

НЕМЕЦКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 1993 Г.

В конце археологических работ 1993 г. в Новгороде на Троицком раскопе найдена в слоях XI в. процарапанная берестяная грамота на немецком языке (грамота № 753)¹. До тех пор была известна только одна береста на том же языке, а именно из Ревельского архива, выполненная чернилами современница Ливонской войны². Новая же находка свидетельствует о практике составления процарапанных грамот с латинским алфавитом на протяжении ряда веков: напомним, что единственная пока известная такая грамота с латинским текстом относится уже к середине XV в.³

Графика грамоты. Прежде всего выполним палеографический анализ. Ведь документ состоит из слишком небольшого числа букв, и для его надёжного чтения придётся учитывать все графические сложности, хотя в целом они не требуют для своего уяснения привлечения смыслового содержания бересты.

Весь текст⁴ как бы сдвинут к левому краю горизонтально вытянутой длинной берестяной полосы. После выполнения основной графики составитель заключил её слева и справа в рамки в виде вертикальных линий. То, что это выполнялось после, легко заключить особенно по правой рамке: она с разрывом и не затрагивает слегка выступающей справа капитальной «L». Левая рамка выведена со слабым нажимом и только частично. Неясность её линий побудила составителей первоначальной прорисовки ошибочно предполагать присутствие здесь в качестве большого инициала грамоты капитальной «P».

Текст выполнен в три строки. Первые две составлены почти сплошь из маюскульных форм, как это обычно бывает в современных латинских надписях. Если использование крупных чётких латинских форм — не влияние общего характера русского письма на бересте, то это явление можно также объяснить довольно важным значением и содержанием документа: ведь с IX в. в латинских рукописях минускул был окончательно господствующим.

В качестве небольшого инициала выступает форма, напоминающая арабскую цифру «7». Её значение в данном случае можно понимать двояко: или особенно в значении русского союза «и»⁵, или до какой-то степени как одну из форм инициала «I». Как увидим ниже, любое из двух решений не влияет на понимание содержания текста.

№ 753



Н ~ 93
 Тр. IX - В
 Пл. 14, № 262, кв. 890, № 171
 17 августа

Прорись берестяной грамоты № 753.

Основная конфигурация остальных форм первой строки традиционна и не вызывает затруднений для их понимания. Некоторые сложности приносят знаки над второй и третьей формами. В первом случае косой штрих над «i» (если это не случайная царапина бересты) не позволяет датировать текст ранее, чем второй половиной XI в.⁶

Такие же сомнения вызывает штрих над третьей формой строки. Однако его понимание в качестве надписной «i» или случайного повреждения бересты, как увидим, также не имеет значения для уяснения смысла грамоты.

Самым значительным графическим затруднением следует считать третью форму второй строки: слишком короткий верхний правый элемент буквы, как бы завершающий своеобразную форму «к», позволяет его принять также за повреждение бересты. Если штрих отбросить, то буква превратится в традиционную «h».

Для последней строки нет достаточно места. Получается выполненная с лёгким нажимом паутина: некоторые штрихи непомерно вытянуты, и буквы устанавливаются с трудом. После чёткой римской цифры «X» криво выведены две вертикали, которые можно принять оба раза за римскую цифру «I», что в целом составит «XII». Остаётся сложный конгломерат штрихов. Опираясь на средневековые палеографические закономерности, можно заметить лигатуру из традиционных капитальных букв «МА». Обе формы прошли через всё средневековье.

Особенность первой буквы состоит в том, что её средние элементы образуют как бы капитальную «Т». Несколько более трудной представляется конфигурация второй буквы, поскольку, составляя с предыдущей буквой лигатуру, она оказалась перевернутой вверх ногами. Если ей придать обычное положение, то налицо будет одна из традиционных форм, где соединительная линия даёт излом, у которого остриё обращено вниз. Спецификой является замена верхнего острия буквы на гори-

зонталь⁷. Вся графическая группа завершается росчерком из двух штрихов, составляющих «с», обычную для современного письма⁸.

Общий смысл грамоты. Ключ к общему пониманию грамоты — сочетание из последних пяти букв первой строки: GEFAL. Эти буквы как бы отсекают начало грамоты из трёх форм, где угадывается повелительное наклонение второго лица единственного числа «II»⁹, а первая форма, как отмечено, скорее всего — условный знак для передачи союза со значением русского союза «и». Понимание инициала как «I» потребует его считать в качестве начала первого слова грамоты, в котором удвоение буквы будет указывать на один из способов передачи долготы гласного звука¹⁰.

Уяснив в принципе графику и значение глагола в начале грамоты, легко прочитать в конце строки неопределенную форму глагола «GEFALLEN», где виден традиционный обрыв слова с носовым звуком. Итак, содержание первой строки может быть выражено так: «И постарайся подойти» (в смысле «угодить»)¹¹.

Во второй строке сталкиваемся со значительными трудностями. Первое слово, которое читается в начале её (im), может быть понято как дательный падеж личного местоимения третьего лица не только единственного числа («ему»), но также множественного числа («им»). Эта форма слова в первом значении особенно показательна для Саксонии¹². Итак, общее восприятие столь краткой грамоты не позволяет сразу установить число объекта.

Последнее слово второй строки создаёт ещё большие трудности для его понимания. Дело здесь даже не столько в графических неясностях, сколько во множестве совсем разных значений читаемого слова.

Взаимозаменяемость звуков «h» и «k» лишает принципиальности выбора чтения «hie» или «kie»¹³. Исходя из общего характера темы грамоты, можно до какой-то степени допустить здесь повелительное наклонение — « вступи в брак» (приблизительное обоснование приводится ниже). Впрочем, термин долгое время исследователи считали не совсем ясным по содержанию¹⁴.

Если трактуемое слово понимать как входящее в предыдущую фразу, то тогда допустимы одновременно два толкования: как обращение «раб»¹⁵ и наречие «ie» («всегда»), которое очень часто употребляется при повелительном наклонении¹⁶, а добавление придыхания перед первым гласным слова можно считать общим местом в рассматриваемую эпоху¹⁷. Наконец, если увязывать hie с последней строкой грамоты, то тогда надо вспомнить обычное значение наречия и в новое время как «здесь».

Столь же лапидарна по содержанию третья строка: здесь после числа «XII» видно традиционное сокращённое написание слова, в которое входит буква «г». Тем самым читается многозначный термин марс. С цифрой он указывает, конечно, на сумму денег в марках.

Каким же в итоге получается самый общий смысл грамоты? Из неё

видно, что какой-то человек должен кому-то угодить. Посчитать предпочтительным сразу одно из четырёх толкований последнего слова второй строки не представляется возможным, а отмеченные в конце текста 12 марок позволяют строить лишь разные догадки.

Толкование содержания грамоты. Изложенные выше результаты исследования должны быть дополнены попыткой нахождения источника, откуда составитель грамоты мог почерпнуть, на первый взгляд, столь простое содержание. Уже понимание первого слова как союза со значением «и» может навести на мысль о заимствовании темы из Священного Писания, где небольшие части текста часто начинают этот союз, а многообразные, хотя и определённые формы соответствующего немецкого союза (а они из двух слогов или из одного)¹⁸, могут предполагать наличие в грамоте извлечения из стихотворных библейских переложений, которые в Германии раннего средневековья были обычным явлением.

В Новом Завете определённо обнаруживаются места для заимствований со стороны автора грамоты. Естественно особенно важной будет попытка нахождения такой основы в соответствующих немецких текстах. Изыскания в этом направлении привели к определённым результатам. Так первая фраза грамоты обнаруживает близкое словесное совпадение с тем, что звучит в одном из мест наиболее раннего немецкого текста Нового Завета (XV в.): «*Und darumb wir fleissen uns im zegevallen*»¹⁹. Немецкий перевод точно передаёт Вульгату: *Et ideo contendimus... placere illi*²⁰. Сравнение приведённых отрывков позволяет предполагать непосредственную зависимость текста грамоты от какого-то раннего поэтического переложения соответствующего новозаветного места (в духе Отфрида или поэмы Гелианд). Ведь отличие текста грамоты состоит лишь в устранении слова со значением «поэтому», а также, что более существенно, в замене изъяснительного наклонения множественного числа на повелительное единственного, и это в соответствии с характером грамоты как заповеди. Зависимость грамоты от немецкого Нового Завета проглядывается также в той расстановке слов, которая видна ещё в первой сохранившейся немецкой Библии: *Und darumb wir fleissen uns im zegevallen es sey abewesent oder gegenwirtig*²¹.

Лютер уже восстанавливает порядок слов Вульгаты²². Вместе с тем положение слова «im» в грамоте непосредственно после неопределённой формы глагола точно передаёт порядок соответствующих слов Вульгаты (*placere illi*), что определяется, возможно, стихотворными требованиями.

Отмеченная нами выше фраза из Второго Послания к коринфянам формулирует тему послушания человека Богу. Последующие слова говорят о полагающемся за послушание воздаянии²³. Но более пространно тема послушания развёрнута в трёх притчах: о десяти девах²⁴, талантах²⁵ и минах²⁶. Первая притча²⁷ важна в том отношении, что Бог в ней

выступает в роли жениха и конец текста сформулирован как заповедь: «Итак, бодрствуйте...». Последнее слово второй строки грамоты может быть понято, уже сказано, как повелительное наклонение глагола *hien* («вступить в брак»). Таким образом, затронутое место грамоты формально можно трактовать как «выйди замуж», то есть иносказательно для каждой девы из притчи в соответствии с их ожиданием жениха. Однако прямой терминологической связи грамоты с затронутой притчей не просматривается.

Притча о талантах непосредственно следует за первой притчей и органически с ней связана: «Ибо Он (Бог — авт.) поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение своё»²⁸. В притче о талантах тема послушания Богу и воздаяния расширяется до темы послушания любой власти и воздаяния за служение ей. Воздаяние выражается в последнем случае в виде определённой суммы талантов. В близкой же по содержанию притче о минах воздаяние выражается в минах.

Древние денежные единицы талант и мина были понятны в средние века, по-видимому, ограниченному кругу книжников. Отсюда в переводах библейских текстов на немецкий язык старые термины заменяли порой средневековыми денежными единицами. Талант приравнялся таким терминам как *libra*, *pondo*, *phund*, *marca*²⁹. Немецкое же написание термина «марка» может быть очень различным и, в частности, *marc* (и для множественного числа)³⁰. Последняя форма усматривается нами в качестве заключительного слова грамоты. Уже до Лютера в интересующих нас притчах талант заменён термином *pfunt*³¹, *phunt*³², а мина — термином *gewicht*³³.

Конфигурация цифры в начале третьей строки (X или XII) не может быть решена надёжно на основе палеографических данных. Посмотрим, однако, что сказано в притчах о размерах воздаяния. Притча о талантах называет 10 талантов (что может звучать в старых немецких текстах как 10 марок) в качестве суммы, полученной в итоге первым рабом, которому господин дал с целью употребить в деле 5 талантов³⁴. В притче же о минах вознаграждение оказывается несколько иным. Первый раб, обращаясь к господину, говорит: «Мина твоя принесла 10 мин»³⁵, что в немецком тексте также могло звучать как 10 марок. В итоге этот раб, названный как имеющий 10 мин (вернее, его надо было бы назвать имеющим 11 мин, так как только в деле он получил 10 мин) получил за счёт раба, не отдавшего серебра в оборот, ещё мину. Таким образом, в грамоте можно читать цифру XII. При любом, однако, чтении цифры чётко проступает идея вознаграждения, а число денежных единиц не имеет принципиального значения.

Повелительный стиль грамоты особенно чётко перекликается с тем, что видим в поэме о Христе, написанной в IX в. Отфридом. Закономерным, возможно, следует считать употребление у немецкого поэта гла-

гольной формы «î» именно в тех случаях, когда выдвигается резкое требование послушания Богу. Из-за особой фразеологической важности текста Отфрида приводим все три имеющихся в виду случая:

Joh il iz io irfullen (V, 15, 15).

II (разночтение — ili) io iz io irfullen (II, 9, 131).

II (разночтение — ili) io Gotes willen allo ziti irfullen (I, I, 89)³⁶.

Контекст первых двух стихов говорит о том, что iz («это») по смыслу соответствует в 3-м стихе Gotes willen («волю Бога»). Итак, везде звучит требование о постоянном послушании Богу, причём следует отметить начало первого стиха Joh = und («и») и особенно наличие везде термина io. Этот термин в приведённых примерах — постоянно после повелительной формы глагола и в двух случаях непосредственно после дополнения. Он может выступать во многих вариантах (io, eo, hio, ie)³⁷. Учитывая в ряду вариантов наличие формы с придыханием перед io, легко предполагать его возможность перед ie, что даст форму hie, которая скорее всего и стоит в конце второй строки грамоты, то есть после дополнения, как и в двух примерах из Отфрида. Такая трактовка термина уже снимает фразеологические натяжки, которые возникают при другом переводе этого многогранного термина. Следует решительно отбросить подходящее формально по смыслу значение слова как повелительной формы глагола (« вступи в брак»). Столь же формальным будет приращивание наречия в значении «здесь».

С другой стороны, поскольку в грамоте просматриваются элементы фразеологической связи (они очень небольшие, учитывая крошечные размеры грамоты) не только с Отфридом, но и с Новым Заветом и, в частности, с двумя притчами, то в бересте можно допустить звучание в конце второй строки обращения «раб», что многократно читается в притчах о талантах и минах.

В заключение даём транскрипцию и перевод грамоты № 753.

Транскрипция (в квадратных скобках раскрыты сокращения):

7³⁸ il (или ili) gefal[len]

im hie (или kie).

XII ma[r]c.

Перевод: «И постарайся угодить

ему³⁹.

12 марок».

Примечания:

- 1 Рыбина Е.А. Открытия археологов 1993 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. М., 1994. № 2. С. 40 — 45.
- 2 Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956 — 1957 года. М., 1963. С. 9.
- 3 См. наше «Приложение» в книге: Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские

- грамоты на бересте из раскопок 1962 — 1976 годов. М., 1978. С. 167 — 191.
- 4 См. прорись грамоты, составленную на основе двух прорисей, которые выполнены сотрудниками кафедры археологии истфака МГУ.
- 5 См. примеры такого значения формы от 1025 г., 1056 г. и 1093 г.: Walther J.L. *Lexicon diplomaticum*. Göttingae, 1742. P. 444. Употребление формы, обычное для латинского письма, встречается и в иноязычных памятниках: Фридрих И. История письма. М., 1979. Рис. 215.
- 6 Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. М.; Л., 1936. С. 151.
- 7 См.: *Corpus des inscriptions de la France médiévale*. Poitiers, 1975, fig. 61.
- 8 См. эту букву из двух элементов в письме XI в.: Cappelli A. *Lexicon abbreviatorum*. Milano, 1967. P. 39.
- 9 И (il) = eile. Если штрих над второй буквой понимать как «i», а не повреждение бересты, то чтение «ili» (сослагательное наклонение) не изменит смысла первого чтения.
- 10 Wäckernagel W. *Altdeutsches Handwörterbuch*. Basel, 1861. S. 145 (ii = î).
- 11 Значение глагола как «нравиться» относят ко времени начиная лишь с XII в., но, по нашему мнению, подчёркиваемое для XI в. значение «удовлетворять каким-то требованиям» в данном случае не меняет отмеченного смысла (*ibid.*, *gefallen = zukommen*).
- 12 В Саксонии краткая форма встречается чаще, чем полные *imo*, *imu* (*Heliand*. Paderborn, 1883. S. 244).
- 13 *Kien = gehîen*, *gehîen = hien* (*Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. T. I. Leipzig, 1872).
- 14 Hoefler A. *Zur Laut-, Wort- und Namenforschung // Germania*. Jhg. 15. Wien, 1870. S. 79.
- 15 Schade O. *Altdeutsches Wörterbuch*. 1882. (*hîe = hîwo*, *hîwa*).
- 16 Tschirch F. *Frühmittelalterliches Deutsch*. Halle, 1955. S. 148 (io); Piper P. *Otfrids Evangelienbuch*. II Th. Freiburg, 1884. S. 224 (io).
- 17 *Ibid.* S. 96: *hîlen = ilen*.
- 18 Tschirch F. *Op. cit.* S. 124 (anti).
- 19 *Die erste deutsche Bibel*. Tübingen, 1905. Bd. 2. S. 119 (2 Cor., 5, 9). Выделение слов здесь и далее принадлежит автору.
- 20 «И потому ревностно стараемся... быть Ему угодными» (Библия. Петроград, 1917. С. 1452).
- 21 *Die erste deutsche Bibel*. Bd. 2. S. 119 — 120.
- 22 *Darum fleissigen wir uns auch wir sind daheim oder wallen, dass wir ihm wohlgefallen* (Тausend-Bilder Bibel. Riga. Bd. 2).
- 23 2 Кор. 5, 10 (Библия... С. 1452).
- 24 Мф. 25, 1-13 (Там же. С. 1254).
- 25 Мф. 25, 14-30 (Там же. С. 1254-1255).
- 26 Лк. 19, 11-27 (Там же. С. 1316).
- 27 Выражаю благодарность Б.А. Макееву за указание на важность притчи для нашей темы.
- 28 Мф 25, 14 (Там же. С. 1254).
- 29 Du Cange. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1885. T. IV. P. 631 (Funt).
- 30 Wäckernagel W. *Op. cit.* S. 192 (marke).
- 31 *Die erste deutsche Bibel*. Bd. 2. S. 56 — 58.
- 32 *Der Codex Teplensis*. Augsburg-München, 1884. S. 37.
- 33 *Ibid.* S. 109; *Die erste deutsche Bibel*. Bd. 2. S. 296 — 298.
- 34 Мф. 25, 15, 16, 28 (Библия... С. 1254-1255).

³⁵ Лк. 19, 16, 24 (Там же. С. 1316).

³⁶ Piper P. Op. cit. I — II Th. (io).

³⁷ Tschirch F. Op. cit. S. 148 (io).

³⁸ Знак для союза, равного русскому «и».

³⁹ То есть Богу. В конце строки, возможно, — обращение «раб».

КСЕНОФОНТ ЭФЕССКИЙ. ЭФЕССКИЕ ПОВЕСТИ

**Вступительная статья, перевод
с древнегреческого языка
и примечания Г.Г. Козловой**

О романе Ксенофонта Эфесского

Читателю предстоит познакомиться с одним из древнегреческих любовных романов — «Эфесскими повестями» Ксенофонта Эфесского.

Термин «роман» появился в средние века для обозначения беллетристических сочинений на романских языках, описывающих частную жизнь персонажей с их любовными переживаниями и различными жизненными перипетиями на более или менее широком фоне окружающей обстановки; в них были динамичное развитие занимательной фабулы и оживленные диалоги. В литературоведении Древней Греции не было единого термина для обозначения подобных произведений, появившихся еще в эпоху эллинизма, а особенно развившихся во времена ранней Римской империи. Их называли то драмой, т. е. «действом», то эпосом, т. е. «словом», то историей, т. е. «повестью», «рассказом»; были и некоторые другие термины, например: сказы (λόγοι), книги (βιβλία).

До нас дошло несколько греческих любовных романов, они представляют собой своеобразное явление, но отнюдь не стоят особняком на пути развития древнегреческой литературы. От гомеровского эпоса, точнее, от «Одиссеи», в них — широта географического фона действия; от драмы — щедрые диалоги, причем от трагедии — фатализм, господство рока в судьбах героев и роль прорицаний, а от новоаттической комедии — обстоятельность знакомства юных героев и близкое общение господ и рабов; от лирики — интенсивность любовных переживаний, подчас совершенно заполняющих жизнь; от мифа — мнимая гибель и воскресение героев и в ряде случаев — сказочный стиль; от ораторской прозы — нередкая риторичность и пафос повествования; в философии романистов заметно влияние стоицизма.

Обычный сюжет таких романов: дивно прекрасные юноша и девушка внезапно и притом впервые в жизни охвачены взаимной силой¹; почти всегда она наталкивается на препятствия; герои вынуждены бежать, чтобы впоследствии соединиться, однако сразу же насильственно разлучаются и порознь испытывают долгие мучения, попадая в руки раз-

личных злодеев, покушающихся, главным образом, на их честь. После долгих скитаний, как правило, не встречаясь друг с другом, в постоянных взаимных поисках, они в конце концов обретают счастливое соединение.

Следует этой схеме и роман Ксенофонта Эфесского. Биография автора неизвестна, само громкое имя заставляло предположить, что некий аноним заимствовал его у знаменитого историка древности². Данные об авторе и времени создания романа приходится извлекать из его текста. Первым сделал это И. Касперий в 1774 г.³; о начальных границах говорят, по его мнению, два факта: в романе упомянут префект Египта, должность, установленная Августом (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), т. е. роман не мог быть написан раньше; написан же он даже позднее; далее, в нем действует иринарх (блюститель мира) Киликии, а институт иринархов был введен императором Адрианом (117 — 138 гг. н. э.), т. е. роман не мог быть написан раньше середины II в. н. э. Конечные границы, по Касперию, определяются сценой казни распятием на кресте, отмененной императором Константином (306 — 337 г. н. э.). Далее: Эфес представлен цветущим городом со знаменитым и почитаемым культом и храмом Артемиды (после того, как в IV в. до н. э. его сжег Герострат, он был снова роскошно выстроен и причислен к семи чудесам света), следовательно, роман написан до разграбления и сожжения храма при императоре Галлиене в 263 г. н. э. и до последующего опустошения Эфеса.

С этими доводами соглашаются все более поздние исследователи, но вносят ряд дополнений. Так, издатель романа в 1796 г. Лоцелла подчеркивает, что у Ксенофонта важную роль играет святилище Аполлона Колофонского, процветавшее до II — III вв. н. э. и совершенно не упоминавшееся позже ни греческими, ни латинскими писателями⁴.

Представляется справедливой мысль из большой статьи о Ксенофонт Эфесском в вышедшей в конце XIX в. «Biographie universelle ancienne et moderne» (Vol. 51. P. 399) о том, что он писал до смерти Комода (176 — 192 гг. н. э.), так как изображает совершенно спокойную обстановку, тогда как после смерти этого императора начались крупные волнения и продолжительные гражданские войны, и Ксенофонт безусловно мог бы использовать общественные неурядицы для придания большей живости и занимательности приключениям своих героев. Предположение, что автор мог жить позднее и просто описал более ранние события, следует отвергнуть, так как роман не производит впечатления искусственной реставрации прошлого, а кажется написанным современником событий, мало того, даже жителем Эфеса. Таким образом, считается доказанным, что Ксенофонт Эфесский жил не ранее II в. н. э. и написал роман во второй половине этого века.

Первым об «Эфесских повестях» сообщает словарь «Суда», единственную же рукопись ученые относят к XIII веку. Издавать и переводить роман начали в XVIII в., и с тех пор он был издан десять раз и пятнад-

цать раз переведен в 1793 г. (с французского перевода)⁵ и в 1956 г. ленинградскими философами⁶.

В научной литературе господствует мнение, что до нас дошел не полный роман, а несколько сокращенный его вариант. Оно появилось прежде всего вследствие указания словаря «Суда», что роман включает в себе 10 книг, тогда как известный нам текст состоит из пяти книг⁷. Мнение это подтверждается рядом наблюдений над особенностями романа. Признаком сокращения могут быть некоторые нарушения логичности в композиции, неравномерно краткое изложение иных существенных моментов, исчезновение из дальнейших событий кое-кого из действующих лиц, неровность стиля.

Однако аббревиатор был достаточно искусен и, кроме того, бережно отнесся к оригиналу: не разорваны существенные линии фабулы, сохранены цельность и своеобразие композиции, совершенно не искажены образы действующих лиц.

Хотя общие принципы построения сюжета всех известных нам греческих любовных романов сходны, но в каждом из них заметна творческая индивидуальность писателя. Гелиодор сразу вводит читателя в гущу событий и гораздо позже, в рассказе одного из действующих лиц, дает завязку. Ахилл Татий строит весь роман по принципу строгого параллелизма и действующих лиц, и событий. Лонг соблюдает единство места и подчиняет композицию смене времен года, в соответствии с буколическим характером своего романа. Харитон разворачивает действие последовательно и знакомит читателей с судьбой своих героев, начиная с их первого свидания и зарождения чувства: соединив своих героев браком, он разлучает их почти до самого конца романа, позволив лишь на краткий миг увидеться в середине повествования. Композиция «Эфесских повестей» наиболее близка к композиции романа Харитона.

Содержание их, в общих чертах, таково: родители героев, Анфия и Габроком, соединяют браком своих детей, смертельно влюбившихся в друг друга; после свадьбы они отправляют их в путешествие, что выглядит очень странно (может быть, мотивировка этого сюжетного хода выпала при аббревиации?), так как прорицание, полученное родителями, как раз предостерегало от плавания по морю ввиду его крайней опасности. И действительно, путешествие, вначале вполне благополучное, прерывается вскоре нападением пиратов. С этого начались беды, долгое время преследовавшие молодых людей. Беды эти обусловлены гневом бога любви Эроса; правда, бог гневался только на Габрокома, но и на долю Анфии выпадают едва ли не большие зловключения. Они состоят, главным образом, в том, что в нее влюбляются почти все мужчины, встречающиеся ей на пути; она переносит восемь покушений на свою честь: число беспримерное, в других романах их гораздо меньше, хотя испытание верности героев друг другу — самый существенный момент сюжета. Кроме того, она переносит побои, ее чуть не сжигают во время

обряда жертвоприношения, она выпивает, якобы, яд и впадает в беспмятство, которое окружающие принимают за смерть и хоронят ее; из склепа ее похищают разбойники вместе с погребенными сокровищами, поражаются и восторгаются неожиданным воскрешением «покойной» и без лишнего церемоний продают ее. Предметом купли и продажи Анфия становится неоднократно.

Разлученный с Анфией Габроком старается ее разыскать и во время поисков также познает мучения. И на его супружескую верность не раз посягают, и он терпит побои и муки рабства, и даже подвергается казням на кресте и костре (оба раза спасается чудом). Верные рабы героев, Левкон и Рода, также отторгнуты от их господ, но страдают несколько меньше них.

В сюжетные линии Анфии и Габрокома (идушие совершенно раздельно) вплетается судьба еще одного персонажа — разбойника Гиппофоя; он имеет самостоятельную историю, но это — единственное лицо, связанное с обоими героями на протяжении их скитаний.

Злоключения героев в разлуке идут крещендо, налеты разбойников (общим числом — пять) всё учащаются. Последние несчастья представляют наибольшую глубину падения героев: Габроком становится наемным рабочим-каменотесом, Анфия попадает в публичный дом, а затем ее, как рабыню, пускают в продажу. После этого наступает перелом в их положении: Габроком, скопив денег на переезд, плывет на остров Родос, бывший исходным пунктом всех их перипетий, Анфию на невольничьем рынке покупает Гиппофой; ему она открывает всю правду о себе, и он привозит ее также на Родос. Дело идет к благополучному концу.

Несмотря на трафаретность сюжета, композиция «Эфесских повестей» имеет свои особенности. Во-первых, очень большое, сравнительно с объемом романа, количество приключений и вызванная их обилием чрезвычайно быстрая их смена (что можно, правда, отнести и за счет сокращения романа), несколько задержанная лишь двумя вставными новеллами. Во-вторых, ни в одном романе герои не разделены так прочно и длительно. Ксенофонт поочередно сменяет рассказ о скитаниях Анфии рассказом о ее поисках Габрокомом, причем делает это всегда в разгар событий, чем умело подтверждает неослабевающий интерес читателей. Третьей, самой примечательной особенностью композиционного мастерства Ксенофонта является совершенно не нарушенная сокращением своеобразная кольцевая композиция романа, что отчетливо видно при сравнении основных эпизодов завязки и развязки.

Завязка: празднество в честь Артемиды в Эфесе, знакомство героев и вспыхнувшая любовь; торжественное бракосочетание, кульминация завязки — первая брачная ночь молодых супругов; после благополучного вначале плавания и взаимных клятв в верности прибытие на Родос, восхищение его жителей божественной красотой героев, возложение

ими драгоценных даров в храме Гелиоса; продолжение путешествия и начало всех бед.

Развязка: после всех бед — прибытие на Родос (где уже раньше оказались Левкон и Рода); во время празднества в честь Гелиоса происходит узнавание, благодаря дарам, возложенным героями при их первом посещении храма; снова восторги родосцев перед красотой героев и по поводу окончания их мучений. Воссоединение героев венчается опять кульминационным пунктом — новой брачной ночью и рассказами о себе в доказательство соблюдения клятв: переезд в Эфес, благодарственные молебствия в храме Артемиды и начало счастливой жизни.

Конец произведения гармонически перекликается с началом, причем в его построении — обратная симметрия, по сути — зеркальное отражение. Религиозное празднество и там, и тут играет решающую роль; в начале — знакомство, в конце — узнавание; центром завязки и развязки является брачная ночь. Важное место занимают в начале взаимные клятвы в верности, в конце — рассказы в доказательство их соблюдения. Последнее место благополучной совместной жизни героев — Родос — становится первым местом их нового, более сладкого, после изведанных мук, благополучия. Роман заканчивается там, где он начался — в Эфесе, даже точнее — в храме Артемиды. Кольцо сомкнулось, придав всей композиции необыкновенно стройный и законченный характер.

Система образов в «Эфесских повестях», как и их композиция, в основном традиционна для жанра, но у Ксенофонта и здесь наблюдается известное своеобразие. Оно состоит в том, что композиционным стержнем являются скитания Анфии, а все перемещения Габрокома в поисках ее лишь повторяют их более или менее точно. Поэтому она же оказывается и центром всей системы образов; значительно большая часть и положительных, и отрицательных персонажей группируется вокруг нее, совершенно не задевая Габрокома, с которым связано гораздо меньше число персонажей.

Совершенно иную картину представляет роман Ахилла Татия, где в центре находятся оба героя, а второстепенные действующие лица располагаются по обе стороны от них в строгой симметрии. Оба героя являются центром системы образов и у Харитона, и у Гелиодора и Лонга, хотя в их романах нет симметричного расположения персонажей.

Образы главных героев разработаны более детально, но они имеют больше всего общих черт, преходящих из романа в роман. Так, обязательно свойственна им необычная, божественная красота. Нередко героев сравнивают с богами, принимают за богов и поклоняются им как богам. Но почти все героини не гордятся и не осчастливлены своей красотой, а тяготятся ею и не раз посылают ей горькие упреки, так как она представляет для них источник бед и несчастий. Непременными черта-

ми главных героев является их пылкая взаимная любовь и верность друг другу.

Никаких отступлений от канонов жанра в разработке образов своих героев Ксенофонт не допускает, но все же внутренние качества Анфии и Габрокома в достаточной степени индивидуализированы. Габроком, невзирая на свою роль героя и подобающее мужчине воспитание, трусоват, высокомерен и самовлюблен. Правда, Ксенофонт не акцентирует внимания на этих его отрицательных чертах, и преобладают в нем традиционно положительные качества героя романа. А какую живость облику героя придает такой забавный штрих в самом конце: узнав почти случайно, что Анфия нашлась, он, словно мальчишка, помчался через весь город с криком: «Анфия!»

Больше наделена индивидуальными чертами Анфия: она и кокетлива по-девичьи (когда старается привлечь внимание приглянувшегося ей Габрокома), и схитрить может (играя на суеверии индийского царька или рассказывая басню о свой болезни содержателю публичного дома), и притвориться (больной падучей болезнью), и проявить незаурядное самообладание в решающие моменты (выпив, по ее мнению, яд, чтобы избежать нежелательного бракосочетания, а затем поразив мечом разбойника, пытавшегося совершить над ней насилие).

Однако, несмотря на индивидуализацию образов главных героев, художественное мастерство Ксенофонта проявляется сильнее в обрисовке тех действующих лиц, которые не были обязательны по канонам жанра. Таковы всеми презираемый сельский раб Лампон и бедный рыбак Эгиалей. В руки первого отдана Анфия для предполагаемого бесчестия. Но он не только не тронул ее, а всячески покровительствовал ей, сколько мог при своем бесправном рабском положении. Этот раб наделен честностью, благородством и отзывчивостью, он способен слушаться хозяйки и, пренебрегая опасностью, просто продать Анфию, хотя получил приказ убить ее. Ко второму (Эгиалию) попадает Габроком во время своих скитаний в поисках Анфии. Это — бедняк, хотя он не всегда был таким: он принадлежал к первым гражданам Спарты. Его образ и рассказ о себе (вторая вставная новелла) — гимн чистой и нежной любви, пронесенной через долгие годы нужды и трудов. Этот образ — совершенно самостоятельное создание автора и один из лучших в романе. Интересно, что лучшие положительные образы Ксенофонта Эфесского, созданные независимо от традиций жанра, взяты из числа угнетенных и «маленьких» людей — это раб и бедняк.

Отрицательные персонажи в системе образов романов также имеют определенные традиционные «маски». Главным критерием «отрицательности» действующих лиц являлось то, что они вредили главным героям и обуславливали все их мучения и скитания. В их числе прежде всего — разбойники. Они мало индивидуализированы в романах и большей частью выведены общей массой, но, впрочем, описаны, как

правило, исторически достоверно.

С точки зрения психологической разработки образов разбойников роман Ксенофонта, пожалуй, интереснее других. Среди этих лиц и жестокий и притом влюбчивый Коримб, и мужественный, но необузданный Анхиал, и отзывчивый скромный Амфином. Самым интересным персонажем среди разбойников является глава могущественной группы пиратов Апсирт. Он не только пират, он торговец и богач. У него дом в городе Тире и пригородное имение, он ведет торговые дела с Сирией, и власти не только не обеспокоены благодеянием пирата, но прямо-таки заинтересованы в нем (какие глубокие исторические корни имеет сращение властей предрежащих с преступностью!). Характер у него горячий, но справедливый, натура деловая, но широкая. Вначале он враждебен Габрокому, но потом, убедившись в незаслуженно пристрастном отношении к нему (из-за навета своей дочери), становится очень милостивым. Следовательно, если принять отношение к героям за критерий, то оказывается, что образ Апсирта эволюционирует от отрицательного к положительному.

Такую же эволюцию претерпевает и образ Гиппофоя. Он относится к типу так называемых «благородных разбойников», являющемуся традиционным для жанра греческого любовного романа. Для этого типа характерно прежде всего то, что эти люди изначально не были разбойниками; так Гиппофой — из числа первых граждан города Перинфа, и стал разбойником из-за неудачи в любовных делах. В конце романа такие герои покидают разбойничье поприще. Гиппофой, как и другие носители этой «маски», отличается решимостью, жестокостью, но в то же время — силой чувств, нередко благородных, отзывчивостью и добротой, которые проявляются в то время, когда их бывшие пленные становятся их друзьями; в этой ситуации они делают им много добра. Кроме того, в описании его поступков Ксенофонт проявил большое искусство в построении захватывающей интриги: ведь сначала Гиппофой чуть не сжигает Анфию в обряде жертвоприношения, а затем сближается с Габрокомом, не подозревая, что он — муж его несостоявшейся жертвы. Сблизившись с ним, он, как другу, рассказывает ему свою историю (и это — первая вставная новелла).

К числу отрицательных образов относятся те крупные вельможи, в плен или в рабство к которым попадают герои, и рабы этих вельмож. Роль таких господ во всех романах сводится к тому, что они пытаются соблазнить героя или героиню, рабы же их стараются помочь своим владельцам добиться благосклонности пленных.

Ксенофонт Эфесский выводит несколько таких типов, проявляя в ряде случаев жизненную наблюдательность и меткость характеристик. В числе соблазнителей и тиранов Анфии изображены заезжий индийский царек Псамиид, молодой военачальник — уполномоченный архонта Египта Полиид, его жена Ренея со своим рабом Клитом. Послед-

ней руководит, разумеется, не страсть к Анфии, а ревность к мнимой сопернице, и раба она использует как орудие для устранения ее со своего пути. Взаимности Габрокома в числе прочих стараются добиться неистовая и пылкая Манто, дочь Апсирга, затем жена некоего отставного воина — Кино, обрисованная кратко, но выразительно; к тому же сообщается, что она убила своего мужа, чтобы освободиться для потенциального любовника.

Каноны создания образов в романах допускали разновидность великодушных тиранов, которые, хотя и бывали охвачены страстью к героям, но не давали ей увлечь себя до того, чтобы она заглушила их благородство. Таков иринарх Киликии Перилай, своим налетом на разбойничью шайку Гиппофоя спасший Анфию; он обращался бережно со своей рабыней, храня ее женское достоинство. Правда, сила и власть на его стороне, и несмотря на всё его благородство Анфии пришлось прибегнуть к самоубийству (как она думала), чтобы избежать нежелательного брака.

Итак, при сравнительном анализе композиции и образов действующих лиц «Эфесских повестей» и других древнегреческих романов отчетливо проявляется заметное своеобразие романа Ксенофонта.

Филологическая традиция долгое время незаслуженно считала греческие любовные романы малохудожественными шаблонными порождениями риторской фантазии, стилистически невыразительными. Такое мнение могло возникнуть более всего на том основании, что язык и стиль развитых романов действительно сложился под очень сильным влиянием школьной риторики — второй софистики. Особенно риторичны романы Лонга и Ахилла Татия, но даже один из самых простых — «Эфесские повести» — несет много следов риторического стиля, характерная особенность которого — введение прямой речи. Последняя играет здесь значительную роль: при небольшом объеме романа он содержит 53 монолога (включая две вставных новеллы и три письма) и 14 диалогов. Диалоги (в двух случаях обмениваются репликами не два, а три лица) имеют, можно сказать, деловое значение и просты по стилю, монологи же сопровождают всякий драматический момент в жизни героев. Эти речи большей частью не очень длинны (от 2 — 3 до 15 — 16 строк), но носят чисто риторический характер: содержат обращения, восклицания, риторические вопросы, снабжены другими украшениями в духе софистической риторики, например: эпитетами, сравнениями и олицетворениями, а также различными фигурами речи и мысли: анафорой, многосоюзием, градацией, антитезой и т. д., а кроме того уснащены аллитерациями и сходными окончаниями (т. е. рифмами) симметричных периодов.

Подобными изобразительными средствами языка Ксенофонт пользуется не только в монологах, но и в описаниях и некоторых патетических местах. Описания природы, бытовой обстановки, введение местно-

го колорита деталей или целого относятся, разумеется, к средствам художественной выразительности. Правда, в применении этих красок Ксенофонт довольно скуп (или большая часть их утрачена вследствие сокращения). Описаний природы в романе очень мало и они имеют скорее не оригинальное, но служебное значение, помогая развитию сюжета. Бытовая обстановка показана немногими, но, в ряде случаев, вполне конкретными чертами. Одним из ярких примеров этого является описание торжественной процессии в честь праздника Артемиды Эфесской. Бесспорно, имеют черты реальности сборы приданого для Манто. Среди прочих бытовых подробностей дана и такая реалия тогдашнего быта: страшная казнь на кресте, которая ждет Габрокома — раба, якобы убившего своего хозяина.

Ксенофонт не чуждается и стихотворных вставок. Это прежде всего прорицание, полученное от Аполлона Колофонского в начале повествования, и затем — выкрикнутое устами детей одной строкой гексаметра предсказание для Анфии в конце романа; это, кроме того, две посвяительные надписи (в форме элегического дистиха): одна при возложении героями драгоценного дара в храме Гелиоса на Родосе, другая — эпитафия Гиппофия в честь его утонувшего возлюбленного.

Несмотря на некоторую неровность языковой ткани «Эфесских повестей» (одни части романа несут больше следов риторики, другие — меньше; одни эпизоды рассказаны подробно, другие — конспективно; иные места обильно расцвечены словесными украшениями, в других слог прост и суховат), создается общее впечатление простоты повествования и стиля при отсутствии нарочитой изысканности. Почти все риторические прикрасы имеют ясное целевое назначение: сделать рельефнее и красочнее образы действующих лиц, подчеркнуть те или иные сюжетные и композиционные моменты, выделить наиболее важные и колоритные детали. Можно также отметить в романе и места, имеющие признаки фольклорно-сказочного стиля, например зачин.

Небезынтересно коснуться еще двух моментов: этимологии имен некоторых действующих лиц и кое-каких бродячих мотивов в романе, полученных в наследство от предыдущих литературных жанров и нашедших отражение в последующих.

Иные имена выбраны автором не случайно, а с намерением подчеркнуть характеристику их носителей.

Имя главной героини Анфия взято от слова ἄνθος «цветок», и славяне назвали бы ее Цветаной; герой Габроком получил свое имя от прилагательного ἄβροχόμης «прекраснокудрый» (между прочим, это — эпитет Вакха и Эроса по Палатинской антологии); если бы А.Н. Островский вздумал назвать своего Кудряша (в «Грозе») по-гречески, ему понадобилось бы именно это прилагательное! Рабов-наперсников героев зовут Левкон и Рода. Левкон — от прилагательного λευκός «светлый», «белый», а Рода от существительного ῥόδον «роза». А чего стоит

имя особы, неистово влюбившейся в Габрокома — Кино! Оно взято от родительного падежа существительного *κύων* «собака», и, используя помещенное в словаре Даля слово «псица» (с пояснением: «безобразная тощая женщина»), получаем впечатляющий образ этой дамы. Имя покойной любимой жены рыбака Эгиалея Фелксина — образовано от прилагательного *θελξινόη* «чарующая», что прибавляет обаяния этому симпатичному образу. Врача, который дал Анфии снотворное (она же была в уверенности, что это — просимый ею яд), звали Евдоксом, от прилагательного *εὐδοξος* «пользующийся доброй славой» (славяне знали имя Доброслав). Надо добавить, что известен папирусный фрагмент II — III вв. н. э., содержащий имена Анфии и Евдокса, но ввиду крайней отрывочности он не поддается идентификации и невозможно с уверенностью установить его принадлежность к роману Ксенофонта. Истолкование еще одного имени может, пожалуй, послужить к раскрытию его образа; это имя раба, пытавшегося спасти Анфию, — Лампон. Его можно произвести от глагола *λάμπω* «светить», «сиять»; это значение допустимо расценить как некую положительную характеристику персонажа.

Из остальных имен одни не поддаются расшифровке или просто встречались в исторических источниках, другие, хотя и можно объяснить с точки зрения их этимологии, но это ничего не прибавляет к их образу. Например, мать Анфии зовут Евгиппа: от *εὐίππια* «славная конями»; бывшего разбойника, потом друга героя зовут Гиппофой (*Ἰππόθοος*); его имя тоже связано по корню своему с существительным *ἵππος* «конь», что никакого отношения к характеристике образа не имеет; оно, между прочим, встречалось у Гомера, это было имя двух лиц: одного из сыновей Приама и некоего пеласа, соратника троянцев.

Одним из поистине бродячих мотивов (извините за невольный каламбур) являются путешествия и различные приключения, подстерегающие путников, бродящих по уготованным дорогам. Скитания — обязательный атрибут греческих любовных романов, и предшественником этого мотива надо, видимо, считать «Одиссею». Скитания героев вызваны центральной темой сюжета — внезапной насильственной разлукой героев в самый кульминационный момент завязки. Этот мотив — вряд ли открытие греческих романистов, а в качестве отражения его в последующей литературе можно указать, среди множества примеров, на такие известные русские произведения, как «Руслан и Людмила» Пушкина и его же «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Кстати, в них же имеют место такие неперемменные мотивы, как необычайная красота героинь и их мнимая смерть. Мотив губительной красоты встречался, например, в «Илиаде» (беседа старцев о Елене), в трагедии Еврипида «Елена» (о ней же) и у Софокла в «Трахинянках», где Деянира опасается за свои прелести и осуждает роковое очарование Иолы.

А кто знает, не сложился ли традиционный образ Чернавки, не ре-

шившейся погубить царевну по приказу злой мачехи (в той же «Сказке о мертвой царевне...») под влиянием образа Лампона и его доброго отношения к Анфий? Если юный Пушкин «читал охотно Апулея», то почему бы не предположить, что он познакомился и с «Эфесской повестью», пусть не в греческом оригинале, но во французском или даже русском переводе!

Мотив взведения напраслины в качестве мести за отвергнутую любовь с целью погубить обидчика (как поступила Манто с Габрокомом) не нов, разумеется, для романа. Достаточно вспомнить «Ипполита» Еврипида.

А трогательная история Эгиалея и его нетленной любви к Фелксиное заставляет вспомнить овидиевых Филемона и Бавкиду и гоголевских Пульхерию Ивановну и Афанасия Ивановича, не говоря уж о родителях Базарова у Тургенева и о множестве известных в разных литературах трогательных супружеских пар.

Эти беглые заметки были призваны охарактеризовать одно из интереснейших явлений поздней греческой литературы — роман Ксенофонта Эфесского.

По приведенным ниже отрывкам читатель может сам с ним ознакомиться и судить о справедливости наших оценок.

ЭФЕССКИЕ ПОВЕСТИ

Жил в Эфесе⁸ человек, первый среди местной знати, по имени Ликомед. У этого Ликомеда от жены Фемисто рождается сын Габроком, выдающейся красоты, какой прежде не встречалось ни в Ионии, ни в другой стране. Красота Габрокома всё росла день ото дня, и расцветали у него вместе с телесной красотой душевные качества. Он получал разностороннее воспитание и упражнялся в различных искусствах: игра на кифаре, верховая езда, сражение в тяжелом вооружении были для него привычными занятиями. Он был гордостью эфесцев и жителей всей Азии, и они возлагали большие надежды на то, что он станет выдающимся гражданином. И поклонялись они юноше, как богу; и были такие, которые падали ниц, видя его, и молились. Возымел юноша о себе высокое мнение и возгордился превосходством своего ума, а еще более — красотой. Всё же остальное, что слыло хорошим, он презирал, как дурное, и ничто, по его мнению, не казалось достойным ни зрения, ни слуха Габрокома. И если он слышал о каком-нибудь красивом юноше или о прекрасной девушке, он насмехался над говорящими, будто они не знают, что красив только он один. Эрота⁹ же богом он не признавал, считая его ничтожеством. Он говорил, что никогда никого не полюбит и не подчинится богу добровольно. Если он видел где-нибудь святилище или статую Эрота, он насмехался и доказывал, что он и красотой, и доблестью превосходит не только любое изображение, но и самого Эрота.

Так это и было: рядом с Габроком никакая статуя не казалась прекрасной и никакая картина не оказывалась достойной похвалы.

По этой причине гневается Эрот; а бог он был непреклонный и немолимый к высокомерным. Стал изыскивать он хитрость против юноши, ибо даже богу казалось трудным его победить. Итак, вооружившись и укрепив свою силу любовными чарами, он ополчился на Габрокома. Справляли местный праздник Артемиды в храме на расстоянии семи стадий¹⁰ от города. Полагалось, чтобы в шествии участвовали все местные девушки в роскошных одеяниях и эфебы¹¹, ровесники Габрокома. А было ему около шестнадцати лет, и он причислялся к эфебам и шел первым в торжественной процессии. Множество было зрителей — множество местных, множество и приезжих; существовал там обычай, чтобы на этом празднике девушки находили себе мужей, а юноши — жен. Участники шествия шли рядами; впереди несли священные предметы, факелы, корзины для хлеба, благовония; за ними двигались кони, собаки, несли охотничье снаряжение и военное. Каждая из девушек была наряжена, как для любовного свидания. Возглавляла шествие девушек Анфия, дочь местных жителей Мегамеда и Евгиппы. Красота Анфии была достойна удивления и далеко превосходила красоту остальных девушек. Было ей четырнадцать лет, расцвела она прекрасно, и богатый убор очень шел к ней. У нее белокурые волосы, почти все распущенные, частью заплетенные, развевающиеся от дуновения ветра; глаза живые, девичьи-ясные, целомудренно-строгие; пурпурный хитон, подпоясанный так, что спускался лишь до колен, обнажал ее руки; на нее накинута шкура оленя, она вооружена колчаном, луком, стрелами, следуют за ней собаки. Часто эфесцы, видя ее в священной роще, поклонялись ей, как Артемиде¹². Конечно, и в тот раз, увидев ее, толпа закричала, и разные возгласы раздавались со стороны зрителей: одни восклицали, что это — богиня, другие — что посланница богини; все до единого зрители прославляли прекрасную Анфию. Когда проходила вереница девушек, никто не говорил ни о чем другом, кроме Анфии. Но когда появился Габроком с эфебами, тотчас все, увидев его, забыли о девушках, хотя они были прекрасным зрелищем, и обратили взоры на него и восклицали, пораженные его внешностью: «Прекрасный Габроком, не сравнимый ни с кем, подобие прекрасного бога!» А некоторые даже добавляли: «Как бы хорошо сочетать браком Габрокома и Анфию!» И это было началом козней Эрота. Быстро возник у обоих обоюдный интерес: и Анфия пожелала видеть Габрокома, и Габроком, доселе чуждый любви, захотел увидеть Анфию.

Итак, когда окончилось шествие, вся толпа вошла в святилище, чтобы принести жертвы, и порядок процессии нарушился: шли вместе мужчины и женщины, эфебы и девушки. Там видят они друг друга, и пленяется Анфия Габрокомом, и Эрот побеждает Габрокома. И упорнейшим образом стал смотреть он на девушку и при всем желании не

мог отвести от нее взора: овладел им настойчивый бог. Занемогла и Анфия, широко открытыми глазами впивавшая красоту Габрокома. Она уже пренебрегла девичьей стыдливостью: она лепетала что-то, чтобы Габроком услышал, и приоткрывала те части тела, которые Габроком можно увидеть; а он отдался созерцанию и был пленен богом. И в тот раз после жертвоприношения они разошлись, горюя и жалуясь на быстроту разлуки. И желая взглянуть друг на друга, оборачивались и оставались, находя много предлогов помедлить. Когда каждый вернулся к себе, узнали они тогда, какое зло случилось с ними. И овладели ими воспоминания о том, как они видели друг друга, и разожгли они в них любовь; в течение дня страсть их усилилась, а погрузившись в сон, они очутились во власти мучений, и любовь у обоих была неукротимой.

Схватившись за волосы и разодрав одежду, Габроком вскричал: «Горе мне, что испытываю я, несчастный! О мужественный доньне Габроком, презирающий Эрота! Я, бранивший бога, пленен, и побежден, и принужден быть рабом девушки; и уже есть некто, красивее меня, и я признаю Эрота богом. О как я труслив и жалок! Неужели я теперь потеряю мужество? Утрачу благородство? Не буду красивее Эрота? Теперь ничтожество, хотя оно и божество, должно победить меня. Девушка красива! Что же? На твой взгляд, Габроком, Анфия прекрасна, но в твоей власти пренебречь ею. Да будет так: Эрот никогда не победит меня». Так он говорил, но бог преследовал его с еще большей силой, влек его, несмотря на сопротивление, причинял боль помимо его воли. Не выдерживая больше, Габроком завопил, бросившись на землю: «Ты одолел, Эрот, ты завоевал большую славу за победу над целомудренным Габрокомом. Перед тобой — проситель. Спаси того, кто умоляет тебя, владыку всего! Не презирай меня и не карай дерзкого слишком сильно. По неопытности я презирал твои силы, Эрот, но теперь отдай мне Анфию! Не будь только жесток с тем, кто противится, но благосклонен к побежденному!» Так он сказал, но Эрот еще гневался и замышлял подвергнуть Габрокома большому наказанию за высокомерие. Занемогла и Анфия; но, несмотря на муки, она бодрилась, пытаясь не выдать себя присутствующим. «Что за муки я, несчастная, переживаю? — Говорит она. — Я невинна, но люблю сильнее, чем по возрасту мне дозволено, я неслыханно страдаю, как не подобает девушке. Я безумствую от любви к Габрокому, прекрасному, но высокомерному. И какой найти предел страсти, и как положить конец злу? Надменен этот возлюбленный, а я — девушка и нахожусь под надзором; кого в помощники я возьму? Кому всё поведаю? Где же Габрокома увижу?»

Так каждый из них горевал всю ночь напролет, каждый видел перед глазами лицо другого и старался запечатлеть в душе его образ. Когда же настал день, пошел Габроком, как всегда, заниматься гимнастическими упражнениями, а девушка отправилась на богослужение, по обычаю, в честь богини. Были у них от прошедшей ночи и тела истомлены, и

взгляд уныл, и весь облик изменился. И так было долго, и больше не происходило ничего. Проводя в этом храме богини целые дни, они созерцали друг друга, сказать же правду из страха друг перед другом стыдились. И многократно стонал Габроком, и плакал, и молился жалобно, и девушка это слышала. И Анфия испытывала то же, но была еще более несчастна: всякий раз, как видела она, что другие женщины или девушки глядят на него (а смотрели они все на Габрокома), она, конечно, гревала, боясь, что они превзойдут ее. Согласно неслись к богине их молитвы, и хотя они были тайными, они оказывались одинаковыми.

Хотя время проходило, юноша всё не оправлялся; уже у него и тело всё истаяло, и душа истомилась, так что Ликомед и Фемисто пришли в большое уныние. Они не знали, что приключилось с Габрокомом, и пугались того, что видели. В таком же страхе были Мегамед и Евгиппа за Анфию, видя, что красота ее увядает, а причина болезни неизвестна. Наконец, приводят они к Анфии гадателей и жрецов, чтобы найти избавление от беды. Придя, жрецы совершали жертвоприношения, и производили различные возлияния, и бормотали непонятные слова, говоря, что умилоствивляют каких-то богов, и притворялись, будто видят, что зло происходит от подземных богов. И за Габрокома много принесли жертв и молились Ликомед и его окружающие. Но никакого избавления от зла ни для того, ни для другого не получалось, лишь еще сильнее пылала любовь. В самом деле, оба лежали больные, очень опасным было их положение, они находились почти при смерти, так что объяснить свое несчастье они не могли. Наконец, посылают отцы их спросить оракул бога о причине болезни и о спасении.

Недалеко находилось святилище Аполлона Колофонского¹³: расстояние по морю от Эфеса было восемьдесят стадий. Пришедшие туда посланцы от обоих просят бога провещать истину. А так как явились они по одной и той же причине, бог дал им общее прорицание в стихах. Оно гласило так:

Зачем вы хотите узнать конец и начало болезни?

Один их недуг охватил, одно и пребудет леченье.

Страдания им предстоят, и бед нескончаемый свиток:

Морские пути им лежат, гонимы пиратами будут;

В оковах заставят страдать их жители полуморские;

Могила ей — брачный чертог, ему же — губительный пламень.

У берега Нила-реки святейшей богине Исиде¹⁴

Поставь за спасенье дары, да будет твой дар не напрасен:

Растает страдания тень, блаженство их впредь ожидает.

Когда пришло это прорицание в Эфес, их отцы, разумеется, оказались в затруднительном положении и в большом недоумении — что это за страдания? Ведь истолковать слова бога они не могли: ни того, какая их ждет болезнь, какое бегство, какие оковы, могила какая, какая река,

какая помощь богини. Итак, они решили, после многих совещаний, ослабить прорицание, как возможно, и соединить детей браком. Они предполагали, что и бог желает того, о чем дал прорицание. Такое у них сложилось об этом мнении, и они решили после свадьбы отправить на некоторое время детей путешествовать.

Город был уже полон пирующих, все было украшено гирляндами, у всех на устах была предстоящая свадьба: называли все счастливыми того, кто получит такую жену, и ту, которая возляжет с таким юношей. А Габроком, когда узнал и о прорицании, и о браке, был очень рад, конечно, получить, благодаря этому, Анфию. Прорицание же его совершенно не страшило, так как он считал, что сладость настоящего сильнее, чем страх перед любым злом. Точно также радовалась и Анфия, что она получит Габрокома. И о каком бегстве и о каких несчастьях могла она думать, получив в лице Габрокома утешение во всех предстоящих невзгодах!

Итак, когда наступил срок свадьбы, стали и всеобщие празднества справлять, и многочисленные жертвы приносить богине. После того, как это было окончено, с наступлением ночи (а Габрокому и Анфии казалось, что всё тянется слишком медленно), повели девушку со светильниками в брачный чертог, распевая гимней, напутствуя благими советами и пожеланиями; туда ввели и уложили /.../

/.../

Между тем, так как казалось, что Анфия уже выздоровела, сводник задумал ее продать. Он, конечно, вывел ее на рынок и стал показывать покупателям. В это время Гиппофой бродил по городу Таренту¹⁵, ища, нет ли чего-нибудь хорошего для покупок. И видит он Анфию и она кажется ему знакомой. Он был поражен совпадением и стал про себя рассуждать: «Не та ли это девушка, которую я когда-то в Египте, наказывая за убийство Анхиала, закопал в яму и заключил вместе с ней собак? Что же за перемена? Как она спаслась? Что за бегство из ямы? Что за невероятное спасение?» Говоря так, он подошел, как бы желая ее купить и, став рядом с ней, сказал: «О дева, не знаешь ли ты Египет и не попадала ли ты в Египте к разбойникам, и не случилось ли с тобой в той земле еще чего-нибудь ужасного? Отвечай смело, я узнаю тебя». О Египте услышав и вспомнив Анхиала, и разбойничью шайку, и яму, застонала она и заплакала. А взглянув на Гиппофоя (она его совсем не узнала), она отвечала: «Я вытерпела в Египте много ужасного, о чужестранец, кем бы ты ни оказался, и у разбойников была. Но как ты, — спросила она — знаешь о моих приключениях? Откуда ты знаешь, как говоришь, меня, несчастную? Ведь я перенесла необычайные и потрясающие приключения, но тебя я не знаю совершенно». Услышав это, Гиппофой еще вернее узнал ее из того, что она рассказывала, и тогда, сохраняя спокойствие, купил ее у сводника и ведет к себе. Он стал уговаривать ее не унывать, рассказывает о том, как он приобрел богатство и как ему

удалось бежать во время разгрома его шайки. Она же стала просить его о снисхождении и рассказала ему, что Ахиала убила за невоздержанность; и о яме, и об Амфиноме, и о кротости собак, и о спасении повествует. Пожалел ее Гиппофой, но кто она была, он еще не узнал. Из ежедневного общения с девушкой рождается у Гиппофоя страсть к Анфии, и захотел он с ней сойтись, и многое обещает ей. А она сначала отказывала ему, говоря, что не достойна ложа господина. Но, наконец, так как Гиппофой настаивал, более не зная, что ей делать, сочла, что лучше открыть ему все тайны, чем нарушить верность Габрокому. И она рассказывает ему о Габрокоме, об Эфесе, о любви, о клятвах, о несчастьях, о разбойничьем нападении. При этом постоянно оплакивала она Габрокома. А Гиппофой, услышав, что она и есть Анфия, и что она — жена его лучшего друга, отнесся к ней очень тепло; и убеждает он ее радоваться, и о своей дружбе с Габрокомом рассказывает. И он поселил ее в своем доме, всячески о ней заботясь во внимание к Габрокому. Сам же все время разуживал, не отыщется ли где-нибудь Габроком.

Габроком же сначала занимался тяжелым трудом в Нукерии¹⁶, но, наконец, не в силах более переносить тяготы, решил сесть на корабль и отправиться в Эфес. Приходит он к морю ночью и застает корабль, уходящий в путь. Сел он на него и поплыл обратно в Сицилию, чтобы оттуда попасть на Крит, Кипр и Родос¹⁷, откуда двинуться на Эфес. Надеясь он в течение долгого плавания и об Анфии что-нибудь разузнать. С небольшим запасом провианта пустился он в плавание и, совершая его, прежде всего прибыл в Сицилию, где нашел своего прежнего друга Эгиалея уже умершим. Совершив в честь него возлияния и оплакав его, он снова пускается в море. Прибыв на Крит, а затем на Кипр, проведя там несколько дней и помолясь кипрской богине, он вышел в море и приплыл на Родос. Тут он поселился недалеко от гавани. Он был уже недалеко от Эфеса, и напало на него раздумье обо всех ужасных событиях, о родине, о родителях, об Анфии, о домашних. И застонав, он сказал: «Как я несчастен! В Эфес я являюсь один, и родителям моим покажусь без Анфии, и совершу, горемычный, напрасное плавание, и поведаю повесть, может быть, не заслуживающую доверия, так как у меня нет сотоварища в том, что я перенес. Но мужайся, Габроком, и, прибыв в Эфес, проживи вот сколько времени: могилу воздвигни Анфии¹⁸, и оплачь ее, и возлияния соверши, и тотчас сам к ней ступай!» Так говорил он и бродил по городу, грустя, не зная, как найти Анфию, и будучи в затруднении из-за недостатка средств к жизни.

А между тем Левкон и Рода, бывшие на Родосе, возложили дар в храм Гелиоса¹⁹ вдобавок к золотому вооружению гоплита²⁰, которое некогда оставили там Анфия и Габроком: они водрузили стелу с золотой надписью в честь Габрокома и Анфии и написали и имена жертвователей — Левкон и Рода. Эту стелу случайно увидел Габроком, когда он пришел помолиться богу. Прочитав надпись, он узнал жертвователей и оценил

любовь рабов; заметив же поблизости и вооружение, он громко застал, опустившись возле стелы: «О я, несчастный во всем! Я дошел до конца жизни и теперь вспоминаю о своих несчастьях. Вот ведь это вооружение я возложу вместе с Анфией; но, уплыв с Родоса вместе с ней, я возвращаюсь теперь без нее. Если эта стела — дар обоих наших сверстников-рабов, что же делать мне, одинокому? Где же дорогих мне отыскать?» Говоря так, он плакал. И в это время останавливаются неподалеку Левкон и Рода, постоянно молившиеся богу, и видят Габрокома, который сидит возле стелы и смотрит на вооружение, но не узнают его, а удивляются, кто бы это мог быть, зачем сидит у чужих приношений? И Левкон, разумеется, сказал: «О юноша, затем ты сидишь возле приношений, не имеющих к тебе никакого отношения, горюешь и плачешь? Почему они тебя заботят? Что общего у тебя с тем, что здесь написано?» Отвечает ему Габроком: «Это в честь меня воздвигли Левкон и Рода, и я молюсь, чтобы хоть их увидеть, если не Анфию, я, Габроком горемычный». Услышав это, Левкон и Рода окаменели от удивления, но оправившись через короткое время, узнали его по наружности, по голосу, по словам, по тому, что он упомянул Анфию. И падают они к его ногам, и рассказывают о том, что с ним было: о пути в Сирию из Тира, о гневе Манто, о замужестве, о продаже в Ликийю, о смерти господина, об обогащении, о прибытии на Родос. И, разумеется, подхватив его под руки, ведут в дом, где сами жили, и передают ему имущество. И стали о нем заботиться, и ухаживать, и уговаривать не унывать. Но для него ничего не было дороже Анфии, и ее он то и дело оплакивал.

И жил он на Родосе вместе с Левконом и Родой, обсуждая, что делать. Гиппофой тем временем решил Анфию взять из Италии в Эфес, чтобы передать ее родителям и узнать там что-нибудь о Габрокоме. Поэтому, погрузив всё свое имущество на большой эфесский корабль, он отплыл вместе с Анфией. Совершив очень удачно плавание, через несколько дней он пристает ночью к Родосу и поселяется у какой-то старухи по имени Алфея, поблизости от моря. Он приводит и Анфию к хозяйке и сам в эту ночь отдыхал, а на следующий день они уже решили отплывать, но был пышный общественный праздник у родосцев в честь Гелиоса: и шествие, и жертвы, и множество празднующих граждан. Там присутствовали и Левкон и Рода, не столько для того, чтобы принимать участие в празднике, сколько с целью разведать, не узнают ли чего-нибудь об Анфии. Конечно, и Гиппофой пришел в храм вместе с Анфией. А она, взглянув на приношения и припомнив всё прежнее, воскликнула: «О Гелиос, взирающий на все человеческие дела! Одна я, горемычная, у тебя в пренебрежении. А прежде, когда я благополучно жила на Родосе, я поклонялась тебе и жертвы приносила вместе с Габрокомом, и считала себя тогда счастливой. Теперь же я в рабстве вместо свободы, в плену я, горемычная, вместо блаженства, и в Эфес возвращаюсь одна и явлюсь к домашним без Габрокома». Так она говорила и сильно плакала.

И просит она Гиппофоя позволить ей обрезать свои волосы и посвятить их Гелиосу и молиться о Габрокоме. Соглашается Гиппофой. И, отрезав от кудрей, сколько смогла, и выбрав удобный момент, когда все удалились, она возглагает их с надписью:

«В честь супруга Габрокома Анфия волосы богу пожертвовала». Следовав это и помолвившись, она ушла вместе с Гиппофоем.

Левкон и Рода, некоторое время участвовавшие в шествии, приходят в храм и видят приношения, и узнают имена господ, и прежде всего покрывают поцелуями волосы и обливают их слезами, как будто видят Анфию перед собой. Наконец, они убежали, надеясь где-нибудь ее найти (а народ родосский еще помнил их имена после первого их пребывания на острове). Но в этот день они ничего не нашли, и когда вернулись, то рассказали Габрокому о происшедшем в храме. Он взволновался при таком неожиданном повороте дела и исполнился горячей надежды на то, что найдет Анфию. На следующий день пришла Анфия снова в храм вместе с Гиппофоем, так как они не отплыли еще. Присев около приношений, она заплакала и застонала. А в это время вслед за ними входят Левкон и Рода, оставив Габрокома дома, мучимого унынием. Придя, они видят Анфию, и хотя она еще не была ими узнана, однако они сопоставляют всё: любовь, слезы, приношения, имена, внешность. Таким образом, вскоре они узнали ее. Упав к ее ногам, они лежали без слов. А она удивилась: кто они были такие и чего хотели. Ведь она никогда Левкона и Роду увидеть не надеялась. А они, придя в себя, закричали: «О госпожа Анфия, мы — рабы твои, Левкон и Рода, сотоварищи по странствию и по разбойничьему плену. Но какими судьбами ты здесь? Мужайся, госпожа, Габроком спасся и находится здесь, вечно плача о тебе». Услышав, Анфия была поражена этими словами. С трудом придя в себя и узнав их, бросается она к ним, и целует, и самым подробным образом расспрашивает о Габрокоме.

Стекаются все родосцы, узнав о том, что нашлись Габроком и Анфия. Был тут и Гиппофой. С ним познакомились Левкон и Рода, и он узнал, кто они такие. И все были счастливы, только Габроком еще не знал об этом. Поэтому они побежали тотчас же домой. А когда он услышал от кого-то из родосцев, что Анфия нашлась, то помчался через весь город, крича: «Анфия!», как безумный.

И он встретился с Анфией у храма Исиды в присутствии большой толпы родосцев. Когда они увиделись, они тотчас узнали друг друга: ведь этого и желали их души. И обнявшись, они упали на землю. Их охватили сразу разнообразные чувства: страсть, горечь, страх, воспоминание о прошедшем, опасение за будущее. А народ родосский славословил и испускал клики, призывал великую богиню Исиду. Слышались возгласы: «Снова мы видим прекрасных Габрокома и Анфию!» А они, придя в себя, и поднявшись, вошли в храм Исиды со словами: «Тебе, о великая богиня, мы обязаны нашим спасением. Благодаря

тебе, о самая почитаемая нами, мы снова обрели друг друга». Они преклонились перед алтарем и пали ниц перед святыней.

И тогда их ведут Левкон и другие домой. А Гиппофой свое имущество перенес к Левкону, и были они готовы плыть в Эфес. В этот день они принесли жертвы и сели пировать. И этот пир затягивался многочисленными разнообразными повествованиями обо всех их страданиях и делах, так много времени прожили они в разлуке до сегодняшней встречи. А когда уже настала ночь, улеглись все, как и подобало: Левкон и Рода, Гиппофой и юноша, который следовал за ним из Сицилии в Италию, Клисфен прекрасный; Анфия покоилась с Габрокомом.

В то время, как все остальные спали, и тишина была полная, Анфия, обняв Габрокома, плакала, говоря: «Супруг и повелитель! Я опять обрела тебя, проблуждав по обширной земле и по морю, избежав угроз разбойников, и замыслов пиратов, и наглости сводника, и спасшись от оков, из ямы, от костров, и ядов, и могилы. Но я пришла к тебе такой же, души моей властитель, Габроком, какой попала в Сирию из Тира. Не убедил меня согрешить никто, ни Мойрид в Сирии, ни Перилай в Киликии, ни в Египте Псаммид и Полиид, ни Анхиал в Эфиопии, ни в Таренте господин мой, но чистой я осталась для тебя, употребив всё искусство целомудрия. А ты, Габроком, остался ли целомудренным, или меня превзошла какая-нибудь другая красавица? Или кто-нибудь заставил тебя забыть клятвы, данные мне?» Так она говорила и целовала непрестанно. А Габроком отвечает: «Клянусь тебе желанным нам днем, когда мы с трудом нашли друг друга, что никакая другая девушка не казалась мне прекрасной, никакая женщина из тех, что я видел, не нравилась мне, но ты обрела того же Габрокома, какого оставила в Тире в тюрьме».

Так всю ночь друг с другом беседовали они и легко убедили друг друга, так как сами того желали. А когда настал день, взойдя на корабль и погрузив всё свое имущество, они вышли в море, причем провожали их все родосцы. Ехал с ними и Гиппофой, везя все свое богатство, и Клисфен. И через несколько дней окончив плавание, они прибыли в Эфес. Уже знал об их спасении весь город. Как только они сошли, тотчас в том виде, в каком были, они отправились к храму Артемиды и вознесли многочисленные молитвы. Принесли жертвы, они возложили и другие дары и, разумеется, начертали надпись богине обо всем, что претерпели и что сделали. И совершив это, и войдя в город, они воздвигли большие надгробия своим родителям (ибо те от старости и горя уже скончались). А сами они всё остальное время проводили, наслаждаясь праздником совместной жизни. И Левкон, и Рода всё делили со своими сверстниками. Решил и Гиппофой прожить в Эфесе остальное время. И теперь Гиперанфу он воздвиг большое надгробие, побывав на Лесбосе, а затем усыновил Клисфена и жил в Эфесе с Габрокомом и Анфией.

Конец Эфесским рассказам Ксенофонта об Анфии и Габрокоме.

Примечания:

- 1 Исключение составляет лишь роман Лонга: его герои — Дафнис и Хлоя — растут вместе с самого детства, их любовь разгорается постепенно.
- 2 Предположение тем более правдоподобное, что византийский словарь Х в. «Суда» называет еще двух эротических романистов с тем же именем: Ксенофонта Антихойского, написавшего «Вавилонские повести», и Ксенофонта Кипрского с «Кипрскими повестями» (см. Rohde E. Der griechische Roman. Leipzig, 1900. S.371).
- 3 I. Casperii Specimen dissertationis de Xenophonte Ephesio / 1740 // Xenophontis Ephesii Ephesiacorum libri V, recensuit P.H.Peerlkampf. Harlemi, 1818.
- 4 Xenophontis Ephesii Ephesiacorum libri V. Recensuit Aloys-Emer, Liber baro Locella. Vindobonae, 1796.
- 5 «Торжество супружеской любви над злосчастиями, или Приключения Габрокома и Анфии. Перевод с древнегреческого на французский, а с сего на российский язык В.П...».
- 6 Ксенофонт Эфесский. Повесть о Габрокоме и Анфии. Перевод с древнегреческого С. Поляковой и И. Феленковской. М.: Гослитиздат, 1956.
- 7 Однако, такое же несоответствие данных словаря «Суда» отмечает Э. Роде (Op. cit. P. 401) применительно к одному из сочинений софиста III в. н. э. Флавия Филострата («Imagines»): согласно словарю, оно содержало четыре книги, а до нас оно дошло в двух книгах.
- 8 *Эфес* — значительный город из числа двенадцати ионийских городов в Малой Азии. По преданию, был основан амазонками. С IV в. до н. э., после падения Милета, разоренного Александром Македонским, стал самым богатым и сильным, при римских императорах был столицей провинции Азии.
- 9 *Эрот* — бог любви; одно из древнейших божеств греческой мифологии, сын Афродиты; отцом его разные мифы называют то Ареса, то Гермеса, то даже Зевса. Перед могуществом Эрота, по мифам, не могут устоять ни люди, ни боги; неудивительно поэтому, что он разгневался на самоуверенного Габрокома!
- 10 *Стадий* — мера длины, равная 185 м.
- 11 *Эфеб* — юноша, достигший шестнадцати (в Афинах — восемнадцати) лет и считающийся теперь совершеннолетним полноправным гражданином.
- 12 *Артемиды* — дочь Зевса и Латоны, сестра-близнец Аполлона; по одному из многочисленных мифов, и притом наиболее распространенному, она — девственная богиня-охотница; для этого образа характерна статуя так называемой Версальской Артемиды, хранящаяся в Лувре (римская копия статуи Скопаса или Леохара). Описание Анфии до деталей совпадает с этим обликом, за исключением прически, отсутствия лука и шкуры оленя на плечах (богиня опирается на голову лани, а лук мог и быть в ее поднятой правой руке). Интересно, однако, что изображение Артемиды, находящееся сейчас в Эфесском музее, дает совершенно иной образ: это зрелая матрона с массой сосцов, расположенными несколькими правильными рядами: в Эфесе она почиталась как богиня плодородия, деторождения, подательница всех земных благ. Но Ксенофонт в интересах сюжета использовал иную, не эфесскую версию мифа.
- 13 *Колофон* — значительный город ионийского союза в Малой Азии, расположен был к северо-западу от Эфеса, славился храмом Аполлона с оракулом (второй из малоазийских центров культа Аполлона: первый — в Дидимах, поселении в 180 стадиях от Милета).
- 14 *Исида* — важнейшая из богинь Древнего Египта, покровительница плодородия,

- материнства, источник жизни и здоровья. Культ ее распространился в Греции еще в эпоху эллинизма, а в Риме ее почитание началось с I в. до н. э.; при империи ее чтили везде, где правили римляне, как владычицу земли, заступницу мореходов, помощницу женщин, защитницу угнетенных.
- 15 *Тарент* — город в юго-восточной Италии на берегу одноименного залива Ионийского моря; полагают, что был основан в VIII в. до н. э. молодыми спартамцами; считался под покровительством Посейдона; отличался богатой промышленностью и торговлей.
- 16 *Нукерия* — название трех городов в Италии. Речь идет, видимо, о городе, расположенном в южной Кампании, так как два других не стоят у моря.
- 17 *Крит, Кипр и Родос* — крупные острова в Средиземном море, названы последовательно, как пункты, постепенно приближающие Габрокома к Эфесу.
- 18 Габроком собирается воздвигнуть Анфии так называемый кенотаф — т. е. могилу, не содержащую останков покойного, что соорудил и Гиппофой в честь своего возлюбленного Гиперанфа.
- 19 *Гелиос* — бог солнца, сын титана Гипериона и титаниды Тейи, внук Урана (Неба), брат Селены (Луны) и Эос (Зари), отец Фаэтона; с V в. до н. э. отождествлен с Аполлоном. Родос был одним из главных центров его культа в Греции. Именно здесь была изваяна огромная бронзовая статуя божества, считавшаяся одним из семи чудес света (известна как колосс Родосский). Она имела 32 метра в высоту, опиралась ногами на два берега залива, образующего гавань, и под ней проходили корабли. Простояла статуя 66 лет и была разрушена землетрясением в 222 (или 227) г. до н. э. Обломки пролежали 900 лет, пока в 672 г. н. э. не были проданы какому-то купцу неким арабским предводителем. Чтобы увезти их, понадобилось девятьсот верблюдов.
- 20 *Вооружение гоплита*: Гоплит — греческий тяжеловооруженный пехотинец; вооружение его состояло из длинного копья, меча, панциря, шлема и набедренников. Это было даром наших героев при первом посещении Родоса в начале еще благополучного свадебного путешествия.

ИЗБРАННЫЕ ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ ПО ИСТОРИИ ИНСТИТУТА *CORPORIS CUSTODES* В РИМЕ

Перевод и комментарии Н.И. Романенко

Институт императорских телохранителей (*corporis custodes*) известен для всего времени правления династии Юлиев-Клавдиев. Он был перенят Августом из практики римской позднереспубликанской политической жизни, органично инкорпорирован в созданную им новую политическую систему Принципата и перешёл по наследству к преемникам первого императора. Без существенных изменений как в принципе комплектования, так и в принципе структурной организации это формирование просуществовало несколько десятков лет и было распущено Гальбой во второй половине 68 г. *Corporis custodes* явились предшественниками отряда *equites singulares Augusti*, созданного во II в. для охраны первого лица государства.

В данной статье представлено 27 надписей телохранителей трёх римских императоров (Тиберия, Клавдия, Нерона)ⁱ и некоторых членов их семей. Эпиграфический материал существенно дополняет информацию античных авторов (Светония, Тацита, Иосифа Флавия, Диона Кассия) по целому ряду вопросов, связанных с функционированием института *corporis custodes*.

За исключением одного случаяⁱⁱ, все известные на настоящий момент надписи (общее число — 35) происходят с территории города Рима. Большинство было найдено и введено в научный оборот достаточно давно, но их количество существенно пополнилось благодаря находкам, сделанным в этом столетии.

Надписи, вошедшие в данную подборку, сгруппированы по персоналиям. Для каждой указываются известные мне публикации её текста. При воспроизведении текста надписей используется традиционная система условных сокращений, принятая при публикации эпиграфических памятниковⁱⁱⁱ. Разбивка текста надписей запятыми и точками осуществлена мною.

* * *

№ 1^{iv}

Bassus Germanus¹ Germanician(us)², Drusi Caesaris³, nat(ione)^v veius⁴.
V(ixit) a(nnis) XXX.

(CIL VI. 4337 = ILS. 1718)

Басс Германец Германициан, (раб^{vi}-телохранитель)⁵ Друза Цезаря, родом вей. Прожил 30 лет.

- ¹ Germanus — имя, образованное от этника (ср. Batavus в № 16). Наличие у раба второго имени, указывающего на его происхождение — не часто встречающееся явление (Фёдорова Е. В. Латинская эпитафия. М., 1969. С. 91)^{vii}. Особенно необычно это выглядит в связи с наличием прямого указания на племенную принадлежность покойного.
- ² Agnomen (или второй cognomen) на -anus указывает на предыдущего владельца раба. Валент, скорее всего, первоначально принадлежал сыну Друза Старшего Германику (PIR², I 221), усыновлённому своим дядей по отцу Тиберием по требованию Августа в 4 г. (Suet. Tib. 15, 2; Cal. 1, 1; 4; Tac. Ann. 1, 3; 4, 57; Dio Cass. 55, 13, 2; 27, 4). По-видимому, именно отряд личной конной охраны имел в виду Тацит, рассказывая, что в 16 г. во время битвы с херусками под предводительством Арминия на Идиставизо Германик шёл в бой cum delecto equite (Tac. Ibid. 2, 16). После смерти Германика 10 октября 19 г. принадлежавшие ему рабы, включая телохранителей, могли перейти к его детям (см. прим. 3 к данной надписи и надпись № 4), а также во владение его приёмного отца (№ 5; RE, Custos, 2, 1901; Paribeni R. // De Ruggiero E. Dizionario epigrafico di antichità romane. Vol. 2². P. 1238).
- ³ Скорее всего, сын Германика и Агриппины Старшей (Suet. Cal. 7), заморенный голодом по приказу Тиберия в 33 г. (Tac. Ann. 6, 23; Suet. Tib. 54, 2; Dio Cass. 58, 22, 4). Также это может быть Друз Младший (PIR², I 144), единственный сын императора Тиберия и Випсании Агриппины (Suet. Tib. 7, 2; Tac. Ibid. 2, 43), скончавшийся в 23 г. (Suet. Ibid. 39, 1; 62, 1; Tac. Ibid. 4, 8; Dio Cass. 57, 22, 1 — 4). В пользу этого предположения может свидетельствовать сообщение Тацита о том, что в 14 г. эскорт Друза, отправленного Тиберием в Паннонию для усмирения мятежа, вспыхнувшего в римских легионах, был усилен за счёт германцев из охраны императора (Tac. Ibid. 1, 24). Официальные имена обоих Друзов совпадали — Drusus Iulius Caesar (PIR², I 219; I 220). И тот, и другой могли именоваться в надписях Drusus Caesar (Фёдорова Е. В. Латинская эпитафия. С. 97; Она же. Введение в латинскую эпитафику. М., 1982. С. 98). Виссова и Парибени придерживались первого варианта (RE, Custos, 2, 1901; Paribeni R. // De Ruggiero E. Dizionario epigrafico... Vol. 2². P. 1238; 1240). В этом случае надпись составлена в период с конца 19 г. (см. выше прим. 2) по 33 г.
- ⁴ Возможно, одно из германских племён (Weaver P.R.C. Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves. Cambridge, 1972. P. 83). Также, как указывал Дессау, не исключена вероятность неправильного написания данного слова. Можно предположить, что ошибка была сделана в слове ubius — убий (см. прим. 1 к № 13).
- ⁵ В тексте надписи опущено указание на характер занятий покойного — *corpore custos*.

№ 2

Bassus, Neronis Caesaris¹, corpore custos^{viii}, natione frisius². Vix(it) a(nnis) XL.

(CIL VI. 4342 = ILS. 1720)

Басс, (раб) Нерона Цезаря, телохранитель, родом фриз. Прожил 40 лет.

- ¹ Старший сын Германика и Агриппины Старшей (Suet. Cal. 7; Tac. Ann. 2, 43; Dio

Cass. 57, 18, 11). Сослан Тиберием в 29 г. на остров Понтию, где был убит в 30 г. (Suet. Tib. 54, 2; Dio Cass. 58, 8, 4). Официальное имя — Nero Iulius Caesar; в надписях часто просто Nero Caesar (PIR², I 223; Фёдорова Е.В. Латинская эпиграфика. С. 97; Она же. Введение... С. 98).

- ² Фризы — германское племя, обитавшее в I в. на морском побережье между Флевонским озером (ныне залив Зейдер-зее) и рекой Эмс (Tac. Germ. 34). Покорены Друзом Старшим в 12 г. до н. э. (Dio Cass. 54, 32, 2).

№ 3

Hilarus, Neronis Caesaris¹, corpore custos, natione frisiaeo². Vix(it) a(nnis) XXXIII.

(CIL VI. 4343 = ILS. 1721)

Гилар, (раб) Нерона Цезаря, телохранитель, родом фриз (?). Прожил 33 года.

¹ См. прим. 1 к № 2.

² frisiaeo = frisius (?) (см. прим. 2 к № 2). Возможно, frisiaeo = frisiavo (frisiavus). Фризиавоны (или фризиавы) — германское племя, вероятно, являвшееся частью фризов.

№ 4

Nereus, nat(ione) german(us), Peucennus Germanicianus¹, Neronis Caesaris². Vixit annis XXVII.

(CIL VI. 4344 = ILS. 1722)

Нерей, родом германец, Певценн Германициан, (раб-телохранитель)³ Нерона Цезаря. Прожил 27 лет.

¹ См. прим. 2 к № 1.

² См. прим. 1 к № 2.

³ См. прим. 5 к № 1.

№ 5

Valens Germanus¹ Germanicianus², Ti(berii) Caesaris Augusti³, natione ataeus⁴. V(ixit) a(nnis) XXXV.

(CIL VI. 4341 = ILS. 1717)

Валент Германец Германициан, (раб-телохранитель)⁵ Тиберия Цезаря Августа, родом (?). Прожил 35 лет.

¹ См. прим. 1 к № 1.

² См. прим. 2 к № 1.

³ Официальное имя императора Тиберия (PIR², С 941; правил с 19.08.14 г. по 16.03.37 г.). Если Валент перешёл в его распоряжение после смерти Германика, то terminus post quem данной надписи (а также надписей № 1 и № 4) — октябрь 19 г. (Suet. Tib. 39, 1; Tac. Ann. 2, 71 — 72)^{ix}.

⁴ Название племени несомненно искажено. Возможно, это batavus - батав.

⁵ См. прим. 5 к № 1.

№ 6

Proculus, decurio Germanorum¹, Ti(berii) Germanici².

(CIL VI. 4345 = ILS. 1723 = Gordon. № 75)

Прокул, декурион германцев, (раб) Тиберия Германика.

- ¹ Пост декуриона упоминается также в № 25. Декурионы возглавляли декурии — подразделения, на которые делился отряд телохранителей.
- ² Надпись происходит из колумбария рабов и либертов детей Друза Старшего. Тиберий Германик — будущий император Клавдий (PIR², С 942). Исходя из такой формы его имени (она встречается неоднократно: CIL VI. 4338; 4340 = № 7; 4346; 4356; 4362; 4363; 14909), данная надпись, безусловно, датируется периодом с 4 г., когда Клавдий после усыновления Тиберием его старшего брата Германика (Suet. Tib. 15, 2; Cal. 1, 1; 4; Tac. Ann. 1, 3; 4, 57; Dio Cass. 55, 13, 2; 27, 4) сам принял прозвище Германик (Suet. Claud. 2, 1), и до его вступления на престол в январе 41 г. (Suet. Cal. 58, 1; Claud. 10; Dio Cass. 60, 1; Ios. Ant. 19, 2, 1). А. Гордон считает возможным снизить terminus post quem составления эпитафии Прокула до 9 г. до н. э. (смерть Друза Старшего; Gordon. P. 81). Но учитывая то обстоятельство, что Клавдий родился 1 августа 10 г. до н. э. (Suet. Claud. 2, 1; Dio, 60, 2, 1; 5, 3; 34, 3), маловероятно, чтобы к младенцу была приставлена такая охрана (хотя на основании имеющейся в нашем распоряжении информации нельзя ответить на вопрос, с какого возраста отпрыскам императорского дома полагались corporis custodes). В любом случае, эта надпись может относиться ко времени правления и Августа, и Тиберия, и Калигулы.

№ 7

Macer, Ti(berii) Germanici¹, Germanus², corpore custos. V(ixit) a(nnis) XXX.

(CIL VI.4340)

Макр Германец, (раб) Тиберия Германика, телохранитель. Прожил 30 лет.

- ¹ См. прим. 2 к № 6.
- ² См. прим. 1 к № 1.

№ 8

Felix, Ti(berii) Claudi(i) Germanici¹, eques², Charito, fratri³, pro meritis fecit.

(ILS. 1719)

Феликс, (раб) Тиберия Клавдия Германика, всадник, Хариту, (своему) брату в соответствии с (его) заслугами сделал (надгробие).

- ¹ Будущий император Клавдий.
- ² Скорее всего, Феликс охранял Клавдия. Изначально личная охрана римлян, набранная из варваров, была конной (см., например: Caes. BC 1, 41). За исключением данного случая, надписи не демонстрируют, что телохранители Юлиев-Клавдиев были всадниками, но это подтверждается нарративными источниками (Tac. Ann. 15, 58 для времени Нерона).
- ³ См. №№ 22 — 23.

№ 9

Ti(berius) Claudius, divi Claudi(i)¹ lib(ertus)², Actius³, honoratus⁴, curator Germanorum⁵ et aedituus Dianae Cornif(icianae)⁶, collegio magno trib(unorum)⁷ divae Augustae⁸ triclam⁹ cum columnis et mensis et maceria¹⁰ s(ua) p(ecunia) d(ono) d(edit)¹¹.

(CIL VI. 4305 = ILS. 1732)

Тиберий Клавдий Акций, вольноотпущенник божественного Клавдия, занимающий почётную должность, куратор германцев и смотритель храма Дианы Корнифицианской на свои средства принёс в дар большой коллегии трибунов божественной Августы беседку с колоннами и столами и ограду.

¹ Император Клавдий скончался 13 октября 54 г. (Suet. Claud. 45; Dio Cass. 60, 34, 3; Ios. Ant. 20, 8, 1; Bell. 2, 12, 8; Sen. Aropol. 1) и вскоре был обожествлён принявшим власть Нероном (Tac. Ann. 12, 69). Несмотря на сообщение Светония, что молодой принцепс впоследствии отменил эту почесть, а Веспасиан восстановил вновь (Suet. Ibid.), нет оснований считать, что деконсекрация Клавдия в реальности имела место. Это подтверждается данными нумизматических и эпиграфических источников, относящихся к периоду принципата Нерона и к первым месяцам после его гибели (Griffin M.T. Nero: The End of a Dynasty. New Haven; London, 1985. P. 98; противоположное мнение со ссылкой на Дж. Тойнби. см.: Егоров А.Б. Рим на грани эпох: Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 178). Действительно, спустя некоторое время после торжественных похорон Клавдия в политике Нерона стало наблюдаться определённое падение интереса к поддержанию памяти своего приёмного отца и предшественника. Тем не менее, разрушение храма divi Claudii, восстановленного и достроенного Веспасианом наряду с некоторыми постройками, начатыми при Клавдии (Suet. Vesp. 9, 1; Aur. Vict. Epit. 9, 8), было вызвано не стремлением принизить покойного или провести демонстративную акцию деконсекрации, а необходимостью расширить территорию для сооружения Domus Augea (Mart. Spect. 2, 9 — 10). Таким образом, данная надпись могла быть составлена начиная с последних месяцев 54 г.

² Эта надпись, наряду с № 25, показывает, что к сер. I в. на императорских телохранителей, состоявших из людей лично несвободных, стала распространяться практика manumissio, хотя, по-видимому, подобные случаи были скорее исключением, чем правилом. Редкость отпуска на волю согрорис custodes могла стать одной из причин конкретизации Акцием имени своего освободителя, так как при употреблении общераспространённой формулы Aug. lib., как это сделано в № 25, было бы неясно, какой из двух императоров — Клавдий или Нерон — оказал ему эту милость³.

³ Акций упоминается среди honorati также в CIL VI. 20216 = 34128a.

⁴ По-видимому, почётный член collegium magnum, которой приносится дар.

⁵ Curator Germanorum = curator collegii Germanorum. Пост куратора также отмечен в № 14.

⁶ Этот вариант предлагает Дессау. Вальери расшифровывает эпитет как Cornificia (Vaglieri D. // De Ruggiero E. Dizionario epigrafico... Vol. 1. P. 272). В Риме храм Дианы, основанный царём Сервием Туллеем, находился на Авентине (Liv. 1, 45). Император Август после завершения гражданских войн в рамках проводимой им реставраторской политики, особенно ярко выразившейся в религиоз-

ной сфере, восстановил в Риме большое количество старых храмов и соорудил множество новых (RgdA, 19 — 21; Suet. Aug. 30, 2; Ovid. Fast. 2, 55 — 72; Liv. 4, 20, 7). Одновременно он поощрял своих ближайших сподвижников украшать город постройками как религиозного, так и светского характера (Suet. Ibid. 29, 4; Dio Cass. 53, 2, 4; 54, 18, 2). В числе последовавших этой рекомендации был Луций Корнифиций (PIR², С 1503), консул 35 г. до н. э., сторонник Октавиана (Plut. Brut. 27) и один из его военачальников в войне против Секста Помпея, впоследствии наместник Африки (Vell. Pat. 2, 79, 4; App. BC, 5, 80. 86. 111 — 115; Dio Cass. 49, 5, 4 — 7, 6; 18, 6; 33, 1). Он восстановил храм Дианы (Suet. Ibid. 29, 5).

7 Trib(unorum) — расшифровка сокращения принадлежит Дессау. Он же высказал предположение, что в данном случае речь идёт о collegium magnum familiae imperatoriae (см. прим. 3 к ILS. 1505). Известно, что Август, его супруга Ливия, а затем и Тиберий стали организовывать в своих хозяйствах коллегии, в том числе культовые, из рабов и либертов с выборными жрецами и должностными лицами (магистрами, министрами, декурионами). Нередко предметами культа таких коллегий становились лары и изображения императора (Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в эпоху империи // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 546; Она же. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 170). На базе этих объединений возникла collegium magnum Larum et imaginum Caesaris. Её непосредственной обязанностью было почитание императорских ларов и сохранение изображений императора и членов его семьи. Постепенно филиалы collegium magnum начали действовать не только в Риме, но и во многих городах Италии, а также в провинциях (Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971. С. 151 — 152; Штаерман Е.М. Рабство в африканских провинциях // Рабство в западных провинциях Римской империи в I — III вв. М., 1977. С. 33; Она же. Римская религия // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 182; Колосовская Ю.К. Коллегии императорского культа в Дунайских провинциях (по надписям Норика, Дакии и Паннонии) // Культура античного мира. М., 1966. С. 102). Должность трибуна — редкое явление в практике функционирования этой коллегии, хотя помимо этой надписи она засвидетельствована ещё несколько раз^{xi}. Высказывалось предположение, что она существовала лишь в начале империи (Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения... С. 151)^{xii}.

8 Данная надпись происходит из колумбария рабов и либертов Ливии Друзиллы с Via Appia. Третья супруга императора Августа и мать императора Тиберия получила титул Августа после смерти Августа в 14 г. (Tac. Ann. 1, 8; Dio Cass. 56, 46, 1). Ливия умерла в 29 г. (Tac. Ibid. 5, 1; Dio Cass. 58, 2, 1). Правящий в то время Тиберий отказал матери в божеских почестях под предлогом, что такова якобы была воля самой покойной (Tac. Ibid. 5, 2; Dio Cass. 58, 2, 2; Suet. Tib. 51, 2). Она была обожествлена лишь в 41 г., когда на престол взошёл её внук Клавдий (Dio Cass. 60, 5, 2; Suet. Claud. 11, 2; Sen. Apocol. 9).

9 triclam = trichilam

10 masegia = masegiam. Пропуск конечного m — одно из самых распространённых явлений в латинских надписях, начиная с III в. до н. э. (Дынинков А.Н., Лопатина М.Г. Народная латынь. М., 1975. С. 53).

11 Единственная посвятельная надпись среди известных надписей телохраниелей. Все прочие являются эпитафиями.

№ 10^{xiii}

Severus, corpore custos, Ti(berii) Caesaris Germanici A[ug](usti)¹, natione su[ebus]². V(ixit) a(nnis)....

(CIL VI. 8810 = ILS. 1724)

Север, телохранитель, (раб) Тиберия Цезаря Германика Августа, родом.... Прожил.... лет.

¹ Император Клавдий.

² Реконструкция издателей CIL и Виссоны (RE, Custos, 2, 1900). Свевы — собирательное название группы германских племён, обитавших на северо-востоке Германии.

№ 11^{xiv}

Linus, Ti(berii) Claudi(i) Caesaris Aug(usti), corporis custos, dec(uria)¹ Eragati, natione batavus². Vix(it) ann(is) XX.. H(ic) s(itus) e(st). Posuit Macer, heres eius ex collegio Germanorum^{xv}.

(CIL VI. 8804)

Лин, (раб) Тиберия Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Эпагата, родом батав. Прожил... лет. Здесь погребён. Поставил (надгробие) Макр, его наследник из коллегии германцев.

¹ Слово *decuria* (во всех рассмотренных случаях написано сокращённо: №№ 12 — 14; 16 — 24; кроме № 14 и № 23 в каждой надписи имеется по два упоминания; единственное исключение в сокращении — № 18: *d(ecuria)* вместо *dec(uria)*), можно рассматривать не как *ablativus*, а как *nominativus*. В данном случае — «декурия Эпагата».

² Батавы — германское племя, обитавшее в дельте Рейна на так называемом Батавском острове — территории между главным руслом Рейна и рекой Вагал (ныне Ваал). Покорены в результате похода Друза Старшего в 12 г. до н. э. (Dio Cass. 54, 32, 2). Батавы считались одним из наиболее доблестных и, вплоть до восстания Цивилиса в 70 г., верных Риму союзных племён. Особенно славилось их мастерство наездников (Dio Cass. 55, 24, 7).

№ 12

Paetinus, Ti(berii) Claud(ii) Caisar(is)¹ Aug(usti), corp(or)is cust(os), dec(uria)² Pacati³, nat(ione) bata<v>us⁴. Vix(it) ann(is) XX. H(ic) s(itus) e(st). Pos(uit) Virus, dec(uria)⁵ Pacati, h(eres) eius ex col(legio) Germa[norum].

(CIL VI. 8807 = ILS. 1725)

Петин, (раб) Тиберия Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Паката, родом батав. Прожил 20 лет. Здесь погребён. Поставил (надгробие) Вир из декурии Паката, его наследник из коллегии германцев.

¹ Caisar(is) = Caesaris. См. №№ 13, 15, 16, 24.

^{2,5} См. прим. 1 к № 11.

³ См. № 22.

⁴ См. прим. 2 к № 11.

№ 13

Postumus, Ti(berii) Claudi(i) Caisar(is)¹ Aug(usti), corpor(is) cust(os), dec(uria)² Synerotis, nat(ione) ubius³. Vix(it) an(nis) XXV. H(ic) s(itus) e(st). Pos(uit) Capito, dec(uria)⁴ Synerotis, her(es) eius ex col(legio) Germ(anorum).

(CIL VI. 8809 = ILS. 1726)

Постум, (раб) Тиберия Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Синерота, родом убий. Прожил 25 лет. Здесь погребён. Поставил (надгробие) Капитон из декурии Синерота, его наследник из коллегии германцев.

¹ Caisar(is) = Caesaris. См. №№ 12, 15, 16, 24.

^{2;4} См. прим. 1 к № 11.

³ Убии — единственное из германских племён с правого берега Рейна, уже при Юлии Цезаре перешедшее под покровительство римлян и ставшее их верным союзником (Caes. BG 4, 16). В 38 г. до н. э. Марк Агриппа способствовал их переселению на левый берег Рейна в район современных Бонна и Крефельда (Tac. Ann. 12, 27; Germ. 28).

№ 14^{xvi}

Saturni[nus], Ti(berii) Clau[di](i) Caesaris [Aug](usti) German[ici], corporis [custos], dec(uria)¹ La...², natione ba[tavus].³ Vixit ann[is]...]. H(ic) s(itus) e(st). Posuit La...⁴, curator⁵ ex [coll(egio)] Germanor[um].

(AE. 1968. 32 = Epigraphica. Vol. 29. 1967. P. 62)

Сатурнин, (раб) Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, телохранитель, из декурии La..., родом батав. Прожил... лет. Здесь покоится. Поставил (надгробие) La..., куратор из коллегии германцев.

¹ См. прим. 1 к № 11.

^{2;4} Скорее всего, декурион Сатурнина и поставивший надгробие куратор — одно и то же лицо. Спидл считает возможным реконструировать его имя как Laetus (Speidel M.P. Riding for Caesar. The Roman Emperors' Horse Guards. Cambridge-Massachusetts, 1994. P. 168. Note 23).

³ Издатели AE сомневаются в правильности прочтения A. Ферруа (первый издатель данной эпитафии) двух сохранившихся букв названия племени, к которому принадлежал покойный. Их вариант — fr[isius] (AE. 1968. P. 20). См. прим. 2 к № 2 и прим. 2 к № 11.

⁵ См. прим. 5 к № 9.

№ 15

[S]abi[nus], [T]i(berii) Cla[udii] Caisari[s]¹ Aug(usti) Germa[nici], [corp(or)is] cust(os)]².

(CIL VI. 37754a = Notizie. 1908. P. 439)

Сабин, (раб) Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, телохранитель.

¹ Caisari[s] = Caesaris. См. №№ 12, 13, 16, 24.

- ² Этот вариант восстановления утерянной части надписи предлагают издатели CIL. У Вальери, подготовившего публикацию для *Notizie*, его нет.

№ 16

Alcimachus, Neronis Claud(ii) Caisar(is)¹ Aug(usti) Ger(manici)², corpor(is) cust(os), dec(uria)³ Albani, nat(ione) bata<v>us⁴. Vix(it) ann(is) XXXV. H(ic) s(itus) e(st). Posuit Batavus⁵, dec(uria)⁶ Montani, her(es) eius ex coll(egio) Ger(manorum).

(CIL VI. 8802 = ILS. 1729)

Алцимах, (раб) Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика, телохранитель, из декурии Албана, родом батав. Прожил 35 лет. Здесь покоится. Поставил (надгробие) Батав из декурии Монтана, его наследник из коллегии германцев.

¹ Caisar(is) = Caesar(is). См. №№ 12, 13, 15, 24.

² Император Нерон^{xvii}.

^{3;6} См. прим. 1 к № 11.

⁴ См. прим. 2 к № 11.

⁵ См. прим. 1 к № 1.

№ 17

Ti(berius) Claudius Chloreus¹, Neronis Claudi(i) Caesaris Aug(usti) corporis custos, dec(uria)² Spiculi³, natione bata<v>us⁴. Vix(it) ann(is) XL. H(ic) s(itus) e(st). Posuerunt Ti(berius) Claudius Diadumenus et Censor, dec(uria)⁵ Spiculi⁶, heredes eius ex collegio Germanorum.

(CIL VI. 8803 = ILS. 1730)

Тиберий Клавдий Хлорей, телохранитель Нерона Клавдия Цезаря Августа, из декурии Спикула, родом батав. Прожил 40 лет. Здесь покоится. Поставили (надгробие) Тиберий Клавдий Диадумен и Цензор из декурии Спикула, его наследники из коллегии германцев.

¹ Форма имени (наличие *tria nomina* с *praenomen* и *nomen* Ti. Claudius) и отсутствие указания на патронимию Тиберия Клавдия Хлорей и поставившего надгробие Тиберия Клавдия Диадумена свидетельствуют в пользу того, что они были императорскими либертами. Обозначение их социального положения формулой *Aug. lib.* отсутствует, так же как и индикация рабского статуса термином *servus* для всех прочих телохранителей. Спидл предполагает, что права гражданства им даровал Нерон (Speidel M.P. *Riding for Caesar*... P. 28 — 29; 87)^{xviii}, но форма имён не позволяет утверждать это безоговорочно. Стать вольноотпущенниками они могли и при Клавдии (см. сноску X), тем более что прецедент отмечен в № 9. Предположение того же Спидла, что гражданство стало наградой этим телохранителям за их активное участие в подавлении заговора Пизона 65 г., выглядит интересно, но оно не имеет прямых подтверждений в источниках, как это может показаться на основании безапелляционных высказываний этого исследователя (Speidel M.P. *Op. cit.* P. 87). Что касается пропуска в надписях индикации *Aug. lib.*, то увеличение распространения этой практики отмечается именно с сер. I в., правда, в среде вольноотпущенников частных лиц (Weaver P.

- R. C. Familia Caesaris. P. 43). Для бывших императорских рабов это исключение.
 2;5 См. прим. 1 к № 11.
 3;6 Есть все основания отождествлять данного декуриона Спикула с любимым гладиатором мирмиллоном Нерона (PIR¹, S 579; Suet. Nero 30, 2; 47, 3; Plut. Galba 8; Dio Cass. 63, 27, 2^b). Найденная в 1854 г. в Анции надпись на водосточной трубе позволяет предположить, что Спикул был отпущен на волю, так как в ней он назван Тиберий Клавдий Спикул (Ti(berii) Claudi(i) Spiculi; CIL X. 6690). Подробнее о нём и о роли гладиаторов в охране императоров см.: Романенко Н. И. Corporis custodes при Нероне // Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 1. С. 145 — 147.
 4 См. прим. 2 к № 11.

№ 18

Nobilis, miles¹, impera(toris)² Neronis Aug(usti) corp(or)is cust(os), dec(uria)³ Rabuti⁴, nat(ione) bata<v>us⁵. Milit(avit) an(nis) II. Vix(it) an(nis) XX⁶. H(ic) s(itus) e(st). Posuit Baebius, d(ecuria)⁷ Rabuti, heres⁸.

(CIL VI. 8806 = ILS. 1727)

Нобил, солдат, телохранитель императора Нерона Августа, из декурии Рабута, родом батав. Прослужил 2 года. Прожил 20 лет. Здесь погребён. Поставил Бебий из декурии Рабута, (его) наследник.

- ¹ Использование по отношению к телохранителю определения «miles», не зафиксированного больше ни для одной надписи императорских corporis custodes, а также указание периода службы Нобила (см. также № 19), как это делалось в эпитафиях солдат, составляют очевидное исключение из общераспространённого правила. Моммзен считал, что в данном случае термин miles — несомненная ошибка (Mommsen T. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 808. Anm. 4). Виссова по этому поводу говорит, что термин употребили «намеренно неправильно», однако не поясняет, с какой целью это было сделано (RE, Custos, 2, 1901). Как видно из надписей, к сер. I в. выработался развёрнутый (по сравнению с более ранним временем) шаблон с определённым стандартным набором и последовательностью указываемых фактов, по которому коллегия германцев составляла эпитафии своих членов. Столь значительное отступление от него могло быть обусловлено какими-то особыми обстоятельствами, связанными с карьерой Нобила и Феба. Однако трудно сказать с определённой точностью, какими конкретно причинами вызвано появление нестандартных текстов надгробий №№ 18 — 19.
- ² Титул «imperator» — один из основных элементов титулатуры верховных властителей Римской империи. После победы при Мунде в 45 г. до н. э. сенат в качестве одной из почестей даровал Юлию Цезарю этот титул как наследственное praenomen (Suet. Caes. 76, 1; Dio Cass. 43, 44, 2; Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 65 — 66; Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 279 — 282). Август превратил его в официальное praenomen (вместо личного имени «Гай») (Dio Cass. 52, 40, 2; Егоров А.Б. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1988. № 2. С. 169; Он же. Рим на грани эпох... С. 69; Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 97). Юлии-Клавдии использовали титул «imperator» время от времени; регулярной частью титулатуры он становится лишь со времён Веспасиана. Светоний указывает, что Тиберий и Клавдий вообще отказались от praenomen imperatoris (Suet. Tib. 26, 2; Claud. 12, 1), однако в надписях Тиберия он тем не менее засвидетельствован

(Егоров А.Б. Проблемы титулатуры... С. 166). Что касается Нерона, то по отношению к нему имя-титул «*imperator*» встречается редко и, в основном, в конце его правления (например, CIL XI. 1331 = ILS. 233 = Smallwood. № 149). Поэтому данная надпись, как и № 19, может быть отнесена именно к последним годам принципата Нерона.

^{3;7} См. прим. 1 к № 11.

⁴ Декурия Рабута упоминается в № 19.

⁵ См. прим. 2 к № 11.

⁶ Одновременное указание на продолжительность службы и жизни Нобила и Феба (№ 19) даёт возможность подсчитать, что ряды *corporis custodes*, по крайней мере в период правления Нерона, пополнялись юношами в возрасте 17-18 лет.

⁸ Формула *ex collegio Germanorum* опущена.

№ 19

Phoebus, Neronis Claud(ii) Caesaris Aug(usti), corp(or)is cust(os), dec(uria)¹ Rabuti², nat(ione) baetesius³. Mil(itavit) an(nis) VIII.⁴ Vix(it) an(nis) XXV⁵. H(ic) s(itus) e(st). Posuit Gnostus, dec(uria)⁶ eadem, heres eius ex colleg(io) German(or)um).

(CIL VI. 8808 = ILS. 1728)

Феб, (раб) Нерона Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Рабута, родом бетазий. Прослужил 8 лет. Прожил 25 лет. Здесь погребён. Поставил Гност из той же декурии, его наследник из коллегии германцев.

^{1;6} См. прим. 1 к № 11.

² Феб вместе с Нобилом (№ 18) служил под началом одного декуриона, поэтому предположение о датировке № 18 концом правления Нерона распространяется и на данную надпись (см. прим. 2 к № 18).

³ *baetesius* = *betasius*. Кельтское племя, обитавшее на территории римской провинции Белгика.

⁴ См. прим. 1 к № 18.

⁵ См. прим. 6 к № 18.

№ 20^{xix}

Fannius, Neron(is) Claudi(i) Caesaris Aug(usti), corp(or)is custos, dec(uria)¹ Cotini², nation(e) ubius³. Vixit ann(is) XIII⁴. H(ic) s(itus) e(st). Posuit Corinthus, dec(uria)⁵ aedem⁶, her(es) eius ex colleg(io) German(or)um).

(Notizie. Vol. 4. 1950. P. 87)

Фанний, (раб) Нерона Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Котина, родом убий. Прожил 18 лет. Здесь покоится. Поставил Коринф из той же декурии, его наследник из коллегии германцев.

^{1;5} См. прим. 2 к № 11.

² Декурия Котина известна для времени Клавдия (CIL VI. 8805). См. прим. 1 к № 22.

³ См. прим. 3 к № 13.

⁴ Пример сравнительно редкого употребления субтрактивной системы обозначения числа в латинских надписях.

⁶ aedem = eadem. Ср. № 19.

№ 21

Ter . . . , Neron(is) Claud(ii) Ca(esaris) Aug(usti), corp(or)is cust(os), dec(uria)¹ Prudentis, nat(ione) bata<v>us². Vix(it) ann(is) XXXVII. H(ic) s(itus) e(st). Posuerunt Sollemnis, optio, et Reginus, dec(uria)³ Prudentis, heredes eius ex colleg(io) Germanorum.

(Notizie. Vol. 4. 1950. P. 87)

Тер..., (раб) Нерона Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Прудента, родом батав. Прожил 37 лет. Здесь покоится. Поставили (надгробие) Солемно, помощник, и Регин из декурии Прудента, его наследники из коллегии германцев.

^{1;3} См. прим. 1 к № 11.

² См. прим. 2 к № 11.

№ 22

Gamo, Ner(onis) Claud(ii) Caes(aris) Aug(usti), corp(or)is cust(os), dec(uria)¹ Pacati², nat(ione) bata<v>us³. Vix(it) ann(is) XXV. H(ic) s(itus) e(st). Posuit Hospes, dec(uria)⁴ Pacati, frater⁵ et heres eius ex collegio Germanorum.

(Notizie. Vol. 4. 1950. P. 88)

Гамон, (раб) Нерона Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Паката, родом батав. Прожил 25 лет. Здесь покоится. Поставил (надгробие) Хоспит из декурии Паката, его брат и наследник из коллегии германцев.

^{1;4} См. прим. 1 к № 11.

² Декурия Паката уже существовала при императоре Клавдии (см. № 12), что свидетельствует о переходе корпуса телохранителей одного императора к его преемнику.

³ См. прим. 2 к № 11.

⁵ Редкий случай наличия близкого родственника у раба-телохранителя. См. также № 8 и № 23.

№ 23

Indus, Neronis Claudi(i) Caesaris Aug(usti), corpor(is) custos, dec(uria)¹ Secundi, natione batavus². Vix(it) ann(is) XXXVI. H(ic) s(itus) e(st). Posuit Eumenes, frater³ et heres eius ex collegio Germanorum.

(Notizie. Vol. 4. 1950. P. 88 = Gordon. № 120 = Smallwood. № 293 = ЛН. № 66)

Инд, (раб) Нерона Клавдия Цезаря Августа, телохранитель, из декурии Секунда, родом батав. Прожил 36 лет. Здесь покоится. Поставил (над-

гробие) Евмен, его брат и наследник из коллегии германцев.

¹ См. прим. 1 к № 11.

² См. прим. 2 к № 11.

³ См. № 8 и № 22.

№ 24

... nus, [Ner]onis Claud(ii) [Cal]is(aris)¹, corp(or)is cust(os), dec(uria)² Benigni, nat(ione) bata<v>us³. Vix(it) ann(is) XXV. H(ic) s(itus) e(st). Pos(uit) Calyx, dec(uria)⁴ Benigni, her(es) eius ex col(legio) Germ(anorum).

(Notizie. Vol. 4. 1950. P. 89)

....н, (раб) Нерона Клавдия Цезаря, телохранитель, из декурии Бенигна, родом батав. Прожил 25 лет. Здесь покоится. Поставил (надгробие) Калликс, из декурии Бенигна, его наследник из коллегии германцев.

¹ [Cal]is(aris) = Caesar(is). См. №№ 12, 13, 15, 16.

^{2,4} См. прим. 1 к № 11.

³ См. прим. 2 к № 11.

№ 25

Ti(berio) Claudio, Aug(usti) lib(erto)¹, Ducto, dec(urioni)² Germanorum. Vix(it) an(nis) XXV. Posuit Luria Paezusa coniugi suo et sibi.

(CIL VI. 8811)

Тиберию Клавдию Дукту, вольноотпущеннику Августа, декуриону германцев. Прожил 25 лет. Поставила (надгробие) Лурия Пезуса своему супругу и себе.

¹ То есть императорскому вольноотпущеннику (Клавдия или Нерона. См. прим. 2 к № 9 и сноску X).

² См. прим. 1 к № 6.

№ 26

Silva, Neron(is) Claudi(i) Caesaris Aug(usti), [corporis cu]stos.

(CIL VI. 37754 = Notizie. 1908. P. 386)

Сильва, (раб) Нерона Клавдия Цезаря Августа, телохранитель.

№ 27

Romano Iuliano. Corpore custos, Caesaris¹. Fausta Iulia fecet².

(Notizie. 1922. P. 422)

Роману Юлиану. Телохранитель, (раб) Цезаря³. Фауста Юлия сделала (надгробие).

¹ Содержание данной надписи не позволяет установить, чьим телохранителем был Роман Юлиан. Форма его имени может свидетельствовать о том, что когда-то он принадлежал кому-то из рода Юлиев.

² fecet = fecit.

³ То есть императорский раб.

Условные сокращения

AE	L'Année épigraphique	
App. BC	Appianus.	Bella civilia
Aur. Vict. Epit.	Aurelius Victor.	Epitome de vita et moribus imperatorum Romanorum
Caes. BC	C. Iulius Caesar.	De bello civili
BG		De bello Gallico
CIL	Corpus inscriptionum Latinarum	
CQ	Classical Quarterly	
Dio Cass.	Cassius Dio Cocceianus. Historia Romana	
Gordon	Gordon A.E. and J.S. Album of Dated Latin Inscriptions. Berkeley, Los Angeles, 1958 — 1964.	
Ios. Ant.	Iosephus Flavius.	Antiquitates Iudaicae
Bell.		Bellum Iudaicum
Liv.	Titus Livius.	Ab urbe condita
Mart. Spect.	M. Valerius Martialis.	Spectacula
Notizie		Notizie degli scavi di antichità
Ovid. Fast.	Publius Ovidius Naso.	Fasti
Plut.	Plutarchus Chaeronensis.	Vitae parallelae
		Brutus
		Galba
RE	Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft	
RgdA	Res gestae divi Augusti	
Smallwood	Smallwood E.M. Documents Illustrating the Principates of Gaius, Claudius and Nero. Cambridge: University Press, 1967.	
Suet.	Suetonius.	Vita duodecim Caesarum.
		Augustus
		Caligula
		Claudius
		Nero
		Tiberius
		Vespasianus
Tac. Ann.	Cornelius Tacitus.	Annales
Germ.		De origine et situ Germanorum
Vell. Pat.	Velleius Paterculus	
ВДИ	Вестник древней истории	
ЛН	Фёдорова Е.В. Латинские надписи. М.: Изд-во МГУ, 1976.	
Штаерман	Штаерман Е.М. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи. Подбор, пер. и комм. Е.М. Штаерман под ред. Ф.А. Петровского // ВДИ. 1955. №№ 2 — 4; 1956. №№ 1 — 4; 1957. № 1.	

Примечания:

ⁱ До сих пор не найдено ни одной надписи телохранителей Августа. Также неизвестны надписи, где бы упоминались *corpōis custodes* Калигулы. Эпиграфический материал отсутствует как для периода его правления, так и для времени,

- предшествовавшего его приходу к власти. В пользу того предположения, что Гай, ещё не будучи императором, мог располагать личной охраной, свидетельствуют сохранившиеся надписи телохранителей его старших братьев (№№ 1 — предположительно; 2 — 4).
- ii Надпись CIL XI. 3526 из Centumcella (ныне Civitavecchia), не включённая в эту публикацию.
- iii () буквы, добавленные при расшифровке слова, написанного сокращённо (в тексте перевода слова, заключённые в круглые скобки, добавлены для облегчения понимания смысла надписи);
[] несохранившиеся буквы, восстановленные при издании надписи;
< > буквы, пропущенные при изготовлении надписи и добавленные при её издании;
. . . . несохранившиеся буквы, число которых видно отчётливо;
.... несохранившиеся буквы, число которых неизвестно.
- iv Надписи №№ 1 — 7 были найдены в районе между Via Appia и Via Latina.
- v В большинстве надписей императорских телохранителей содержится указание на их племенное происхождение по традиционной формуле: *natione* + название племени в номинативе. Главной «кузницей кадров» для охраны высших лиц Римской империи и членов их семей были германцы: убии (№№ 1 — предположительно; 13; 20), фризы (№№ 2 — 3), свевы (№ 10). Основной костяк отряда императорских телохранителей формировался из батавов (№№ 5 — предположительно; 11 — 12; 14 — предположительно; 16 — 18; 21 — 24). Такая практика существовала уже при Калигуле (Suet. Cal. 43).
- vi Личная охрана как императоров, так и членов их семей состояла, в основном, из рабов, однако традиционная для надписей индикация рабского статуса — термин *servus* — по отношению к телохранителям ни разу не встречается в известном на сегодняшний день эпиграфическом материале. Для указания на рабское состояние используется употребление в надписях имён их хозяев, стоящих в родительном падеже после слов *corporis custos* или *Germanus*.
- vii Ср. с надписями из колумбария *familia urbana* семейства Статилиев в Риме (датируются периодом ок. 20 г. до н. э. — ок. 50 г.), где в 9 случаях (Сергеенко М.Е. Колумбарий Статилиев Тавров // ВДИ. 1964. № 4. С. 81; Она же. Ремесленники древнего Рима. Очерки. Л., 1968. С. 55) встречается указание «германец» по отношению к лицам, состоявшим в вооружённой охране этого семейства. Например: *Felix German(us), armiger Tauri f(ilii), hic situs est*. Феликс Германец, (раб)-оруженосец сына Тавра, здесь погребён. (CIL VI. 6229 = Штаерман. № 619).
- viii В надписях встречается два варианта написания названия этой профессии: *corpore custos* (№№ 2; 3; 6; 8; 27) и *corporis custos* (№№ 11; 14; 17). Часты сокращения: *corp. cust.* (№№ 12; 18; 19; 21; 22); *corpog. cust.* (№№ 13; 16; 24); *corpogri. custos* (№ 20) и *corpog. custos* (№ 23).
- ix К периоду принципата Тиберия относятся ещё три эпитафии телохранителей, не включённые в данную подборку надписей: CIL VI. 4334; 4338 — 4339.
- x Как известно, в Риме отпущенный на волю раб получал *praenomen* и *nomen gentilicia* своего бывшего господина, сохраняя своё имя в виде *cognomen*. Поэтому либерты императора Клавдия, чьё полное имя выглядело как *Ti. Claudius Caesar Augustus Germanicus* (PIR², С 942), становились Тибериями Клавдиями, так же как и вольноотпущенники Нерона, который после усыновления Клавдием в 50 г. (Tac. Ann. 12, 25; Suet. Nero 7, 1; Claud. 27, 2; Dio Cass. 60, 33, 2²; Ios. Ant. 20, 8, 1; Bell. 2, 12, 8) перешёл в род Клавдиев и унаследовал имена отчима. Несмотря на то, что *cognomen* Неро уже после усыновления превратился в личное имя (Tac. Ibid. 12, 26; Ios. Ant. Ibid.) и официальная титулатура императора зву-

- чала как Nero Claudius Caesar Augustus Germanicus (PIR², D 129; Фёдорова Е.В. Латинская эпиграфика. С. 98; Она же. Введение... С. 98), имя Nero никогда не использовалось как прозвище для вольноотпущенников Нерона (Weaver P.R.C. Familia Caesaris. P. 44). См. также надписи других вольноотпущенников, где указано, что они либерты divi Claudii: CIL VI. 1921; 8554 = ILS. 1765 = Smallwood. № 186 = Штаерман. № 749; 8636 = ILS. 1682 = Smallwood. № 183; 9060 = ILS. 1641; 15314; 34909; X. 527 = ILS. 1671; AE. 1946. 99.
- ^{xi} См., например, для Рима составленную при жизни Ливии надпись CIL VI. 4012 (сильно фрагментирована) из колумбария её рабов и либертов, ILS. 1534 (P. Aelio, Aug(usti) lib(erto), Liberali... tribunicio collegi(i) magni), а также CIL III. 4038 из колонии Петовион (Колосовская Ю. К. Коллегии императорского культа... С. 102).
- ^{xii} Эти же авторы считают, что данная посвятельная надпись — самое раннее из сохранившихся свидетельств о collegium magnum. При этом имя составителя надписи воспроизводится ими ошибочно — Клавдий Антей (Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения... С. 151).
- ^{xiii} Надписи №№ 10 — 13; 16 — 19; 25 были обнаружены в районе Via Aurelia. Надпись № 10 в настоящее время находится во Флоренции.
- ^{xiv} Надписи №№ 11 — 14; и предположительно № 15 принадлежат лицам, охранявшим Клавдия, когда тот уже стал императором. Они могут быть датированы временем его принципата (24.01.41 г. — 12.10.54 г.). Помимо этих пяти сохранилось ещё две надписи его телохранителей: CIL VI. 8805; 8812.
- ^{xv} Collegium Germanorum (№№ 9; 11 — 14; 16 — 17; 19 — 24) — погребальная коллегия, созданная для организации похорон императорских телохранителей, состоявших в массе своей из рабов и не имевших, как правило, в Риме близких родственников, которые могли бы позаботиться об их погребении. В данном случае мы имеем дело с collegium, члены которой были объединены по профессиональному признаку. Подобных коллегий было особенно много именно среди императорских рабов, и упоминания о них чаще всего встречаются как раз в I в. (Штаерман М.Е. Рабские коллегии и фамилии в период империи // ВДИ. 1950. № 3. С. 77).
- ^{xvi} Данная надпись найдена в 1967 г. в ходе исследования гробницы папы Св. Калликста I. В IV в. это надгробие было использовано в качестве строительного материала при сооружении стены левой лестницы, ведущей в склеп. Ещё ранее оно служило для каких-то иных целей (возможно, как часть двери), поэтому плита была уменьшена, следствием чего стала потеря значительной части текста её правой стороны.
- ^{xvii} Надписи №№ 16 — 24 и № 26 принадлежат телохранителям императора Нерона. В них встречается как полная формула его официального имени — Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (№ 16), так и часто использовавшийся краткий вариант — Нерон Август (№ 18). Указанные надписи датируются периодом его правления (12.10.54 г. — 9.06.68 г.).
- ^{xviii} Ссылаясь на данную надпись, Спидл говорит о трёх телохранителях, получивших римское гражданство (Speidel M.P. Riding for Caesar... P. 28). По-видимому, он считает, что и второй наследник покойного, Цензор, был вольноотпущенником. Однако вряд ли в таком случае его имя было бы написано не полностью. Несомненно, Цензор был рабом.
- ^{xix} Надписи №№ 20-24 были найдены в июле 1947 г. и переданы в Римский Национальный музей.

ТРАКТАТ «О БЕЗМЯТЕЖНОСТИ ДУХА» ЛУЦИЯ АННЕЯ СЕНЕКИ

Вступительная статья и перевод Н.Г. Ткаченко

«Творец мне разум строгий дал,
Чтоб я вселенную изведаль
И, что в себе и в ней познал,
В науку б поздним внукам предал;
Послал он встречу злобу мне,
Разврат чудовищный и гнусный,
Чтоб я, как дуб на вышине,
Средь бурь окреп в борьбе искусной,
Чтоб в массе подвигов и дел
Я образ свой напечатлел...
Я всё свершил. Мой образ вылит.
Ещё резца последний взмах —
И гордо встанет он в веках».

А. Майков. Три смерти.

«Cogendae in artum res sunt, ut tela in vanum
cadant...» —

«Следует спрятать своё достояние в укромном
месте, чтобы молнии попадали в пустоту...».

Сенека. О безмятежности духа.

В трактате «О безмятежности духа» Сенека в сжатой форме изложил основные положения своей обширной стоической теории. Трактат велик по объёму, но настолько плотен по своему философскому содержанию, что заключает как главные идеи стоического учения, так и его многочисленные, но не менее важные, разъяснения.

Трактат представляет интерес ещё и потому, что его философские интонации являются отражением пути Сенеки как государственного деятеля: вначале — руководителя и наставника молодого императора Нерона, затем — фактического управителя делами государства и, наконец, отверженного и ненавидимого Нероном человека, только и ждущего роковой развязки. Эти этапы жизненного пути Сенеки отразились в тональности трактата, где среди смелых и решительных призывов и побуждений нередко сквозит грусть безнадёжности и покорности судьбе. Однако в целом настрой трактата всё же бодрый — это исповедь не сдающегося и твёрдо знающего свою цель человека: одновременно учителя и борца; и этот боевой дух, зовущий к преодолению горестей, оди-

ночества и уныния, к борьбе и практической деятельности, должен быть не чужд и современному читателю.

Как уже сказано, композиция трактата весьма сжата, но насыщена разнообразными темами, которые во множестве звучат в последнем произведении Сенеки «Письма к Луцилию». Для сравнения в комментариях приводятся соответствующие места из «Писем к Луцилию».

Жизнь Луция Аннея Сенеки была богата взлётами и падениями.

Он родился в испанском городе Кордубе (Кордове), столице провинции Бетики, в 4 г. до н. э., в богатой и культурной семье. О своём отце Марке (или Луции) Аннее Сенеке Старшем сын пишет, что он был самым выдающимся ритором своего времени (Ad Helv. m. XVII, 3, 4). Мать Сенеки Гельвия и его тётка, сестра Гельвии, сыграли большую роль в воспитании Сенеки.

При Августе семья Сенеки переселилась в Рим. К двадцати годам Сенека получил солидные знания греческого языка, грамматики, поэтики, музыки, истории и математики. Философией Сенека увлёкся с юности, став последователем греческого стоика Посидония. Кроме того, Сенека изучал также философию Эпикура.

Сначала молодой философ обращается к адвокатской деятельности, соединённой с административной. При императоре Калигуле (37 — 41 гг.) Сенека — уже известный писатель и оратор. Успех, который имели его речи, вызвал сильную зависть Калигулы, и Сенека чуть не поплатился жизнью. В дальнейшем Сенека полностью предаётся философии.

Первый из дошедших до нас философских трактатов Сенеки «О гневе» посвящён его брату Новату. Это сочинение, в котором примером гневного человека служит Сенеке император Клавдий, полемизирует с мнением Аристотеля о том, что гнев бывает иногда полезен и даже необходим. Сенека считает, что гнев как особое состояние души вполне может подчиняться разуму.

В 41 г., при императоре Клавдии, Сенека путём доноса был обвинён Мессалиной, женой Клавдия, в прелюбодеянии с опальной сестрой Калигулы Юлией Ливиллой. Сенека, отличавшийся слабым здоровьем, был сослан на пустынную Корсику с её неблагоприятным климатом и подвергался всяческому лишению. Если учесть, что незадолго до ссылки Сенека потерял своего единственного сына, а ещё раньше — жену, то можно составить представление о моральном состоянии философа и отчасти оправдать то письмо, которое он написал вольноотпущеннику императора Клавдия Полибию, — «Утешение к Полибию», с восхвалением императора и выражением покорности, в чём Сенека впоследствии раскаивался. Но постепенно Сенека привык к своему изгнанию и окружающая природа уже не казалась ему такой безотрадней. Сенека отдался научным занятиям (в особенности наблюдению небесных светил), о чём написал матери («Утешение к Гельвии»). В этом послании он, забыв о собственных тяготах, старается утешить свою мать. Здесь

проявляется его представление о мире как едином средоточии человека, который во всех уголках этого мира может одинаково себя утвердить. Сенека изучал природу острова, нравы и язык его населения. По всей видимости, в это время Сенека собрал материал для написанного впоследствии труда «Естественноисторические вопросы». На Корсике был также написан трактат «О краткости жизни», где ставился вопрос о сравнительной ценности жизни государственного деятеля и размышляющего философа. Ответ — не в пользу деятельного политика, так как в этом случае человек лишён возможности обратить взгляд на самого себя и заняться нравственным совершенствованием.

Главная мысль трактата: жизнь не коротка сама по себе, но мы тратим её попусту. Время, отданное пирам, домашним делам, службе, бесплодным дрязгам, можно считать потерянным; напротив, истинный философ-мудрец не только не теряет настоящего, но приобретает прошедшее, прибавляя к своим годам целые столетия.

Ссылка Сенеки продолжалась 8 лет. В 48 г., после убийства Мессалины и женитьбы Клавдия на Агриппине, Сенека был возвращён из ссылки. Главной целью Агриппины было стремление добиться власти для своего сына от первого брака Нерона, которому в ту пору было 11 лет, но при этом Агриппина сама жаждала царствовать. В своей борьбе Агриппина решила заручиться содействием Сенеки, которого она сделала наставником своего сына, но нет свидетельств об участии Сенеки в интригах Агриппины. В 54 г. Клавдий был отравлен, и к власти пришёл шестнадцатилетний Нерон.

После возвращения из ссылки Сенека делает стремительную карьеру, проходя к 56 г. все высшие магистратуры, включая консульство. Помощником и союзником Сенеки как ближайшего советника молодого императора был префект претория Афраний Бурр, порядочный и неподкупный человек. С этого времени жизнь Сенеки как фактического управителя государственными делами расходится с избранной им философской концепцией, и ему не раз приходится вступать на путь порой опасного компромисса.

В своём обучении молодого императора Сенека дал ему сведения об искусствах, математике, греческом языке, географии, истории, риторике и философии. В плане нравственного воспитания Сенека и Бурр не держали Нерона в суровой узде и не требовали от него аскетизма, но допускали лёгкие отвлекающие удовольствия.

В результате совместной деятельности Сенеке и Бурру удалось добиться многого: возросла власть сената; были проведены финансовые мероприятия по отделению государственной казны от личного имущества императора; состоялись судебные процессы по пресечению злоупотреблений наместниками провинций; были проведены другие преобразования. По свидетельству Тацита, государственная политика в 54 — 62 гг. полностью зависела от Сенеки и Бурра (Тас. Ann. XIV, 52).

Деятельность Сенеки как воспитателя и наставника императора вытекала из его представления о справедливом правителе, что соответствовало взглядам стоиков. Отражением этих мыслей является трактат «О милосердии», обращённый к Нерону. Сенека считает, что только в том случае, когда у власти стоит государь-мудрец, умеющий найти разумную меру в своём правлении, золотую середину между мягкостью и строгостью, монархия становится залогом благоденствия народа, а сам правитель заслуживает всеобщую любовь. При этом Сенека приводит пример Августа, который в конце своего правления достиг высшей славы благодаря снисходительности к врагам и приобретению таким образом новых сторонников. Именно благодаря Сенеке были так хороши первые пять лет правления Нерона. Да и сам Сенека обогащается как в результате различных земельных операций, так и благодаря щедрым подаркам Нерона. Дион Кассий обращает внимание на необычайно роскошную домашнюю обстановку Сенеки, отмечая, что он владел пятьюстами совершенно одинаковыми столами из лимонного дерева с ножками из слоновой кости (Dio 61, 10, 3).

После женитьбы Сенеки в 55 — 56 гг. на дочери известного полководца и политического деятеля Помпея Паулина богатство Сенеки ещё более приумножается. Его деньги находятся в обороте в различных провинциях, а поместья Сенеки были знамениты своими виноградниками. Эти огромные богатства, увеличенные бесчисленными подарками Нерона, которые Сенеке приходилось принимать как плату за уступки принцепсу, вызывали зависть и прямые обвинения Сенеки в противоречии между его философией и жизнью. Кроме того, Сенеке пришлось вступить в борьбу с Агриппиной, которая во всех его прогрессивных начинаниях видела умаление своей власти и хотела править сама именем Нерона. В конце концов Агриппина была удалена от двора, а в 59 г. убита по приказанию Нерона. Для оправдания этого злодейства в сенат было послано письмо, написанное Сенекой, в котором Агриппине приписывалось намерение захватить власть и убить Нерона, а когда это не удалось, она сама лишила себя жизни. Таким образом, здесь наиболее резко вступают в столкновение гуманная моральная проповедь Сенеки и жестокая реальность.

Трактат «О счастливой жизни» — это попытка оправдать такое несоответствие. Только мудрец способен достичь стоического идеала, но люди, стремящиеся к нему, скованы путами жизненных обязательств и часто вынуждены приносить им в жертву свои принципы. Лишь следование нравственным нормам, и в первую очередь — совести, понятие о которой было введено в стоицизм Сенекой, позволяет осуществить компромисс между идеалом и действительностью.

Пусть даже мудрец богат, однако есть существенная разница между ним и глупцом, для которого богатство составляет всё. Мудрец, по словам Сенеки, тогда больше всего думает о бедности, когда его окру-

жает богатство, не становясь в то же время его рабом.

Сенека считает счастливой такую жизнь, которая основывается на правильных разумных суждениях. Результатом такого расположения духа бывает постоянное спокойствие.

После убийства Агриппины, потрясшего Сенеку, в его сочинениях всё больше начинают звучать разочарование и пессимизм. Постепенно падает влияние Сенеки на императора, которого философ открыто порицает за выступления на подмостках с пением. При этом он осуждает не только гладиаторские бои, но также трагические и комические представления.

Особенно ухудшилось положение Сенеки после смерти Афрания Бурра в 62 г. Предполагали, что он был отравлен. Сенека просил Нерона принять обратно все полученные от него дары и позволить ему уйти в отставку, но встретил отказ. Тогда Сенека стал избегать показываться при дворе и в Риме, ссылаясь на нездоровье или занятия философией.

В этот период Сенека решил кардинально изменить свою жизнь, перейдя после кипучей государственной деятельности 54 — 62 гг. к «досугу». Вот здесь и появляется на свет чрезвычайно интересный и насыщенный глубокими философскими рассуждениями, несмотря на свою небольшую величину, трактат «О безмятежности духа». Но и в этом произведении Сенека отдаёт должное активной деятельности на благо государства: «Вот что, я полагаю, нужно делать для [достижения] добродетели стремящимся [обрести] её. Если судьба будет превозмогать и ограничивать возможность действий, то пусть безоружный, повернувшись [к ней] спиной, не тотчас спасается бегством, ища укрытия, как будто есть какое-нибудь место, где судьба не могла бы [его] настичь, но пусть он более расчётливо приобщается к обязанностям и пусть с разбором отыскивает что-либо, в чём он был бы полезен государству. Нельзя быть солдатом? — Пусть добивается почётных должностей. Нужно проводить жизнь в уединении? — Пусть будет оратором. Приказано молчать? — Пусть помогает гражданам молчаливым заступничеством. Опасно даже появляться на форуме? — Дома, в зрительном зале, на пиру пусть обратится с речью к честному товарищу, верному другу, сдержанному гостю. Если он лишится гражданской деятельности, — пусть выполняет свой человеческий долг. Поэтому мы — люди с благородной душой — не оградили себя стенами одного только Рима, но завязали связи со всем миром и открыто заявили, что отечество для нас — это весь мир, для того чтобы можно было предоставить добродетели более обширное поприще. Тебе преградили доступ к судебной деятельности, тебя не допустили к ораторской трибуне и в народное собрание, — оглянись вокруг себя и посмотри, сколь обширнейшая сфера открывается [для деятельности], и среди скольких народов. Никогда у тебя не отнимут так много, чтобы не осталось ещё больше» («О безмятежности духа» IV, 1 — 4).

Таким образом, общественная деятельность из узких пределов государства (а в данном случае имеется в виду римское государство, где правит тиран с его рабским окружением) выносятся на просторы мира; эта мысль звучит также в трактате Сенеки «О досуге»: «Два государства обьемлем мы душою: одно — поистине общее, вмещающее богов и людей... и другое, к которому мы приписаны рождением... Этому большому государству мы можем служить и на досуге, — впрочем, не знаю, не лучше ли на досуге» («О досуге» 4, 1 — 2). Это служение и есть философия.

К обобщающим философским трудам Сенеки относится большой трактат «О благодеяниях», в котором многие положения, сейчас представляющиеся совершенно банальными, в то время были новы и необычны. Здесь рассматриваются вопросы об оказании и принятии благодеяний, о выборе подарков в зависимости от состояний людей и отношений между ними, о благодарности и о том, что благодеяния не должны иметь целью обязательную благодарность, но должны оказываться бескорыстно, а также не зависеть от нравственных качеств тех лиц, которым благодеяния предоставляются. Особенно важны мысли Сенеки о благодеяниях, оказываемых рабами: «...те, кто не допускает, чтобы раб мог оказать благодеяние, не признают прав человека. Ибо дело не в том, каково чьё-либо общественное положение, но какова нравственная ценность». «Заблуждается тот, кто думает, что рабство захватывает всего человека: лучшая часть его изъята от рабства. Только тело предано и подчинено господину; душа же свободна... господин может принимать благодеяния от раба, как и всякий человек от человека...». «У всех людей одно происхождение и все одинаково благородны, поскольку одарены справедливостью и склонностью к хорошим поступкам... У всех один отец — мир, хотя одни с самого рождения обречены на славную, другие — на безвестную жизнь».

Эти прогрессивные высказывания Сенеки о рабах перекликаются с тем, что он излагает в «Письмах к Луцилию»: Письмо 47: «(1) Я с радостью узнаю от приезжающих из твоих мест, что ты обходишься со своими рабами как с близкими... Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству, если ты вспомнишь, что и над тобой и над ними одинакова власть фортуны... (5) Часто повторяют бесстыдную поговорку: «Сколько рабов, столько врагов». Они нам не враги — мы сами делаем их врагами. Я не говорю о жестокости и бесчеловечности — но мы и так обращаемся с ними не как с людьми, а как со скотами».

В 64 г. произошёл грандиозный пожар Рима. Для восстановления города Сенека жертвовал громадные средства из своего состояния и протестовал, когда по указанию Нерона не только истощались средства других городов Италии и провинций, но и разграблялись храмы и похищались статуи богов. Сенека просил у Нерона разрешения уехать в отдалённое поместье. Получив отказ, Сенека, сославшись на нездоровье,

не выходил из дому и никого не принимал. Тогда император приказал вольноотпущеннику Клеонику отравить его. Но это ни к чему не привело, так как Сенека, живя в своей загородной вилле, уже давно питался только овощами и пил ключевую воду.

Это время ознаменовано большой и разносторонней литературной деятельностью Сенеки. К этому периоду относятся уже упомянутые трактаты «О досуге», «О благодеяниях»; сочинение по естествознанию «Естественные вопросы», которое представляет собой переработку корсиканских наблюдений Сенеки с введением новых данных и соединение различных фактических сведений с рассуждениями нравственно-философского характера.

Кроме того, появляется на свет сочинение, в котором Сенека не только продолжает развивать свои стоические воззрения, сопровождая их многочисленными примерами из истории и жизни, но и подкрепляет их учением эпикурейцев, с которым Сенека познакомился в это время во всей полноте. Так, послание к Серену «О постоянстве мудреца» даже начинается похвальным словом Эпикуру. Хотя эпикурейская философия в целом противостоит стоической доктрине, однако Сенека, не проявляя нетерпимости к представителям «враждебного лагеря», охотно заимствует те положения эпикурейцев, которые кажутся ему значительными и могут подтвердить его собственные примеры. Особенно это относится к последнему крупному произведению Сенеки «Моральные письма к Луцилию». Это действительная переписка с другом, который был прокуратором Сицилии. Общее количество писем — 124. Переписка началась в 60 г. и длилась до конца жизни Сенеки (в 65 г.).

Первые письма (около 30) соответствуют тому периоду в жизни Сенеки, когда он изучал философию Эпикура, и даже завершаются каким-либо афоризмом, взятым у философов-эпикурейцев, однако не только соответствующим развиваемому стоическому положению, но и достойным иметь общефилософский характер. При этом светлые стороны эпикурейской философии смягчают суровые крайности учения стоиков.

Наставнический тон писем Сенеки соответствовал страстному желанию Луцилия стать философом. Ещё со времён Сократа излюбленной формой поучений стал философский диалог с определённой направленностью вопросов к собеседнику и его ответов. Такая форма беседы называлась диатрибой и могла реализовываться даже при выступлении философа перед аудиторией, когда он свой монолог превращал в диалог, перебивая себя вопросами. Тем более это относится к письмам. Сенека, отец которого был ритором, был знаком с многочисленными средствами риторики, которые позволяли многократно усиливать воздействие письма на адресата, а тем самым — и на читателя. Такой диалог, приобретая форму живой человеческой речи, с доступны-

ми пониманию и легко запоминающимися сентенциями, в то же время благодаря своей строгой настроенности и продуманной направленности становится серьёзным моралистическим трактатом.

Примером такого трактата, насыщенного важными мыслями и в то же время сжатого, и является диалог с Сереном «О безмятежности духа», который включает в себя едва ли не все основные положения, рассматриваемые в переписке с Луцилием, произведении, гораздо большем по объёму, в которое вошли, в свою очередь, практически все те вопросы, которые разбирались Сенекой в его предыдущих произведениях. Как уже сказано, в комментариях к настоящему переводу приводится достаточное количество примеров, иллюстрирующих указанное соответствие.

Центральная мысль трактата «О безмятежности духа»: как достичь того состояния души, которое у греков называется «εὐθυμία», а у Сенеки — «tranquillitas». Ещё в трактате «О счастливой жизни» Сенека говорил: «Я принимаю общее правило всех стоиков: «Живи сообразно с природой вещей!» «...жизнь счастлива, если она согласуется со своей природой. Такая жизнь возможна лишь в том случае, если, во-первых, человек постоянно обладает здоровым умом; затем, если дух его мужествен и энергичен, благороден, вынослив и подготовлен ко всяким обстоятельствам; если он не впадает в тревожную мнительность, заботится об удовлетворении физических потребностей; если он вообще интересуется материальными сторонами жизни, не соблазняясь ни одной из них; наконец, если он умеет пользоваться дарами судьбы, не делаясь их рабом... результатом такого расположения духа бывает постоянное спокойствие и свобода ввиду устранения всяких поводов к раздражению и страху. Вместо удовольствий, вместо ничтожных, мимолётных и не только мерзких, но и вредных наслаждений наступают сильная, неомрачимая и постоянная радость, мир и гармония духа, величие, соединённое с кротостью». Этот мотив постоянно звучит в трактате «О безмятежности духа». И ещё сильнее: нужно себя поставить в независимое от удовольствий и страданий «положение, а его создание — не что иное, как равнодушие к судьбе. Тогда осуществляется вышеуказанное неосценимое благо: спокойствие и возвышенность духа, чувствующего свою безопасность; с исчезновением всяких страхов наступают вытекающая из познания истины великая и безмятежная радость, приветливость и просветление духа» (III, V).

Есть одна важная характерная особенность, которая отличает философскую мысль трактата «О безмятежности духа», так же как и «Писем к Луцилию», от строгих правил классической Стои. Дело касается сопоставления добродетели и разума. Согласно греческой этике со времён Сократа добродетели можно достичь после осмысления сути добра, блага. Сенека же считает, что этого осознания недостаточно, — необходима ещё и активная воля к добру. Выше приводилась обширная цитата,

подтверждающая эту мысль. Но в таком случае побудительным нравственным двигателем этой активности неминуемо должны стать чувства. Такое вторжение чувств, волевой выбор поведения вступает в неодолимо противоречие со стоическим фатализмом, отвергающим влияние «страстей». Но тут у Сенеки появляется своё собственное представление о божественном разуме, воле, мудрости глубокого провидения Бога, который направляет поведение человека. Здесь уже один шаг до христианского учения. Поэтому и назвал Ф. Энгельс Сенеку «дядей христианства» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 310). Этот осознанный благой выбор своего, пусть жестокого и полного страданий, пути объясняет, почему великие люди у Сенеки чуждаются славы, что было естественно для древнего римлянина, а ищут в себе самих награды за добродетель. Они подчиняются божественному руководству и «...радуется невзгодам, как храбрые воины — битве» (о Провидении 4, 4). Таковы герои самнитских войн и войны с латинами отец и сын Деции, пожертвовавшие жизнью ради победы римлян, а также Сократ, Рутилий, Регул и Марк Катон в письме 67 к Луцилию, таковы те же Рутилий, Регул и Катон в трактате «О безмятежности духа».

Хотя трактат «О безмятежности духа» был, если можно так выразиться, горестным отзвуком неудач и потерь, постигших Сенеку в его деятельности на государственном поприще после смерти Афрания Бурра, однако нельзя сказать, что всё это произведение проникнуто настроениями мрачности и безысходности. Вынужденное уединение мудреца, преданного своим занятиям во время желанного досуга у себя дома, Сенека считает необходимым чередовать с широкой общественной деятельностью на форуме, на ораторской трибуне, в зрительном зале, на пиру, в народном собрании, о чём свидетельствует приведённая выше красноречивая цитата из рассматриваемого произведения. Более того, если встречаются препятствия для государственной деятельности в своей стране, можно выйти на мировую арену и быть деятельным среди многих других народов. Этот космополитический идеал «отечество для нас — это весь мир» заставляет звучать трактат Сенеки в светлой и радостной тональности. Однако и в стенах своего дома, и в уединении человек может быть полезен другим: вдохновлять их на благие дела, удерживать и отвращать от пагубных поступков, от бесцельных занятий, учить тому, «что такое справедливость, милосердие, терпеливость, твёрдость, презрение к смерти»..., «пониманию богов [и тому], сколь значительна помощь людям по искреннему сочувствию» («О безмятежности духа» III, 2 — 4). Это есть путь добродетели, которая открыта для всех и всем доступна.

Небольшая, но очень важная V гл. трактата непосредственно относится к перипетиям опасной, приспособляющейся к обстоятельствам и не лишённой мужества общественной и государственной деятельности Сенеки, причём соответствующие наставления и выводы иллюстри-

руются красноречивыми примерами выдающихся исторических деятелей: Сократа, Гармония, Курия Дентата: «Итак, в зависимости от того, как сложится обстановка в государстве и как позволит судьба, мы либо сбросим с себя путы, либо сожмёмся, но при всех обстоятельствах мы будем призывать к борьбе и не останемся в бездействии, скованные страхом. Мало того, тот будет настоящим мужчиной, кто среди угрожающих отовсюду опасностей, среди бряцающего кругом оружия и гремящих оков не утратит отваги и не скроет [её]». «Величайшее из зол — выжить из числа живущих прежде, чем ты уйдёшь из жизни. Но если наступит время, менее благоприятное для государственной деятельности, то посвети себя больше досугу и литературным занятиям. Не устремляйся тотчас же в гавань, иначе как [вынужденный] опасностями плавания...» (V, 4, 5). Когда для Сенеки наступил такой неблагоприятный момент, когда он почувствовал, что Нерон тяготится его наставлениями и становится даже враждебен к нему, когда его богатства и роскошь начинают вызывать зависть, в его философии появляется новый мотив — размышления о тягостных путях, которые представляет собой богатство для обладателя. Сенека уже говорил о значении богатства для мудреца в трактате «О счастливой жизни». Все его доводы, часто спорные, были направлены к оправданию богатства для мудреца: «В богатстве мудрец находит больше средств к духовному развитию, чем в бедности..., богатство открывает обширное поприще для воздержания, щедрости, аккуратности, распорядительности, великолепия». При сопоставлении двух владельцев богатства: мудреца и обыкновенного человека Сенека говорит: «...если у меня пропадёт богатство, моя потеря ограничивается только им; если же ты лишишься его, то ты не сможешь прийти в себя, чувствуя, что в твоём существе образовалась пустота; в моих глазах богатство имеет некоторое значение, в твоих — величественное; я — господин богатства, ты же — его раб» (XXII). «Мудрец не вышвырнет богатства из своего дома. В противном случае ему пришлось бы сказать, что богатство бесполезно, или что он не умеет им пользоваться. Он будет владеть богатством, считая его маловажным и мимолётным достоинством, и не позволит, чтобы оно причинило вред кому-нибудь другому или ему самому» (XXIII). «У мудреца богатство играет служебную роль, а у глупца — господствующую; мудрец несколько не поддаётся влиянию богатства, для вас же богатство составляет всё. Вы привыкаете и привязываетесь к нему, как будто кто-нибудь обещает вам вечное владение им, мудрец же тогда больше всего думает о бедности, когда его окружает богатство. Вы живёте праздно среди своих сокровищ, не думая о тех многочисленных отовсюду угрожающих несчастных случаях, жертвой которых каждую минуту может сделаться эта богатая добыча. Если же отнять богатство у мудреца, то у него останется вся его собственность, так как он живёт, довольствуясь настоящим и не заботясь о будущем» (XXVI).

В трактате же «О безмятежности духа» глава VIII начинается с прямо противоположной предыдущему мрачной ноты: «Перейдём к [вопросу о] состояниях — важнейшей причине человеческих бед. Ведь если ты сравнишь всё прочее, из-за чего мы мучаемся: смерть, болезни, опасности, утраты, перенесение страданий и трудностей, с тем, что причиняют нам вредоносные для нас деньги, то эта сторона будет иметь весьма значительный перевес» (VIII, 1).

Приводя в гл. VIII, IX множество доводов в пользу скромной, небогатой и бережливой жизни в противоположность тяготам, которые приносит владение непомерными богатствами, доказывая на примере Диогена спасительную и целительную силу освобождения от всякого имущества, даже самого необходимого, Сенека в следующей, X гл., рассуждает о внешней якобы одинаковости судеб высокопоставленных и малозаметных людей: «Все мы связаны с судьбой: у одних цепь золотая и слабо натянута, у других — тугая и из грубого металла. Но не всё ли равно? Одна и та же стража окружает всех; связаны также и те, кто заковал [других], если ты случайно не считаешь, что цепи слева менее тягостны: одного сковывают почести, другого — богатства; одних угнетает знатность, других — низкое положение; у одних чужая власть сидит на шее, у других — своя собственная; одних удерживает на одном месте изгнание, других — жреческие должности. Вся жизнь — рабство.

Следовательно, нужно освоиться со своим положением и как можно меньше жаловаться на него: пользоваться всем тем, что оно имеет в себе хорошего. Не существует ничего столь неприятного, в чём невозмутимый дух не обрёл бы утешения» (X, 3, 4).

Конечно, всё, что пишет Сенека о богатых и влиятельных людях, балансирующих в своём высоком положении как бы на краю пропасти, в большой мере относится к нему самому: это — отражение его неустойчивости на государственном поприще в момент написания трактата и неуклонно приближающейся опасности. Вышестоящие, по мнению Сенеки, скованы и «как бы пригвождены [к своему месту]». Итог этого — «давайте усвоим, что всё одинаково ничтожно, всё, различающееся снаружи, равно пусто внутри» (X, 5, 6).

Начиная с XI гл., Сенека рассуждает о случайностях, горестях, опасностях, бедствиях, подстерегающих всех людей, о смерти, которая грозит всем. Переход от благоденствия к лишениям мгновенен, но контраст особенно разителен, когда богатство и влияние под воздействием неожиданных обстоятельств сменяются бедностью и унижением. Приводятся выразительные примеры Птолемея — царя Мавритании, Сеяна, Креза, Югурты, Митридата — армянского царя.

Для того, чтобы не быть застигнутым врасплох болезнями, лишениями и тяготами, нужно быть, во-первых, готовым к их приходу, т. е. обладать даром предвидения. Во-вторых, необходимо выработать в себе стойкость к угрозам жизни и бесстрашие перед лицом самой смерти.

«Возвратиться туда, откуда ты пришёл: что [в этом] тягостного? Плохо проживёт всякий, кто не сумеет достойно умереть... Ведь страх смерти часто служит её причиной... Тот, кто будет бояться смерти, никогда ничего не сделает как смелый человек; а тот, кто усвоит, что это для него установлено как незыблемый договор, будет жить в соответствии с [этим] принципом и в то же время, выказав твёрдость духа, добьётся того, чтобы никакие случайности не оказались для него неожиданными. Ведь предусматривая всё, что может произойти, как будто [оно обязательно] предстоит, он смягчит натиск всех бед, которые не приносят ничего внезапного людям подготовленным и ожидающим их, — тяжёлые несчастья приходят к беспечным и помышляющим лишь о счастливом» (XI, 4 — 6). Тот же смысл — в письме 4 к Луцилию: «(4)...Спокойная жизнь — не для тех, кто слишком много думает о её продлении, кто за великое благо считает пережить множество консульств. (5) Каждый день размышляй об этом, чтобы ты мог равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком — за колючие кусты и острые камни. Большинство так и мечется между страхом смерти и мучениями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют. (6) Сделай же свою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о ней. Никакое благо не принесёт радости обладателю, если он в душе не готов его утратить, и всего безболезненней утратить то, о чём невозможно жалеть, утратив. Поэтому укрепляй мужеством и закаляй свой дух против того, что может произойти даже с самыми могущественными... (7)...Никто не был так высоко вознесён фортуной, чтобы угрозы её были меньше её попустительства. Не верь затишью: в один миг море взволнуется и поглотит только что резвившиеся корабли». «Дело в том, — говорит Сенека в трактате, — что большинство людей не помышляет о бурях предстоящего плавания» (XI, 7).

Но все эти предостережения касаются обычных людей, несовершенство которых мешает им предвидеть опасности, быть готовыми к неожиданностям и устроить свою жизнь в соответствии с законами природы, добродетели и разума. Истинным спокойствием, уверенностью и отсутствием колебаний обладает лишь мудрец. «... у мудреца ничего не происходит вопреки ожиданию. Мы [считаем, что] он ограждён не от людских несчастий, а от заблуждений: у него всё случается в соответствии не с его желаниями, а предположениями. В особенности же он предвидит, что что-то может противодействовать его замыслам. («О безмятежности духа», XIII, 3). Всё своё достояние и самые большие богатства он рассматривает как временный дар судьбы, а потому никакие её удары не могут устрашить его и нарушить его безмятежное спокойствие и ровное состояние духа.

Каким же путём надо идти, чтобы достигнуть этого состояния? В трактате «О счастливой жизни» Сенека говорит, подчёркивая, что это — общее правило всех стойков: «Живи сообразно с природой вещей». Не

уклоняться от неё, руководствоваться её законом, брать с неё пример — в этом и заключается мудрость. Следовательно, жизнь счастлива, если она согласуется со своей природой» (III). В этом случае мудрец находится в положении, не зависимом от удовольствия и страдания, этих деспотических сил; познав истину, он, как уже говорилось выше, достиг великих благ: спокойствия, возвышенности и просветления духа и безмятежной радости. «Всё это будет для него усладой не потому, что это — блага, а потому, что это плоды находящегося в нём самом добра». «Итак, счастлив тот, кто способен правильно рассуждать; счастлив тот, кто доволен настоящим, каково бы оно ни было, и не ропщет на свою участь; счастлив тот, кого разум учит мириться со всяким положением, какое только может выпасть на его долю» (V). «Нужно сообразоваться с указаниями природы: разумный человек наблюдает её и спрашивает у неё совета. Жить счастливо и жить согласно с природой — одно и то же...». «Внешние преимущества не должны развращать и подчинять себе человека: последний должен преклоняться лишь перед своим духовным достоинством. Пусть он окажется искусным строителем собственной жизни, полагаясь на себя и будучи готов одинаково встретиться как улыбке судьбы, так и её удар. Пусть его уверенность опирается на знания, а знания пусть отличаются постоянством: однажды принятое им решение должно оставаться в силе, не допуская никаких поправок... такой человек будет спокоен и уравновешен, и во всём его поведении будет сказываться ласковость и благородство. Его чувствам будет присущ истинный разум, который от них и будет получать свои элементы, т. к. у него нет другого исходного пункта, другой точки опоры для полёта к истине и для последующего самоуглубления» (VIII).

В результате можно сказать, что «высшее благо заключается в духовной уравновешенности. Добродетели непременно будут сосредоточены там, где будут царить согласие и единство: разлад вносит пороки» (VIII).

Все рассуждения Сенеки о хладнокровии при встрече с превратностями жизни и преимуществах добродетельной жизни мудреца завершаются призывом к совершенствованию души, которая в самой себе должна искать силы для спокойствия и безмятежности: «При всех обстоятельствах душа должна от всего внешнего обратиться к самой себе: пусть надеется на себя, радуется себе, созерцает своё, пусть уклоняется, насколько возможно, от чуждого и приближается к самой себе, пусть не ощущает потерь и даже неблагоприятное принимает снисходительно» («О безмятежности духа», XIV, 2). Для подтверждения этого следуют примеры философов Зенона, Феодора, Кана.

Но в строгие философские выводы Сенеки вдруг вторгается живая струя возмущения, гнева и отчаяния, вызванных суровой реальностью его жизни: «Но несколько не приносит пользы устранение поводов для личной скорби. Ведь иногда овладевает ненависть к роду человеческому, и предстаёт такое множество удачливых негодяев, всякий раз когда

подумаешь, сколь редка честность, сколь неведомо [нам] бескорыстие и едва ли когда-нибудь, кроме тех случаев, когда [это] выгодно, [знакома нам] верность. Вызывают также отвращение как выгоды, так и потери из-за необузданных желаний, и честолюбие, не сдерживающее себя уже до такой степени, что «блистает» в [своём] безобразии. [Тогда] душа погружается во мрак, и как после ниспровержения добродетели, на которую невозможно надеяться и к которой бесполезно обращаться, [нас] объемлет тьма» (XV, 1). Поэтому надо осмеивать пороки, а не огорчаться и проливать слёзы. Однако новая мысль изменяет это высказывание и вновь приводит к основному тезису философии Сенеки: «Но лучше спокойно воспринимать общественные нравы и человеческие пороки и не впадать ни в смех, ни в слёзы» (XV, 5). Кроме того: «Время от времени нужно уходить в себя: ведь постоянное пребывание среди людей, не похожих [на нас], нарушает наше внутреннее спокойствие, разжигает страсти и берedit всё то, что есть в душе уязвимо и неисцелённого. Однако обязательно нужно сочетать и чередовать уединение и общение: первое вызовет у нас потребность в людях, второе — в нас [самих], и одно будет лекарством от другого. Ненависть к толпе будет исцеляться одиночеством, отвращение к одиночеству — толпой» (XVII, 3).

Таким образом, для выработки всех тех высоких качеств, которые формируют душу мудреца, необходимо, чтобы её окружала «ревностная и неусыпная забота» (XVII, 12).

Завершая свой трактат, Сенека говорит о выдающихся деятелях греческой и римской истории, своими примерами подтверждающих моральные основы учения Сенеки: Сократе, Помпее, Цицероне, Рутилии, Регуле, Марке Катоне, хотя, по словам Сенеки, «исход [жизни] благородных людей печален» (XVI, 1). Но все они в неблагоприятных и даже трагических обстоятельствах своей жизни проявили стойкость и мужество. «Давайте навсегда прославим достойного похвал и скажем: тем мужественнее, тем счастливее ты, [кто] избежал негодяев, несчастий, зависти, болезни, ускользнул от тюрьмы. Кажется, что пред богами ты не [только] не достоин плачевной участи, но [даже] не заслуживаешь [того], чтобы отныне судьба могла тебе что-либо [причинить]» (XVI, 3).

К сожалению, судьба самого Сенеки не явилась исключением из этого правила.

Окончательным поводом для физического устранения Сенеки Нероном послужило раскрытие заговора Пизона с целью убийства императора, о чём пишет Тацит в «Анналах». Сенека, имя которого было названо при допросе одного из участников заговора Антония Натала, подозревается в злоумышлении против принцепса, несмотря на отсутствие достаточных улик, и получает приказание Нерона расстаться с жизнью. (Тац. Анн. XV, 60, 61). Правда, в гл. 65 кн. XV этого произведения Тацит говорит о ходившем слухе, что на тайном совещании преторианских центурионов «было решено, и не без ведома Сенеки,

сразу же после убийства Нерона, которое должен был подстроить Пизон, умертвить и его, а верховную власть вручить Сенеке, как избранному главой государства ввиду его прославленных добродетелей людьми безупречного образа жизни» (Пер. А.С. Бобовича). О том же имеется свидетельство у Диона Кассия, который называет руководителями заговорщиков Сенеку и префекта преторианцев Фения Руфа. Открыто выступили также трибун преторианской когорты Субрий Флав и центурион Сульпиций Аспер, наиболее ревностные и мужественные участники заговора (Дион Кассий LXII, 24; Тац. Анн. XV, 49).

Так или иначе, но Сенека встретил мрачное известие в полном спокойствии духа. Обращаясь к друзьям, он «завещает им то, что остаётся единственным, но зато самым драгоценным из его достояния, а именно образ жизни, которого он держался...» (Тац. Анн. XV, 62). Казалось, он говорит то, что когда-то сам написал: «А когда природа потребует, чтобы я возвратил ей свою жизнь, или я сделаю это по требованию своего разума, я уйду, засвидетельствовав, что я дорожил чистой совестью и стремился к добру, что ничья свобода, и прежде всего моя собственная, по моей вине не была ограничена» («О счастливой жизни, XX»). «И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано...» (Тац. Анн. XV, 63).

Так же, как о тех прославившихся борцах с судьбой, о которых говорил Сенека в трактате, можно сказать и о нём самом: «Все они за ничтожный отрезок времени обрели путь в вечность и, умирая, пришли к бессмертию» («О безмятежности духа» XVI, 4).

О БЕЗМЯТЕЖНОСТИ ДУХА

I. (1) (Серен) Для меня во время моих поисков с очевидностью стали обнаруживаться некоторые мои пороки, которые, будто находящиеся на ладони, я мог бы осязать: одни — более скрытые и [таящиеся] в тёмных углах, другие — не неотступные, но вскоре возвращающиеся (и их я назвал бы даже наиболее докучливыми, как изменчивых врагов, нападающих внезапно, из-за которых невозможно ни, как во время войны, находиться в состоянии готовности, ни, как в мирное время, чувствовать себя в безопасности). (2) Однако я очень хорошо осознаю (ибо почему бы я не мог признаться тебе в истине, как врачу?), что это моё состояние ни вполне свободно от того, чего я боялся и что ненавидел, ни подвержено этому вновь. В этом состоянии, хотя и не в самом худшем, но в весьма жалком и неприятном, я и нахожусь: ни болен, ни здоров. (3) Это не есть то, о чём ты, пожалуй, скажешь, что начбла всех добродетелей зыбки и лишь со временем приобретают прочность и крепость. Я также очень хорошо знаю, что то, чего домогаются для [внешнего] блеска (я имею в виду влияние, славу, [приносимую] красноречием, и всё то, что зависит от чужого одобрения), постепенно упрочивается. А то, бла-

годаря чему приобретается подлинное могущество, и то, что для достижения успеха вооружается некоторым притворством, — это требует годы, до тех пор, пока долговременность не придаст [ему] понемногу [истинную] красоту. Но я опасуюсь, как бы привычка, которая сообщает вещам устойчивость, не закрепила бы во мне этот порок более основательно. Ведь длительное и частое употребление как плохого, так и хорошего внушает любовь [к нему]. (4) Какова эта шаткость души, колеблющейся между тем и другим и не склоняющейся решительно ни к хорошему, ни к дурному, я не могу показать тебе ни сразу, ни по частям. Я [лишь] расскажу о том, что случилось со мной, — ты [же] найдёшь название болезни.

(5) Мною, признаюсь, владеет величайшая любовь к бережливости. Мне нравится не с пышностью убранные ложе, не вынутая из сундука одежда, разглаженная тяжёлыми предметами и множеством придающих блеск катков для белья, но простая и дешёвая, и не такая, которую нужно сохранять и надевать с осторожностью. (6) Мне нравится [такая] пища, которую бы не готовили и за которой бы не наблюдали рабы, не заказанная за много дней вперёд и не поданная руками многих, но легко приобретаемая и доступная, без всякой изысканности, недорогая, [такая], которую везде можно достать, не обременительная ни для состояния, ни для желудка и не вызывающая пресыщения. (7) Мне нравится неотёсанный слуга и неучёная рабыня; тяжеловесное серебро сельского хозяина без всякого имени мастера; стол, не обращающий на себя внимания многообразием пятен и не известный народу из-за того, что без конца передавался по наследству утончённым хозяевам, но используемый по необходимости, [такой], который не приковывал бы и не тешил взоров никакого сотрапезника и не зажигал бы их завистью.

(8) В то время как [с одной стороны] это меня очень привлекает, [с другой стороны мою] душу ослепляет великолепие воспитанников какого-нибудь училища; рабы, разодетые тщательнее, чем на торжественной процессии, и разубранные золотом, и вереница блестящих слуг. Кроме того, [меня радует] также дом, который часто посещают, избилующий драгоценными вещами, рассыпанными по всем углам, сама сверкающая кровля и чернь — спутник и соучастник расточающихся состояний. Что, наконец, сказать о прозрачных водах, обтекающих само [место] пиршества? О яствах, достойных своего блестящего оформления? (9) Меня, выходящего из продолжительного состояния благоразумия, обступает роскошь ярким величием и звучит отовсюду. Понемногу колеблется [мой] боевой строй. Я охотнее устремляю к роскоши [свою] душу, нежели взгляд. Итак, я отступаю: не худший, но более печальный, и среди этих своих мелочей я [уже] не шествую столь величественно; [ко мне] подкрадываются молчаливая скорбь и недоумение: неужели же это так уж хорошо: ничто меня из упомянутого не меняет, и однако же всё тревожит?

(10) Далее, мне нравится следовать путём наставлений и находиться в гуще общественных дел. Мне нравится домогаться высших почётных должностей, разумеется, не из стремления к пурпурной кайме, но для того, чтобы быть более опытным и полезным для друзей и близких, для всех граждан и, наконец, для всех людей. Я весьма склонен следовать Зенону, Клеанфу и Хрисиппу, из которых, однако, никто не посвятил себя государственной деятельности, но каждый наставлял.

(11) Как только что-нибудь уязвит душу, не привыкшую к потрясениям, как только встретится что-нибудь либо недостойное (а это часто бывает во всякой человеческой жизни), либо недостаточно легко проходящее, либо же много времени потребуют дела, которыми не стоит сильно дорожить, я обращаюсь к досугу, и, как у скота, даже и уставшего, так и [мой] шаг по направлению к дому становится более быстрым: приятно уединяться у себя дома. *«Никто не сможет отнять [у меня] ни одного дня, не будучи в состоянии воздать ничем достойным за такую потерю. Душа сможет всё время пребывать сама с собой, совершенствовать себя, не заниматься ничем чуждым, ничем, что зависит от постороннего суждения. Она сможет наслаждаться безмятежностью, непричастная ни к общественным, ни к личным заботам».*

(12) Но как только под влиянием чтения сильнее воспрянешь духом и прославленные примеры внушат стимул [к действию], мне не терпится поспешить на форум: одного поддержать словом, другого — делом (пусть даже оно ничуть не поможет, но всё же будет попытка принести пользу); обуздать высокомерие кого-либо, чрезмерно вознёсшегося благодаря успеху.

(13) Я полагаю, клянусь Геркулесом, что во время занятий лучше рассматривать непосредственно факты и говорить по поводу их, а впрочем, отказаться от слов ради дел, чтобы речь без труда следовала тем путём, куда они поведут.

«Зачем сочинять то, что останется в веках? Не хочешь ли ты заниматься этим для того, чтобы о тебе не забыли потомки? Ты рождён для того, чтобы умереть. Менее тягостны бесшумные похороны. Итак, для того, чтобы занять время, для своей потребности, а не для обнаружения пиши что-нибудь простым слогом. Меньше усилий нужно тем, кто предаётся занятиям на один день».

(14) И вновь, как только душа вдохновится величием размышлений, она устремляется к словам и страстно желает как более возвышенно мыслить, так и высказывать это, а речь обращается к выдающимся явлениям. Тогда, забыв о принципах достаточно сжатых суждений, я устремляюсь к более возвышенному, и это уже не [я говорю] своими устами. (15) Чтобы не излагать [это] слишком долго по отдельности, [я скажу лишь о том], что во всём меня преследует неустойчивость здравого смысла. Я боюсь, как бы понемногу не отступить от него, либо, что ещё более тревожно, не висеть постоянно [словно над пропастью], уподоб-

ляясь тому, кто близок к падению, и как бы [эта опасность] не была, возможно, больше того, что я сам различаю. Ведь мы благосклоннозираем на то, что находится у нас в душе, и пристрастие всегда мешает [нашему] суждению. (16) *Я полагаю, что многие могли бы достичь мудрости, если бы не считали, что уже достигли её, если бы не скрывали в себе одно и не пробежали бы с закрытыми глазами мимо другого.* Ведь дело состоит не в том, что, как ты, возможно, считаешь, мы гибнем скорее из-за чужой лести, нежели из-за своей. Кто осмелился сказать правду [самому] себе? Кто, находясь среди толпы хвалителей и льстецов, не поддакнул, однако, с величайшим усердием сам себе?

(17) Итак, я обращаюсь к тебе с просьбой: если у тебя есть какое-нибудь лекарство, с помощью которого ты прекратил бы эти мои колебания, считай меня достойным того, чтобы быть обязанным тебе безмятежностью. Я знаю, что не опасны волнения души и не приносят никакого смятения. Чтобы обрисовать тебе с истинным подобием то, на что я жалуясь, [скажу]: меня мучит не несчастье, но отвращение, а потому избавь меня от всего, что [связано] с этим злом, и приди на помощь терпящему бедствие в виду земли.

II. (1) (Сенека) Я уже давно, Серен, клянусь Геркулесом, и сам наедине с собой ищу, с кем бы мне поразмыслить о точно таком же душевном состоянии, и я не мог бы привести более близкого примера, чем касающегося тех людей, которых, избавленных от продолжительной и тягостной болезни, беспокоят лёгкие и всё же неприятные приступы лихорадки, и хотя они избежали последствий, однако тревожатся из-за подозрений, уже здоровые, простирают руки к врачам и превратно толкуют всякое повышение температуры своего тела. Их тело, Серен, совершенно здорово, но не совсем привыкло к здоровью, подобно тому как остаётся некая дрожь даже у спокойного моря или озера, когда оно утихло после бури. (2) Следовательно, [тебе] не нужны те слишком сильные средства, о которых мы даже не упоминаем, для того чтобы ты противостоять себе, то гневаться [на самого себя], то энергично ободрять [себя]; но совершенство состоит в том, чтобы сохранять уверенность в себе и быть убеждённым, что идёшь по правильному пути, насколько не отвлекаясь следами людей, многие из которых, бегающие там и сям в разные стороны, пересекают дорогу, иные же блуждают вблизи [этого] самого пути.

(3) То же, чего ты желаешь: не испытывать колебаний — велико, совершенно и сродни богам. Это устойчивое состояние души греки называют εὐθυρίαν, о чём существует замечательное сочинение Демокрита. Я называю [его] tranquillitatem. Ведь нет необходимости копировать и переводить слова на другой язык по их форме: само явление, о котором идёт речь, нужно обозначать каким-либо названием, которое должно соответствовать смыслу греческого понятия, а не его внешним признакам.

(4) Итак, мы хотим знать, каким образом душа, всегда уравновешенная, следует прямым путём, довольствуется сама собой, радуясь, взирает на то, что ей присуще, не прерывает этой радости, но пребывает в умиротворённом состоянии, никогда не возносясь и не опускаясь: это и будет *безмятежностью*.

Давай рассмотрим в общих чертах, каким образом можно её достичь: из доступных средств ты выберешь [такое], какое захочешь.

(5) Между прочим, надо извлекать для всеобщего обозрения все пороки, среди которых каждый узнаёт тот, который принадлежит именно ему. Вместе с тем ты поймёшь, насколько меньше забот с этим отвращением к самому себе будешь испытывать ты, нежели те, которых, отверженных важному занятию и страдающих под гнётом огромной славы, удерживает скорее ложный стыд, чем истинная склонность. (6) Все они находятся в одном и том же болезненном состоянии: как те, которые мучаются из-за непостоянства и отвращения, подверженные постоянным колебаниям, и которым всегда больше нравится то, чем они пренебрегли, так и те, которые испытывают вялость и равнодушие. Прибавь тех, которые мечутся и ворочаются с боку на бок подобно иным людям, у которых тяжёлый сон, пока не обретут покоя из-за усталости: то и дело перестраивая свою жизнь, они остаются, наконец, в том состоянии, в котором их застигла не неприязнь к переменам, но ленивая к переделкам старость. Прибавь и тех, которые мало переменчивы не из-за твёрдости, а из-за лени, и живут не так, как хотят, а как начали.

(7) Далее: проявления этого недуга бесчисленны, но результат один: недовольство самим собой. Это проистекает из-за душевной неумеренности, из-за робких или не всегда ведущих к успеху желаний, когда [люди] либо не отваживаются на то, чего жаждут, либо не достигают [этого] и надеются обрести всё; они всегда неустойчивы и переменчивы, что неизбежно случается с теми, кто нерешителен в своих желаниях. Они идут вперёд любым способом, причаются и вынуждаются к бесчестному и тягостному, и когда усилия остаются без награды, их угнетает тщетность [совершенных] проступков, и они огорчаются не потому, что хотели дурного, а оттого, что желали напрасно. (8) Тогда их охватывает раскаяние в предпринятом и боязнь начинаний, и подкрадывается это смятение духа, не находящего выхода, так как они не могут ни повелевать своим страстями, ни подчиняться им; к тому же ещё и медлительность жизни, завершающейся бесцельно, и состояние души, цепенеющей среди обманутых желаний. (9) Всё это тяжелее в том случае, когда из ненависти к тягостному несчастью они ищут убежища в досуге и уединённых занятиях, которыми не может быть довольна душа, устремлённая к общественным [делам], жаждущая действия, беспокойная по природе и, разумеется, находящая мало утешения в самой себе: поэтому, так как у неё отняты те радости, которые сами занятия дают людям деятельным, она не переносит уединения в стенах дома и против воли

взирает на себя, предоставленную [самой] себе. (10) Отсюда это отвращение, недовольство собой, тревога нигде не успокаивающейся души, угрюмая и мучительная покорность своему досугу, когда особенно стыдно признать [свою] болезнь и когда робость загнала мучения внутрь; страсти, запертые, как в теснине, не находя выхода, душат сами себя; поэтому — скорбь и вялость и множество волнений переменчивого духа, который несбывшиеся надежды делают неуверенным, отчаявшимся и подавленным. Отсюда это состояние людей, проклинающих свой досуг и жалующихся, что у них нет ничего, чем можно было бы заняться, и враждебнейшая зависть к чужим успехам. Ибо зависть вскармливается бесплодным бездействием, и [эти люди] жаждут всеобщего уничтожения, так как [ничем] не смогли увлечься.

(11) Наконец, из-за этой неприязни к чужим успехам и из-за отчаяния в своих душа гневается на судьбу, сетует на мирскую суету, таится по закоулкам и предаётся своим мучениям, между тем как ей противно и стыдно [находиться наедине] с собой. Ведь по природе человеческая душа деятельна и склонна к волнениям. Ей приятен всякий повод для тревог и увлечений, но еще приятнее он всем злосчастнейшим натурам, которые охотно [как бы] шлифуются занятиями, как неким язвам прикосновение хотя и вредит, но доставляет удовольствие, и всё, что раздражает, [в то же время] услаждает отвратительную чесотку тела: (12) я бы сказал, что так же и для тех душ, на которые страсти набросились подобно безобразным язвам, тяготы и волнения являются удовольствием. Ведь существует нечто, что также услаждает наше тело с некоей [как бы] болью: например, переворачиваться в постели на другой, ещё не уставший, бок, принимая то одно, то другое положение.

Таков знаменитый гомеровский Ахилл, то благосклонный, то высокомерный, подверженный переменчивым настроениям, что свойственно больному: ничем долго не быть довольным и нуждаться в переменах, как в лекарствах. (13) Поэтому предпринимаются беспорядочные путешествия, объезжаются приморские страны, и то на море, то на земле подвергает себя испытаниям переменчивость, всегда враждебная настоящему. Сейчас давай отправимся в Кампанию. Но эта прелестная область уже вызывает отвращение. Нужно посетить дикие места. Устремимся к Бруттию и лесистым горам Лукании. Однако среди безлюдья своенравному взору может потребоваться что-нибудь приятное, на чём он отдохнул бы после длительного созерцания неприветливых и устрашающих мест. Надо отправиться в Тарент, прославленную гавань, зимний приют с более мягким климатом, область, в древности необычайно изобилующую толпами народа. А теперь повернём к Риму. Слишком долго [наш] слух был лишён шума и грохота. Теперь приятно насладиться и человеческим обществом.

(14) Одно путешествие предпринимается за другим, виды сменяются видами. Как говорит Лукреций:

Так каждый всегда бежит сам от себя.

Но что пользы, если не убегает? Он преследует сам себя и досажает [себе как] докучливейший попутчик.

(15) Итак, мы должны знать, что это недостаток не [тех] мест, куда мы стремимся, но наш [собственный]: мы слабы для всякого испытания и не переносим слишком долго ни трудностей, ни удовольствий ни своих, ни каких-либо других. Это некоторых привело к смерти, так как, часто меня задуманное, они возвращались к тому же самому и не оставили места для обновления. Жизнь, да и сам мир, начали вызывать у них отвращение, и среди неистового веселья подкрался вопрос: *до каких же пор одно и то же?*

III. (1) Ты спрашиваешь, какое средство, по моему мнению, нужно употребить против этого отвращения. «Лучше всего, — как говорит Афинодор, — заниматься делами, участвовать в управлении государством и выполнять общественные обязанности. Ведь подобно тому как некоторые проводят время в упражнениях на солнце и в тренировках тела, а для атлетов наиболее полезно большую часть времени отдавать поддержанию крепости своих мышц, чему единственно они себя и посвятили, так и для вас, готовящих себя к борьбе за общественные интересы, не прекраснее ли всего находиться в гуще дел? Ведь тот, кто поставил себе целью сделаться полезным гражданам и [всем] людям и посвятил себя общественным обязанностям, выполняя в соответствии со способностями общественное и личное, постоянно и занимается [чем-нибудь], и вместе с тем приносит пользу [другим].

(2) Но так как, говорит [Афинодор], при таком неистовом честолюбии людей из-за стольких клеветников, извращающих разумное [и обрашающих] его к худшему, прямодушие не совсем безопасно и всегда чаще будет иметь место противодействие, нежели удача, в этом случае нужно уклоняться от форума и общественных дел. Но бывает, когда даже и в стенах дома может широко раскрыться великая душа. И как ярость львов и других зверей не укрощается [прутьями] клетки, таков и [порыв] людей, деятельность которых [развёртывается] преимущественно в уединении. (3) Однако, где бы они ни уединились в своём тайном досуге, они наверняка захотят быть полезными всем и каждому и талантом, и речью, и советом. Ибо не только тот приносит пользу государству, кто проводит кандидатов на почётные должности, защищает обвиняемых и высказывает мнения о войне и мире, но и тот, кто вдохновляет молодёжь, кто, при столь большой нехватке честных наставников, внушает мужество душам, кто хватает и удерживает устремляющихся на [своём] жизненном пути к деньгам и роскоши и, если не делает ничего другого, то, по крайней мере, замедляет [их стремление], творя у себя дома общественное дело.

(4) Неужели тот имеет больше преимущества, кто [вершит суд] среди иностранцев и сограждан либо [как] претор по делам римских гражд-

дан оглашает приходящим решения помощника судьи, чем тот, кто [учит], что такое справедливость, милосердие, терпеливость, твёрдость, презрение к смерти, учит пониманию богов [и тому], сколь значительна помощь людям по искренности сочувствию?

(5) Следовательно, если бы ты употребил для занятий то время, которое отнял у обязанностей, то ты не оставил бы [своего] поста и не уклонился бы от [своего] долга. Ведь не только тот солдат, кто находится в строю и защищает правый и левый фланги, но и тот, кто сторожит ворота и выполняет свои функции [пусть] в менее опасном месте, но и не лишённом [опасностей], кто несёт караульную службу и охраняет склад оружия; эти должности хотя и бескровны, но входят в число военных обязанностей.

(6) Если бы ты снова обратился к занятиям, ты избежал бы всякого отвращения к жизни; ты не будешь желать, из-за ненависти к свету, чтобы наступила ночь; ты не будешь ни в тягость самому себе, ни бесполезным для других. Ты приобретёшь многих друзей, к тебе будут стекаться все благороднейшие люди. Ведь добродетель, хотя и незаметна, никогда не скрывается, но обнаруживает свои признаки: всякий, кто будет достоин, отыщет её по следам.

(7) Ведь если мы отвергаем всякое общение, отказываемся от людей и живём погружёнными лишь в самих себя, то вслед за этим одиночеством, лишённым всяких занятий, наступит отсутствие полезной деятельности: мы начнём одни здания воздвигать, другие — разрушать, заставляя отступать море и вопреки трудностям местности отводить воды — [словом], плохо распределять время, которое природа дала нам для расходования. (8) Одни пользуются им бережливо, другие — расточительно. Одни проводят его так, что могут дать [себе в этом] отчёт, у других же его не остаётся вообще, и нет ничего постыднее этого. Часто человек преклонных лет не имеет никакого другого доказательства, каким бы он мог оправдать свою долгую жизнь, кроме возраста».

IV. (1) Мне кажется, дражайший Серен, что Афинодор слишком подчинился обстоятельствам, слишком быстро отступил. Я бы иногда не отказался от отступления, но сдавая позиции постепенно и сохранив знамёна, без ущерба для воинского достоинства: более неприкосновенны и защищены от своих врагов те, кто достигает доверия с оружием [в руках]. Вот что, я полагаю, нужно делать для [достижения] добродетели стремящимся [обрести] её.

(2) Если судьба будет превозмогать и ограничивать возможность действий, то пусть безоружный, повернувшись [к ней] спиной, не тотчас спасается бегством, ища укрытия, как будто есть какое-нибудь место, где судьба не могла бы [его] настичь, но пусть он более расчётливо приобщается к обязанностям и пусть с разбором отыскивает что-либо, в чём он был бы полезен государству. (3) Нельзя быть солдатом? — Пусть добивается почётных должностей. Нужно проводить жизнь в уедине-

нии? — Пусть будет оратором. Приказано молчать? — Пусть помогает гражданам молчаливым заступничеством. Опасно даже появляться на форуме? — Дома, в зрительном зале, на пиру пусть обратится с речью к честному товарищу, верному другу, сдержанному гостю. Если он лишится гражданской деятельности, — пусть выполняет свой человеческий долг. (4) Поэтому мы — люди с благородной душой — не оградили себя стенами одного только Рима, но завязали связи со всем миром и открыто заявили, что отечество для нас — это весь мир, для того чтобы можно было предоставить добродетели более обширное поприще. Тебе преградили доступ к судебной деятельности, тебя не допустили к ораторской трибуне и в народное собрание, — оглянись вокруг себя и посмотри, сколь обширнейшая сфера открывается [для деятельности], и среди скольких народов. Никогда у тебя не отнимут так много, чтобы не осталось ещё больше.

(5) Но остерегайся впасть в другую, столь же крупную, ошибку: ты хочешь управлять государством только в качестве консула, притана, суфета или быть глашатаем. Или ты не хотел бы воевать иначе как в должности главнокомандующего или начальника легиона. Даже если другие будут удерживать переднюю линию, а тебя жребий поместит среди триариев, то и тогда сражайся речью, ободрением, примером, храбростью: даже когда отрублены руки, тот в битве находит возможность содействовать своим, кто всё же стоит и поддерживает [их] криком. (6) И ты сделай нечто подобное: если судьба отстранит тебя от первых ролей в государстве, всё же стой и помогай криком; если же кто-нибудь наступит тебе на горло, опять-таки стой и помогай молчанием. Никогда не бесполезна деятельность честного гражданина. Он говорит; он находится на виду; он приносит пользу внешним обликом, волей, молчаливым упорством и самой походкой.

(7) Как целительные средства, которые, помимо вкуса и осязания, приносят пользу и запахом, так и добродетель изливает благо даже издали и скрытно и либо распространяется и с полным правом обнаруживается, либо временно отступает и вынуждается убирать паруса; либо бездеятельна, безгласна и заперта теснинами, либо [для всех] открыта: в каком бы обличье она ни была, пусть приносит пользу. Что же? Ты считаешь недостаточно подходящим пример человека, благотворно бездействующего?

(8) Итак, всякий раз, как будут препятствовать деятельной жизни случайные помехи либо общественные условия, весьма хорошо сочетать досуг с делами. Ведь никогда не преграждён доступ ко всему до такой степени, чтобы не оставалось места для какой-либо почётной деятельности.

V. (1) Неужели же ты можешь найти более несчастный город, чем Афины, когда его терзали тридцать тиранов? Тысячу триста граждан, каждого лучшего, они погубили, и свирепость их не знала предела, но сама себя разжигала.

В этом государстве был ареопаг, священнейшее судилище, были в нём государственный совет и наряду с ним народное собрание; [и в то же время] ежедневно собирались зловещая коллегия палачей и несчастный совет, задавленный тиранами. Могло ли благоденствовать это государство, в котором было столько тиранов, сколько могло бы быть защитников? В душах [людей] не могло появиться даже никакой надежды на восстановление свободы, и не представлялось случая [найти] какое-либо средство против столь многих бедствий: ибо откуда было несчастному государству [взять] столько Гармодиев?

(2) Однако среди людей был Сократ: утешал скорбящих отцов; ободрял отчаивающихся в государстве; богатых, страшась за свои состояния, порицал за запоздалое раскаяние в губительной алчности и, подавая благородный пример желающим подражать, свободно расхаживал среди тридцати властителей.

(3) Но сами афиняне казнили его в тюрьме, и тому гражданину, который безнаказанно насмехался над толпой тиранов, свобода [государства] не принесла свободы: так что знай, что и в поверженном государстве у мудреца существует возможность выдвинуться, а в процветающем и счастливым царят деньги, зависть и тысячи других пороков, [хотя и] не имеющих оружия.

(4) Итак, в зависимости от того, как сложится обстановка в государстве и как позволит судьба, мы либо сбросим с себя путы, либо сожмёмся, но при всех обстоятельствах мы будем призывать к борьбе и не останемся в бездействии, скованные страхом. Мало того, тот будет настоящим мужчиной, кто среди угрожающих отовсюду опасностей, среди бряцающего кругом оружия и гремящих оков не утратит отваги и не скроет [её]. Ведь, как я думаю, сохранить себя — не значит предать себя забвению.

(5) Курий Дентат говорил, что *он предпочитает умереть, чем [быть мёртвым] при жизни*. Величайшее из зол — выбыть из числа живущих прежде, чем ты уйдёшь из жизни.

Но если наступит время, менее благоприятное для государственной деятельности, то посвяти себя больше досугу и литературным занятиям. Не устремляйся тотчас же в гавань иначе как [вынужденный] опасностями плавания и не ожидай, пока дела отпустят тебя, но сам удаляйся от них.

VI. (1) *Мы должны прежде всего изучить самих себя, затем — те дела, которые предпримем, и, наконец, — тех, ради кого и с кем [нам предстоит их выполнить]:*

(2) Прежде всего следует выяснить, более ли ты способен по натуре к действию или к спокойным занятиям и созерцанию, и [тогда] необходимо обратиться к тому, куда увлечёт тебя природа [твоего] дарования.

Исократ, применив власть, отстранил Эфора от общественной деятельности, полагая, что он более полезен для сочинения исторических

произведений. Ибо плохо вознаграждают [усилия] принуждённые способности: при противодействии природы труд остаётся бесплодным.

(3) *Необходимо оценить самого себя, так как обыкновенно нам кажется, что мы можем больше, чем можем [на самом деле]*: один ошибается, уверовав в своё красноречие; другой требует от своего наследственного имения больше, чем оно могло бы дать; третий изнуряет [своё] слабое тело непосильными нагрузками.

Робость одних мало пригодна для общественных дел, которые требуют внушительной наружности. Упорство других излишне [при ведении] домашнего хозяйства.

Одни, обладая властью, не поддаются гневу, а других негодование толкает ко всяким необдуманным словам.

Некоторые не умеют сболтнуть воспитанность и не воздерживаются от едких острот.

Для всех них отдых полезнее дела: люди, по натуре необузданные и не владеющие собой, должны избегать всего, что ведёт к независимости, которая может принести вред.

(4) *Затем следует оценить то самое, что мы предпринимаем, и сопоставить свои силы с теми делами, за которые мы намерены взяться.* Ведь силы исполнителя всегда должны превышать тяжесть того, что он собирается делать. Неизбежно подавляет то бремя, которое превосходит [усилия] несущего [его].

(5) Кроме того, некоторые дела не столь тяжелы, сколь обильны, и приносят много хлопот. Поэтому следует избегать того, из чего возникнут новые многочисленные дела. Не нужно браться за то, после исполнения которого не становишься свободным, а приниматься за то, что ты мог бы окончить или, по крайней мере, надеяться [на это]. Необходимо оставлять то, что слишком тяжело успешно выполнить, и что не покидает тебя, как только ты это предпримешь.

VII. (1) *При всех обстоятельствах нужно разбираться в людях:* те, кому мы посвящаем часть своей жизни, достойны ли этого? Приносит ли им пользу это жертвование нашего времени? Ибо некоторые даже ставят нам в счёт наши услуги. (2) Афинодор говорит, что он даже обещать не пойдёт к тому, кто ничем ему не будет обязан за это. Я думаю, ты понимаешь, что он гораздо менее склонен будет идти к тем, кто предлагает угощение соответственно услугам друзей, кто считает блюда за подарки, как если бы [эти люди] не знали меры в своём почитании других. Отними у них свидетелей и зрителей, — и им не доставит удовольствия тайное угощение.

(3) Ничто, однако, не способно так усладить душу, как верная и нежная дружба. Какое благо, когда есть наготове сердце, которому безопасно можно доверить любую тайну; за совестьливость которого можно опасаться меньше, чем за свою собственную; беседа с которым уймёт тревогу; суждение [которого] подскажет решение; весёлость —

разгонит грусть, да и сама близость [которого] способна принести радость.

Разумеется, мы будем выбирать друзей, насколько это представится возможным, свободных от страстей. Ведь пороки распространяются исподволь, как бы перескакивая с одного на другого при сближении, и приносят вред своей заразительностью. (4) Таким образом, как во время заразной болезни нужно заботиться о том, чтобы не находиться поблизости от людей, уже охваченных болезнью и страдающих от неё, так как мы подвергнемся опасности и заболеем от самого их дыхания, так и при выборе характера друзей мы будем стремиться к тому, чтобы приобрести как можно меньше порочных, ибо начало болезни — это смешение здорового с больным.

Я, пожалуй, не стал бы предписывать тебе, чтобы ты следовал наставлениям одного лишь мудреца, ибо где ты найдёшь того, кого мы ищем столь долгое время? И вместо наилучшего [находим лишь] наименее скверного.

(5) Едва ли тебе представилась бы возможность более удачного выбора, если бы ты стал отыскивать порядочных людей среди последователей Платона, Ксенофонта и такого множества учеников Сократа; или если бы тебе довелось побывать в Катонovo время, которое породило очень многих достойных этого века Катона (как и многих более дурных, чем когда-либо в другое время, и виновников величайший преступлений. Ведь нужны были и те, и другие, для того чтобы Катон мог быть понятым: и порядочные, которые бы его одобряли, и дурные, на которых он испытывал бы свою силу).

(6) Теперь же, при столь большом недостатке честных людей, выбор может оказаться менее строгим. Однако особенно следует избегать угрюмых и во всём отчаивающихся, у которых всё является поводом для жалоб. Пусть у такого человека не подлежат сомнению честность и доброжелательство — однако враждебен безмятежности беспокойный и на всё сетующий попутчик.

VIII. (1) Перейдём к [вопросу о] состояниях — важнейшей причине человеческих бед. Ведь если ты сравнишь всё прочее, из-за чего мы мучаемся: смерть, болезни, опасности, утраты, перенесение страданий и трудностей, с тем, что причиняют нам вредоносные для нас деньги, то эта сторона будет иметь весьма значительный перевес.

(2) Таким образом, нужно представить себе, насколько менее огорчительно не иметь, нежели терять, и мы поймём, что у бедности тем меньше причин для страданий, чем меньше оснований для убытков. Ведь ты ошибаешься, если считаешь, что богатые мужественнее переносят потери: у сильнейших и слабейших боль от раны одинакова.

(3) Бцион остроумно замечает: «Не менее неприятно лысеющим, нежели имеющим густую шевелюру, когда выдёргивают их волосы». То же самое усвой относительно бедных и богатых. Их мучения одинаковы:

ведь у тех и других их деньги как бы приросли к сердцу и не могут быть оторваны без боли. Терпимее же, как я сказал, и легче не приобретать, нежели утрачивать, и поэтому, [как] ты увидишь, более счастливы те, на которых судьба никогда не обращала внимания, чем те, кого она покинула.

(4) Это понял Диоген, человек великого ума, и сделал [так], чтобы у него ничего невозможно было отнять. Назови это нищетой, нуждой, бедностью, дай [этой] безмятежности [такое] постыдное название, какое захочешь: я буду считать его [Диогена] несчастливым, если ты найдешь мне кого-нибудь другого, которому нечего было бы терять. Или я ошибаюсь, или это сродни царской власти, когда среди скупцов, плутов, грабителей, похитителей людей есть один, которому невозможно повредить. (5) Если кто-нибудь сомневается в счастье Диогена, он может также усомниться в благоденствии бессмертных богов: пожалуй, они не совсем счастливо живут, так как у них нет ни земельной собственности, ни парков, ни богатых имений с заморскими колоннами, ни огромной прибыли на денежном рынке.

Ты, всякий, кто дивишься богатствам, не стыдно ли тебе? Ну-ка, взгляни на мир: ты увидишь голых богов, всё дающих, ничего не имеющих. Как, по-твоему, тот беден или подобен бессмертным богам, кто отрешился от всего случайного?

(6) Ты называешь более счастливым [чем Диоген], Деметрия, вольноотпущенника Помпея, которому не стыдно было быть богаче Помпея? Ему ежедневно докладывали о количестве его рабов, как полководцу — о численности войска, ему, у которого уже давно богатствами должны были быть два помощника раба и более или менее просторная каморка. (7) У Диогена же единственный раб сбежал, и тот не посчитал нужным его возвращать, когда на него донесли. «Позорно, — сказал он, — что Манес без Диогена может жить, а Диоген без Манеса не может». Мне кажется, он сказал [следующее]: «Эй, судьба, дело касается тебя! У Диогена уже нет ничего твоего. У меня сбежал раб? Напротив, ушёл свободный».

(8) Дворня стремится [приобрести] одежду и пропитание. Нужно набивать животы стольких ненасытнейших животных! Нужно покупать одежду, присматривать за алчнейшей бандой и пользоваться услугами сетующих и ненавидящих. Насколько же счастливее тот, кто никому ничего не должен, кроме того, в чём легче всего отказать себе!

(9) Но так как у нас нет столько твёрдости, нужно, по крайней мере, ограничивать состояния, чтобы мы меньше были подвержены несправедливостям судьбы. Более приспособлены для войны те, которые могут укрыться оборонительным оружием, нежели те, которые выдаются своим ростом и отовсюду подвергаются гибельным ударам: наилучшая мера состояния та, которая и в бедность не впадает, и недалеко от бедности отстоит.

IX. (1) Для нас же будет определена такая мера, если мы прежде всего будем руководствоваться бережливостью, без которой не хватит никаких средств, при наличии же которой они, конечно, в известной степени находятся в руках, в особенности потому, что нам доступны способы [достижения этого, так что], при соблюдении умеренности, сама бедность может обратиться в богатство.

(2) Давайте приучаться избегать великолепия и оценивать вещи по их пользе, а не по украшениям. Пусть пища утоляет голод, питьё — жажду; желания пусть не превосходят известных пределов. Давайте привыкать руководствоваться [потребностями] нашего тела, соотносить одежду и питание не с редкостными образцами, а следовать обычаям предков. Давайте учиться достигать умеренности, ограничивать роскошь, умерять тщеславие, унимать гнев, хладнокровно взирать на бедность, почитать бережливость (даже если многим будет стыдно употреблять, подобно простому народу, для естественных потребностей дешёво добытые средства), а неукротимые надежды и душу, рвущуюся в будущее, держать как бы в узде и поступать так, чтобы черпать богатства скорее в самих себе, нежели [добиваться их] у судьбы.

(3) Никогда невозможно отворотить столь великое непостоянство и суровость случайных обстоятельств до такой степени, чтобы корабли, развёртывающие высокую оснастку, не подвергались натиску многочисленных бурь. *Следует спрятать [своё] достояние в укромном месте, чтобы молнии попадали в пустоту.* Поэтому иногда изгнания и несчастья превращаются в лекарства, и слишком тягостные беды излечиваются более лёгкими, когда душа слабо внимает наставлениям и не может быть более или менее легко исцелена. Почему же люди не заботятся об этом, если [ко всему прочему] прибавляются и бедность, и позор, и разорение? [Потому что] злу противопоставляется зло.

Итак, давайте приучаться обедать без [присутствия] толпы; пользоваться услугами меньшего числа рабов; приобретать одежду для того, для чего она предназначена; жить более скромно. Не только в беге и борьбе на арене цирка, но и на этих жизненных кругооборотах необходимо держать направление ближе к середине. (4) Также и для занятий самые щедрые расходы можно признать рациональными постольку, поскольку они имеют меру. К чему бесчисленные книги в шкафах, владелец которых за всю жизнь едва прочитывает заголовки? Множество [книг] обременяет, а не наставляет обучающегося: гораздо целесообразнее довериться немногим авторам, нежели блуждать среди многих.

(5) Сорок тысяч книг сгорело в Александрии: иной, пожалуй, мог бы превознести прекраснейший памятник царственного богатства, подобно Ливию, который сказал, что это был выдающийся образец царской изысканности и пытливости. Не было это ни изысканностью, ни пытливостью, но учёной роскошью; впрочем, даже не учёной, так как [эти книги] собрали не для научных занятий, а для вида, подобно тому

как для многих, несведущих даже в тех науках, которые должны знать рабы, книги служат не средством для занятий, а украшением столовых. Итак, пусть приобретается столько книг, сколько необходимо, и ни одной — для внешнего блеска.

(6) «Более достойно уважения, — говоришь ты, — расходование средств на книги, чем на коринфские картины. Во всех случаях плохо то, что превосходит меру. Почему ты считаешь нужным прощать человеку, гоняющемуся за шкафами из цитрусового дерева и слоновой кости, разыскивающему собрания или неизвестных, или достойных порицания авторов и зевающему от скуки среди такого множества книг, человеку, которому больше всего удовольствия доставляют обложки и заглавия принадлежащих ему томов?»

(7) Поэтому у самых ленивых ты увидишь любые риторические и исторические сочинения, ящики, нагромождённые до потолка. И ведь уже в банях и купальнях [стоят] полированные книжные шкафы как необходимое убранство дома. Я вполне мог бы простить [это собирательство], если бы оно возникало из чрезмерной тяги к научным занятиям, — в данном же случае эти собранные творения великих умов, с портретами авторов, расставленные по порядку, приобретаются для вида и украшения стен.

X. (1) Что же касается тебя, ты с трудом избрал тот или иной образ жизни, и на тебя, не имеющего опыта, общественные или личные неудачи набросили сети, которые ты не можешь ни распутать, ни разорвать.

Представь себе, что люди, скованные кандалами, вначале с трудом передвигают отягощённые путами ноги. Затем, когда они решили не досадовать на это, а терпеть, необходимость приучает их переносить [тяготы] мужественно, а привычка — легко. В любом образе жизни ты обретёшь отраду, спокойствие и удовольствие: если не захочешь, считай, что ты проводишь жизнь скорее дурную, нежели достойную зависти. (2) Ничем другим природа не стала у нас знаменита больше, как тем, что она придумала в качестве успокоения от несчастий привычку, быстро обращая в приятное самое тяжёлое, поскольку знала, для каких горестей мы рождаемся. *Никто не сохранил бы твёрдости, если бы частое повторение несчастий имело ту же самую силу, что и первый удар.*

(3) Все мы связаны с судьбой: у одних цепь золотая и слабо натянутая, у других — тугая и из грубого металла. Но не всё ли равно? Одна и та же стража окружает всех; связаны также и те, кто заковал [других], если ты случайно не считаешь, что цепи слева менее тягостны: одного сковывают почести, другого — богатства; одних угнетает знатность, других — низкое положение; у одних чужая власть сидит на шее, у других — своя собственная; одних удерживает на одном месте изгнание, других — реческие должности. Вся жизнь — рабство.

(4) Следовательно, нужно освоиться со своим положением и как

можно меньше жаловаться на него: пользоваться всем тем, что оно имеет в себе хорошего. *Не существует ничего столь неприятного, в чём невозмутимый дух не обрёл бы утешения.* Часто небольшие участки для застройки становились доступными для нужд многих благодаря искусству землемера, и [их] расположение делало любой скудный клочок земли пригодным для жилья. Прибавь к трудностям расчёт: у людей, разумно несущих [своё бремя], суровое может смягчаться, трудное — облегчаться, тягостное — меньше угнетать.

(5) Кроме того, не нужно позволять страстям заходить далеко, но давайте заставим их скользить по поверхности, так как полностью ограничить их невозможно. Пренебрегши тем, чего либо достичь нельзя, либо можно с трудом, давайте стремиться к тому, что находится вблизи и соприкасается с нашими надеждами, но давайте усвоим, что всё одинаково ничтожно, всё, различающееся снаружи, равно пусто внутри.

Давайте не будем завидовать вышестоящим: то, что казалось возвышенным, представляет собой обрыв. (6) Напротив, те, кого неблагоприятный жребий поставил в рискованное положение, будут в большей безопасности, по собственной воле избавляя своё высокомерие от выдающихся дел и, по мере возможности, выбирая удел более скромный.

Правда, есть многие, которым по необходимости нужно пребывать на своей вершине, с которой они не могут спуститься иначе как падая; пусть они утверждают, что это — их величайшее бремя, так как они вынуждены нести его ради других, и что они не возвышены, а как бы пригвождены [к своему месту]. Справедливостью, снисходительной кротостью, щедрой и мягкой властью пусть они неумоимо добиваются средств для обеспечения благоприятных обстоятельств, в надежде на которые они висели бы [над пропастью] более или менее безопасно. Однако ничто не могло бы спасти их от этих душевных колебаний так, как установление какого-либо предела постоянному росту [их влияния], но не предоставление судьбе решения прекратить [его]; впрочем, пусть предостерегающие примеры побуждают их, по крайней мере, всё время оставаться по сю сторону [пропасти]: в этом случае некоторые страсти будут терзать душу, но, ограниченные, не приведут ни к безмерности, ни к непостоянству.

XI. (1) *Эти мои рассуждения относятся к людям несовершенным, заурядным и недостаточно разумным, а не к мудрецу.* Ему не нужно двигаться боязливо и осторожно. Ведь ему свойственна такая уверенность в себе, что он идёт навстречу судьбе без колебаний и никогда не подчинится ей. У него нет оснований её бояться, так как не только имущество, владения и положение, но также и своё тело, глаза, руки, всё то, что в состоянии сделать жизнь более ценной, и самого себя он рассматривает как преходящее и живёт так, как будто получил ссуду и готов возвратить её без сожаления по требованию.

(2) И не потому он мало ценит себя, так как знает, что не принадле-

жит сам себе, но во всём он будет проявлять такую старательность, такую осмотрительность, с какими благочестивый и добродетельный человек обыкновенно соблюдает таинства веры.

Всякий раз как будет приказано возвратить [то, чем он владеет], он не станет жаловаться судьбе, но скажет: (3) «Благодарю тебя за то, чем я обладал. Поистине твоим имуществом владел я как большой наградой, но так как ты приказываешь, я отдаю [это], уступаю с признательностью и готовностью. Если ты захочешь, чтобы у меня было что-нибудь твоё, я и дальше буду сберегать [это]; если же ты решаешь иначе, я, безусловно, возвращаю без колебаний и серебро, и деньги, и дом, и своих рабов».

[Если] к нам обратится природа, которая предоставила нам первый заём, мы ей скажем: «Прими душу лучшей, чем ты [её] дала. Я не уклоняюсь и не противлюсь. Я добровольно отдаю тебе приобретённое, которое ты вручила мне, хотя я не понял этого: бери».

(4) Возвратиться туда, откуда ты пришёл: что [в этом] тягостного? Плохо проживёт всякий, кто не сумеет достойно умереть. Поэтому ему нужно снизить первоначальную стоимость [его] достояния, и [такую] жизнь следует отнести к малоценным. «Нам ненавистны гладиаторы, — говорит Цицерон, — если они всячески стремятся сохранить себе жизнь, — мы рукоплещем [им], если они открыто выражают презрение к ней». Пойми, что то же самое происходит и с нами. Ведь страх смерти часто служит её причиной. (5) И та [самая] судьба, которая устраивает для себя развлечения, говорит: «Для чего мне шадить тебя, трусливое и дрожащее существо? Ты ещё больше изранишься и изувечишься, так как не умеешь подставить горло; а ты, встречающий удар меча не с втянутой шеей и не с поднятыми для защиты руками, но мужественно, и жить будешь дольше, и умрёшь легче». (6) Тот, кто будет бояться смерти, никогда ничего не сделает как смелый человек; а тот, кто усвоит, что это для него установлено как незыблемый договор, будет жить в соответствии с [этим] принципом и в то же время, выказав твёрдость духа, добьётся того, чтобы никакие случайности не оказались для него неожиданными. Ведь предусматривая всё, что может произойти, как будто [оно обязательно] предстоит, он смягчит натиск всех бед, которые не приносят ничего внезапного людям подготовленным и ожидающим их, — тяжёлые несчастья приходят к беспечным и помышляющим лишь о счастливом.

В самом деле, болезни, лишения, бедствия, пожары — всё это можно предвидеть. «Я знал, (7) в какое беспокойное жилище поместила меня природа. Столько раз по соседству со мной призывали на помощь! Столько раз перед [моим] порогом факельные огни предшествовали безвременным похоронам. Часто вблизи раздавался грохот обрушивающегося строения. Многих из тех, кого свели со мной форум, курия, беседа, похитила смерть и разделила руки, скреплённые общим товари-

шеством. Стоит ли удивляться, что, наконец, и ко мне подступили те опасности, которые постоянно блуждали вокруг меня?» Дело в том, что большинство людей не помышляет о бурях предстоящего плавания.

(8) В значительном деле я никогда не буду стыдиться второстепенного автора. Публий, превосходящий [другие] трагические и комические дарования, много раз оставлял шутовской вздор и болтовню, обращённую к галёрке, и среди многого другого, более весомого по сравнению с трагическим стилем, не говоря уже о комическом, высказывал и следующее:

«Что может случиться со всеми, то может и с каждым случиться».

Если кто-нибудь примет это близко к сердцу и так отнесётся ко всем чужим бедам, огромное количество которых происходит ежедневно, как будто бы им открыт свободный доступ и к нему самому, он укрепит себя задолго до того, как они смогут его настичь.

(9) Слишком поздно душа приучается к перенесению опасностей, [и уже] после [самих] опасностей. «Я не предполагал, что это произойдет», и «Мог ли ты поверить, что это когда-нибудь случится?» Но почему же нет? Есть ли такие богатства, за которыми по пятам не следовали бы нужда, нищета и бедность? Где то высокое положение, претексте, авгурскому жезлу и патрицианской обуви которого не сопутствовали бы вретище, изгнание, бесчестье, множество унижений и величайшее презрение? Есть ли такая власть, которой не были бы уготованы крах, падение, властитель и палач? Эти [крайности] разделены небольшими промежутками, — лишь мгновение пролегает между тронном и коленями врага.

(10) Итак, знай, что всякое положение переменчиво, и всё, что случается с другим, может случиться также и с тобой. Ты богат; но неужели богаче Птолемея? Когда Гай, его дальний родственник, новый хозяин, открыл для него дом Цезаря, чтобы закрыть свой, тот нуждался в хлебе и воде. В то время как он владел столькими реками, истоки и устья которых находились в его землях, он вымаливал хоть каплю воды. Он погиб во дворце родственника от голода и жажды, между тем как наследник устроил ему, терпевшему голод, похороны за счёт государства.

(11) Ты занимал высшие почётные должности; но неужели столь высокие, столь невероятные, столь всеобъемлющие, как Сеян? В тот день, когда сенат низверг его, народ разорвал его на куски. От того, кому боги и люди предоставили всё, чем можно было его одарить, не осталось ничего, что получил бы палач.

(12) Ты царь; не привести ли тебе в пример Креза, который по приказанию взошёл на костёр и увидел, что он гаснет, случайно пережив не только своё царство, но даже и свою смерть?

Или Югурту, который, внушая ранее страх римскому народу, в течение года служил ему в качестве зрелища?

Птолемея, африканского царя, и Митридата — армянского мы ви-

дим среди узников Гая: один был отправлен в изгнание, другой добивался быть отпущенным под честное слово.

При такой изменчивости и круговращении происходящего, если ты не предусматриваешь всего, что может случиться, ты позволяешь нанести себе удар враждебным обстоятельствам, которые ослабляет всякий, кто предвидит их.

ХII. (1) На основании этого важнейший [вывод] будет [заключаться в том], чтобы мы, с одной стороны, не стремились к бесполезному, а с другой, чтобы не трудились бесцельно, то есть, чтобы мы не жаждали страстно того, чего не можем достичь, а достигнув, не поняли бы суетность наших желаний слишком поздно, после глубокого стыда. Другими словами, чтобы либо усилия наши не были тщетными и безрезультатными, либо результат не оказался недостойным усилий. Ведь угроза обыкновенно появляется в том случае, когда успех или не достигнут, или его стыдятся.

(2) Нужно ограничить беготню, каковая свойственна большинству людей, снующих по домам, театрам, форумам. Они посвящают себя чужим делам, всегда подобные людям, чем-то занимающимся. Если ты спросишь кого-либо из них, выходящего из дому: «Куда ты? Что ты затеваешь?» — он ответит тебе: «Не знаю, клянусь Геркулесом! Но кого-нибудь увижу, что-нибудь сделаю!» (3) Они бродят без цели в поисках дѣла и занимаются не тем, что наметили, а тем, на что наткнулись. Их беготня пуста и бессмысленна, как у муравьёв, ползающих налегке по деревьям: [сначала] — к самой вершине, а затем — вниз. Большинство людей ведёт подобную им жизнь, которую по всей справедливости можно было бы назвать беспокойным бездействием. (4) Можно было бы пожалеть некоторых, несущихся, как на пожар: до такой степени они толкают встречных и торопят себя и других. А между тем, они спешат, либо намереваясь приветствовать кого-нибудь, кто [вовсе] не собирается отвечать [им], либо сопровождать или похороны неизвестного [им] человека, или бесконечно тяжущихся — в суд, или же, зачистую, помолвленных — на праздник по случаю обручения, следуя за носилками, а в некоторых местах и [собственноручно] неся их. Затем, возвращаясь домой, [отягчённые] ненужной усталостью, они клянутся, что сами не знают, для чего они ушли и где были, намереваясь на следующий день бродить по тем же самым местам.

(5) *Итак, всякий труд должен быть направлен к какой-либо цели, чего-то достигать.* Не усердие тревожит беспокойных, но ложные представления о вещах подстрекают безрассудных. Ведь они даже не пошевеливаются без надежды на что-либо: их манит видимость чего-то, а бесцельность этого [их] пленённый ум ясно не обнаруживает. (6) Таким же образом каждого из тех, кто выходит [из дому] для увеличения толпы, водят по городу ничтожные и маловажные делá, и утренний свет выгоняет [на улицу] не знающего, чем заняться. Он, бесцельно обивая

пороги многих, приветствует одного за другим всех номенклаторов, и, выгнанный многими, никого не может застать дома с большим трудом, чем самого себя.

(7) Из этого зла проистекает другой отвратительнейший порок — наущничество, а также выискивание как явного, так и скрытого и осведомлённость о многом, что небезопасно ни говорить, ни слушать.

XIII. (1) Я полагаю, что, следуя Демокриту, я начинаю так: «Тот, кто захочет жить спокойно, пусть не занимается много ни частными, ни общественными делами» — [это], разумеется, [о том, кто] предаётся бесполезному. Ведь если есть необходимость, то и в личном, и в общественном плане нужно заниматься не только многим, но бесчисленным; когда же никакой общепринятый долг нас не призывает, следует ставить предел делам. (2) Ведь тот, кто занимается многим, часто даёт судьбе власть над собой, которую безопаснее всего испытывать редко, а впрочем, всегда иметь её в виду и никоим образом не льстить себе надеждой на её верность: «Я отправлюсь в плавание, — разве только что-нибудь случится» и «Я стану претором, — разве только что-нибудь помешает» и «Мне подойдёт торговля, — разве только что-нибудь приключится».

(3) Вот почему мы можем сказать, что у мудреца ничего не происходит вопреки ожиданию. Мы [считаем, что] он ограждён не от людских несчастий, а от заблуждений: у него всё случается в соответствии не с его желаниями, а предположениями. В особенности же он предвидит, что что-то может противодействовать его замыслам. Без сомнения, скорбь из-за обманутых желаний не столь тягостно поражает ту душу, которой не при всех обстоятельствах можно было обещать успех.

XIV. (1) *Также и мы должны быть гибкими, чтобы не слишком привыкать к чему-то определённом; чтобы не идти туда, куда нас может привести случай; чтобы не испытывать страха из-за перемен [в своих] планах или положении, лишь бы нас не обуяла переменчивость, порок, враждебнейший покою.* Ведь и постоянство неизбежно может быть мучительным и горестным для того, у кого судьба часто что-нибудь отнимает, — переменчивость же, нигде себя не ограничивающая, гораздо тягостнее. То и другое враждебно безмятежности: и не уметь ничего изменить, и ни в чём не проявлять терпения.

(2) *При всех обстоятельствах душа должна от всего внешнего обратиться к самой себе: пусть надеется на себя, радуется себе, созерцает своё, пусть уклоняется, насколько возможно, от чуждого и приближается к самой себе, пусть не ощущает потерь и даже неблагоприятное принимает снисходительно.*

(3) Наш Зенон, после того как сообщили о кораблекрушении и он узнал, что всё его имущество погибло, сказал: «Судьба предоставляет мне возможность более беспрепятственно заниматься философией».

Философу Феодору тиран грозил смертью, и даже без погребения:

«Ты можешь так решить, — сказал философ. — Мера [моей] крови в твоей власти; что же касается погребения, о ты, глупец, ты считаешь, что для меня имеет значение, поверх земли или под ней буду я истлевать».

(4) Кан Юлий, муж необычайно великий, восхищению которым не мешаает даже то, что он родился в наше время, долго спорил с Гаем, и после того как этот Фаларид сказал ему вслед: «Не слишком тешь себя пустой надеждой, я приказал тебя казнить», ответил: «Весьма благодарен, император». Я в раздумье [относительно того], что он имел в виду. (5) Ведь мне многое приходит в голову. Хотел ли он высказать свою обиду и показать, насколько велика жестокость [Гая], если [даже] смерть является благодеянием? Или он порицал Гая за [его] обычное безумие? Ведь выражали благодарность даже те, дети которых были казнены, и те, имущество которых было отнято. Или он охотно принял [смерть] — как свободу? Что бы ни было, ответил он с большим мужеством. (6) Кто-нибудь скажет: «После этого Гай мог приказать ему жить». Кан этого не опасался. Ему была известна надежность подобных приказов Гая. Веришь ли, остающиеся до казни десять дней он провёл без всякого волнения? [Просто] невероятно, что этот человек говорил, что он делал, насколько был спокоен. (7) Он играл в камешки, когда центурион, ведя за собой толпу обречённых на казнь, приказал также собираться и ему. Тогда он сосчитал камешки и сказал своему товарищу: «Смотри, как бы после моей смерти ты не стал выдумывать, что выиграл». И затем, обращаясь к центуриону, добавил: «Ты будешь свидетелем, что у меня одним камешком больше». Ты полагаешь, Кан [действительно] был занят игрой? Он насмеялся [над своим палачом].

(8) Скорбью были охвачены друзья, которым предстояло потерять такого человека: «Почему вы печальны? — спросил он. — Вы стараетесь выяснить, бессмертны ли души: я [это] скоро узнаю». До самого своего конца он не переставал доискиваться истины и собственную смерть хотел сделать предметом исследования.

(9) Его сопровождал приставленный к нему философ, и уже недалеко был холм, на котором Цезарю как нашему богу приносились ежедневные жертвы. «О чём же, Кан, — спросил философ, — ты размышляешь теперь? Какие мысли тебя занимают?» «В этот быстротечнейший миг, — ответил Кан, — я решил выяснить, ощутит ли душа свой уход». И он обещал, в случае если ему удастся что-нибудь узнать, обойти [каждо из] друзей и объяснить им, каково [в это время] состояние души.

(10) Вот [какое] спокойствие в столь бедственном положении! Вот достойная вечности душа, которая использует свою гибель для доказательства истины, которая, стоя на той последней ступени, обращается с расспросами к уходящему духу, и не только вплоть до самой смерти, но даже после смерти что-то познаёт: никто не философствовал дольше! Не скоро забудут великого человека, и говорить о нём нужно с любовью:

мы навеки сохраним тебя в своей памяти, благороднейший человек, великая жертва злодеяния Гая!

XV. (1) Но несколько не приносит пользы устранение поводов для личной скорби. Ведь иногда овладевает ненависть к роду человеческому, и предстает такое множество удачливых негодяев, всякий раз когда подумаешь, сколь редка честность, сколь неведомо [нам] бескорыстие и едва ли когда-нибудь, кроме тех случаев, когда [это] выгодно, [знакома нам] верность. Вызывают также отвращение как выгоды, так и потери из-за необузданных желаний, и честолюбие, не сдерживающее себя уже до такой степени, что «блистает» в [своём] безобразии. [Тогда] душа погружается во мрак, и как после ниспровержения добродетели, на которую невозможно надеяться и к которой бесполезно обращаться, [нас] объемлет тьма.

(2) Таким образом, мы должны стремиться к тому, чтобы все пороки толпы казались нам не ненавистными, а смешными, [к тому, чтобы] подражать скорее Демокриту, нежели Гераклиту. Ведь этот [последний], всякий раз как обращался к общественной деятельности, проливал слёзы, тот [же] смеялся. Этому всё то, чем мы занимаемся, казалось тяжёлым трудом, тому — вздором. Итак, нужно всё смягчать и переносить терпеливо: благоразумнее насмехаться над жизнью, нежели отчаиваться.

(3) Учти также, что большую услугу человечеству оказывает тот, кто смеётся над тем, по поводу чего другой горюет: тот не перестаёт надеяться на благо, этот же неразумно отчаивается в том, что, по его мнению, невозможно исправить. Если поразмыслить обо всём, то [можно заключить, что] не сдерживать смеха — это свойство более великой души, по сравнению с той, которая отвечает слезами даже на легчайшие переживания и не извлекает из такого устройства [человеческой жизни] ничего значительного, ничего серьёзного и даже ничего достойного сожаления.

(4) Пусть каждый представит себе по отдельности всё то, из-за чего мы радуемся и грустим, и [тогда] он поймёт, что истина заключается в следующих словах Биона: все занятия людей подобны незавершённым делам, и их жизнь не более безупречна или строга, нежели не из чего не вытекающее начинание.

(5) Но лучше спокойно воспринимать общественные нравы и человеческие пороки и не впадать ни в смех, ни в слёзы. Ведь мучиться из-за чужих зол — значит быть вечно несчастным, радоваться же чужим бедам — удовольствие бесчеловечное, подобно тому как плакать и придавать своему лицу выражение печали, ибо кто-то хоронит дочь, — значит проявлять бесполезное человеколюбие.

(6) Также и тебе в своих бедах следует вести себя так, чтобы воздать печали столько, сколько требует она, а не обычай. Ведь многие льют слёзы, чтобы выставить их напоказ, и их глаза бывают сухи всякий раз,

как зрители отсутствуют: они полагают, что постыдно не плакать [тогда], когда [это] делают все. До такой степени глубоко укоренилось это зло — зависеть от чужого мнения, что даже естественнейшая вещь — скорбь стала притворной.

XVI. (1) Далее следует обратить внимание на то, что обыкновенно по всей справедливости служит источником огорчения и ввергает в беспокойство, а именно: исход [жизни] благородных людей печален: так, например, Сократ вынуждается умереть в тюрьме, Рутилий — жить в ссылке, Помпей и Цицерон — гнуть шею перед своими клиентами, знаменитый Катон, живое воплощение добродетелей, закалываясь мечом, — открыто бросать вызов одновременно и от своего имени, и от имени республики. И надо терзаться [по поводу того], что судьба раздаёт столь несправедливые награды; на что же теперь сможет надеяться каждый для себя, когда он видит, что достойнейшие претерпевают наилучшее?

(2) Итак, что же? Рассмотрим, каким образом каждый из них перенёс [свои беды], и если они были смелы, позавидуй их прославленному мужеству. Если же они погибли малодушно и трусливо, то не стой и говорить о потере. Или они достойны того, чтобы ты восхищался их доблестью, или не заслуживают, чтобы ты сожалел об их малодушии. Ведь что же постыднее того, если величайшие мужи своей мужественной гибелью способствуют появлению робких [людей]? (3) Давайте навсегда прославим достойного похвал и скажем: тем мужественнее, тем счастливее ты, [кто] избежал негодяев, несчастий, зависти, болезни, ускользнул от тюрьмы. Кажется, что пред богами ты не [только] не достоин плачевной участи, но [даже] не заслуживаешь [того], чтобы отныне судьба могла тебе что-либо [причинить]. К ускользающим же [от неё] и в самой смерти оглядывающимся на жизнь должна быть применена сила.

(4) Я не буду оплакивать никого: ни радующегося, ни скорбящего: тот осушил мои слёзы сам, этот своими слезами доказывает, что недостойн никаких [слёз]. Я стану оплакивать Геркулеса, так как он сгорел живём, или Регула, так как он был пронзён множеством гвоздей, или Катона, так как он возобновил свои раны. Все они за ничтожный отрезок времени обрели путь в вечность и умирая пришли к бессмертию.

XVII. (1) Существует и другая немаловажная причина для беспокойства — если ты будешь боязливо притворяться и ни в чём не проявлять естественности, какова жизнь многих, лживая и построенная на видимости.

Ведь мучают постоянное наблюдение за самим собой и страх быть замеченным в отступлении от обычного, и мы никогда не избавляемся от тревоги при мысли о том, что нас столько раз оценивают, сколько раз на нас смотрят. Ибо, с одной стороны, случается многое, что обнаруживает [наши истинные цели] против [нашей] воли, а с другой, — пусть и

хорошо удаётся столь великая осторожность в отношении самого себя, однако не безмятежна и безрадостна жизнь постоянно носящих маску.

(2) А сколько удовольствия приносит неподдельная и сама по себе бесхитростная простота, ничего своим поведением не скрывающая! Однако и такая жизнь, если для всех всё открыто, подвергается опасности презрения. Ибо есть такие [люди], которые с пренебрежением отвергают всё то, к чему они подходят ближе.

Но не существует опасности для добродетели, будучи на глазах, утратить ценность: лучше быть презираемым из-за простоты, чем испытывать мучения из-за постоянного притворства. Однако давайте в [этом] деле соблюдать меру: существует большая разница, живёшь ли ты просто или беспечно.

(3) Время от времени нужно уходить в себя: ведь постоянное пребывание среди людей, не похожих [на нас], нарушает наше внутреннее спокойствие, разжигает страсти и берedit всё то, что есть в душе уязвимо и неисцелённого. Однако обязательно нужно сочетать и чередовать уединение и общение: первое вызовет у нас потребность в людях, второе — в нас [самих], и одно будет лекарством от другого. Ненависть к толпе будет исцеляться одиночеством, отвращение к одиночеству — толпой.

(4) *И нельзя всегда держать душу в постоянном напряжении, но нужно отвлекаться для развлечений.* Сократ не стыдился играть с детьми; Катон, утомлённый общественными заботами, тешил душу вином; Сципион, этот триумфатор и солдат, плясал, не слишком изнеживая себя, как теперь в обычае у людей, сама походка которых расслаблена даже больше, чем у женщин, но [плясал] так, как во время игр и праздников энергично отплясывали обыкновенно знаменитые древние мужи без боязни потерпеть ущерб, и даже на глазах у своих врагов.

(5) *Нужно давать отдых душе: отдохнув, она станет здоровее и бодрее.* Как от плодоносных полей не следует требовать [постоянного урожая], так как, если им никогда не давать отдыха, их плодородие быстро истощится, так и силы души надломит постоянный труд. После небольшого расслабления и отдыха душа вновь обретёт силы.

Неутомимый труд души становится источником некоего отупения и вялости.

(6) Люди не устремлялись бы к забавам и развлечениям с такой страстью, если бы они не доставляли некоего естественного удовольствия. Но частое злоупотребление ими лишит душу всякой твёрдости и силы. Ведь и сон необходим для подкрепления, однако если он будет длиться без перерыва день и ночь, то это будет смерть. Большая разница, оставляешь ли ты что-нибудь [на время] или прекращаешь [совершенно].

(7) Создатели законов установили праздничные дни, чтобы люди принуждались к веселью официально, как бы противопоставляя труду необходимую умеренность. И некоторые великие мужи, как я сказал,

устраивали себе ежемесячные праздники в определённые дни; некоторые [же] каждый день делили между отдыхом и трудом. Можно упомянуть, например, Азиния Поллиона (великого оратора), которого никакое дело дольше 4 часов пополудни не удерживало. Он даже писем после этого часа не читал, чтобы не возникло каких-нибудь новых хлопот, но за весь день отводил для отдыха эти два часа. Некоторые отдыхали в середине дня и на пополудненное время откладывали какое-либо более лёгкое занятие. Также и наши предки запрещали вносить в сенат новое предложение после 4 часов пополудни. Солдаты распределяют караульные службы, и свободна от повинностей ночь у тех, кто возвращается из похода.

(8) Надо заботиться о душе и время от времени давать ей отдых, который служил бы ей пищей для поддержания сил. Кроме того, нужно прогуливаться на широких бульварах, чтобы под открытым небом и на вольном воздухе дух обогащался и возвышался. Иногда езда и ходьба, перемена мест, званный обед и более или менее обильное питьё вдохнут [в душу] бодрость. Подчас нужно доходить даже до опьянения, но так, чтобы оно не уничтожило нас, а смирило. Ведь оно разгоняет заботы, потрясает душу до самых глубин и исцеляет как от некоторых болезней, так и от скорби. И не из-за своеволия речи изобретатель вина был назван Либером, но потому, что он освобождает душу от рабства у забот, охраняет её, одушевляет и делает её более смелой во всех предприятиях.

(9) Но как [в пользовании] свободой, так и [в употреблении] вина полезна умеренность. Считают, что Солон и Аркесилай были склонны к вину. Катона упрекали в пьянстве. Всякий, кто бросит ему такой упрёк, легче докажет, что этот порок благопристойный, нежели [то, что] Катон достоин презрения.

Однако не нужно злоупотреблять этим, чтобы душа не приобрела вредную привычку, и всё же иногда необходимо подстрекать душу к весёлости и свободе и на короткое время отвлекаться от строгой воздержанности.

(10) Ведь либо мы следуем греческому поэту: «Иногда и безумствовать приятно», либо Платону: «Ошибочно [человек], владеющий собой, постучался в поэтические двери», либо Аристотелю: «Не было ни одного великого ума без примеси безумия». Сказать что-либо значительное, возвысившись над остальными, способен лишь потрясённый дух.

(11) Когда он презрел повседневное и обыденное и в священном вдохновении поднялся над всеми, тогда только возвестил он нечто более или менее великое бренными устами. Не может душа достичь ничего и унести в заоблачные выси, пока она не вышла за пределы себя; ей надлежит уклониться от обычного, возвыситься и, закусив удила, увлечь своего руководителя, ведя [его] туда, куда он утратил бы взойти самостоятельно.

(12) У тебя есть, дражайший Серен, то, посредством чего можно со-

хранить безмятежность и восстановить её; то, что противодействует подкрадывающимся порокам; однако ты должен знать, что для оберегающих [столь] непрочное достояние никакое из этих [средств] не является достаточно надёжным, если колеблющуюся душу не окружает ревностная и неусыпная забота.

НЕИЗВЕСТНАЯ РЕДАКЦИЯ «ВТОРОГО ПОУЧЕНИЯ» ВАСИЛИЯ I (867 — 886) ЛЬВУ VI

Предисловие, публикация и перевод И.С. Чичурова

История византийской политической мысли, представленная немалым рядом фундаментальных работ, в том числе и новейших¹, по-прежнему обнаруживает в себе лакуны, которые не могут не производить впечатления парадоксальных. Мне уже приходилось обращать внимание на то, что при всей традиционности этой темы для международного византиноведения один из основных источников наших знаний о взглядах византийцев на характер и содержание императорской власти (так называемые «княжеские зеркала») лишь в недавнее время был исследован монографически². Более того, желающий углубиться в изучение византийских представлений об императорской власти по сей день обречен мириться с отсутствием современных критических изданий некоторых текстов. Первая попытка представить на суд читателя научное издание «Глав» диакона Константинопольской церкви Агапита³, судя по откликам в печати, оказалась неудачной⁴. Этому едва ли стоит удивляться: число известных списков трактата Агапита (около 60, которые надо было бы учесть в современном критическом издании) может быть увеличено еще на несколько десятков — приблизительно на 30 — 40⁵.

Если на пути к критическому изданию «Глав» Агапита уже сделаны первые шаги, то этого никак не скажешь о двух других, не менее важных в истории жанра, сочинениях: «Учительных главах» и «Втором поучении» императора Василия I своему сыну и соправителю Льву VI (886 — 912), существующих лишь в устаревшей публикации «Греческой патрологии»⁶. Между тем, уже к моменту издания этих текстов в «Греческой патрологии» (1863 г.) были известны списки в Ватиканском собрании рукописей, отличающиеся по составу от редакции, опубликованной в «Патрологии»: А. Май писал о них во множественном числе (не указывая, правда, сигнатур), а об одном из них заметил, что в нем отсутствует глава «О презрении к богатствам»⁷. Естественно, с тех пор стали известны и другие списки «Учительных глав», отличающиеся от опубликованного текста количеством глав, их порядком, наименованиями и, разумеется, конкретными содержательными разночтениями. К примеру, неизвестная до сих пор редакция «Учительных глав» в греческом рукописном сборнике собрания Парижской Национальной библиотеки — Paris. gr. 1788, ff.220v — 237⁸ содержит, по сравнению с текстом

«Патрологии», не 66, а 65 глав в измененном порядке и с отличиями в наименованиях отдельных разделов⁹.

Много менее «Учительных глав» исследовано «Второе поучение» основателя Македонской династии византийских императоров. Краткое упоминание о нем К. Крумбахера в конце прошлого века не вошло в современный обзор византийской литературы Г. Хунгера¹⁰. Однако, как это мной уже однажды указывалось¹¹, «Второе поучение» не было простым повторением сказанного в «Главах» и отражало изменение политической ситуации в империи за короткий промежуток времени от конца 879 г. к 882 — 883 гг. (первый брак наследника престола Льва VI). Публикация «Второго поучения» в «Греческой патрологии» не содержит сведений о рукописи, положенной в основу издания, не говоря уже о возможном существовании иных списков. Тем интереснее текст, обнаруженный мною в греческом каноническом сборнике XIV в., по датировке Р. Девреэса¹², хранящемся в рукописном собрании Ватиканской библиотеки — Vatic. gr. 840, ff. 183v — 185¹³.

Совпадая в значительной степени с текстом, изданным в «Патрологии», что было отмечено уже Девреэсом¹⁴, Ватиканский список не только содержит существенные расхождения с ним, позволяющие говорить о самостоятельной редакции памятника, но и заставляет ставить новый вопрос: об авторе сочинения. Текст Ватиканского списка озаглавлен — «Послание василевса Ираклия своему сыну, надписание которого таково: Ираклий, верный во Христе Август, Ираклию и Константину, нашему богохранимому сыну, приветствие» (ff. 183v — 184). Адресатом императора Ираклия, если соглашаться с атрибуцией «Послания», присутствующей в лемме, был его старший сын от первого брака Ираклий, именовавшийся также «новым Константином». Он родился в 612 г., а умер 25 мая 641 г., т. е. спустя несколько месяцев после смерти самого императора Ираклия¹⁵. Учитывая то обстоятельство, что автор «Послания» обращается, очевидно, к уже женатому сыну (совет отца сыну стать частью собственной жены, а на других — избегать даже смотреть), допустимо предполагать, когда могло быть написано «Послание». Сыну Ираклия-Константина, также Ираклию-Константину (он же — Константин и Константин Погонат), в 641 г. было 11 лет¹⁶, т. е. он родился в 631 г. Тем самым, брак Ираклия — нового Константина приходится на время не позднее 630 г., когда ему было 18 лет (вероятный *terminus ante quem* для составления «Послания»). Разумеется, эта датировка имеет смысл лишь в случае достоверности надписания. Впрочем, есть серьезные основания сомневаться в последнем.

О литературной деятельности императора Ираклия ничего не известно, если не считать упоминаний в рукописной традиции ряда сочинений по алхимии о принадлежности ему авторства некоторых алхимических текстов¹⁷. Сами тексты, приписывавшиеся Ираклию, не сохранились. Скорее всего, речь идет о ложных атрибуциях. Конечно,

argumentum ex silentio (отсутствие сведений о писательстве Ираклия), сам по себе недостаточен, чтобы полностью исключать принадлежность императору Ираклию текста, дошедшего до нас в Ватиканском кодексе. Однако, содержание «Послания» дает веский повод, позволяющий отказывать Ираклию в авторстве и, наоборот — связывать «Послание» с именем Василия I.

Одно из наставлений императора сыну гласит: «Не усваивай себе (μη... κτήση) спеси и тщеславия, зная, что мы, родители твои, были простыми людьми (ιδιώται) на селе (ἐν ἀγροῖς) но Божиим человеколюбием удостоились стать тем, что мы есть ныне (f. 185)». Эти слова о собственном происхождении никак нельзя отнести к императору Ираклию — сыну экзарха Африки, снарядившего в 610 г. флот и отправившего его под началом своего сына Ираклия на Константинополь против узурпатора Фоки (602 — 610). Напротив, они вполне уместны в устах Василия I, крестьянское происхождение которого хорошо известно. Если так, то Ватиканская редакция «Второго поучения» сохранила уникальное признание самого Василия I в скромности своего происхождения, — факт, который позднее не просто замалчивался, но даже опровергался ложной царской генеалогией этого императора¹⁸, изобретенной его сыном Львом VI (возможно, не без участия патриарха Фотия) и усовершенствованной его внуком Константином VII Багрянородным (913 — 959). Примечательно, что опубликованная в «Греческой патрологии» версия «Второго поучения» не содержит никаких намеков на происхождение Василия I. Впрочем, это далеко не единственное отличие Ватиканского списка от уже изданного текста.

В Ватиканской редакции «Почения» на лл.184 об. — 185 помещен пространный пассаж, отсутствующий в тексте «Греческой патрологии» (col. LX) между словами «праздность порождает болезнь души и тела» (ἀργία γὰρ νόσον ψυχῆς τίθει καὶ σώματος) и «возлюби мир» (εἰρήνην ἀγάλα). Содержание этого пассажа представляет интерес, поскольку либо касается сюжетов не традиционных для «княжеских зеркал» VII — IX вв., либо представляет обычные темы в отличающемся от традиционного виде. Обратимся к переводу.

«Упражняй ум твой книгами боговдохновенных писаний, а также сочинениями поэтов и историков, ибо от них можно воспринять дельное и полезное. Насаждай это в сердце твоём, ведь оно приносит подобающие и в жизни полезные плоды, ну а встречающиеся, по обыкновению, тернии — вырывай. Но, упражняя мысль твою умственными (θεωρητικαῖς) и душеполезными занятиями, упражняй также тело конными, лучными [равно как] и прочими — благопристойными, приличествующими (εὐπρεπεστάτοις καὶ ἀρμοζούσαις) свободному человеку — упражнениями, ибо тело, привычное к упражнениям, крепко силой. В каждом месте сохраняй свойственный [ему] порядок: при дворе (ἐν σεμνότητι) будь покоен и важен (πραῦς καὶ σοβαρός). Не допускай [к

себе] не вовремя говорящего открыто, так как это презираемо, но и (с другой стороны) не прогоняй несвоевременно, так как это грубо. Да не оправдаешь ты (μὴ δικαιώσῃς) любящего тебя в деле неправедном, и не осудишь ненавидящего тебя в деле праведном. Храни дружбу к другу благорасположенному. Допустившему [по отношению] к тебе ошибку (τῷ εἰς σὲ πταίοντι) уступи (παρὰχώρει), с тем чтобы и ты претерпел от Бога подобное, но не уступай допустившему ошибку [по отношению] к другому, а образуй его должным образом. Да не осудишь ты, как случилось, душу на смерть, ибо никто кроме Бога не может воссоединить душу с телом. А еще так отнесись к [тебя] радующему (ἔξελε τῷ πταίοντι), чтобы ты смог, когда сочтешь нужным, призвать его. Человек подвластен страсти или страху и подобает, чтобы [он] подчинялся с желанием или страхом».

Обращает на себя внимание рекомендация автора заботиться о телесном совершенстве, причем способами, подобающими свободному человеку. Эта тема (и именно в такой огласовке: телесное совершенство как свойство свободного), насколько я могу судить, отсутствует в «княжеских зеркалах» VIII — IX вв.¹⁹. На исходе IX столетия наблюдается некоторое оживление интереса к ней, отраженное взглядами патриарха Фотия (858 — 867, 877 — 886) и Василия I на императорскую власть, кстати сказать, несовпадающими друг с другом именно в этом пункте. В «Учительных главах» Василия I проявилось скептическое отношение к телесному совершенству, отличающееся от взвешенной позиции в характеристике внешнего облика императора Фотием²⁰. Разумеется, внешнее в облике императора проявляется у Фотия лишь как чинная красота императорского церемониала²¹ и это еще не конные ристания и стрельба из лука для упражнения плоти, по Ватиканскому списку. Но есть еще один момент, сближающий взгляды константинопольского патриарха и неизвестного автора (редактора?) текста в Ватиканском списке. Тема телесного появляется и у Фотия, и в ватиканской редакции «Второго поучения» как продолжение рассуждения о необходимости упражнять (и именно упражнять) разум²².

Ряд других аспектов в концепции власти Фотия и Ватиканского списка также перекликаются друг с другом. Фотий утверждает, что правитель должен быть сильнее удовольствий, и призывает его быть искусным в сокрытии того, о чем следует умалчивать²³. Это напоминает те места в Ватиканском списке, где приводятся рекомендации императору не допускать к себе того, кто не к месту говорит открыто, и где звучит призыв быть суровым к удовольствиям. Впрочем, аналогичные рассуждения содержатся и специальных разделах «Учительных глав» Василия I «О власти над удовольствиями» и «О слове и молчании».

Интереснее другое расхождение между «Вторым поучением», «Учительными главами», с одной стороны, и Ватиканским списком — с другой. Известно, сколь существенным в представлениях Фотия о власти

императора было понятие «порядка/τάξις»²⁴. Примечательно, что это, принципиальное для византийской идеологии, понятие вообще не встречается в редакции «Второго поучения» по изданию «Греческой патрологии». Да и в «Учительных главах» оно занимает более чем скромное положение: слово (но не понятие) τάξις только три раза появляется в тексте, причем его специальное значение очевидно всего лишь в одном случае. Впервые слово τάξις встречается у автора «Учительных глав» в разделе «О совете», где содержатся наставления императору совершать все свои деяния, пользуясь наилучшим советом и надежными советниками. Весьма симптоматично, что используемая автором в аргументации лексика предполагает употребление конституирующего для византийского сознания понятия τάξις (в смысле порядка, основанного на принципах стабильности и иерархичности). Василий I говорит о том, что нет «ничего более надежного» (οὐδὲν ἀσφαλέστερον), чем наилучший совет, и — ничего «более шаткого» (οὐδὲν σφαλερώτερον), чем дело, предпринятое без совета, а желание вершить дела «надежно» (μετὰ ἀσφαλείας) зависит от их предварительного обсуждения²⁵. Слово τάξις используется, однако, в ином контексте и ином значении. Говоря о возможных советниках императора, автор подчеркивает, что хорошим советником может быть лишь тот, кто умело и со знанием распоряжается собственными делами, обладает опытом и дает императору нелестно приятные к его ошибкам (ἐπὶ τοῖς ἐσφαλμένοις) советы без лести: именно такие люди, по мысли Василия I, «достойны быть отнесенными к числу (φίλων καὶ συμβούλων [εἰς] τάξιν πιστεύεσθαι ἄξιοι) друзей и советников»²⁶. Как видим, слово употреблено здесь в смысле «число, ряд, разряд» и т.п., а не в значении общего «порядка», определяющего все стороны жизни.

Аналогичен первому второй случай употребления слова τάξις в главе «О властях»²⁷, где излагаются принципы подбора начальствующих на должности: свойством хорошего императора является знание привычек, характера, добродетелей и образа мыслей тех, кого он назначает на должности, поскольку это позволяет «определять каждого в соответствующий чин» (τὸν καθ' ἕνα τῇ προσήκουσῃ τάξει διατάττειν). И здесь слово τάξις имеет конкретное (место, роль, пост, чин, класс, разряд), а не столь важное для византийского мироощущения значение общего порядка, регламентирующего весь строй жизни. Кстати сказать, размышления над тем, какой должна быть государственная власть, весьма располагают к использованию понятия τάξις в его обобщенном виде.

Наконец, третий случай, казалось бы, подтверждающий возможность употребления слова τάξις в обобщающем смысле. Глава «О совершенном слове»²⁸ обосновывает необходимость заботы о слове (или разуме?) тем, что «с его помощью земное царство отображает небесный порядок и гармонию» (τὴν ἐλουράνιον τάξιν καὶ ἁρμονίαν). Конечно, в -

этом контексте понятие «порядка» надделено тем самым общим значением, которое было столь дорого византийцам. И всё же, напрямую оно связывается только с царством небесным, тогда как удел земного царства — лишь отображать (ἐξείκονίσει) небесный порядок и гармонию. Как бы то ни было, понятие τάξις, вообще отсутствующее во «Втором поучении» Василия I и занимающее периферийное положение в «Учительных главах», по всей видимости, не было для автора определяющим, в отличие от того, какое место ему уделялось в представлениях о власти патриархом Фотием. Добавлю к этому и то, что проявление порядочности и у Фотия, и в Ватиканском списке связывается с тем, как император должен вести себя при дворе.

Разумеется, место Ватиканской редакции в истории византийской политической мысли вообще, и в рукописной традиции поучений Василия I в частности, может быть окончательно уточнено лишь после детального изучения всех списков как «Учительных глав», так и «Второго поучения». Однако, некоторые предварительные наблюдения могут быть высказаны и на этом этапе. Контекст византийских представлений об императорской власти не исчерпывается давно известными и надежно атрибутированными текстами «княжеских зеркал». Их рукописная традиция может хранить и варинаты известных памятников, весьма отличающиеся по содержанию от изданных и обогащающие, тем самым, наши представления об эволюции взглядов на власть в империи. Ватиканский список продемонстрировал и возможность иных атрибуций: при всей сомнительности авторства Ираклия, всё же в рукописной традиции «Второго поучения» присутствовала и такая идентификация автора, причины которой еще предстоит выяснять. Новые редакции «княжеских зеркал» могут содержать представляющие интерес конкретные сведения (что, кстати сказать, не так уж характерно для этого жанра), как это было в Ватиканском списке с упоминанием простого происхождения Василия I. Не в последнюю очередь следует сказать и о том, что неизвестные редакции «княжеских зеркал» могут помочь по-новому осветить соотношение уже известных текстов: в нашем случае «Второго поучения» в издании «Греческой патрологии» и «Послания Михаилу Болгарскому» патриарха Фотия.

Примечания:

- ¹ Обширная библиография к теме на уровне середины 70-х гг. обобщена в двух сборниках статей: Konstantin der Grosse. Hrsg. Von H. Kraft. Darmstadt, 1974. S. 457 — 462; Das byzantinische Herrscherbild. Hrsg. Von H. Hunger. Darmstadt, 1975. S. 415 — 446. И по сей день сохраняет свое значение опубликованная впервые в 1938 г. в Йене книга Treitinger O. Die oströmische Kaiser — und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höffischen Zeremoniell. Darmstadt, 1969. Современные подходы к проблематике отражены в соответствующих разделах монографий: Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 61 — 107; Beck H.-G. Das byzantinische

- Jahrtausend. München, 1978. S. 33 — 108. Исследование Г. Хунгером императорской идеологии, отраженной в преамбулах к императорским грамотам (Hunger H. Prooimion. Elemente der Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964), было продолжено в 70-е гг. Г. Решем (Rösch G. Ἦνομα βασιλείας. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978). Подробный анализ историографии был предпринят мной в 1990 г. См.: Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990. С. 3 — 18. Прерогатива императорской власти на обладание высшим знанием стала темой недавней монографии Fögen M.-Th. Die Enteignung der Wahrsager. Studien zum kaiserlichen Wissensmonopol in der Spätantike. Frankfurt am Main, 1993. Один из важнейших аспектов темы (император и церковь) обстоятельно и глубоко раскрыт в новейшем исследовании Dagron G. Empereur et prêtre. Étude sur le «césaropapisme» byzantin. Paris, 1996.
- ² Чичуров. Политическая идеология... С. 8 — 9.
- ³ Agapetos Diakonos. Der Fürstenspiegel für Kaiser Iustinianos. Erstmals kritisch herausgegeben von R. Riedinger. Athen, 1995.
- ⁴ См. рецензию G. Prinzing, BZ. Bd. 91/92 (199). S. 577 — 579.
- ⁶ Ibid. S. 578 cf. Rocca S. Un trattatista di età Giustiniana: Agapeto Diacono // *Civiltà classica e cristiana* 10 (1989). P. 303 — 328.
- ⁶ Migne, PG, v. 107. Col. LXVII — LX. Издание текста в PG воспроизводит старинную публикацию (Banduri A. Imperium Orientale sive antiquitates Constantinopolitanae. 2 vol. Parisiis, 1711), не указывая, на какие рукописи она опиралась.
- ⁷ Ibid. Col. LV — LVI.
- ⁸ Новейшее описание юридической части этого бумажного кодекса XIV в. см.: *Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts*. 1. Teil. Von Burgmann L., Fögen M.-Th., Schminck A., Simon D. Frankfurt am Main, 1995. S. 225 — 226.
- ⁹ Сорок шесть глав содержит один из московских списков (ГИМ Синод. греч., 509 [Влад. 247]), пер. пол. XV в., по современной датировке кодекса (см.: Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Синадальной библиотеки. М., 1993. С. 90 — 91). Известен и другой Московский список (ГИМ Синод. Греч., 259 [Влад. 423]), сер. XIV в. (Там же. С. 138). Уже К. Крумбахеру было известно о существовании шести списков «Учительных глав» (Bodl. Varocc. 98, Athen. 535, Mosqu. Synod. 247, 423, Vindob. theol. gr. 238, Bodl. Varocc. 10), из которых последний, по наблюдениям мюнхенского византиниста, значительно отличался от текста, изданного в «Греческой патрологии». См.: Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischer Litteratur*. 2. Aufl. München, 1897. S. 458. Г. Хунгер вообще не касается вопроса о рукописной традиции, отсылая читателя к старой работе К. Эммингера. См.: Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. I. München, 1978. S. 160 — 161 cf. Emminger K. *Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln*. III. Programm Luitpold. — Gymnas. München, 1913. S. 50 — 73.
- ¹⁰ Krumbacher. *Geschichte*... S. 458 cf. Hunger. *Profane Literatur*... Bd. I. S. 160 — 161.
- ¹¹ Чичуров И.С. О датировке и актуальности поучений Василия I // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1987 г. М., 1989. С. 173 — 178.
- ¹² Devresse R. *Codices Vaticani Graeci*. Т. III. Città del Vaticano, 1950. P. 388.
- ¹³ Ватиканский список был мне доступен в микрофильме из собрания микрофильмов греческих юридических рукописей в Институте европейской истории права Общества М. Планка (Франкфурт на Майне). Глубоко признателен руководителю проекта по истории византийского права (Геттингенская Академия наук) Л. Бургманну за постоянную и для меня

чрезвычайно важную поддержку в моих занятиях греческими юридическими кодексами.

14 Devreesse. Op. cit. P. 392.

15 Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. 3. Aufl. München, 1963. S. 93 — 94.

16 Ibid. S. 95.

17 Krumbacher. Geschichte... S. 633; Hunger. Profane Literatur... Bd. II. S. 280.

18 Чичуров. Политическая идеология... С. 99 — 100, 110 — 112.

19 Там же. С. 31, 54 — 56, 91, 96.

20 Там же. С. 91, 97.

21 Photius. Epistulae et Amphilochia / Ed. Laourdas B., Westerink L.G. V. I, Leipzig, 1983, Ad Mich. Bolg., 674 — 687 cf. Чичуров. Политическая идеология... С. 55 — 56.

22 Phot. Ad Mich. Bolg., 664 — 668 cf. Чичуров. Политическая идеология... С. 55.

23 Phot. Ad Mich. Bolg., 1191 — 1202, 1188 — 1189 cf. Чичуров. Политическая идеология... С. 64. Впрочем, и «Учительные главы» содержат отдельный параграф, посвященный теме власти над удовольствиями (Migne. PG. T. 107. Col. LIII B).

24 Чичуров. Политическая идеология... С. 36 — 39.

25 Migne. PG. T. 107. Col. XIX C.

26 Ibid. Col. XIX D.

27 Ibid. Col. XXVI D.

28 Ibid. Col. LIII C.

**Ἐπιστολὴ Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως πρὸς τὸν υἱὸν αὐτοῦ
ἧς ἡ ἐπιγραφή ἐστὶν αὕτη Ἡράκλειος πιστὸς ἐν Χριστῷ αὐγουστος,
Ἡρακλείῳ καὶ Κωνσταντίνῳ¹, (f. 184) τῷ θεοφυλάκτῳ ἡμῶν υἱῷ, χαίρειν**

Ἡ θεία καὶ παναγία Τριάς ἡ παντοδύναμος καὶ ζωοποιός, καὶ δημιουργὸς² ἀγαθότης³ ἐν τρισὶν ὑποστάσεσιν ὁμοουσίως δοξαζομένη⁴, πρόνοιαν ποιουμένη τοῦ ἀνθρώπου⁵, κατ' εἰκόνα ἰδίαν κατ' τὸ νοερὸν τοῦτον⁷ δημιουργήσασα, δόξῃ τε καὶ τιμῇ στεφανώσασα, σοφίαν αὐτῷ ἐδωρήσατο, δι' ἧς κατὰ τὸ δυνατὸν Θεὸν γνωρίσαι δυνάμενος, δοξάζει⁸ διὰ παντὸς τὸν κτίστην τῶν ἀπάντων⁹· ἡ σοφία τοίνυν ἐκ τῆς αὐτοῦ¹⁰ μεγαλειότητος τοῖς ἀνθρώποις δοθεῖσα προδήλως¹¹ καλῇ καὶ τερπνῇ ὡς Θεοῦ δῶρον καθέστηκε. Καὶ σὺ οὖν τέκνον¹² θεοφύλακτον, Κωνσταντίνε¹³, σοφία ἐντροφεύμενος¹⁴, γενοῦ φιλόσοφος, τοῦ φοβεῖσθαι τὸν Θεόν¹⁵. ἀρχὴ γὰρ σοφίας φόβος Κυρίου· σύνεσις δὲ ἀγαθῆ πᾶσι τοῖς ποιοῦσιν αὐτήν. Ἀγάπα δέ¹⁶ τὸν Κύριον, ἐξ ὅλης καρδίας καὶ διανοίας¹⁷ καὶ αὐτῷ μόνῳ¹⁸ λάτρευε, καὶ αὐτὸν μόνον δόξαζε· Δημιουργὸν οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ θαλάσσης, πάντων τε ὀρατῶν καὶ ἀοράτων ὑπάρχοντα¹⁹. Καί²⁰ γενήσεται σοι ὁδηγός καί²¹

¹ emend., Vat. Κωνσταντίνου; ² καὶ δημιουργός om PG; ³ ἡ ἐν τρισὶν PG; ⁴ τὸ ὑπέρβαλλον ἐπιδειξία βουλομένη τῆς οἰκείας ἀγαθότητος, καὶ ἐν πᾶσι μὲν τοῖς οὔσι, κατεξαιρετον δὲ add. PG; ⁵ τοῦ ἀνθρώπου πρόνοιαν ποιουμένη PG; ⁶ emend., κατὰ Vat. om. PG; ⁷ τοῦτον Vat., τοῦτου PG; ⁸ δοξάζει PG; ⁹ τὸν τῶν ἀπάντων κτίστην PG; ¹⁰ τῆς αὐτῆς PG; ¹¹ καὶ add. PG; ¹² ἐμὸν add. PG; ¹³ Κωνσταντίνε om. PG; ¹⁴ ἐκτροφεύμενος PG; ¹⁵ ἐκ τοῦ τὸν Θεὸν φοβεῖσθαι PG; ¹⁶ ἀγάπα τοίνυν PG; ¹⁷ καὶ διανοίας om. PG; ¹⁸ μόνῳ om. PG; ¹⁹ ὑπάρχοντα om. PG; ²⁰ ὅς καὶ PG; ²¹ ὁδηγός καὶ om. PG;

βοηθός ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς προσκαιροῦ ζωῆς σου καὶ ἐν τῷ αἰῶνι τῷ μέλλοντι. Τέκνον²², σχόλασον τῇ θεοδιδάκτῳ σοφίᾳ ἢ φιλοσοφίᾳ γὰρ ἀρίστη ὑπάρχουσα²³, δυσὶ τρόποις ἐν τῷ ἀνθρώπῳ γνωρίζεται²⁴, τουτέστιν ἐν λόγοις, ἐν ἀρεταῖς, αὐτὰ τὰ βᾶθη τῶν πραγμάτων ἐναργῶς ἀποδεικνύουσα, καὶ ἐν σεμνῇ διαγωγῇ καὶ ἔργοις ἀγνοῖς καὶ θεαρέστοις δι' ὧν δύναται τις πάντα πράττειν ἀρμοδιῶς, ὥστε καὶ Θεὸν θεραπεύειν, καὶ ἀνθρώποις μέγας καὶ ἔνδοξος ἀναδείκνυσθαι. Τίμα {δὲ ἀρχιερεῖς, ὡς εἰκόνα τοῦ Θεοῦ... in marg.} καὶ ἱερεῖς καὶ πρεσβύτεας²⁵, καθάπερ γονεῖς, ὅπως καὶ σὺ²⁶ Θεοῦ κελεύσει²⁷ τιμηθῆς ἐκ παιδῶν σῶν²⁸ τε καὶ ἀλλοτρίων. Πτωχοῖς καὶ ἐνδεεσί καὶ ἐν ὀδύναις²⁹ ὑπάρχουσι, μεταδίδων³⁰ προθύμως, γινώσκων, ὅτι δι' αὐτῶν τῷ Χριστῷ δανεῖζων τῷ Θεῷ³¹, παρ' αὐτοῦ ἀπολήψῃ τὰ μείζονα. Ἀγαθοποιῆσαι βουλόμενος, μὴ ὑπέρθῃ³² ἐς αὐριον οὐ γὰρ οἶδας³³, τί τέξεται ἢ ἐπιούσα. Ἐλεημοσύνην ἀγάπα καὶ ταύτην ἐργάζου πᾶν γὰρ τὸ ἐπὶ γῆς σπειρόμενον, ἐπὶ γῆς καὶ φύτεται· ἐλεημοσύνη δὲ μόνῃ ἐπὶ γῆς μὲν σπεῖρεται, || (f. 184v) ἐν οὐρανοῖς δὲ καρποὺς ἐκαντοπλασίους³⁴ ἀποδίδωσι. Γενοῦ ἦπιος ἐκάστῳ³⁵ καλῶς διαγινομένῳ³⁶· σοβαρὸς δὲ τῷ ἀδικοῦντι³⁷· γενοῦ³⁸ γλυκὺς τοῖς ἀνθρώποις· αὐστηρὸς δὲ ταῖς ἡδοναῖς³⁹. Μετὰ δόξην ἀνδρῶν εὐρίσκου διὰ παντός⁴⁰· στρεβλοῦς δὲ ἀποστρέφου⁴¹. Λόγους ἀσέμνους μὴ προσδέχου⁴²· φθειροῦσι γὰρ⁴³ ἤθη χρηστὰ ὁμίλια κακαῖα. Ἀδίκῳ μὴ παραχώρει, ἀλλὰ τοῦτον νουθέτει· καὶ εἰ μὲν ἐπιστρέψει⁴⁴, εὖ ἔχοι, εἰ δὲ ἐπιμένει⁴⁵, αὐστηροτέρως τοῦτον ἐπίστρεφε· οὕτω γὰρ πράττων, καὶ σὺ⁴⁶ Θεῷ εὐαρεστήσεις⁴⁷, κακεῖνον ἐν κημῷ ἄξεις⁴⁸ καὶ διδάξεις γνωρίζειν⁴⁹ Θεόν κἄν γὰρ⁵⁰ πρὸς μικρὸν ὀδυνηθῇ καὶ μισήσῃ σε, ἀλλ' οὐν ἔσται⁵¹ μετὰ ταῦτα καὶ εἰς τὸν αἰῶνα ἀγαπῶν σε⁵². Ἀλήθειαν ἀγάπα καὶ αὐτὴν κτήσαι⁵³· ψευδὲς δὲ μὴ γνωρίσης· ἀλήθεια γὰρ ἐστὶν ὁ Θεός· πατὴρ δὲ ψεύδους ὁ πονηρός⁵⁴. Ἐν ἐκκλησίαις ἐν ἡσυχίᾳ διατέλει⁵⁵, τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ⁵⁶ ἀκούων καὶ πρὸς αὐτὸν τὸν νοῦν ἐν ἀνέσει⁵⁷ ποιούμενος· ὅταν ἡρεμήσῃς ἐκ τῶν συνεχῶν σου⁵⁸ φροντῖδων, αἶ σε συνέχουσι, μὴ ἀργήσῃς· ἀργία γὰρ, τίκει νόσον ψυχῆς τὴν καὶ σώματος. Γύμναζε τὸν νοῦν σου βίβλοις τῶν θεοπνευστῶν γραφῶν καὶ ποιητῶν δὲ καὶ ἱστορικῶν συγγράμμασι· δυνατὸν γὰρ ἐκ τούτων τὰ χρήσιμα καὶ ἐποφελῆ ἀναδέξασθαι· ταῦτα οὖν ἐν τῇ καρδίᾳ σου φύτευε· καρποὺς γὰρ φέρουσι βιωφελεῖς καὶ προσήκοντα· τὰς δὲ, ὡς εἰκόσ, εὐρισκομένας ἀκάνθας, ἐκρίπτει. Πυμνάζων δὲ τὸν νοῦν ταῖς θεωρητικαῖς καὶ ψυχοφελέσι μελέταις, γύμναζε καὶ τὸ σῶμα

²² τέκνον om. PG; ²³ ἢ φιλοσοφία om. PG, ἀρίστη γὰρ ἦδε ὑπάρχουσα PG; ²⁴ θεωρεῖται τε καὶ γνωρίζεται PG; ²⁵ δὲ ἀρχιερεῖς ὡς τὴν εἰκόνα τοῦ Θεοῦ... καὶ δ' post τίμα Vat. in marg.; ²⁶ σὺ om. PG; ²⁷ κελεύσει Θεοῦ PG; ²⁸ παιδῶν τῶν οἰκείων PG; ²⁹ καὶ ἐν ἀνάγκαις PG; ³⁰ μεταδίδου PG; ³¹ τῷ Χριστῷ om. PG, δανεῖζων Θεῷ PG; ³² ὑπέρθου PG; ³³ φησὶ add. PG; ³⁴ ἑκατονταπλασίους καρποὺς PG; ³⁵ ἐκάστῳ ἦπιος PG; ³⁶ ἀγομένῳ PG; ³⁷ τῷ ἀδικοῦντι δὲ σοβαρὸς PG; ³⁸ γενοῦ om. PG; ³⁹ ταῖς ἡδοναῖς δ' αὐστηρὸς PG; ⁴⁰ ἀναστρέφου PG; ⁴¹ ἀπαναίνου καὶ ἀποστρέφου PG; ⁴² λόγους ... προσδέχου om. PG; ⁴³ φησὶν add. PG; ⁴⁴ κἄν μὲν ἐπιστρέψῃ PG; ⁴⁵ ἂν δ' ἐπιμένῃ PG; ⁴⁶ σὺ om. PG; ⁴⁷ εὐαρεστος ἔση PG; ⁴⁸ ἄξεις PG; ⁴⁹ γνωρίζειν διδάξεις PG; ⁵⁰ ἂν γὰρ καὶ PG; ⁵¹ ἔσεται PG; ⁵² ἀγαπῶν σε εἰς τὸν αἰῶνα PG; ⁵³ κτήσαι ταύτην PG; ⁵⁴ ἀλήθεια γὰρ ὁ Θεός· ψεύδους δὲ μὴ γνωρίσης· ψεύδους γὰρ πατὴρ ὁ διάβολος PG; ⁵⁵ ἡσυχίαν ἀγε PG; ⁵⁶ τῶν τοῦ Θεοῦ λόγων PG; ⁵⁷ ἐν ἀνέσει τὸν νοῦν PG; ⁵⁸ emend., Vat. σε;

ἰππικαῖς καὶ τοξευτικαῖς καὶ ἄλλαις γυμνασίαις εὐπρεπεστάτοις καὶ ἀρμοξούσαις ἐλευθέροις ἀνθρώποις· σῶμα γὰρ γυμναζόμενον, ῥώσει κρατύνεται. Ἐν ἐκάστῳ τῶν τὴν ἰδίαν τάξιν φύλαττε· ἐν σεκρέτῳ ἔσο πρᾶξις καὶ σοβαρός ἀκαιροπαρησίασθον μὴ προσδέχου διὰ τὸ εὐκαταφρόνητον μὴ δὲ πάλιν ἀκαιρῶς ἀποδίωκε, διὰ τὸ ἀπάνθρωπον. Φιλοῦντα σε ἐν πράγματι ἀδίκα μὴ δικαιοῦσης· μὴ δὲ μισοῦντα σε ἐν δικαίῳ πράγματι κατακρίνης· φιλίαν φύλαττε φίλῳ εὖ διαπραττομένῳ τῷ εἰς σὲ πταίοντι παραχώρει, ἵνα καὶ σὺ τῶν ὁμοίων ἐκ Θεοῦ τύχοις τῷ εἰς ἄλλον || (f. 185) πταίοντι, μὴ παραχώρει, ἀλλὰ τοῦτον δεόντως σωφρόνιζε. Ψυχὴν, ὡς ἔτυχεν, εἰς θάνατον μὴ καταδικάσης· οὐ δὲ γὰρ τις δύναται ἄνευ Θεοῦ ψυχὴν ἐνώσαι σώματι. Οὕτως ἔτι ἔξελθε τῷ παιίνοντι, ἵνα ὅταν νομίσης δύνη τοῦτον ἀνακαλέσασθαι. Πόθῳ ἢ φόβῳ ἀνθρώπος δουλεύεται· συμφέρει δὲ πόθῳ ἢ φόβῳ δουλεύεσθαι⁵⁹. Εἰρήνην ἀγάπα σκάνδαλα ἀποστρέφου· εἰρήνην πρὸς ἕκαστον σπεῦσον ἔχειν· εἰ μήπως οἱ ἀντικείμενοι, μὴ πειθαρχήσωσι. Γυναικὶ ἰδίᾳ, γενοῦ μέλος ἴδιον⁶⁰. ἄλλοτρίᾳ δὲ μὴ δὲ ὀφθαλμῷ προσεγγίσης. Τύφον δὲ⁶¹ καὶ κενοδοξίαν, μὴ κτήσῃ γινώσκων, ὅτι καὶ οἱ σοὶ γονεῖς ἰδιώται καὶ ἐν ἀγροῖς ἐτυγχάνομεν Θεοῦ δὲ φιλανθρωπία, ὅπερ ἐσμέν, γενέσθαι κατηξιώθημεν⁶². Τοῦ πατρὸς σου τοὺς λόγους, ἀσφαλῶς φύλαξον⁶³. οὐδεὶς γὰρ οὕτως διδάσκει ἀφθόνως⁶⁴, ὡς ὁ πατήρ, τέκνον διδάσκαλος⁶⁵, ὡς εἰκός, φθονεῖ μαθητὴν⁶⁶ ὑπὲρ αὐτὸν γινόμενον⁶⁷. πατήρ δὲ μεγάλην δόξαν ἔχει⁶⁸, ὅταν ἴδοι τὸ τέκνον καὶ ὑπὲρ ἑαυτὸν καὶ ὑπὲρ ἕκαστον τῶν ἀνθρώπων φαινόμενον⁶⁹. νουθεσίαν πατρός σου ἄκουε τέκνον⁷⁰. τρόποις δὲ ἀσέμνοις⁷¹, μὴ ἐξακολούθει⁷².

⁵⁹ ὅταν ἐρεμήσης... πόθῳ ἢ φόβῳ δουλεύεσθαι om. PG; ⁶⁰ γυναικὶ μέλος ἰδίᾳ γενοῦ PG; ⁶¹ δὲ om. PG; ⁶² γινώσκων, ὅτι ... γενέσθαι κατηξιώθημεν om. PG; ⁶³ φύλαττε PG; ⁶⁴ οὐδεὶς γὰρ ἀφθόνως διδάσκει PG; ⁶⁵ διδάσκαλος γὰρ PG; ⁶⁶ μαθητὴν PG; ⁶⁷ γενομένῳ ὑπὲρ αὐτὸν PG; ⁶⁸ ἔχει δόξαν PG; ⁶⁹ γινόμενον PG; ⁷⁰ τέκνον om. PG; ⁷¹ ἀσέμνοις τρόποις PG; ⁷² ἐξακολούθει. Παντὶ δὲ τρόπῳ κατακοσμεῖσθω σου καὶ ἦθος καὶ λόγος καὶ νόημα.

Перевод:

Василевса Ираклия своему сыну послание, надписание которого таково: Верный во Христе Август Ираклий богохранимому сыну нашему Ираклию Константину¹, приветствие

Божественная и всесвятая Троица, животворящая и всемогущая, творец благости, в трех ипостасях равносущно прославляемая, промышляя [о] человеке, сотворила разум егоⁱⁱ по собственному подобию, увенчав славой и честью, даровала ему мудрость, посредством которой [он], могущий посильно постичь Бога, прославляет во все времена Творца всего. Итак, мудрость, данная людям по величию Его, стала воочию прекрасной и сладостной, как дар Божий. Так что ты, чадо богохранимое Константине, воспитанный мудростью, стань философом в страхе Божиим: ведь начало мудрости — страх Господень, а благое разумение — всем творящим ее. Возлюби же Господа всем сердцем и по-

мыслими, служи ему одному и его одного славь — Творца небу и земли, и моря, всех же видимых и невидимыхⁱⁱⁱ. Да станет он тебе путеводителем и помощником во все дни твоей преходящей жизни и в веке будущем. Чадо, пребудь в богонаукаемой мудрости, ведь любомудрие действительно наилучшее познается в человеке двояким образом, то есть на словах и в добродетели. Самое величие деяний оно ясно являет в почтенном образе жизни, равно как в делах непорочных и богоугодных, через которые каждый может всё совершать подобающе, так чтобы и Богу прислуживать, и людям выказывать себя великим и славным.

Почитай {архиереев, как образ Божий}, иереев и пресвитеров, словно родителей, с тем чтобы и ты, Божиим соизволением, был почтен чадами своими и чужими. С бедными, в нужде и скорбях сущими, делись^{iv} ревностно, зная, что одождая через них Христу Богу, получишь от Него большее. Желая благодетельствовать, не откладывай [этого] на завтра, «ибо ты не знаешь, что родит грядущий день» (Притч. 3, 28). Возлюби милостыню и твори ее, ибо всё посеваемое на земли, на земли и произрастает, лишь милостыня одна, на земли сеется (184 об.), а стократ воздаст плоды на небеси.

Ко всякому, славно живущему, будь милостив, а к неправедному — строг. Людям будь приятен, удовольствиям же — суров. Пребывай постоянно с благочестивыми мужами, порочных же отвращайся. Нечестивых слов не допускай, ибо «худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15, 33). Не уступай несправедливому, но увещевай его и, если он изменится, то пусть благоденствует, если же не отступится, понуждай строже. Ведь, поступая так, ты и Богу угодишь, а на того набросишь намордник и научишь [его] познавать Бога. Даже если он недавно гневался на тебя и тебя ненавидел, ведь он станет после этого навеки любящим тебя. Возлюби истину и обрети ее, да не познаешь ты лжи: ибо Бог есть истина, а Лукавый — отец лжи.

[Находясь] в храме, пребывай в молчании, внимая слову Божию и в упокоении обращая к Нему ум свой. Когда освободишься от своих^v непрестанных забот, которыми ты одержим, не будь празден, ибо праздность порождает болезнь души и тела. Упражняй ум твои книгами боговдохновенных писаний, а также сочинениями поэтов и историков, ибо от них можно воспринять дельное и полезное. Насаждай это в сердце твоём, ведь оно приносит подобающие и в жизни полезные плоды, ну а встречающиеся, по обыкновению, тернии — вырывай. Но, упражняя мысль твою умственными и душеполезными занятиями, упражняй также тело конными, лучными [равно как] и прочими — благопристойными, приличествующими свободному человеку — упражнениями, ибо тело, привычное к упражнениям, крепко силой.

В каждом месте сохраняй свойственный [ему] порядок: при дворе будь покоен и важен. Не допускай [к себе] не вовремя говорящего открыто, так как это презираемо, но и (с другой стороны) не прогоняй

несвоевременно, так как это грубо. Да не оправдаешь ты любящего тебя в деле неправедном, и не осудишь ненавидящего тебя в деле праведном. Храни дружбу к другу благорасположенному. Допустившему [по отношению] к тебе ошибку уступи, с тем чтобы и ты претерпел от Бога подобное, но не уступай допустившему ошибку [по отношению] к другому, а образуй его должным образом. Да не осудишь ты, как случилось, душу на смерть, ибо никто, кроме Бога, не может воссоединить душу с телом. А еще так отнесись к [тебя] радующему, чтобы ты смог, когда сочтешь нужным, призвать его. Человек подвластен страсти или страху и подобает, чтобы [он] подчинялся с желанием или страхом.

Возлюби мир и избегай соблазна. Спешి быть в мире с каждым, кроме как с противниками, [которые] не подчиняются. Для своей жены стань частью ее собственного тела, а на чужую избегай даже и смотреть. Не усваивай себе спеси и тщеславия, зная, что мы, родители твои, были простыми людьми на селе, но Божиим человеколюбием удостоились стать тем, что мы есть ныне. Надежно храни слова отца твоего, ибо никто не учит так бескорыстно как отец чадо. Учитель, как водится, завидует ученику, превзошедшему его, отец же получает великую славу, всякий раз, когда узнает, что чадо оказывается превыше его самого и каждого из людей. Слушайся наставлений отца твоего и не следуй нечестивым обычаям.

ⁱ В Ватиканском списке явно ошибочное Κωνσταντίνου.

ⁱⁱ Текст в Ватиканском списке (πρόνοιαν ποιούμενη τοῦ ἀνθρώπου, κατ' εἰκόνα ἰδίαν κατὰ τὸ νοερόν τοῦτο δημιουργήσασα), очевидно, испорчен. В исправлении греческого текста и русском переводе я ориентируюсь на издание в «Греческой патрологии»: κατ' εἰκόνα ἰδίαν τὸ νοερόν τοῦτου δημιουργήσασα.

ⁱⁱⁱ Аллюзия на Символ Веры.

^{iv} В переводе принято чтение по изданию «Патрологии» (μεταδίδου) вместо μεταδίδων Ватиканского списка.

^v Текст Ватиканского списка (ἔξ τῶν συνεχῶν σε φροντίδων), видимо, испорчен. В переводе принято исправление σε в σοῦ.

БЕСЕДА МИХАИЛА ХОНИАТА ОБ УНЫНИИ

Предисловие, публикация, перевод и комментарий
А.М. Крюкова

Среди произведений выдающегося византийского писателя и церковного деятеля XII — начала XIII вв. Михаила Хониата видное место занимают его огласительные беседы, сохранившиеся в двух рукописях Московского Синодального собрания¹. К их числу относится и Двадцать Пятая гомилия, имеющая, помимо порядкового номера, еще и заголовок «Об унынии», которая предлагается ныне вниманию читателя.

Датировка этого памятника определяется его положением в обособленной группе поучений, каждое из которых посвящено какой-либо греховной страсти и противостоящей ей добродетели. Этих поучений шесть (с Двадцать первого по Двадцать шестое) — по числу воскресений Великого поста. Содержание их также указывает на то, что все они были произнесены в течение одной Четырдесятницы, тогда как обычно Афинский митрополит проповедовал лишь ежегодно — перед вступлением в пост. Нетрудно установить и год, когда Михаил Хониат счел нужным отойти от обычного правила: в его Двадцать четвертой беседе, посвященной радости и печали, обильно цитируется благовещенское евангелие (Лк. 1, 24 — 38)². Простой подсчет показывает, что в тот год праздник Благовещения (25 марта) должен был совпасть с четвертым воскресеньем поста, а за всё время пребывания Михаила на Афинской кафедре (1182 — 1205) такое было лишь единожды: в 1192 году.

Весна 1192 года была, по-видимому, относительно спокойным временем для Михаила Хониата и его паствы. Во всяком случае, такой вывод можно сделать на основании переписки Афинского митрополита, которая лишь приблизительно с 1195 года — даты воцарения на константинопольском престоле Алексея III Ангела Комнина — окончательно превращается в сплошной поток жалоб на тяжелое положение Аттики. Очевидно, именно относительно благополучие обстановки позволило Михаилу отметить десятую годовщину своего прибытия в Афины произнесением нескольких бесед вместо одной традиционной, и оно же, наряду с изначально заданной тематикой этих гомилий, сделало их наименее содержательными с точки зрения современных исследователей³. Тем не менее, памятник, предлагаемый вниманию читателя, может служить одним из доказательств того, что изучение огласительных бесед Афинского митрополита в комплексе с другими его



произведениями способно существенно дополнить наши знания о внутреннем мире самого проповедника и его подопечных.

Тема уныния вообще является постоянным лейтмотивом для сочинений Михаила, которому то и дело приходилось то искать утешения в собственных несчастьях, то утешать друзей, попавших в беду. Именно поэтому в ряде случаев создается впечатление, что, наставляя свою паству, проповедник одновременно обращается с увещеванием и к самому себе. Так, говоря о неспособности своего поколения противостоять духу уныния, его «малодушии, мелочности, унынии, слабости»⁴. Афинский митрополит, конечно, не отделяет себя от собственных подопечных. Эти слова перекликаются с Девятнадцатой беседой, где Михаил скорбит о том, как далеко и самому проповеднику, и его пастве до высот добродетели его учителя, Евстафия Солунского⁵.

В проповеди, специально посвященной унынию, задействуется весь арсенал приемов, испытанных Михаилом в утешительных посланиях к друзьям. Таковы ссылки на злоключения царя Давида, и, разумеется, на книгу Иова⁶, которая в данном случае становится не просто источником заимствований: на реминисценциях из нее, в том числе и внешне не связанных с основной темой, строится весь каркас поучения. Именно оттуда берет автор свои сведения о загадочном камне смирите, служащие отправной точкой для его речи. Не случайно, очевидно, и то, что, упоминая о своей ревности по дому Божию, Михаил ставит себе в пример не библейского ревнителя Финееса (о нем см. Числ. 25, 7 — 15), который в других случаях всегда служит для него олицетворением этого качества⁷, но Елиуя Вузитянина, чья речь в книге Иова непосредственно предшествует обращенным к Иову словам Самого Божества (см. Иов 32 — 37).

Ссылки на собственное недостоинство в сравнении с великими пророками и патриархами древности встречаются у Афинского митрополита и в ином контексте: когда ему необходимо отвести возможные возражения своей паствы против необходимости повиноваться церковному начальству. На подобные суждения Михаил Хониат всегда отвечает в сходных выражениях. Например, в беседе на неделю Ваий говорится: «Но мы не Самуил и не Аарон, которые “призываху Господа, и Той послушаше их; в столпе облачне глаголаше к ним” (Пс. 98, 6 — 7)... Истинны слова твои, друг. Но мы таковы, как ты говоришь, ты же откуда явился к нам, словно новый Даниил? Кто дал тебе старшинство, чтобы судить судей..., пасти пастыря, будучи овцой, и наставлять учителя, оставаясь учеником?»⁸. Аналогичным образом Афинский митрополит возражает сакелларию Фоке⁹.

Правда, в Двадцать пятой гомилии проповедник не допускает столь резких высказываний. Тем не менее, тема его недовольства своей паствой в какой-то момент выступает на первый план и здесь. Сам Михаил Хониат предупреждает слушателей, что не собирается много говорить о

таком унынии, «когда кто-либо из вас, переживший смерть жены, чада или брата, либо терзаемый болезнью или утратой денег, или же в самое сердце уязвленный бесчестьем, не жаелет утешиться, поглощенный отчаянием и не надеющийся на лучшее»¹⁰. Напротив, его интересует иной вид этой греховой страсти: бесчувственность к делу собственного спасения, поддающаяся исцелению с гораздо большим трудом. В качестве основного ее проявления выступают праздные беседы в храме.

Таким образом, под именем единой болезни проповедник объединяет внешне противоположные явления (безутешную скорбь и, напротив, чрезмерную жизнерадостность, выражающуюся в невнимании к словам митрополита). Разумеется, это ни в коей мере не противоречит святоотеческой традиции, которая считает основным признаком уныния именно пренебрежение молитвой, так что «ставшим на молитву сей лукавый дух напоминает о нужных делах, и употребляет всякое ухищрение, чтобы только отвлечь нас от собеседования с Господом»¹¹. Но в том-то и дело, что сказано это о монахах, прекрасно знающих свою основную задачу, но иной раз не выдерживающих ее тяжести, в то время как слова Афинского митрополита обращены к мирянам, чей «сон уныния, порождение житейских забот», скорее всего, изначально, и потому едва ли сопряжен с каким-либо душевным дискомфортом.

Борьба Михаила Хониата с празднословием в храме интересна и еще в одном отношении: она заставляет вспомнить отзывы нашего автора о «варварском» языке современных ему афинян¹². Несомненно, что для утонченного столичного интеллектуала «грубость» народной речи должна была выглядеть особенно очевидной на фоне древнегреческого языка богослужений и его собственных проповедей, так что, порицая своих подопечных за «площадные» (ἄγροαῖοι) слова, он наверняка возмущался не только смыслом, но и самим звучанием этих последних.

Таким образом, обличение страсти уныния оказалось для митрополита прежде всего удобным поводом, чтобы лишний раз призвать к порядку своих слушателей. Призыв этот интересен для нас потому, что все приведенные выше цитаты, свидетельствующие о напряженности отношений нашего автора с его паствой, взяты из произведений, относящихся к раннему периоду его пребывания в Афинах. Поскольку же 1182 год, когда Михаил Хониат сделался Афинским митрополитом, был одновременно и годом пришествия к власти Андроника I Комнина, чье правление известно не только многообразными жестокостями, но и попытками реформ, данные места часто рассматривались исследователями как свидетельство того, что первые шаги нового архиерея в целом укладывались в реформаторскую программу этого царствования¹³.

Текст беседы об унынии, относящийся уже к началу девяностых годов, заставляет осторожнее отнестись к этим оценкам. По-видимому, речь в данном случае должна идти не столько о резком столкновении

реформаторской политики митрополита с местными традициями, сколько о долгом и трудном для Михаила процессе адаптации к новой для себя среде, сопровождавшемся обычными для такой ситуации конфликтами.

Беседа печатается по рукописи № 218, так как второй список представляет собою копию с нее, к тому же изобилующую ошибками. Тем не менее, его чтения приводятся в критическом аппарате, где каждый из двух списков обозначается своим номером по каталогу архим. Владимира (218 и 219). В основном тексте (но не в чтениях критического аппарата) без специальных оговорок исправляются некоторые общие особенности орфографии рукописей, в частности отсутствие придыханий над двойным ρ и подписных йот. Кроме того, раскрываются имеющиеся сокращения. Нам принадлежит также расстановка прописных букв и пунктуации.

- ¹ Рукописи № 218 и 219 по каталогу архим. Владимира (См.: Архим. Владимир (Филантропов). Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. I. Рукописи греческие. М., 1894. С. 272 — 274).
- ² Cod. Mosquensis synodalis 218. Fol. 268 v. — 269.
- ³ До сих пор было опубликовано лишь одно (Двадцать шестое) поучение из этой группы. См.: Ἱστορία τῆς πόλεως Ἀθηνῶν κατὰ τοὺς Μέσους αἰῶνας ὑπὸ Φ. Γρηγοροβίου. Μεταφρασθεῖσα ὑπὸ Σ. Π. Λάμπρου. Τ. Β΄. Ἀθήναι, 1904. Σελ. 677 — 725.
- ⁴ Cod. Mosquensis synodalis 218. Fol. 277 v.
- ⁵ Арсений (Стадницкий), еп. Четыре неизданные беседы Михаила Акомината, митрополита Афинского. Новгород, 1901. С. 288.
- ⁶ Ср. письма Михаила Хониата к Димитрию Торнику (№ 49) и будущему патриарху Михаилу Авториану (№ 45), где ссылки на книгу Иова сразу же задают тон всей речи. См.: Μιχαὴλ Ἀχομινάτου τοῦ Χαονιάτου τὰ σοφώμενα. Ὑπὸ Σ. Π. Λάμπρου. Ἐν Ἀθήναις, 1878 — 1880. Τ. Α΄. Σελ. 72, 79. (Далее это издание обозначается сокращенно: МА).
- ⁷ См. напр.: МА. τ. Α΄. Σελ. 233:5 — 10; τ. Β΄. Σελ. 66:11 — 12.
- ⁸ МА. τ. Α΄. Σελ. 139:4 — 13.
- ⁹ МА. τ. Β΄. Σελ. 30:19 — 23.
- ¹⁰ Cod. Mosquensis synodalis 218. Fol. 279 v.
- ¹¹ Иоанн Лествичник. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 103.
- ¹² МА. τ. Β΄. Σελ. 44:1,18 — 24.
- ¹³ Stadtmüller G. Michael Choniates, Metropolit von Athen (ca. 1138 — ca. 1222) // *Orientalia Christiana*. Vol. 33. № 41. Roma, 1934. S. 164.

ΠΕΡΙ ΑΚΗΔΙΑΣ. ΚΑΤΗΧΗΣΙΣ ΚΕ'

1. Ἔστι τις λίθος, σμιρίτης καλούμενος λίθος, οὐχ εἷς τῶν πολλῶν τούτων καὶ ἐπὶ γῆς κλινδουμένων καὶ πατουμένων, ὡς ἀχόντων θαῦμα μηδὲν φύσεως, ἀλλὰ τῶν κεκραγόντων τὸ ἄφθονον τῆς σοφῆς δημιουργίας καὶ ποικίλον οἷς καὶ μέχρις αὐτῶν τὸ φιλότιμον ἐπεδειξάτο, ἄλλω ἄλλην ἐντάξασα δύναμιν ἄρρητον. Τοῦ τοιοῦτου λίθου τοῦ σμιρίτου θαυμαστὸν μὲν καὶ τὸ εἰς ἑαυτὸν ἀρπάζειν, τὸν σίδηρον ἔλκοντα οὐδὲν ἦττον τῆς κομπαζούσης τούτῳ μαγνήτιδος θαυμαστότερον δὲ καὶ τὸ μὴ διίστασθαι ἀλλήλων πολλοὺς κατὰ ταῦτὸ συνειλεγμένους σμιρίτας, ἕνα δὲ ἐνὸς ἔχεσθαι συνηρημένους. Καὶ ἵνα μὴ μὲ λογοποιεῖν ἄλλως ταῦτα νομίσητε, ἢ ἐξαπατημένον παρὰ τῶν μυθευομένων περιττὰ τινα καὶ ἀμάρτυρα οὕτως ἀρχαϊκῶς διηγῆσθαι γράφοντα, ἐκ τῆς ἱερᾶς Γραφῆς τὸ τοῦ λίθου τοῦδε θαῦμα πιστώσομαι εὖρομεν γὰρ ἐν τῇ κατὰ τὸν Ἰωσήφ (sic) βίβλῳ ἢ γεγραμμένον οὕτως σύνδεσμος αὐτοῦ ὥσπερ σμιρίτης λίθος εἷς τοῦ ἐνὸς κολλῶνται.

2. Ἀλλὰ περὶ μὲν τῆς ιδιότητος τοῦ σμιρίτου οὐκ ἂν διαμφορητοῖητε τοῦ λοιποῦ, μὴ καὶ μάτην καταχαρίζομεθα τῇ φύσει τὰ πέρα θαύματος. Εἶποιτε δ' ἂν, τί πρὸς τὸν λίθον τοῦτον ἢ τοῦ λόγου ἀναβολή, ἢ πῶς ἐπ' αὐτῷ τοῦ προοιμίου καταβεβλημένον ἢ τῆς ὁμιλίας οἰκοδομία ἐγερθήσεται; Ἀλλ' ἀνέχεσθε, καὶ μὴ οὕτω δυσκαθέκτως λιχνεύεσθε περὶ τὴν ἀκρόασιν, μὴ δὲ κατεπειγόμενοι, τῷ λίθῳ τούτῳ προσκόπτετε· γωνιαίῳ γὰρ ἐντευξείσθε, οὐ λίθου προσκόμματος ἢ [π. 276] συναντήσεσθε οὕτω μάτην παρεδρόμιμένῳ, ἢ ἄλλως ἀναρμότως προβεβλημένῳ τῆς τοῦ προοιμίου καταβολῆς. Οὐχ οὕτως ἡμεῖς ἄστοργοι, ὡς ὄφιν ἀντὶ ὄφου, ἢ λίθον ἀντὶ ἄρτου προϊῶσθε. Ἀκοῦτε γοῦν ὁ Κύριος χρηματίζων τῷ γενναίῳ Ἰώβ, ἄλλα τε ἔργα τῆς αὐτοῦ μεγαλουργίας διέξεισι, καὶ δράκοντα διαγράφει, φοβερὸν μὲν καὶ ἀναντίβλεπτον ὄλως ἀνθρώπου φύσει, Θεῷ δὲ ἀγόμενον ἐν ἀγκίστρῳ καὶ ὑπ' ἀγγέλων παιζόμενον. Οἴδατε, τίς ἐστὶν οὗτος ὁ δράκων, ὁ λευϊάθάν, ὁ βασιλεύων ἐν ὕδασι; Τούτου τοῦ πονηροῦ κήτους ἀπαγγέλλει μὲν καὶ κεφαλὴν καὶ ὄφθαλμούς, καὶ στόμα, καὶ βύρσαν, καὶ τᾶλλα μέρη καὶ μέλη· ἐπιφέρει δέ, ὅτι καὶ ὁ σύνδεσμος αὐτοῦ, ὥσπερ σμιρίτης λίθος, εἷς τοῦ ἐνὸς κολλῶνται.

1 ἔστι τις 218, 219; σμιρίτης 218, 219; 3 καὶ μηδὲν 219; 4 ἐπιδείξατο 219; ἄλλω: ἄλλως 219; 5 ἐντάξασα 219; σμιρίτου 218, 219; 6 εἰς τὸ ἑαυτὸν 219; ἦττον 219; 7 μαγνήτιδος 219; θαυμαστότερον δὲ καὶ: καὶ net 219; 8 κατὰ ταῦτὸ 218, καὶ κατὰ αὐτὸ 219; σμιρίτας 218, 219; 9 καὶ ἵνα: καὶ net 219; νομίσηται 219; 10 ἀμάρτυρα 218; 11 ἀρχαϊκῶς 219; 12 βίβλον 219; 219 π. 445; 13 σμιρίτης 218, 219; 13 σμιρίτου 218, σμιρίτου λίθου 219; 16 διαμφορητοῖηται 219; μὴ καὶ μάτην: καὶ net 219; 19 ἀνέχεσθαι 219; οὕτως 219; λιχνεύεσθαι 219; 20 προσκόπτεται 219; ἐντευξείσθαι 219; 21 παρεριμένῳ 218, παρερημένῳ 219; 22 προβεβλημένῳ 219; 23 ὄφου 219; προϊῶσθε 219; 24 ἄλλα τὲ 218, 219; 25 μεγαλουργίας 219; διέξεισι из διέξεισε 219; 26 ὄλως 219; αἰ [π. 445 ὀβ.] γόμενον 219; 28 в слове ἀπαγγέλλει затерто второе λ 218; 30 σμιρίτης 218, 219;

3. Ἄλλὰ καιρὸς γὰρ εὐθύνειν τὸν λίθον ποτὶ σπάραταν φησί, πρὸς θεωρίαν τὰ κατὰ τῶν λίθον ἀρμοστέον καὶ τὸν σύνδεσμον ἐπιλυτέον τοῦ δράκοντος. Σύνδεσμος τοῦ χαλεποῦ κήτους καὶ οἶον σῶμα συνηρημένον, καὶ τοῖς κατὰ μέλος ἡρμοσμένον μέλεσιν, αἱ καθ' ἕκαστον κακία εἰσὶ τε καὶ λέγονται, ἅς οὕτω φησὶν ὁ Θεὸς ἐπεσθαι ἀλλήλοισι καὶ συνηρητῆσθαι, ὥσπερ
 5 καὶ οἱ σμιρίται λίθοι κολλώμενοι ἀλλήλων ἐξέχονται. Εἰσὶ μὲν γὰρ τινες αἱ μὴ ὅπως συνάπτεσθαι ἀλλήλαις, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ἀντικεῖσθαι δοκοῦσιν, οἷον τῇ πορνείᾳ καὶ φιλαργυρίᾳ ἢ φιλοδοξίᾳ οὐ συνήρηται, ὅτι καὶ μᾶλλον ἀντίκειται. Εἰ γὰρ ἡττηταί τις ἡδο||νῆς ὑπογαστρίων καὶ χρυσοῦ,
 10 καταπεφρόνηκε τῆς διὰ σωφροσύνην ἢ ἐλεημοσύνην ἐφελκομένης δόξης παρὰ τῶν πολλῶν· εἰ δὲ τῆς ἐντεῦθεν ἐραυζομένης δόξης ἐρᾷ, θερμότερον περιφρονεῖ καὶ ἡδονήν, καὶ χρυσόν. Πλὴν καὶ αὐταὶ εἰ καὶ μὴ συνηρηται αὐτόθεν ἀλλήλαις καὶ συνδέδενται, ἀλλὰ συνάπτονται ἄλλως, καθ' ὅτι καὶ ἡδονῶν ἦττα, πλημμελῆς οὕσα, καὶ ἡ περιφρόνησις, διὰ δόξαν ἀνθρωπίνην
 15 πραγματευομένους || [π. 276 οβ.] εἰς γε τὸν τῆς ψυχῆς ὄλεθρον καὶ ἄμφω συμπνέουσι. Καὶ ὥσπερ αἱ ὑπερβολαὶ καὶ ἐλλείψεις ἐναντιούμεναι ἀλλήλαις ἐν τῇ πρὸς τὴν μεσότητα μάχῃ φίλα φρονοῦσι καὶ προσήγορα, οὕτω καὶ αἱ εἰρημέναι κακία, ἀντικαθιστάμεναι καθ' ἑαυτάς, ἐν τῇ κατὰ τῆς ἀρετῆς μάχῃ ξυνίστανται, αἵ γε μὴν πᾶσαι σχεδὸν αὐτόθεν συνδεδεμέναι φαίνονται,
 20 καὶ συνέχονται φησι, καὶ οὐ μὴ ἀποσπασθῶσι, καὶ ἴνα μὴ λέγω τὸν σύνδεσμον τῶν ἄλλων κακιῶν, ἀλλὰ γε τὰς ὀκτὼ ταύτας, περὶ ὧν ἄρι διομιλούμεθα, ἔγνωτε πάντως, ὧ παρόντες, ἀλληλουχοῦνται, καὶ κατὰ σμιρίτας λίθους εἰς μίαν στραγγαλίαν μία μιᾶς κολλωμένη συνείρονται.

4. Γαστριμαργία μὲν γάρ, πορνεία πορνεία δέ, φιλαργυρία φιλαργυρία
 25 δέ, ὄργη ὄργη δέ, λύπη λύπη δέ, ἀκηδία ἐπὶ πάσαις δέ, κενοδοξία καὶ ὑπερηφανεία συνάπτονται. Ὅρατε τὸν σύνδεσμον τοῦ λευιᾶθάν, ὅπως κατὰ τὸν σμιρίτην λίθον ἐκ τῶν ἀλλήλαις ἐχομένων καὶ κρεμαμένων κακιῶν ἐπιπλέκεται, καὶ αὐτὰ ἐπισύρονται μὲν, ἄλλη ἄλλην, καὶ μία συνάπτει πρὸς μίαν, ἐφέλκονται δὲ πάντας πᾶσαι, οὐ τοὺς πολλοὺς μόνον καὶ εὐχερεῖς,
 30 ἀλλὰ καὶ τοὺς λίαν ἐμβριθεῖς καὶ στερόρους, ὡς οἱ σμιρίται καὶ συνηρηται τῶν ἀλλήλων, καὶ ἀρπάζουσι τὰ σιδήρια. Τὴν γὰρ ἐπαγωγὸν ἡδονὴν προβαλλόμεναι ῥᾶον ἐπισπῶνται πρὸς ἑαυτάς, κἄν μία οὕσα τύχη ἢ

3 σύνδεσμος δὲ 219; 4 κατὰ μέρος 219; καθέκαστον 218, 219; 5 συνηρηθῆσθαι 219; 6 σμιρίται 218, 219; εἰσὶν μὲν 219; 7 συνάπτονται 219; ἀλλὰ καὶ μᾶλλον: καὶ het 219; 8 τῇ φιλαργυρίᾳ 219; 9 219 π. 446; 10 ἀφελκομένης 219; 12 συνηρηται 219; 13 συνδέδενται, ἀλλὰ συνάπτονται: συνδέδεται καὶ συνάπτονται 219; καθότι 218, καθ' ὅτι 219; 14 οὕσα 219; 15 εἰ γε 219; 16 συμπνέουσιν 219; αἱ ὑπερβολαί: αἱ het 219; αἱ ἐλλείψεις 219; 17 ἐν τῇ πρὸς τὴν μεσότητα: τῇ μεσότητα 219; μάχῃ φιλοφρονοῦσι 219; 18 καθεαυτάς 219; 19 ξυνίσταται 219; μὴν: μὴν 219; 20 συνέχονται φησὶν 219; 21 καὶ || [π. 446 οβ.] τὰς 219; διαδηλούμεθα 219; 22 πάντες 219; ἀλληλουχοῦνται 219; σμιρίτας 218, 219; 23 κολλωμένης συνείρονται; 24 γαστριμαργίαν 219; φιλαργυρία (2): φιλαργυρίας 219; 25 ὄργη: sic 219; λύπη δὲ het 219; 27 σμιρίτην 218, 219; ἀλλήλων 219; 27 — 28 κρεμαμένων κακιῶν ἐπιπλέκεται, καὶ αὐτὰ ἐπισύρονται μὲν het 219; 28 συνάπτει καὶ 219; 30 ἀλλὰ het 219; ἐμβριθεῖς 219; σμιρίται 218, 219; 31 ἀρπάζουσι 219; ἐπαγωγὴν 219; 31 οὕσα 219;

ἐπισπασαμένη, αἱ πᾶσαι συνεπεσπάσαντο κατὰ τὴν τοῦ ῥηθέντος λίθου ἢ συνηρητημένην ιδιότητα, ἢ ὥσπερ ἐπὶ τῶν ἀλύσεων, ὁ κρίκον ἓνα ἔλκων, πᾶσαν ἄλυσιν εἴλκυσεν, οὕτω καὶ ἡμεῖς ὅλον τὸν πονηρὸν σύνδεσμον ἐπισπώμεθα, εἰ μίαν τῶν συνηρημένων κακιῶν ἐπισπασώμεθα.

5. Οὐ μᾶλλον γὰρ ἐλκόμεθα παρ' αὐτῶν, ἢ αὐτὰς ἡμεῖς ἔλκομεν. 5
 'Ελκόμεθα μὲν γὰρ ὑπ' αὐτῶν ἡδονῇ, ἔλκομεν δὲ πρὸς ἡμᾶς αὐτοὺς ἀποτελέσματι πράξεως, λανθάνομεν δὲ τῷ ἐπισπασμῷ μιᾶς ἡστινοσοῦν ἁμαρτίας καὶ τὸν ὄρμαθὸν τῶν λοιπῶν ἐπισπώμενοι. Οὐαὶ γὰρ φησιν ὁ 'Ησαΐας ἢ [λ. 277] οἱ ἐπισπώμενοι τὰς ἁμαρτίας αὐτῶν ὡς σχοινίῳ μακρῷ, καὶ ὡς ζυγοῦ ἱμάντι δαμάλεως, σχοινίον μακρὸν καὶ ζυγόδεσμον ὀνομάζων, 10
 ὅπερ παρὰ τοῦ 'Ιὼβ νεῦρα συμπλεκόμενα εἴρηται καὶ σύνδεσμος ἀδιάσπαστος. Ὡς γὰρ καὶ σῶμα Χριστοῦ λέγονται τινά, οὕτω καὶ τοῦ πονηροῦ, αἶ τε κακίαι καὶ οἱ κατ' αὐτὰς πλαττόμενοι, σῶμα εἰσὶ τε καὶ λέγονται, καὶ νεῦρα συμπεπλεγμένα, καὶ συνηρητημένος σύνδεσμος, ὧν τὸ πολυπλεκὲς ἄμμα οἱ κατὰ τὸν Δανιὴλ ἐπιθυμιῶν ἄνδρες ἀνέλυσαν, 15
 ἀναγγέλλοντες ἢ κρατούμενα, καὶ σύνδεσμοὺς λύοντες, οὐκέτι μὲν σειραῖς τοιαῖσδε σφιγγόμενοι, ὡς δέσμοι Χριστοῦ, τοῦ λέγοντος τοῖς ἐν δεσμοῖς ἐξέλθετε· λύοντες δὲ κατὰ τὸν προφητικὸν λόγον πάντα σύνδεσμον ἀδικίας, καὶ ἡμᾶς ἐκλύειν περιώμενοι, δι' ὧν τὰ συστρέμματα τῶν παθῶν διασπῶντες, ὑπ' ὄψιν καὶ ἰδίᾳ προτίθενται, ὥσπερ τὴν τε ὀργὴν, καὶ τὴν λύ- 20
 πην, καὶ τὴν ἀκηδῖαν, ἐφεπομένως ἀλλήλαις ἀπολαβόντες διέκριναν, ἵνα μη, συνημμένα ἀλλήλαις, σχοινίον ὧσιν ἔντριτον δυσδιάρρηκτον.

6. Ἐπεὶ οὖν περὶ ὀργῆς, εἶτα λύπης, ἐφθμεν ἰδίᾳ διαλέξασθαι, ἀκόλουθον σήμερον καὶ περὶ τῆς ἀκηδῖας εἰπεῖν, ἐπομένης τῇ λύπῃ, καὶ τεταγμένης εὐθύς μετ' αὐτήν, ἥτις, ἐπὶ μεγίστοις περιστατικοῖς γινομένη, 25
 ἐνίστε δὲ καὶ δι' ὀλιγορίαν μόνην ραθύμου ψυχῆς, οὕτως ὑπερβάλλει καὶ καταβάλλει τὴν ψυχὴν, ὡς καὶ πάρεσιν ψυχικῶν καὶ σωματικῶν πόνων ἐμποιεῖν δι' ἀπόγνωσιν ἀγαθῶν ἐλπίδων. Ἐντεῦθεν ἀπήγατο μὲν 'Ιούδας καὶ Ἀχιτόφελ· εἰς λίθους δὲ καὶ ὄρνεις καὶ φυτὰ μεταβεβλήσθαι πολλοὺς διὰ μέγεθος συμφορῶν Ἑλληνες ἐκομψεύσαντο, μόνον οὐκ ἀναίσθητεῖν οἶμα 30
 διὰ τὴν ἐκ τῆς ἀκηδῖας παραφορὰν αἰνιττόμενοι. Βαρύτατον γὰρ εἶπερ τι ἄλλο τὸ πνεῦμα τῆς ἀκηδῖας, καὶ οἷον μὴ τοῖς ἀγεννέσιν καὶ ἐαλώτοις μόνον ἐπιπίπτειν καὶ καταπιεῖν, ἀλλὰ καὶ τῷ μεγάλῳ Δαυῖδ οὐχ ἄπαξ, οὐδὲ μετρίως, πολλάκις δὲ καὶ μεθ' ὄσης σφοδρότητος· Δαυῖδ, ὃν καὶ μνήμη μόνη ἢ [λ. 277 ὀβ.] Θεοῦ εἰς εὐφροσύνην μετέβαλλεν. 35

1 συνεπέσαντο 219; 219 λ. 447; 4 εἰ μίαν: εἰς μίαν 218, 219; ἐπισπώμεθα 219; 5 οὐ μᾶλλον — ἐλκόμεθα net 219; 8 καὶ τῶν 219; 9 в 218 затерты буквы аὐ в слове αὐτῶν; 13 πονηροῦ ἄτε 219; 14 συμπεπλεγμένα 219; συνηρηόμενος 219; 16 219 л. 447 ὀβ.; 17 τοιαῖσδε 219; τοῖς ἐν δεσμοῖς: ἐν net 219; 20 ὑπόψιν 219; τίθενται 219; 21 ἐφεπομένος предположительно из первоначально написанного ἐφεπομένως 218, ἐφεπόμενος 219; 22 συνημμέναις 219; ὧσιν 219; 24 ἀκόλουθον σήμερον καὶ: καὶ net 219; ἐπομένη 219; 25 τεταγμένη 219; παραστικοῖς 219; 28 219 л. 448; 29 μεταβλεῖσθαι 219; 31 — 32 εἶπερ τι ἄλλο τὸ 218, εἶπερ τι ἄλλον 219; 32 ἀγεννέσιν 219; εὐάλωτοις 219; 33 ἀλλὰ καὶ ἐν τῷ 219;

7. Ἀπηνήνατο γάρ φησι παρακληθῆναι ἡ ψυχὴ μου, ἐμνήσθην Θεοῦ, καὶ εὐφράνθην. Νῦν μὲν γάρ φησιν, ἐν τῷ ἀκηδιάσει τὴν ψυχὴν μου, ἐν πέτρα ὕψωσάς με, νῦν δέ, ἐνύσταξεν ἡ ψυχὴ μου ἀπὸ ἀκηδιάς, βεβαίωσάν με ἐν τοῖς λόγοις σου. Παῖν Παῦλος ὁ Θεῖος, τοῖς ἀκηδιάσει καὶ ὀκλάσει πρὸς τὸ πλῆθος τῶν κινδύνων ἐπιστέλλων, τὰς παρειμένας φησὶ χεῖρας καὶ τὰ παραλελυμένα γόνατα ἀνορθώσατε· καὶ τὰ καθ' ἑαυτὸν Κορινθίοις γράφων, οὐκ ἐθέλομεν ἔλεγεν ὑμῶν ἀγνοεῖν, ἀδελφοί, ὑπὲρ τῆς θλίψεως τῆς γενομένης ὑμῖν ἐν τῇ Ἀσίᾳ, ὅτι καθ' ὑπερβολὴν ἐβαρῆθημεν ὑπὲρ δύναμιν, ὥστε ἐξαπορηθῆναι ἡμᾶς καὶ τοῦ ζῆν. Καὶ Ἰωνᾶς, ὡσπερ Ἡλίας πρότερον, λάβε φησὶ πρὸς Θεόν, τὴν ψυχὴν μου ἀπ' ἐμοῦ. Ἀλλὰ καὶ ὁ Κύριος, ὄλον ἀναλαβὼν τὸν ἀνθρώπον μετὰ τῶν φυσικῶν ἰδιωμάτων αὐτοῦ, λυπεῖται καὶ ἀδημονεῖ.

8. Εἰ δὲ Δαυῖδ ἀκηδιᾷ, καὶ προφητῶν θάνατον πρὸ τῆς ζωῆς τίθενται, καὶ Παῦλος ἐξαπορεῖται καὶ τοῦ ζῆν, καὶ παρεῖνται χεῖρες, καὶ παραλέλυνται γόνατα, οἱ πολλὴν ἄθλησιν ὑπομείναντες παθημάτων, καὶ τὴν ἀρπαγὴν τῶν ὑπαρχόντων μετὰ χαρᾶς ὑποδεξάμενοι, καὶ Θεὸς Λόγος λυπεῖται καὶ ἀδημονεῖ, τί οὐκ ἂν ἡμεῖς πάσχοιμεν ἐπιπίπτοντος ἀκηδίας πνεύματος, οἱ μικρόλυτοι καὶ μικρόψυχοι, οἱ μὴ θλιβόμενοι, καὶ στενοχορούμενοι, οἱ μὴ ἀποροῦμενοι, καὶ ἐξαπορούμενοι οὓς οὐκ εἰληφέ ποτε πειρασμός, εἰ μὴ ἀνθρώπινος· οἱ τρυφεροὶ καὶ ὑγροί, οἱ μὴ διὰ θλίψεως ὑπομονήν, μὴ δὲ δι' ὑπομονῆς δοκιμὴν, μὴ δ' ἐλπίδα τὴν οὐ κατασιχύνουσαν διὰ δοκιμῆς ἐμπορευσάμενοι οὓς ὡς ἀτρίπτους πειρασμοῖς, κατὰ τοὺς ἀγυμνάστους καὶ ἀπαλοὺς πόδας, κεντοῦσι καὶ παραλυποῦσι καὶ τὰ λεία τοῦ βίου καὶ εὐδοα, ὡς κεντρόδη καιρίως πλήττοντα ὧν ταῖς ψυχαῖς ἐνιζάνει τὸ δυσάρεστον, οἷόν τι κακότηδες νόσημα, καὶ πάντα || [λ. 278] ποιεῖ δυσχερῆ τὸ παρόν τὸ μέλλον, παρόν, γάμον, ἀγαμίαν, πενίαν, περιουσίαν, τὸ ἄρχειν, τὸ ἄρχεσθαι, τὸ πράττειν πολλὰ, ἢ τῆς ἀπραγμοσύνης σχολή, τᾶλλα οἷς δυσαρεστοῦντες τὴν ἀκηδιάν νοσοῦμεν, ὡσπερ, ὅτε νοσοῦμεν, ἀηδιᾶ καὶ τῶν ἡδίστων βρωμάτων περιπίπτομεν.

9. Τίς οὖν τὴν τηλικαύτην νόσον ἴασεται; τίς ἰατρός; ποῖον φάρμακον; Οὐκ ἄλλος, ἢ Δαυῖδ ὁ μέγας, || μᾶλλον δὲ τὸ ἐν τῷ Δαυῖδ λαλοῦν θεῖον

1 γάρ φησιν 219; 2 ὑφράνθη 219; γάρ φησιν 219; 4 ἠκηδιάσαμεν 219; πνεῦμα μου 218, 219; 5 ἀκηδιᾷ || [λ. 448 об.] σασιν 219; ὀκλάσει 219; 7 παραλελυμένα 219; 8 ὑμῶν: ὑμᾶς 219; 9 ἐβαρῆθημα 218, ἐβαρύνθημεν 219; 11 φησὶν 219; 12 — 14 λυπεῖται καὶ ἀδημονεῖ — θάνατον нет 219; 15 πρὸς τὸ ζῆν 219; 16 — 17 Слова καὶ τὴν ἀρπαγὴν τῶν ὑπαρχόντων μετὰ χαρᾶς ὑποδεξάμενοι в 218 помещены внизу л. 277 об. в качестве сноски. Переписчик № 219 воспринял их как часть основного текста и вставил после слов, завершающих лист (см. ниже); 18 πάσχοιμεν 219; 20 219 л. 449; εἰληφέ ποτε: εἰληφε 219; 21 — 22 μὴ δὲ ὑπομονῆς δοκιμῆ 219; 22 μὴ δὲ ἐλπίδα 219; 23 ὡς ἀτρίπτους περασμοῖς: ὡς нет 219; 24 ἀπαλοὺς 219; 25 κεντρόδης 219; 26 πάντας 219. Здесь переписчик № 219 поместил слова τὴν ἀρπαγὴν τῶν ὑπαρχόντων μετὰ χαρᾶς ὑποδεξάμενοι, пропущенные выше; δυσχερεῖ 219; 27 μέλον 219; 29 ὅτε νοσοῦμεν: οὐτε νοσοῦμεν 219; 32 219 л. 449 об. В конце листа имеется сигнатура vst'; δὲ καὶ ἐν 219;

Πνεῦμα, τὸ καὶ αὐτὸν Δαυῖδ πολλάκις ἀκηδιῶντα παρακαλοῦν καὶ τοὺς
τρόπους τῆς θεραπείας ὑποτιθέμενον κατεδίωξέ φησιν ὁ ἔχθρὸς τὴν ψυχὴν
μου, ἔταπεινώσεν εἰς γῆν τὴν ζωὴν μου ἐκάθισέ με ἐν σκοτεινοῖς, ὡς
νεκροὺς αἰῶνος. Ὅρα τῶν συμφορῶν τὸ μέγεθος· διώκεται πατρίδος καὶ
βασιλείας ἐμβεβλημένος, ἀνυπόδετος φεύγει καὶ συγκεκαλυμμένος καὶ 5
δακρύων, καὶ μόνον οὐκ εἰς γῆν βέων συγκεκυφῶς, καὶ σκότω οἷά τις νεκρὸς
ἐγκλείεται. Εἶτα, ἡ ἐπὶ ταῖς συμφοραῖς ἀκηδία καὶ ταραχὴ καὶ ἠκηδίασεν ἐπ’
ἐμέ φησι τὸ πνεῦμά μου, ἐν ἐμοὶ ἐταράχθη ἡ καρδία μου. Οὕτω καὶ Δαυῖδ
χειμῶν πειρασμῶν κυμαινόμενος, ναυτιᾶ καὶ ταράττεται, πῶς δὲ καὶ τοῦ
ταραγμοῦ τῆς καρδίας γαληνῶ, καὶ τῆς ἀκηδίας τοῦ πνεύματος 10
ἀπαλλάττεται, αὐτοῦ μανθάνομεν, λέγοντος· ἐμνήσθην ἡμερῶν ἀρχαίων,
ἐμελέτησα ἐν πᾶσι τοῖς ἔργοις σου. Ταύτην φησὶν εἶχον παραμιθίαν, ταύτην
παράκλησιν ἀ||κηδίας, τοῦτον λιμένα ὀλιγορίας, ἐνδιατρίβειν τῇ μελέτῃ τῶν
θείων ἔργων, καὶ διὰ τῆς μνήμης τῶν πάλαι τῆς Προνοίας νόμων, οἷς
διακυβερνᾶ τὰ ἀνθρώπινα, κουφίζειν τοῦ σάλου τῆς ἀκηδίας τὴν ψυχὴν. 15
Οὕτω καὶ προφήτης ἕτερος ἐμβλέψατε, λέγει, εἰς ἀρχαίας γενεάς, καὶ ἴδετε,
τίς ἤλιπεν ἐπὶ Κύριον, καὶ ἐγκατελείφθη.

10. Ἐπεὶ γοῦν οὕτως εὐχερὲς τὸ φάρμακον, οὕτως εὐπόριστον, οὐ
προσφερόμενον ἔξωθεν, διὰ δὲ τῆς ἔνδον ἡμῶν μνήμης καὶ μελέτης τῶν
θείων ἔργων οὕτως σκευαζόμενον, ἄγε καὶ ἡμεῖς, ὅτε λυπηροῖς ἐκκακοῦμεν 20
|| [λ. 278 ὀβ.] καὶ κάμνομεν ἀκηδία, τὸ τοῦ Δαυῖδ προσφερόμεθα
φάρμακον μνήμην τῶν προτέρων ἡμερῶν, ἐν αἷς φωτισθέντες, πολλὴν
ἄθλησιν ὑπεμείναμεν παθημάτων. Ἐν μὲν δὴ τοῦτο φάρμακον ἀκηδίας,
ἀνάμνησις καὶ μελέτη τῶν περὶ ἡμῶν γεγενημένων θαυμασίων Θεοῦ,
δεύτερον δέ, ὅπερ καὶ αὐτὸ παρὰ τοῦ Δαυῖδ διδασκόμεθα, προσευχὴ 25
ἐκτενῆς· διεπέτασα γὰρ φησὶ || πρὸς σὲ τὰς χεῖράς μου ταραττόμενος γὰρ
ἀκηδίας πνεύματι, καὶ ὀλιγορία κλυζόμενος, τῇ μεν μνήμῃ καὶ μελέτῃ τῶν
θείων ἔργων, οἷα δυσὶν ἀγκύραις, ἐγκαθωρμίζετο, καὶ τοῦ ταραγμοῦ καὶ
σάλου τῆς ψυχῆς περιῆν ὡς δὲ ἰστία τὰς χεῖρας διαπεταννύς, εἰς τὸν τῆς
προσευχῆς κατῆρε λιμένα. 30

11. Ἀκούετε, οἱ τὸν λιμένα τοῦτον ταῖς φλυαρίαις διακυκῶντες, καὶ
λόγων ἀγοραίων θορύβοις θαλαττοκοποῦντες, καὶ σχεδιάζοντες ἀτεχνῶς
πελάγιον κλύδωνα. Δαυῖδ ὁ μέγας μελέτῃ ἐποιεῖτο τῶν θείων ἔργων καὶ
μνήμῃ τῶν προτέρων, καὶ χεῖρας διεπεταννύς καὶ θεοκλυτῶν ἐκεκράγει 35
ταχὺ εἰσάκουσόν μου, ἐξέλιπε τὸ πνεῦμά μου καὶ οὕτως ὄψῃ τὴν θείαν
ἐπεσπᾶτο βοήθειαν. Καὶ σύ, νυκτὸς καὶ ἡμέρας ναυαγῶν, ἀνέμῳ παντὶ

6 οἷα τίς 219; 7 ἐγκλύεται 219; 8 φησὶ 219; πνεῦμα μου 218, πνεῦμα μου 219;
11 ἀπαλλάττεται 219; 13 219 λ. 450. В начале листа имеется сигнатура νς'; τῇ μελέτῃ: ἐν
τῇ μελέτῃ 219; 14 καὶ διὰ τῆς μνήμης: καὶ net 219; προνοίας νόμον 219; 15 διακυβερνᾶ
219; κουφίζει 219; 17 ἐγκατελήφθη 219; 21 προσφερόμεθα 219; 23 ἐν: ἐν 219; φαρμὲν
φάρμακον 219; 24 ἡμῶν: ἡμᾶς 219; γενομένων 219; 26 ἐκτενῆς 219; διεπέτασα φησὶ 219;
219 λ. 450 ὀβ.; χεῖρας μου 218, 219; 29 ἰστία 219; 31 διακυκῶντες 219; 33 — 34 θείων
ἔργων τῶν θείων καὶ προτέρων 219; 34 διεπατάννυε 219; θεοκλυτῶν 219; 35 πνεῦμα μου
218, 219;

περιφερόμενος, κλυζόμενος ἄλλη βιωτικῇ, μυριάς ναυτιῶν περιστάσεων, εἶτα καταίρων εἰς λιμένα τοῦτον ψυχῶν ἐπὶ βραχῦ, || οὐ γαλήνην ἄγεις, οὐκ ἡσυχίαν, οὐ μνήμην παραλληλῶτων, οὐ μελέτην θείων ἔργων ποεῖς, οὐκ αἶρεις χεῖρας πρὸς Θεόν, ἀλλὰ καὶ ἐν ὄρω ζάλην ἐγείρεις, καὶ τῷ λιμένι

5 ἐπικυμαίνεις, ἄγριόν τι βοῶν καὶ τραχῦ, καὶ ταῖς τῶν ἄδόντων ἢ ἀναγνωσκόντων ἀκοαῖς ὕθλους ἐπιπόρθων.

12. Ἄνθρωπε· σὴν χάριν καὶ προφητικὰς ὑπαγορευόμεν ἱεράς βίβλους, καὶ ἱστορίας εὐαγγελικὰς ἐκφρονῶμεν, ἀποστολικὰς τε ὑπαναγινώσκομεν διδασκαλίας, καὶ νοθεσίας πατρικὰς, ἵνα σὺ || [π. 279] τῶν ἀπ' ἀρχῆς

10 θαυμασιῶν ἔργων Θεοῦ μνησθῆς, καὶ ἐν αὐτοῖς πρὸς γοῦν ὄραν μίαν, μᾶλλον δὲ ἡμιώριον μελετήσης· καὶ μεγάλην κερδανεῖς παράκλησιν. Ἄλλὰ καὶ τὰ παναρμόνια ταῦτα τῶν ἱερῶν μελῶν ἴσματα σοὶ τὸ Πνεῦμα ἤρμοσε, σοὶ τοῦ Δαυὶδ αἱ χεῖρες μουσικὸν ἐποίησαν ὄργανον, σοὶ καὶ οἱ δάκτυλοι τοῦδε ψαλτήριον ἤρμοσαν, ἵνα πᾶν τὸ ἐν σοὶ δαιμωνιῶδες πάθος, ὡς πάλαι τὸ || τοῦ

15 Σαοὺλ πονηρὸν πνεῦμα κατεπαδόμενον τιθασεύοιτο, καὶ πραῦνοιτο μὲν θυμὸς ἀγριαίνων, ἐκ μελέτης δ' ἐπιθυμία μεταρρῦθμιζοιτο, πᾶν δὲ μέλημα βιωτικὸν ἀπελαύνοιτο διανοίας, καρδία δέ, ψαλμοῖς ἀπαλυνομένη, κατανύξεως προῤῥέοι δάκρυον. Ἡ σὴ δὲ ἄρα καρδία καὶ λίθου ἦν ἀτεγκτοτέρα, καὶ ἀσπίδος κακοηθεστέρα· βύεις γὰρ τὰ ὅτα μᾶλλον ἐκείνης,

20 καὶ οὐκ ἤττον ὄνω λύρας μέλει.

13. Ἡ σοὶ ψαλτηρίου ἡδυφώνου ἐρῶ γάρ τι καὶ δριμύτερον, τῷ ζήλω τοῦ Θεοῦ οἴκου παρακινζόμενος πλήρης γάρ εἰμι ῥημάτων κατὰ τὸν Ἐλιοῦς, ἡ δὲ γαστήρ μου ὡσπερ ἀσκός, γλεύκους ζέων δεδεμένος, ἢ ὡσπερ φουσητῆρ χαλκῶς ἐρόρηγός. Χωρὶς τὰ τῆς ἀγορᾶς, ὧ οὔτοι, καὶ τὰ τῆς

25 ἐκκλησίας Θεοῦ, πολλὰ μεταξὺ τῶν δικαστηρίων καὶ μυστηρίων, ὕμνων ἱερῶν καὶ ὕθλων ἀργῶν, ἀναγνωσμάτων καὶ ληρημάτων, κραυγῆς παταγούντων || καὶ ἤχου ἐορταζόντων, ἀλαλαζόντων ἐν φωνῇ ἀγαλλιᾶσεως, καὶ παροξυνομένων ἐν ὁμιλίᾳ προσδιαλέξεως, οἰμωζόντων ἐν δεήσεσι, καὶ καρχαζόντων ἐν διηγῆσεσι, κατανυσομένων ἐν προσευχαῖς, καὶ

30 διεῤῥεθιζόμενων ἐν λαλιαῖς.

14. Αὕτη ὄντως ἀκηδία αὕτη πάρεσις ψυχῆς αὕτη νέκρωσις συναισθήσεως, καὶ ψυχικῶν ὀργάνων καὶ σωματικῶν ἔκλυσις. Ὁ ταύτη καταποθεῖς τῇ ἀκηδίᾳ, καὶ πρὸς ἐπάσματα ψαλμικὰ ἐκκεκώφηται, καὶ τῆς ἐν προσευχαῖς γλυκυθυμίαις οὐκ ἐπέστραπται, καὶ θείων λογίων ὀλιγώρως

35 ἔχει, καὶ γλῶσσα μὲν ὀνεῖ καὶ || [π. 279 ὀβ.] νεῦρωται, καὶ πρὸς αὐτὸ τὸ

2 ἐπιβραχῦ 218, 219; 219 π. 451; 3 μελέτην: μέλε την 219; 4 ἐν ὄρω: ἐν het 219; 5 ἄγριόν τι 219; 8 ἀποστολικὰς τε 218; 14 ὡς πάλαι τὸ: τὸ het 219; 219 π. 451 ὀβ.; 17 βιωτικὸν ἀπελαύνοι 219; 18 ἄρα 219; καρδία καί: καὶ het 219; λίθους 219; 19 βύεις 219; τὰ ὅτα: τὰ het 219; 20 ἤττον 219; 23 τὸ ἐλιοῦς 219; δεδεμένην 219; 24 φουσητῆρ 219; οὔτοι κατὰ 219; 25 καὶ μυστηρίων: καὶ het 219; 26 κραυγῆς: καὶ κραυγῆς 219; 27 παταγόντων 219; 219 π. 452; ἐορταζόντος 219; ἀγαλλιᾶσεως вписано справа на поле 218; 28 ὁμοιζόντων 219; 29 καρχαζόντων 219; διηγῆσεσι: δεήσεσι 219; 32 αἰσθήσεως 219; 33 καταποθεῖς 219; πρὸς ἐπάσματα: πρὸς ἐπάσματα 219; ψαλμικὰς 219;

ὑπακοῦσαι τὸ βραχυσύλλαβον ἀμήν, εἰ καὶ ἄλλως ἐπίτροχον συνείρει φλυαρίας ἀπεράντους μὴ κάμνουσα. Πόδες δὲ ὀκλάξουσι μὲν ἐπὶ προσευχὴν ἐστῶτι καὶ πυκνὰ μεταφέρονται· ἀδολεσχοῦντι δὲ τὰ μάταια, πεπήγασι ὑπὸ ῥίταις σιδηραῖς ἀκαμπεῖς· αἱ δὲ χεῖρες, βαρεῖαι μὲν || καὶ οἷον παρειμέναι εἰς διαπέτασιν προσευχῆς, ἐπὶ δὲ ταῖς χειρονομίαις τῆς ματαιολογίας οἶα 5 ἡνιοχοῦσι καὶ ὅπως ἀκροχειρίζονται, δέρουσαι τὸν ἀέρα κατὰ τὸν ἀπόστολον.

15. Ἔγνωτε, ἡλίκη ἀκηδία δεῦρο ἀθροιζόμενοι περιπίπτετε, ἠκούσατε, ὅπως νυστάξουσιν ἀπὸ ἀκηδίας αἱ ψυχαὶ ἡμῶν; Εἴ γε τέως μὴ καὶ τῶν λεγομένων ἀνεπαισθήτως ἔχετε, καὶ ἀκούοντες οὐκ ἐπαῖτε, ὑμεῖς μὲν γὰρ 10 ἴσως οἴεσθε τηνικαῦτα ἀκηδιᾶν, ὅτε θανάτῳ γυναικὸς ἢ τέκνου ἢ ἀδελφοῦ παθαινόμενός τις ὑμῶν, ἢ νόσῳ τετραχωμένος, ἢ ἀποβολῇ κοιμημάτων, ἢ ἀτιμία μέσῃ δηχθεὶς τὴν καρδίαν, ἀπαναίνεται παρακληθῆναι τῇ ἀπογνώσει τῶν χρηστοτέρων ἐλπίδων καταποθεῖς. Ἐγὼ δὲ τὰ νῦν οὐ διοίσομαι εἴτε ἀδημονίαν τὸ ἐπὶ τοῖς τοιούτοις οὕτω λυτεῖσθαι, εἴτε ἀκηδιᾶν ὀνομάξιν χρῆ. 15 Ἐκεῖνο δὲ φημι, ὡς εἶπερ ἢ ἐν τοῖς ἀνθρωπίνοις || πειρασμοῖς ὀλιγωρία ψυχῆς ἐστὶν ἀκηδιώσης θάνατος, τί ἂν εἴη τὸ ἀπαλεγεῖν καὶ ἀναίσθητεῖν ἐν οὕτω καιριοτέροις καὶ σχετλιοτέροις πάθεσιν; Ὡ τῆς ἀναληθίας· εἰ ἐν οἴκῳ τῆς προσευχῆς τοιαῦτα ληρεῖς καὶ οὕτω θροεῖς, ἡλίκα ἐν τῷ σῶ οἴκῳ παταγεῖς φληναφῶν; εἰ ἐν τῷ λιμένι οὕτω ναυαγεῖς, πῶς ἐν μέσῳ πελάγει ἀγορᾶς 20 ὑπερέχεις τοῦ κλύδωνος; εἰ ἐν τῷ πνευματικῷ ἰατρείῳ τὸν ψυχικὸν θνήσκεις θάνατον, ποῦ σοι τῆς ταλαιπόρου ζωῆς ἡ ἐλπίς ἐπιλέλειπται; Πότε Θεὸν ἐφ' οἷς πλημμελεῖς ἐξιλάσαι, εἰ ὅτε ὡς ἐξιλασόμενος ἀναβαίνεις δεῦρο; Παροξύνεις μᾶλλον καὶ καταβαίνεις πλημμελέστερος, καὶ τὸν καιρὸν καὶ 25 τὸπον ἰλασμοῦ παροξισμοῦ ποιεῖς πρόφασιν.

16. Εἰ καταφρονεῖς || [π. 280] ἀκροάσεως προφητῶν κηρυσσόντων, σαλπίζόντων ἀποστόλων, νουθετούντων διδασκάλων ἐν οἴκῳ προσευχῆς; Σχολῇ ἂν οἴκῳ καθήμενος, βιβλίον ἀνὰ χεῖρας λάβοις, εἴτε βαδίζων, ὡς || ὁ 30 τῆς Αἰθιοπίσης βασιλείσης εὐνοῦχος ἐκεῖνος, ἢ ἑτέρου διεξιόντος ἀκροάσαι, νουθετούμενος εἶπερ τι τὸ ἡμέρας καὶ νυκτὸς μελετᾶν, κοιταζόμενον, διανιστάμενον, ὀδοποροῦντα, καὶ διηγέσθαι ἢ διηγουμένου ἀκροᾶσθαι ἔσπερας καὶ πρωῇ καὶ μεσεμβρίας, καὶ τὸν Κύριον εὐλογεῖν ἐν παντὶ καιρῷ. Ὅς οὐδ' ἐν ὄρα γοῦν μιᾷ ἐπέχεις τὴν γλῶτταν ἐκ τῆς ἀκαιροῦ φλυαρίας, οὐδ' ὑπέχεις τὰ ὄτα σιγῶν τῇ ἀκροάσει τῶν λογίων τοῦ

1 βραχυσύλλαβον 219; συνείρη 219; 3 πυκνὰ 219; 4 βαρεῖαι: βραχεῖαι 219; 219 λ. 452 ὀβ.; 5 διαπετάσασιν 219; ἐπὶ: ἐπεὶ 219; 6 δαίρουσαι 218, 219; 8 γνῶτε 219; περιπίπτεται 219; 9 νυστάξουσιν 219; 10 ἐπαῖεται 219; 11 οἴεσθαι τηνικαῦτα ἀκηδιᾶν 219; 13 μέση διεχθεὶς 219; 14 καταποθεῖς 219; τὰ νῦν: τα νῦν 218; 15 ὀνομάζει 219; 16 ἢ ἐν τοῖς: ἢ μετ 219; 219 λ. 453; 16 — 17 ψυχῆς ἐστὶν 219; 18 ἀχλιοτέροις 219; 19 ληρεῖς: κληρεῖς 219; θροεῖς 219; τῷ σῶ οἴκῳ: σῶ μετ 219; 20 φληναφῶν 219; ναυαγεῖς καὶ ἐν μέσῳ πελάγῃ 219; 21 ἰατρεῖον 219; 22 ἐπιλέλειπται 219; 23 ἐξιλάσαι οἶτε 219; ἐξιλασόμενος 219; 25 τὸν τόπον 219; 26 ἀκροάσεων προφητικῶν 219; 28 σχολῇ 219; καθήμενοι 219; ἀναχεῖρας λαβοῖς 219; 219 λ. 453 ὀβ.; 30 ἀκροάσαις 219; εἴτερ τι 218, 219; 31 διηγέσθαι: ἠγεῖσθαι 219; 33 ἀγέρου 219;

Πνεύματος. Καὶ πῶς ἀνανήψεις ἐκ τοῦ νυσταγμοῦ τῆς ἀκηδίας, ἦν ἡ τῶν ἐν τῷ βίῳ πραγμάτων ἐργάζεται μερίμνα, μὴ ἐν τοῖς λόγοις τοῦ Θεοῦ βεβαιούμενος, ὅποιῳ δὴ τρόπῳ καὶ Δαυῖδ τὸν ἀπὸ τῆς ἀκηδίας νυσταγμὸν ἀπεσκευάζετο, ἐνύσταξεν ἡ ψυχὴ μου, λέγων, ἀπὸ ἀκηδίας βεβαίωσόν με ἐν τοῖς λόγοις σου;

17. Οὐκ ἄλλως γὰρ τὸ πνεῦμα τῆς ἀκηδίας ἐκβάλλεται, ἢ διὰ τῆς μελέτης τῶν θείων λόγων. Ταύτη γὰρ στηριζόμενοι, || ὅτε ἀκηδία χαννόμεθα, καὶ νυστάξαντες ἀναφέρομεν εἰ δ' οὐ στηριζόμεθα τῇ μελέτῃ τῶν θείων νόμων, ἐκ νυσταγμοῦ εἰς ὕπνον καθελκόμεθα, ἐκ δὲ ὕπνου εἰς θάνατον κατασπώμεθα. Εἰ γὰρ τῇ προσβολῇ τῆς ἀκηδίας ὁ τόνος λυθῆ τῶν λογισμῶν, νυστάζει ἡ ψυχὴ, τουτέστιν ἐπινευστάζει τῇ συγκαταθέσει τῆς ἁμαρτίας, ἐκ δὲ τοῦ τοιοῦτου νυσταγμοῦ εἰς ὕπνον λυσιμελῆ καταπίπτει, τὴν ἔμπρακτον τῆς ἁμαρτίας πάρεσιν ὕπνος δ' οὗτος καὶ θάνατος ἀδελφοὶ διδυμάονες. Φωτίσωμεν τοίνυν τῷ λύχνῳ τοῦ θείου νόμου τοὺς ὀφθαλμούς, καὶ οὐ μὴ ποτε ὑπνώσωμεν εἰς θάνατον. Μὴ δῶμεν ὕπνον τοῖς ὄμμασι, μὴ δὲ τοῖς βλεφάροις νυσταγμὸν. Ἔστω μνήμη Θεοῦ οἷά τις ζῶν ἀνδρικῆ χαλωμένῃ, ἀκηδία τὴν ὀσφῦν τῆς ψυχῆς περιζωννύουσα καὶ || [λ. 280 ὀβ.] διαβαστάζουσα λύχνοι δέ, προσευχὴ καὶ μελέτῃ νόμου Θεοῦ, ἄσβεστον τὸ τῆς ἐγρη||γόρευσης πῦρ ἀνακαίοντες, καὶ τὸν νυσταγμὸν τῆς ψυχῆς ἀπελαύνοντες. Ἐν τῇ μελέτῃ μου γάρ φησιν ἐκκαυθήσεται πῦρ.

18. Ποία γὰρ ἀκηδία, ἢ πόθεν ἐπιπεσοῦσα, οὐ διὰ τῆς μελέτης ὡσπέρ τινος θείας μάστιγος ἐλαυνομένη φεύξεται; Ἐπήρεια ἠδονῆς ἐπισπάται σε καὶ νυστάξεις ἀκηδιῶν; Ἀνάνευσον διὰ τῆς μελέτης εἰς ἀρχετύπους σωφροσύνης πίνακας, τὴν καλὴν Σωσάνναν καὶ τὸν καλὸν Ἰωσήφ, ἔπελθε, τὰ ἱστοροῦμενα περὶ αὐτῶν ζήλωσον. Θαύμασον, ὅπως ὁ μὲν νεανίας, καὶ ἐν ἀκαμῆς ἄνθει καὶ ὄρας, ἐρώμενος παρὰ δεσποίνης ἐπιμανείσῃς αὐτῷ καὶ πρὸς ἐαυτὴν ἐπισπωμένης, ἀποξεδύσατο ἅμα χιτῶνι τὰς ἀκολάστους λαβὰς ἢ δὲ πάλιν πρεσβυτέρων κριτῶν βίαν λίαν εὐγενῶς ἀπόσαστο, καὶ διὰ τὸ τῆς ψυχῆς μᾶλλον κάλλος ἢ τὸ τοῦ σώματος δι' αἰῶνος ὑμνοῦνται περιαδόμενοι. Εἰ δὲ αὐτῆς ἄλλου προφήτας διωκομένους καὶ Δαυῖδ εὐρήσεις μεγαλοψύχους, ὑπερσχόντας τὸν διωκτῶν, καὶ οὕτω βεβαιωθεὶς ἐν τοῖς κατ' αὐτοὺς διηγήμασι. Πάλιν ἀδημονεῖς ὑστερούμενος, ἢ ἄλλως θλιβόμενος; ἀνάγνωθι τὰ τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων ἀνιαρά, οἳ περιήεσαν ἐν μιλωταῖς, ἐν αἰγείοις δέρμασιν ἐν ὄρεσι καὶ σπηλαίοις καὶ ταῖς ὄποις τῆς γῆς ὑστερούμενοι, θλιβόμενοι, κακοχούμενοι, ὧν οὐκ ἦν ἄξιος ὁ κόσμος, καί, πλατυνθεὶς ἐν

1 ἀνάψεις 219; ἦν ἰζ ἦν 219; 6 τῆς ἀκηδίας: τῆς ηετ 219; 7 219 λ. 454; 8 νυστάζοντες 219; 13 οὕτως 219; 15 καὶ μὴ δὲ ποτε 219; εἰς ὕπνον 219; 16 οἷά τις 219; 18 λυχνὸι 219; νόμον 219; 19 219 λ. 454 ὀβ.; τὸν νυσταγμὸν: τὸν ηετ 219; 20 φησιν ηετ 219; 22 ἐπισπάτε 219; 23 νηστάζει 219; εἰς: ὡσπέρ τινος εἰς 219; 24 πίνακας καὶ καλὴν 219; ἔπελθε 219; 27 σὲ αὐτὴν 219; 28 ἀπόσαστο 219; 29 καὶ δι' αἰῶνος 219; περὶ ἀδόμενοι 219; 30 ταράττε || [λ. 455] σου 219; 32 ὑπερσχόντας 219; 33 διηγήμασιν 219; 36 κακοχούμενοι 219;

ταῖς θλίψεσι, διδαχθεῖς ὡς ἐν ἴσῳ τῆς τε ἀρετῆς ἐκείνων καὶ τῆς ἐν λυπηροῖς πυρώσεως, ἀπολέλειψαι.

19. Ὀλιγορεῖς, νηστεύων καὶ προσευχόμενος; Ὡς γαστριμάργου καταγνοίης ἂν σεαυτοῦ, εἰ μελετώης τὰς γραφάς, ὅσαι Μωσῆν καὶ Ἑλίαν ἱστοροῦσι τεσσαράκοντα ἡμέρας νηστεύοντας, οὐδ' ἐν σκοτεινοῖς ὡς νεκρός 5
κατωρυγμένος ἢ πάνυχα προσευχόμενος μικροψυχῆσαις, ἐπερχόμενος ὅπως Δανιὴλ διὰ τὸ προσεύξασθαι Θεῷ ἐν λάκκῳ || [λ. 281] συναθεῖρκοτο 10
τοῖς λέουσι, καὶ μεθ' ὄσης πτωχείας τοῦ πνεύματος εἶπε πρὸς τὸν Ἀββακούμ τροφήν διακομισαμένῳ αὐτῷ· ἐμνήσθη γάρ μου ὁ Θεός. Ὡς ἁγίας ψυχῆς καὶ 15
ἀξίας τοῦ Πνεύματος διὰ Θεὸν κατεκρίνετο, διὰ Θεὸν εἰς λάκκον ἐβάλετο καὶ βρώμα θηρῶν παρεβάλλετο· καὶ ἔλεγε, τροφῆς προσενεχθείσης αὐτῷ· ἐμνήσθη γάρ μου ὁ Θεός. Εἰ οὐκ ἐμνήσθη σου, μακάριε, πῶς περισκαίρουσί 20
σε ὡς ἄνοιξι οἱ λέοντες, πῶς ἡμεροῦνται καὶ συνηστεύουσιν, ὡς περὶ τὴν ἀρετὴν αἰδημονέστεροι τῶν ἀνδρῶν. Θεὸν φέρεις ἐν σεαυτῷ, καὶ λέγεις· ἐμνήσθη γάρ μου ὁ Θεός. Ὡς μετρίου φρονήματος οὐδὲ Θεοῦ μνήμης ἄξιον 25
ἑαυτὸν ἠγεῖτο. Πάνυ ἄντις τῶν καθ' ἡμᾶς οὕτως μεγαλοψυχῆσειεν ἢ μετριοφρονῆσειεν, ὅτινες οὐδ' ἐπὶ δῆγμασι ψυλλῶν καὶ κωνόπων μεγαλοψυχοῦμεν· μᾶλλον δὲ ὅτι μὴ καὶ τὸ θεῖον συνδυσχεραίνει καὶ βάλλει 30
σηηπτοὺς ἐκδικήσεως, ἀποδυσπετοῦμεν || καὶ καταρῶραθυμεῖν τῶν ἡμετέρων παραληροῦμεν. 20

20. Καὶ δικαίως ἐκεῖνοι μὲν ἐπεκαλοῦντο τὸν Θεόν, καὶ αὐτὸς εἰσήκουεν αὐτῶν, ὅτι ἐφύλασσαν τὰ προστάγματα αὐτοῦ. Ἡμεῖς δὲ οὐδ' αὐτοὶ Δανιὴλ ἢ Ἰῶβ ἢ Νωέ, ὡς φησὶν Ἰεζεκιὴλ ἐντυγχανόντων ὑπὲρ ἡμῶν οἰοῖ τε ἐσμέν Θεοῦ τυχεῖν ἴλεω. Ἄλλ' ὅπερ ἐλέγομεν, εἰ τῇ μελέτῃ τῶν γραφῶν 25
ἐνευκαίρουμεν, ὅθεν ἂν ἐπιπνευσεῖται πνεῦμα τῆς ἀκηδίας, ῥᾶθιν σβεσθήσεται, καὶ μάλιστα, τὸ ἐκ τῆς ἀδολέσχου φλυαρίας, ὅπερ ἐκκυμαίνει τὰς ἐπ' ἐκκλησίας συνόδους ἡμῶν, καὶ τὰ ὅσα καταβομβῶν. Οὐ τοσοῦτω 30
παρὰ τὸ πολυπληθὲς τῶν ἀθροισμένων, ὅσῳ διὰ τὴν ἀγοραϊὰν τραχύτητα, ὡς διπλᾶ πλημμελεῖν τοὺς ἀδολεσχοῦντας ἐνταῦθα, οἷς αὐτοὶ τε οὐκ εἰσέρχονται εἰς τὸν τῆς προσευχῆς οἶκον ὡς προσευξόμενοι, ἀλλὰ 30
καταφλυαροῦσιν, καὶ τοὺς εἰσερχομένους τῶν ἱερῶν κατακοῦειν ἁμαρτιῶν καὶ ἀναγνωσμάτων ἀπειροῦσιν ||.

21. Ἐγὼ καὶ πανταχοῦ φεύγειν τὰς ἀκαίρους λέσχας ἀξίῳ, μᾶλλον δὲ Χριστὸς νομοθετεῖ λέγων καὶ ὑπὲρ ἀργοῦ λόγου λόγον διδόναι. Πολλῶν δὲ 35
|| [λ. 281 ὀβ.] μᾶλλον δεῦρο, ἔνθα καὶ εὐθυμῶν τις ψάλλειν παρὰ τῆς ἀποστολικῆς σοφίας ἐπιτάττεται, καὶ λυπούμενος καὶ ὀλιγοψυχῶν, ἐκεῖνα

1 θλίψεσιν 219; καὶ τῆς; καὶ τοῖς 219; 6 κατωρυγμένος 219; πάνυχα 219; μικροψυχῆσης 219; ἂ|| [λ. 455 ὀβ.] περχόμενος 219; 7 καθεῖρκοτο 219; 8 πτωχείας 219; 9 ὡς ἁγίας ψυχῆς: ὡς ἁγίας ψυχῆς 218, 219; 11 παρεβάλλετο 219; προσενεχθείσης 219; 14 ἐν σεαυτῷ: σεαυτω 219; 17 δειγμάσιν 219; ψυλλῶν 219; 18 συνδυσχεραίνειν 219; βάλλειν 219; 19 219 λ. 456; καταρῶραθυμεῖν 219; 23 ὡς φησὶν Ἰεζεκιηλ 219; οἷοι τὲ 218, οἷοι τε 219; 24 τυχεῖν 219; εἰ τῇ μελέτῃ: ἐν τῇ μελέτῃ 219; 26 σβεσθήσεται 219; μάλιστα 219; 27 ὅσα καταβομβῶν 219; 28 ὅσον 219; 29 πλημμελεῖν 219; αὐτοὶ τὲ 218; 30 προσευξόμενοι 219; 32 219 λ. 456 ὀβ.; 33 ἀκέρους 219; 34 νομοθετεῖ 219; 35 εὐθυμῶν τίς 218;

κατὰ τὸν Ἱερεμίαν εὐχέσθαι δίκαιός ἐστι· Κύριε παντοκράτωρ ὁ Θεὸς Ἰσραὴλ· ψυχὴ ἐν στενοῖς καὶ πνεῦμα ἀκηδίας κέκραγε πρὸς σέ· ἀκουσον, Κύριε, καὶ ἐλέησον, ὅτι Θεὸς ἐλεήμων εἶ σύ, καὶ ἐλέησον, ὅτι ἡμάρτομεν ἐναντίον σου· καὶ, ἀκηδίας ἀπηλλαγμένους, εὐχαριστεῖν κατὰ τὸν εὐγνώμονα
 5 Δαυῖδ· ἐν τῷ ἀκηδιάσει τὴν καρδίαν μου, λέγοντα, ἐν πέτρᾳ ὑψώσας με ὥστε, ἢ εὐθυμεῖ τις, καὶ ψαλλέτω, ἢ στενοῦτο, καὶ κεκραγέτω πρὸς Κύριον τὰ ἰκέσια ἢ ἐν θλίψεσι πλατύνεται, καὶ θυέτω τὰ χαριστήρια, ἐκ τῶν κάτω κυδομιῶν ἐν τῇ δευρὸ πέτρᾳ ὑψούμενος, εἴτε τῷ μετεώρῳ τούτῳ ἱερῷ, εἴτε τῷ ἐν αὐτῷ || ἐνιδρυμένῳ Χριστῷ τῇ πνευματικῇ πέτρᾳ, καὶ ἀβράγει, καὶ
 10 οὕτως οὐδενὶ οὐδεμίᾳ περιληφθήσεται ἀργολογίας φλυάρου πρόφασις.

22. Εἰ πολυλογία καὶ ἐν ταῖς προσευχαῖς ἀπειρήται, ὡς βαττολογία ἐθνικῇ, πόσω μᾶλλον εἰ τῇ ἀργολογίᾳ συνέξενται, καὶ τὸν οἶκον καταβατταρίζει τῆς προσευχῆς. Νόμιζε βλέπειν Χριστὸν ἐκβάλλοντα πάλιν ἐκ τοῦ οἴκου πατρικοῦ, ὡς πάλαι τοὺς πωλοῦντας καὶ ἀγοράζοντας, οὕτω καὶ
 15 νῦν τοὺς φλυαροῦντας τὰ ἀγοραῖα ταῦτα καὶ περιττά, καὶ φριξὸν τῆς περὶ τὸν ναὸν πλημμελείας τὸ ἐπιτίμιον. Ἄλλ' οὐδέ τινα φησὶν ἠφίει σκευῶς τι διενεργεῖν καὶ πῶς αὐτὸς εἰσάγεις σεαυτὸν ἀπειργόντος τοῦ Χριστοῦ, ὡς ἀμφορέα τινα μεστὸν ληρημάτων; Ἐκχεον τῆς καρδίας πάσαν φλυαρίαν, ἵνα εἰς ἱερὸν καὶ ἐκλεκτὸν σκευῶς μεταπλασθεῖς, καὶ γένοιο χωρητικὸς τῶν ἐκ
 20 τῆς προσευχῆς γλυκοθύμων ἐλλάμψεων, οὐ τοῦ θλίβοντος ἀκηδίας πνεύματος.

23. Ἄλλ' ἀποχρώντως οἶμαι τοῖς κοινοῦσι || χυδαιολογίας τὸν ἱερὸν οἶκον ὁ λόγος ἐπέπληξε, καὶ τῶν ἱερῶν περιβόλων ἐξήλασεν, ἐπιτιμήσει νουθεσίας || [π. 282] συνείρας καὶ διαπλέξας διδασκαλικὸν φραγγέλιον. Καὶ εἰ μὲν
 25 σωφρονήσουσι καὶ τῶν ἀκολαστημάτων τῆς γλωσσαλγίας παύσονται, χάρις τῷ λόγῳ, οὐ μογγιλάλους μόνον καὶ ἀλάλους, ἀλλὰ καὶ πολυλάλους καὶ φλυάρους ἰωμένῳ· εἰ δὲ καὶ ἔτι τὴν αὐτὴν ἐθελονοσοῦσι γλωτταν ἀκόλαστον, καὶ οὐκ αἰσχύνονται τοσοῦτον αἰσχίστα τῶν ἄλλων νοσοῦντες, ὅσον ἐκείνοι μὲν ἐλεοῦνται τῆς ἀφωνίας, οὗτοι δὲ μισοῦνται τῆς γλωσσαλγίας, τάχα καὶ
 30 ἔργῳ πεῖσονται, τὸ ἐξωθῆναι τῆς αὐλῆς τοῦ Χριστοῦ.

24. Ἐπεὶ δὲ μὴ μόνον ὑπ' ὄψιν ἡμετέραν, ἀλλὰ καὶ ὀπουδήποτε ἀτακτοῦντας νουθετεῖν διδασκόμεθα, ἄγε καὶ ὀλοσχεροστέραν παραίνεσιν ὑποθόμεθα παραγγέλλομεν γάρ φησὶν ὁ ἀπόστολος ὑμῖν, ἀδελφοί, ἐν ὀνόματι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, στέλλεσθαι || ὑμᾶς ἀπὸ παντὸς

1 δίκος ἐστὶ 219; παντοκράτωρ 219; 2 τοῦ ἰ[σρα]ῆλ 219; στενοῖς: στεναγμοῖς 219; πν[εύματι] 219; 3 ὁ θε[ο]ς 219; 6 εὐθυμεῖ τις 218, 219; καὶ ψαλλέτω: καὶ η[ε]τ 219; στενοῦτο 218, 219; 9 219 л. 457; ἰδρυμένω 219; 12 ἐθνικῇ 219; 13 ἐκβαλλόντα 219; 14 τοῦ π[α]τρικοῦ 219; 15 — 16 τῆς περὶ τὸν ναὸν: τῆς η[ε]τ 219; 16 ἀλλ' η[ε]τ 219; οὐδέ τινα φησὶν 218, οὐδένα φησὶν 219; σκευῶς τί 218, 219; 17 ἀπειργόντα 219; 18 ἀμφορέα 219; μεστώων 218, 219; 22 ἀλλ' ἀποχρώντος 219; οἶμαι τοῖνοῦσι 219; 219 л. 457 об. В конце листа имеется сигнатура νς'; 24 διαπέξας 219; 25 σωφροσνήσουσι 219; 28 αἰσχύνων 219; 30 αὐ[затерто] око̀ло 5 букв[л]η̄ς 219; 31 ὀπουδήποτε подчеркнυто позднейшим читателем 218; 32 διδασκόμεθα 219; ὀλοσχεροστέραν 219; 34 στέλλεσθαι 219; 219 л. 458. В начале листа имеется сигнатура νη';

ἀδελφοῦ, ἀτάκτως περιπατοῦντος ἀκούομεν γάρ τινες ἐν ὑμῖν μηδὲν ἐργαζομένους, ἀλλὰ περιεργαζομένους. Τοῖς δὲ τοιοῦτοις παραγγέλλομεν καὶ παρακαλοῦμεν ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ, ἵνα, μεθ' ἡσυχίας ἐργαζόμενοι, τὸν ἑαυτῶν ἄρτον ἐσθίωσιν. Εἰ γὰρ καὶ ἐν παραδείσῳ διάγοντες ἐργάζεσθαι καὶ φυλακῆ, πολλῶν μᾶλλον ἐξ οὗ δῆτα ἐν ἰδρωτὶ τοῦ προσώπου τὸν ἄρτον ἐσθίειν κατεκρίθημεν, πρὸς ἀνάγκης ἡμῖν ἐστι τὸ ἐργάζεσθαι, ὅτε οὐδὲ τοῖς πρωτοπλάστοις ἢ σχολῇ συνήνεγκε.

25. Καὶ καλῶς αἰτίαν ταύτην πάντων κακῶν, ἀλλὰ καὶ ἀκηδῖαν αὐτὴν ἀπεφήναντό τινες καὶ ὁ ἀπόστολος δὲ μηδὲν ἐργαζομένους ἀλλὰ περιεργαζομένους εἰπὼν ἐδίδαξεν ὡς ἡ ἀργία περιεργίας μητῆρ, περιεργία δὲ ὅσον ἐσμὸν κακῶν ἐπισύρεται ἀργολογίαν, εὐτραπελίαν, πολυλογίαν, καταλαλίαν, τὸ μὴ βλέπειν τὴν ἐν τοῖς οἰκείοις ὀφθαλμοῖς ἢ δόκον, τὰ δ' ἐν τοῖς ἄλλοτρίοις λεπτότατα κάρφη ἢ [λ. 282 ὀβ.] ὄξυδερεκεῖν. Ἐκ δὲ τούτων ἔνιοι καὶ εἰς ἀτακτότερα ἐκτραχηλίζονται καὶ ἀποπώτερα κακουργίας, κυβείας, κλοπᾶς οἷς ἅπασιν ἔν τι κοινὸν φάρμακον ὁ ἀπόστολος ἐπιφέρει, τὸ μεθ' ἡσυχίας ἐργάζεσθαι τὸν ἑαυτῶν ἄρτον. Ἀεικίνητον γὰρ ἔχοντες τὸν νοῦν, εἰ μὴ τοῖς εὐχρήστοις ἔργοις ἐνασχολούμεθα, εἰς τὰς ἀπρηθιμμένας ἀδιαφορίας ἐκπίπτομεν δῆπουθεν, ὅθεν καὶ οἱ τῶν ναζιραίων φιλοσοφώτεροι καὶ ἰδιασταί, ἵνα μὴ ἀκηδιασταὶ γένωνται, ἔσθ' ὅπη δι' ἀναγκαίαν τῶν πόνων ἄνεσιν, ἔγνωσαν τρέψαι τὴν ἀεργίαν εἰς αὐτουργίαν ἡντιναοῦν, καὶ περιπλέγματά τινα τὰς χεῖρας καὶ τὸν νοῦν ἀπασχολεῖν, ὅτε δεήσει μικρὸν ὑφεῖναι τῆς περὶ τὰς σπουδαιότερας πράξεις καὶ τὰς θεωρίας τάσεως, καίτοι τὸν πάντα χρόνον ἐκείναις προσανέχουσι καὶ πρὸς βραχὺ τι καὶ σπανίως ἐκείθεν κατιέναι πείθονται, πλὴν καὶ τὸ βραχὺ τοῦτο οὐκ ἀέργως πάντη διατρίβουσι.

26. Σὺ δέ, ὦ ὀκνηρέ, ἵνα ἢ εἶπω σε παροιμιακῶς, ἀεὶ ἐκλυόμενος, ἀεὶ κατὰκεισαι, καὶ νῦν μὲν ὑπνοῖς, νῦν δὲ κάθησαι πάλιν νυστάξεις. Εἴτα, ἐναγκαλίξῃ χερσὶ στήθη ἀεργοῦ ταῦτα καὶ ἀλυούσης ψυχῆς ἀναισθησίᾳ εἴτ' αὖ σοι παραγίνεται πενία παντὸς καλοῦ. Ἄλλ' ἄκουσον τοῦ παροιμιαστοῦ πρὸς μύρμηκα παραπέμποντός σε καὶ μέλισσαν, ὅ ἐστι τὸν περὶ γῆν αὐτουργοῦντα καὶ τὸν ἀνθολογοῦντα τὰ καλὰ, καὶ γλυκεῖαν καὶ σεμνὴν ἀρετὴν ἐκπονούμενον, ἢν' ἐκάτερόν γε τῆς φιλεργίας ζηλώσειας, καὶ σχολῆς

1 τάκτως 219; τινες; τινες 219; μηδὲν; μὴ δὲν 219; 2 ἀλλὰ περιεργαζομένους net 219; 4 ἐσθίωσιν 219; διάγουσιν 219; 5 ἦτις ποτε 219; 6 δῆτα; δὴ τὰ 219; προσώπου σου 219; 7 ἡμῖν ἐστὶ 219; δὲ οὐδὲ 219; 9 πάντως 219; 10 μηδὲν; μὴ δὲν 219; 12 ἐστὶν ὅσον 219; πολυλογίαν; ὑπολογίαν 219; 13 219 λ. 458 ὀβ.; 13 — 14 τὰ δ' ἐν τοῖς; τὰ δὲ ἐν τοῖς 219; 14 κάρφη; πάθη 219; 15 ἀτακτότερα ἐκτραχηλίζεται 219; καὶ ἀποπώτερα net 219; 16 ἔν τι κοινῷ φαρμάκῳ 219; 17 ἀκίνητον 219; 18 ἐνασχολούμενος 219; 20 ἐσθ' ὅπη 219; 21 στρέψαι 219; 22 καὶ περιπλέγματα — ὅτε net 219; 23 ὑφεῖναι τῆς; ὑφεῖναι τὰς 219; σπουδαιότερας πράξεις; σπουδαιότερας τάξεις 219; τὰς θεωρίας; τὰς net 219; 24 προσανέχουσιν 219; 25 πείθονται 219; 27 219 λ. 459; 29 ἐναγκαλίξει 219; στήθη 219; ἀλυούση 219; 30 εἴτα σοι 218, 219; 31 παραπέμποντές σε 219; 32 καλλὰ 219;

τῆς διδασκάλου παντὸς κακοῦ δυνηθείης ἀπαλλαγῆναι. Δεινὸν μὲν καὶ τὸ ἐκκακεῖν ὀλιγοψύχως καὶ ὀλιγώρως τὸν κακῶς πράσσοντα, καὶ καταπίπτειν ἀγεννῶς ὡς μηδεμιάς ἀνεγούσης ἐλπίδος ἀγαθῆς· δεινότερον δὲ πολλῶ τὸ δι' ἀναισθησίαν ψυχῆς ὑπὸ ῥαθυμίας ἀποκναιούσης πρὸς μὲν || [π. 283] ἄπαν ἔργον σωματικὸν τε καὶ πνευματικὸν ἐκλύεσθαι, καὶ τεθηγκέναι πᾶν μέλος, πᾶσαν αἴσθησιν, περιεργία δὲ μόνη || ἔπτεροῦσθαι, καὶ γλώσση μόνη φλύαρον φαίνεσθαι ζῶντα.

27. Ἐκείνην μὲν γὰρ τὴν ἐκ τῶν περιστατικῶν ἀκηδίαν, ἢ χρηστοτέρα μεταβολὴ ἔλυσεν, ἢ ἐλπίς τοιαύδε μεταβολῆς, ἢ συγγενῆς συναλγῶν, ἢ φίλος παραμυθούμενος, ἢ λογισμὸς ἀνασκάλλον τὴν μελέτην τῶν παλαιῶν καὶ διὰ μνήμης Θεοῦ ἀναφέρων, ἢ χρόνος γοῦν διάγων τὸ λυποῦν ἐξευμαρίζων τὴν δ' ἐξ ἀναισθητοῦ ἀναληψίας καὶ σχολαζούσης ψυχῆς, μᾶλλον δὲ κακοσχόλου, τίς ἰάσεται; τίς λόγος, ποία Θεοῦ μνήμη, ποία μελέτη τῶν γραφῶν, ποία χειρῶν αὐτουργία ὧν οὐ μᾶλλον αὐτὸς ἐπέστραπται, ἢ ὁ πάλαι τεθηγκώς; Οὐδεὶς οὖν ἰάσεται, εἰ μὴ ὁ μόνος Χριστός, ὁ παρειμένους λόγῳ συνδέων καὶ νεκροὺς ζωοποιῶν, ᾧ ἴκετήριον εὐχὴν ἀνενεγκῶν, τοῦ λέγειν παύσομαι.

28. Χριστὲ Βασιλεῦ, Σῶτερ καὶ Δέσποτα, ὁ πλάττων καὶ μεταπλάττων ἡμᾶς, παραπλαττούμενος ὑπὸ τοῦ τῆς κακίας Δημιουργοῦ σὺ Φῶς ἀληθινόν, σὺ Ὁδὸς εἰς ἀρετὴν, σὺ Ἠγεμῶν, σὺ Ζωὴ σου χωρὶς οὐ δύναταί τις ποιεῖν οὐδέν, μάτην δὲ καὶ οἰκοδομῶν τις μογεῖ, καὶ φυλάσσον ἀγρυπνεῖ, καὶ κάμπτον ὡς κλοιὸν τὸν τράχηλον, καὶ σάκκον ὑποστροννύων, καὶ σποδὸν καταπασσόμενος κακοῦται. Σὺ τὰς ἀσθενείας ἡμῶν ἔλαβες, καὶ τὰς νόσους ἐβάστασας, καὶ νῦν ἐπι λαμβάνεις, ἔτι βαστάξεις σὺ καὶ ἡμῶν ἐκκλίνειν ἀπὸ κακοῦ καὶ ποιεῖν ἀγαθὸν εὐδόκησον, ἐκκλίνειν ἀπὸ γαστριμαργίας, πορνείας, φιλαργυρίας, ὀργῆς, λύπης, ἀκηδίας, κατορθοῦν ἐγκράτειαν, σωφροσύνην, ἐλεημοσύνην, πραότητα.

29. Πολλαῖς ἁμαρτημάτων σειραῖς σφιγγόμεθα, πολλαῖς μεριμῶν ἀκάνθαις συμπιγνόμεθα. Κέλευσον [π. 283 ὀβ.] τοῖς ἐν δεσμοῖς ἐξελθεῖν κέλευσον μόνον, καὶ τὸ μακρὸν σχοινίον τὸ ἐπισπαστικὸν τῶν ἡμετέρων ἁμαρτιῶν παραχρῆμα βραγῆσεται, καὶ λυθήσεται τὸ ζυγόδεσμον κέλευσον, καὶ ὁ σύνδεσμος τῆς κακίας, ὁ συνηρημένος οἶα σμιρῆτης λίθος, διασπασθήσεται. Ἄναψον ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν ἀπὸ τοῦ πυρὸς ἐκείνου, ὄπερ, ἐλθὼν, ἔβαλες ἐπὶ τῆς γῆς ἐμπύρευμά τι μικρόν, καὶ πᾶσα μεριμῶν

1 κακοῦ net 219; 1 — 2 μὲν γὰρ τὸ ἐκκακεῖναι 219; 2 ὀλιγώρως 219; 3 ἀγεννῶς μὴ δὲ μῖα 219; 5 σωματικὸν τε 219; καὶ τεθηγκέναι: καὶ net 219; 6 πᾶσαν: πᾶν 219; περιεργία: περιλογία 219; δὲ μόνη: δὲ μόνης 219; 219 л. 459 об.; 7 φένεσθαι 219; 8 χρηστοτέρας 219; 9 ἔλυσα 219; 10 μιθούμενος 219; ἀνασκάλλον 219; 10 — 11 καὶ διὰ μνήμης: καὶ net 219; 11 ἐξευμαρίζων 219; 12 ἐξαναισθητοῦ 219; καὶ σχολαζούσης: καὶ net 219; 13 κακοσχόλου из κασοσχόλου 219; 15 τεθηγκός 219; 16 в 219 на поле после συνδέων καί: εὐχῆ; 18 καὶ δέσποτα: καὶ net 219; 20 219 л. 460; ἢ ζωὴ 219; 21 οἰκοδομῶν τίς 218, 219; 13 πασσόμενος 219; ἀσθενείας 219; 24 ἡμῶν: ἡμᾶς 219; 29 συμπιγνόμεθα 219; 32 συνηρημένος: συνηρούμενος 219; σμιρῆτης 218, 219; 33 219 л. 460 об.; 34 ἔβαλες: ἔλαβες 219; ἐμπύρευμα τί 219;

ἄκανθα καταφλεγῆσεται, καὶ σοι καρπὸν μετανοίας τελεσφορήσομεν. Οὐ μόνον ἀκάνθαις συμπνιγόμεθα, ἀλλὰ καὶ βάθος μὴ ἔχοντες, ὡς ἐπὶ τὰ πετρώδη παρερῥιμμένοι, καὶ τοῖς πειρασμοῖς καυματιζόμεθα καὶ ταῖς θλίψεσι, καὶ ὡς μὴ ἔχοντες ρίζαν ὑπομονῆς μαραίνόμεθα. Ἄλλὰ σὺ πατὴρ παρακλήσεως, καὶ πρὸς σέ πάσα ψυχὴ ἐν στενοῖς καὶ ἀκηδίας πνεύματι κέκραγεν. Ἄκουσον, Κύριε, καὶ ἐλέησον, καὶ ἡ δρόσος ἡ παρὰ σοῦ ἴαμα ἡμῖν ἔστω, ἵνα καὶ ἡμεῖς τῇ μερίδι τοῦ κλήρου τῶν σοζομένων διὰ μετανοίας συντεταγμένοι, εὐλογήσωμεν τὸ εὐλογητὸν ὄνομά σου εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν.†

3 καυτιζόμεθα 219; 4 ρίζα 219; μαραίνόμεθα 219; 5 καὶ πρὸς σέ: καὶ нет 219; 6 ἡ παρὰ σοῦ: ἡ нет 219; ἴαμα нет 219; 8 εὐλογήσομεν 219.

ОБ УНЫНИИ. СЛОВО ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ 25

1. Существует некий камень, называемый смиритом¹. Это камень, не принадлежащий к числу тех многих, что рассыпаны по земле и попираются ногами, поскольку не могут похвалиться никаким чудом природы, но один из тех, что возвещают неистошимость и многообразие мудрого творения, которое даже и на камнях явило свое усердие, каждому приписав особую неизреченную силу. Камень этот удивителен и тем, что захватывает железо, привлекая его к себе, ничуть не хуже хвлящегося этим магнита; а еще удивительнее то, что многие смириты, собранные вместе, не расстаются друг с другом, но, соединенные, держатся один за другой. Впрочем, чтобы вы не подумали, что я, пишущий, сочиняю небылицы, или же, обманутый рассказчиками, передаю на старинный манер нечто излишнее и неподтвержденное, удостоверю чудо этого камня на основании Священного Писания. Ибо вот что нашли мы в книге Иова²: «Союз его яко смирит камень, един ко другому прилипает» (Иов 41, 7).

2. Однако не стоит вам больше спорить о свойствах смирита, чтобы не приписывать напрасно природе величие чуда. И, быть может, вы спросите, почему речь задерживается на этом камне, или каким образом после такого вступления на нем воздвигнется постройка беседы? Но потерпите, и не будьте столь безудержно жадными до слушания, чтобы, торопясь, не споткнуться об этот камень. Ибо вы встретитесь с камнем краугольным, а не наткнетесь на камень преткновения, подброшенный впустую, или же неуместный в начале речи. Не настолько мы лишены отеческой любви, чтобы предложить змею вместо яйца, или же камень вместо хлеба. Итак, слушайте. Господь, беседуя с благородным Иовом, касается разных дел Своего величия, описывая в их числе и страшного змия, чей вид невыносим для человеческой природы; Бог

же держит его удицею (Иов 40, 20), и ангелы ругаются над ним (Иов 41, 24). Знаете ли вы, кто этот змий, этот левиафан, царствующий над водами? Сообщает [Писание] и о голове, и о глазах, и о пасти, и о шкуре, и о иных членах и частях тела сего лукавого змия, и добавляет сюда, что союз его яко смирит камень, един ко другому прилипает.

3. Однако пора уже, как говорится, сверить камень по мерному шнуркуⁱⁱⁱ, чтобы извлечь пользу из рассмотрения свойств камня и разрушить союз змия. Союзом же злобного чудовища, который подобен телу, сложенному из взаимно прилаженных членов, зовутся и являются повседневные пороки, которые, как говорит Бог, следуют один за другим, подобно тому, как и смириты держатся, слипшись между собою. Впрочем, есть среди них и такие, которые, как кажется, не только что не держатся, но, скорее, противостоят друг другу. Так, например, честолюбие не сочетается с блудом и сребролюбием, а, скорее, противно им. Ведь, если кого-то побеждают телесные наслаждения и золото, он тем самым пренебрег своей славой среди большинства, которую можно привлечь целомудрием или милостыней; если же он возлюбил достигаемую таким образом славу, то тем жарче пренебрегает и наслаждением, и золотом. Впрочем, и эти [пороки], пусть даже они не сочетаются и не сопряжены между собою, связаны в ином отношении, поскольку как покорность наслаждениям, которая является грехом, так и пренебрежение ими, свойственное тем, кто заботится о человеческой славе, способствуют гибели души. И, подобно тому, как излишества и недостатки, противные друг другу, прекрасно дружат между собою, сражаясь с умеренностью, так и названные пороки, сами по себе противоположные, являются союзниками в битве против добродетели. Потому-то почти все они и кажутся взаимосвязанными, *содержатся и не отторгнутся* (Иов 41, 8).

4. Но к чему мне говорить о союзе остальных пороков, если вам, о слушатели, конечно, известно, что те восемь, о которых только что шла речь, держатся друг за друга, и, подобно смиритам, собираются в одну цепь, где следующий прилипает к предыдущему. Ибо чревоугодие способствует блуду; блуд — сребролюбию; сребролюбие — гневу; гнев — печали; печаль — унынию, а после всех — тщеславию и гордости. Видите союз левиафана, который, подобно смириту, сплетается из держащихся и цепляющихся друг за друга пороков, так что один тянет другой, каждый способствует иному, а все они привлекают и остальные, причем не только многочисленные и легкие, но и весьма тяжкие и серьезные, подобно тому, как смириты и соединяются между собою, и захватывают железо. Ибо при помощи наслаждения они с легкостью привлекают к себе; а если человека привлек какой-то один из них, то его захватывают и другие, подобно названным камням, обладающим свойством держаться друг за друга. Так бывает и с цепями: подобно тому, как ухватившийся за одно звено вытаскивает всю цепь, так и мы будем захвачены

всем лукавым союзом, если последуем одному из взаимосвязанных пороков.

5. Ибо мы влечем их не менее, нежели они нас. Ведь они привлекают нас при помощи наслаждения, а мы их — результатом своих действий, так что незаметно вслед за каким-нибудь одним грехом поддаемся и чередой остальных. Ибо, как говорит Исайя, *горе привлекающим грехи яко ужем долгим, и яко ига юнична ременем беззакония своя* (Ис. 5, 18). А ужем долгим, ига юнична ременем и путями называет он то же, что у Иова зовется *жилами сплетенными* (Иов 40, 12) и союзом неразрывным. Ибо, подобно тому, как кого-нибудь называют телом Христовым, так и пороки, и те, кто следует их образу, являются и зовутся и телом лукавого, и жилами сплетенными, и неразрывным союзом. Но всё это хитроумное сплетение разрушили, *возвещая сокровенная и разрушая союзы* (Дан. 5, 12), *мужжи желаний* (Дан. 9, 23), подобные Даниилу, уже не подвластные таким узам, но узники во Христе, Который сказал заключенным: *изыдите*. Они, согласно пророческому слову, *разрушали союз неправды* (Ис. 58, 6), и пытались освободить и нас, ради которых, расторгнув хитросплетения страстей, выставляют их на всеобщее обозрение, причем каждую по отдельности. Так, например, испытав гнев, печаль и уныние, следовавшие друг за другом, они следили, чтобы те, соединившись между собою, не составили *вервь треплетену* неразсторжимую (Еккл. 4, 12).

6. Итак, поскольку уже успели мы особо поговорить о гневе, а затем о печали, следует сегодня сказать и об унынии, которое следует за печалью, и помещено сразу же вслед за нею. Это оно, происходящее вследствие величайших несчастий, а иногда из-за одной только лености изнеженной души, до такой степени берет верх над побежденной им душою, что доводит до пренебрежения душевными и телесными болями через отказ от благих надежд. Потому удавились Иуда и Ахитофел^{iv}; а о многих Элинах придумали, будто они превратились в камни, птиц и растения, и в этом, мне кажется, содержится лишь намек на неспособность вынести помешательство, порожденное унынием. Ибо тяжек, как ничто другое, дух уныния, сумевший напасть не только на людей ничтожных и плененных, чтобы притеснять их, но и на великого Давида, причем не однажды, и не в меру, но многократно, да еще с какой жестокостью! А ведь это был тот Давид, которого одно памятование о Боге обращало к радости.

7. Ибо он говорит: *«Отвержесе утешитися душа моя; помянух Бога и возвеселихся»* (Пс. 76, 3 — 4). И еще у него сказано: *«Внегда уны сердце мое, на камень вознесл мя еси»* (Пс. 60, 3), — а в другом месте: *«Воздрема душа моя от уныния; утверди мя в словесех Твоих»* (Пс. 118, 28). А также: *«Уны во мне дух мой, во мне смятесе сердце мое»* (Пс. 142, 4). И божественный Павел говорит в письме к тем, кто ослабел и страдал от уныния: *«Укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колена»* (Евр. 12, 12); описывая же свои дела в послании к Коринфянам, он сказал так: *«Ибо мы не*

хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии; потому что мыотяжены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых» (2 Кор. 1, 8). И Иона, как и Илия прежде него, обращается к Богу: «Прими душу мою от мене» (Иона 4, 3). Но и Господь, восприняв человеческое естество со всеми его свойствами, скорбит и тоскует (Мф. 26, 37).

8. Если же Давид унывает, пророки предпочитают смерть жизни, Павел не надеется остаться в живых, так что опустили руки и ослабели колена, вынесшие великое подвижничество страстей и с радостью принявшие восхищение, а Бог Слово скорбит и тоскует, то чего же не претерпим мы, когда нападёт на нас дух уныния? Мы, малодушные и мелочные, не тревожимые скорбью и стеснением, не испытывающие ни в чем недостатка, которых никогда не коснулось искушение, разве что человеческое? Мы, изнеженные и слабые, которые не приобрели от скорби терпения, от терпения — опытность, а от опытности — надежду, которая не постыжает (Рим. 5, 4 — 5)? Мы, которых, как не прошедших через искушения, язвят и беспокоят даже легкие дороги жизни, нанося смертельные раны, словно нетренированным и слабым ногам? Мы, чьи души гибает всякая неприятность, словно дурная болезнь, делающая тяжким всё окружающее: будущее, прошлое, брак, безбрачие, бедность, богатство, власть, подчинение, занятость, свободное от забот времяпрепровождение, да и всё прочее, изза неприязни к чему мы заболеваем унынием? Так человеку, страдающему болезнью, неприятны даже сладчайшие яства.

9. Итак, кто же исцелит столь тяжкую болезнь? Какой врач, какое лекарство? Не кто иной, как великий Давид, или, вернее, говорящий в нем божественный Дух, который много раз утешал в унынии и самого Давида, предлагая тому пути исцеления. «Погна враг душу мою, — говорит он, — смирил есть в землю живот мой; посадил мя есть в темных, яко мертвыя века» (Пс. 142, 3). Посмотри, как велики несчастья: ведь он, изгнанный из отечества и свергнутый с царства, бежит, не успев обуяться, скрываясь и плача, и только что не погибает, склонившись к земле, но покрывается мраком, словно мертвый. За несчастьями следует уныние и смятение: «И уны во мне дух мой, во мне смятеся сердце мое» (Пс. 142, 4). Вот как страдает, словно морской болезнью, и беспокоится Давид, обуреваемый зимою искушений. А о том, как успокаивается сердечное смятение, и избавляется человек от духа уныния, узнаём мы из его же слов: «Помянух дни древния, поучихся во всех делех Твоих» (Пс. 142, 5). Таково, по его словам, утешение, таково спасение от уныния, таково убежище от нерадения: предаться размышлению о делах божественных, и, вспомнив о древних законах Промысла, которыми управляется человеческая жизнь, избавить душу от бури уныния. Так и иной пророк говорит: «Воззрите на древния роды и видите, кто верова Господеви и оставися» (Сир. 2, 10).

10. Если же столь легко и столь доступно лекарство, которое не доставляется издалека, а готовится внутренней нашей памятью и размышлением о божественных делах, то отчего и нам, ослабевшим от печалей и тесными унынием, не приготовить себе Давидово снадобье: память о прошлых днях, когда мы, просвещенные, испытали великое подвижничество страстей. Ибо воспоминание и размышление о случившихся с нами дивных делах Божиих — это первое лекарство, вторым же, о котором опять-таки мы узнаем от Давида, служит напряженная молитва. «*Воздох к Тебе руке мои*» (Пс. 87, 10), — говорит он, ибо, волнуемый духом уныния и обуреваемый нерадением, ухватился, словно за два якоря, за памятование и размышление о божественных делах, и таким образом спасся от душевного смятения и бури; протянув же руки к алтарю, достиг гавани молитвы.

11. Слушайте же, те из вас, кто оскверняет эту гавань, смешивая ее воду с шумом площадных словес, и попросту воспроизводя морское волнение. Великий Давид предавался размышлению о делах божественных и воспоминаниям о прошлом, так что, простирая руки, воззвал к Богу: «*Исчезе дух мой*» (Пс. 142, 7), — и таким образом наконец обрел божественную помощь. А ты, день и ночь проводящий в море, гонимый всеми ветрами, колеблемый житейской волною, страдающий от бесчисленных обстоятельств, после этого ненадолго бросаешь якорь в этой душевной гавани, но пребываешь не в тишине или безмолвии, не предаешься воспоминаниям о прошедшем или размышлению о делах божественных, не простираешь руки к Богу, но и у причала поднимаешь бурю, и в гавани терпишь волнение, возглашая нечто дикое и свирепое, заглушая пустыми речами поющих и читающих.

12. Человече! Ради тебя мы цитируем пророческие священные книги, ради тебя возглашаем евангельские повествования; для того зачитываем апостольские поучения и отеческие наставления, чтобы ты вспомнил о совершенных от начала мира дивных делах Божьих, и задумался бы о них хотя бы на единый час, или, вернее, на полчаса. И тогда получишь ты великое утешение. Но и эти прекраснейшие священные песнопения для тебя сложены Духом, для тебя *руке* Давидовы *сотвористе орган, и персты его составиша псалтирь* (Пс. 151, 2), чтобы, заклиная в тебе всякую бесовскую страсть, укротить ее, как некогда лукавый дух Саула. И тогда бы успокоился дикий гнев, преобразилось бы благодаря размышлению желание, и был бы изгнан всякий житейский помысел из ума, а в сердце, успокоенном псалмами, пролилась бы слеза сокрушения. Но твое сердце оказалось неподатливее камня и злонравнее аспиды, ибо ты затыкаешь уши покрепче него^в, и заботаешься о лире не лучше осла.

13. Впрочем, я скажу тебе и нечто пожестче сладкогласной псалтыри, побуждаемый ревностью по дому Божию. *Исполнен бо есмь словес, подобно Елиу, чрево же мое яко мех мста вряща завязан, или якоже мех*

коваческий расторгнутый (Иов 32, 18 — 19). Несовместимы, о слушателе, рынок с церковью Божьей; многим разделены судилища и таинства, священные песнопения и праздные речи, чтения и болтовня, вопль шумящих и глас празднующих, крик вопиющих в гласе радования и раздражающихся при собеседовании, взывающих в молениях и хохочущих в рассуждениях, сокрушенно молящихся и в беседах ярящихся.

14. Вот подлинное уныние, вот небрежение души, вот умерщвление сочувствия, расслабление органов души и тела. Кто поглощен этим унынием, тот и к псалмопению глух, и к сладости молитв равнодушен, и к божественным речениям невнимателен; язык же его слишком медлителен и сонлив, чтобы подчиниться даже краткому «аминь», хотя в других случаях, не трудясь, проворно и без конца сплетает вздор. Ноги же, когда человек стоит на молитве, подкашиваются и терпят мучения, зато не гнутся, словно укрепленные железными корнями, у праздно болтающего. А руки, тяжкие и как бы расслабленные, когда нужно простереть их в молитве, сопровождают жестами, как будто вызывая на поединок или управляя колесницею, пустые слова, и *бьют воздух* (1 Кор. 9, 26), по слову апостола^{vi}.

15. Убедились ли вы, собравшиеся здесь, какому подвергаетесь унынию, услышали, насколько усыплены унынием души ваши? Если же вы и не бесчувственны к тому, что говорится, то, даже и слушая, не внимаете, ибо, возможно, имеете в виду такое уныние, когда кто-либо из вас, переживший смерть жены, чада или брата, либо терзаемый болезнью или утратой денег, или же в самом сердце уязвленный бесчестьем, не желает утешиться, поглощенный отчаянием и не надеющийся на лучшее. Я же сейчас не буду разбираться, следует ли такую печаль называть тревогою, или унынием. Но я говорю иное: если равнодушные, порожденное человеческими искушениями, означает смерть для подавленной унынию души, то что же такое — тупость и бесчувственность в страстях горчайших и настолько опасных? О бесчувствие! Если так болтаешь ты в доме молитвы, да еще и с таким шумом, то что же за вздор несешь в собственном доме? Если так плаваешь в гавани, то как одолеешь шторм посреди рынка? Если в духовной лечебнице умираешь смертью душевной, то на что же надеяться тебе среди жизненных несчастий? В какое время умилоставишь Бога после своих согрешений, если не сейчас, когда ты по видимости именно за этим поднялся сюда?^{vii} Но ты скорее оскорбляешь Его, спускаясь еще более грешным, и место умилоствления делаешь поводом к раздражению.

16. Быть может, ты не желаешь слушать пророческие проповеди, апостольские трубные звуки и учительские наставления в доме молитвы? Но ты мог бы взять книгу в руки, отдыхая дома, или же по дороге, как тот евнух Эфиопской царицы^{viii}, либо послушать слов другого человека, которые учили бы тебя пребывать в размышлении днем и ночью, ложась спать, вставая или совершая путь, а также и утром, и днем, и ве-

чером либо вести свое повествование, либо слушать другого рассказчика, и во всякое время благословлять Господа. А ты, который даже на единственный час не можешь удержать язык от неуместной болтовни, не подчinyнешь и уши, чтобы в молчании слушать речения Духа. Так как же тебе пробудиться от сна уныния, порождения житейских забот, не утвердившись в словесах Божиих? Так прогонял его и Давид, говоря: *«Воздрема душа моя от уныния; утверди мя в словесах Твоих»* (Пс. 118, 28).

17. Ибо не иначе изгоняется дух уныния, как изучением божественных слов. Ведь, если мы утвердились в нем, то, когда ослабеет от уныния, сможем, даже задремавшие, прийти в себя. Если же не тверды мы в божественных законах, то позволим от дремоты увлечь себя ко сну, а вслед за сном будем схвачены смертью. Ибо, когда прилог уныния разрушает напряжение помыслов, дремлет тогда душа, то есть готова уступить греху. От таковой дремоты ниспадает она до расслабляющего сна, явного попустительства грехам; а сон этот со смертью — близнецы-братья. Итак, просветим очи свечю божественного закона, *да не когда уснем в смерть* (Пс. 12, 4). Не дадим сна очима, и веждама дремание (Пс. 131, 4). Пусть станет памятование о Боге как бы неким мужеским поясом, окружающим и защищающим от уныния чресла души^{ix}, а молитва и размышление над законом Божиим — светильниками, которые возжигали негасимый огонь бдения, и отгоняли сон от души. Ибо сказано: *«В поучении моем разгорится огонь»* (Пс. 38, 4).

18. Ибо что это будет за уныние, и откуда взяться такому, если оно не убежит, гонимое размышлением, словно неким божественным бичом? Тебя захватило искушение наслаждением, и ты дремлешь в унынии? Но поразмысли, и подними голову к первообразам целомудрия, — прекрасной Сусанне и прекрасному Иосифу, — припомни их, подражай тому, что о них рассказывают. Восхитись тем, как первый, юноша в цвете лет, которого страстно возлюбила и привлекла к себе его госпожа, сбросил вместе с одеждой бесстыдные объятия^x; а вторая с великим благородством отразила насилие старцев-судей^{xi}, так что обоих воспевают в веках скорее за красоту душевную, нежели за телесную. А если сердце твое в смятении, оттого что враг преследует тебя, то вновь прибегни к размышлению, и тогда обретешь примеры Давида и других пророков, которые, с великодушием перенося гонения, одержали верх над гонителями, так что эти повествования послужат тебе укреплением. И опять-таки, если тебя тревожат лишения, или иные скорби, то прочти о бедствиях, каким от века подвергались святые, которые скитались *в милотях и козых кожах по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли, терпя недостатки, скорби, озлобления, — те, которых весь мир не был достоин* (Евр. 11, 37 — 38). И тогда, даже будучи погруженным в скорби, ты избавишься от них, наученный равенством добродетели тех людей и пережитых ими печальных испытаний.

19. Ты пренебрегаешь постом и молитвой? Но ты уличишь себя

в чревоугодии, если изучишь Писание, где говорится о том, как Моисей и Илия постились сорок дней^{xii}. А если ты будешь заключен в темнице, словно мертвый, или станешь молиться день и ночь, то не будешь малодушествовать, припомнив, как Даниил, молившийся Богу во рву, был заперт со львами, и с какой нищетою духа сказал он Аввакуму, который принес ему пищу: *«Помянул бо мя еси, Боже»* (Дан. 14, 38). О святая душа, достойная Духа! Ради Бога он осужден, за Него брошен в ров, на растерзание зверям, но говорит, получив принесенную пищу: *«Помянул бо мя еси, Боже»*. Если не помянул, о блаженный, то как же прыгают вокруг тебя львы, словно агнцы, отчего смиряются и постятся с тобою, словно добродетель для них почтеннее, нежели людям? Бога носишь в себе, и говоришь: *«Помянул бо мя еси, Боже»*. О смиренномудрие! Ибо он не считал себя достойным даже памяти Божьей. Вот кто был куда великодушнее и скромнее нас, неспособных с достоинством вынести даже укусы комаров и блох. Более того, мы отчаиваемся и болтаем, будто божество покинуло нас, лишь потому, что оно не возмущается тотчас, и не мечет молний возмездия.

20. А те по справедливости призывали Бога, и Он услышал их, ибо они хранили заповеди Его. Мы же — не те Даниил, Иов или Ной, которые, как говорит Иезекииль, молятся за нас^{xiii}, и, в отличие от них, недостойны Божьей милости. Но, как было сказано, если не забывать размышлять над Писанием, то, откуда бы ни напал дух уныния, тотчас будет потушен. Это, конечно, относится и к тому унынию, что проистекает от праздно болтовни, которая волнует наши церковные собрания^{xiv}, не давая покоя слуху. И причина того не столько во множестве собравшихся, сколько в площадной грубости, так что празднословящие здесь согрешают дважды: и потому что входят в дом молитвы не как желающие молиться, но чтобы вести пустые речи, и потому что препятствуют желающим слушать священное пение и чтение.

21. Я же полагаю, что и вообще надлежит избегать неуместных бесед, или, вернее, этого требует Христос, Который говорит, что придется дать ответ даже за праздное слово (ср. Мф. 12, 36). Но намного вернее это здесь, где и от радостного апостольская мудрость требует петь псалмы; печалующему же и малодушествующему надлежит, согласно слову Иеремии, молиться так: *«Господи Вседержителю, Боже Израилев, душа в тесноте и дух в стужении возопи к Тебе; услыши, Господи, и помилуй, яко еси Бог милосерд, и помилуй нас, яко согрешихом пред Тобою»* (Вар. 3, 1 — 2)^{xv}. Избавившись же от уныния, благодари, как благоразумный Давид: *«Внегда уны сердце мое, на камень вознесл мя еси»* (Пс. 60, 3). Итак, *весел ли кто, пусть поет псалмы* (Иак. 3, 13); в стеснении ли кто, пусть молитвенно взывает ко Господу. Если же велики его скорби, пусть приносит благодарственную жертву, поднявшись, чтобы оставить суматоху внизу, на здешний камень, будь то сие небесное святилище, или же нескрушимая скала духовная, учрежденная в его душе Христом. И тогда

никоим образом не привлечет человека никакой предлог пустого празднословия.

22. Поскольку же многословие возбраняется и в молитве, как языческое излишество (ср. Мф. 6, 7), то насколько же хуже, когда оно сочетается с празднословием, оскверняющим дом молитвы? Представь, что видишь Христа, вновь изгоняющего из отеческого дома, как некогда продающих и покупающих, так и теперь болтающих словами площадными и излишними, и устразишься кары за осквернение храма. Он *не позволил, чтобы кто пронес через храм какой-либо сосуд* (Мк. 11, 16); так как же ты вопреки запрету Христову вводишь себя самого, словно некий кувшин, исполненный болтовни? Излей из сердца всякое празднословие, чтобы превратиться в сосуд священный и избранный, и тогда сможешь вместить сладкие озарения молитвы, и дух уныния не помешает тебе.

23. Но, полагаю, довольно укоров для тех, кто оскверняет просторечием священный дом, ибо речь уже изгнала их из священных оград, сплетя учительский бич для наказания и поучения. И если они делают целомудренными, и оставляют бесстыдное пустословие, то благодарение слову, исцеляющему не только немых и косноязычных, но и болтунов, и многословных. Если же они и теперь предпочитают болеть невоздержностью языка, и не стыдятся своей болезни, позорнейшей, нежели у других (ибо тех жалеют за безгласие, а этих ненавидят за пустословие), то, возможно, на деле будут вынуждены покинуть ограду Христову.

24. Поскольку же от нас требуется наставлять всех бесчинствующих, а не только тех, кто делает это у нас на глазах, стоит воспользоваться и более значительным поучением. Ибо апостол говорит: *«Завещаем вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно... Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещаем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб»* (1 Фес. 3, 6; 11 — 12). Ведь, если даже в раю предназначалось нам *делати и хранити* (Быт. 2, 15), каково бы ни было то делание и хранение, то, конечно, гораздо более необходимо трудиться с тех пор, как мы осуждены *в поте лица ясти хлеб свой* (Быт. 3, 19). Ведь и первозданным людям не принес пользы досуг.

25. А некоторые справедливо сочли, что причина всех зол заключается не только в нем, но и в унынии; апостол же в своем поучении сказал о тех, кто не трудится, но суетится. Ибо праздность — мать суеты, суета же влечет за собою целую тьму пороков: празднословие, шутовство, многословие, осуждение, способность не видеть в собственных глазах бревна, а в чужих различать малейшие сучки. Отсюда же иные низвергаются к делам бесстыднейшим и неуместнейшим: коварству, обману, воровству. И против всего этого приводит апостол одно общее

лекарство: в безмолвии есть хлеб свой. Ибо ум наш вечно движется, так что мы, если не зайдем его полезным делом, наверняка опустимся до названных зол. Вот почему созерцательнейшие из назареев, — те, что живут в уединении, — чтобы не впасть в уныние, к которому, бывает, приводит неизбежное ослабление трудов, привыкли обращать безделье в какое-нибудь рукоделие, чтобы чем-нибудь занять ум и руки, когда понадобится ненадолго отойти от созерцания и важнейших занятий^{xvi}. И хотя они посвящают этому всё свое время, так что отвлекаются лишь по необходимости, редко и ненадолго, однако же и такие недолгие промежутки не проводят в полном бездействии.

26. А ты, ленивец, поступаешь, как сказано в книге Притчей: вечно расслабленный, вечно покоишься, и то спишь, то дремлешь сидя. Потом ты *объемлешь перси рукама* (Притч. 6, 10), как это свойственно душе бесчувственной, бездеятельной и скучающей; потом *найдет на тебя убожество* (Притч. 6, 11) всякого блага. Но послушай, как Приточник отсылает тебя к муравью и пчеле, то есть трудящемуся на земле и собирателю благ, возделывающему сладкую и величественную добродетель, чтобы ты подражал трудолюбию обоих, и таким образом избавился от безделья, порожденного учителем всякого зла (См. Притч. 6, 6 — 8). Ибо ужасно, когда терпящий несчастье малодушно и неразумно унывает, так что трусливо падает, не поддержанный никакою благой надеждой; но много ужаснее, когда человек из-за бесчувствия души, терзаемой изнеженностью, отвергает всякий телесный и духовный труд, так что умирает всеми членами, всеми чувствами, окрыляется же лишь суетою, и, кажется, живет в нем один болтливый язык.

27. Ибо то уныние, порожденное обстоятельствами, устраняется либо переменой к лучшему, либо надеждой на такую перемену, либо сочувствием родственника, либо утешением друга, либо помыслом, наводящим на размышление о прошлом и спасительное памятование о Боге, либо течение времени, смягчающего печаль. Но чем излечить то, что происходит от бесчувственной черствости и бездействия, или, вернее, праздности душевной? Какой речью, каким памятованием о Боге, каким изучением Писания или рукоделием, когда ко всему этому не более стремится сам человек, чем давно умерший? Итак, никто его не излечит, разве только Сам Христос, Чье слово укрепляет расслабленных и животворит мертвых. Ему и вознесу я молитвенное прошение, чтобы закончить речь.

28. Христе Царю, Спаситель и Владыко, заново творящий Свое творение, искаженное создателем зла! Ты — истинный Свет, Ты — Путь к добродетели, Ты — Наставник, Ты — Жизнь. Без тебя никто не может сделать ничего, так что *всуге трудится зиждущий, всуге бде стрегий* (Пс. 126, 1), напрасно страдает подклоняющий выю под ярмо, подстилающий рубище, посыпающий голову пеплом. Ты взял наши немощи, Ты взял на Себя наши болезни, Ты и теперь еще держишь и несешь их.

Так соблаговоли же, чтобы мы *уклонились от зла и творили благо* (Пс. 33, 15): уклонились от чревоугодия, блуда, сребролюбия, гнева, печали, уныния; достигли воздержания, целомудрия, милостыни, кротости.

29. Многие вереницы грехов нас душат, многие тернии забот стесняют. Повели же узникам выйти; только повели, и тотчас лопнет уж долгий, тянущий за собою наши грехи, и развяжутся узы. Повели, и разорвется союз порока, прочный, словно связь смиритов. Зажги сердца наши тем огнем, искру которого Ты, придя, бросил на землю, и тогда сгорят все тернии забот, мы же принесем Тебе совершенный плод покаяния. Не только тернии теснят нас, не укоренившихся и словно брошенных на каменистую почву, но страдаем мы и от засухи искушений, и от скорбей, так что увядаем, не имея корня терпения. Но Ты Отец утешения, и к Тебе взывает всякая *душа в тесноте и дух в стужении* (Вар. 3, 1). Услыши, Господи, и помилуй, и да будет Твое исцеление нам росой, чтобы и мы, покаянием причастившись доли спасаемых, благословили благословенное имя Твое во веки. Аминь.

Комментарий:

- ⁱ Согласно Thesaurus Linguae Graecae, слово *σμύρτης* или *σμυρίτης* (Михаил Хониат регулярно пишет *σμύρτης*) встречается во всей древнегреческой литературе единственный раз, а именно в том самом месте из книги Септуагинты, на которое ниже сошлется сам проповедник. Таким образом, нам трудно судить, что за камень имеется в виду, да едва ли это хорошо представлял и сам автор.
- ⁱⁱ В тексте ошибочно стоит *ἐν τῇ κατὰ τὸν Ἰωσήφ βίβλῳ*, хотя такой книги нет в составе Священного Писания. Вероятно, эту ошибку следует отнести на счет переписчика, если только перед нами не lapsus calami самого автора.
- ⁱⁱⁱ Пословица «*лотὶ οὐάρταν λίθον λαραθεῖναι*» также встречается у Михаила Хониата в его монодии в честь Евстафия Солунского (МА. т. А'. Σελ. 289:11). Судя по наличию дорических форм, эта пословица является древней, однако ее корней (как и самой формы «*οὐάρταν*» в значении «веревка», а не «город Спарта») не удается обнаружить где-либо в античной литературе. Зато это выражение встречается у Григория Богослова в письме к Фемистию (Epistulae 38, 3; ср. в русском издании: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова. Т. 2. СПб., - б. г. С. 435), а также и у Василия Великого (De legendis gentilium libris 4, 54; ср. в русском издании: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. IV. М., 1846. С. 349), откуда его и мог позаимствовать наш автор.
- ^{iv} Ахитофел — согласно Второй книге Царств, советник Давида, изменивший ему и присоединившийся к мятежу Авессалома. О смерти Ахитофела см.: 2 Цар. 17, 23.
- ^v Образ аспиды, затыкающего свои уши, заимствован из Псалтыри: «Ярость их по подобию змиину, яко аспиды глуха и затыкающаго уши свои» (Пс. 57, 5). У Михаила Хониата он встречается также в Беседе на неделю Ваий (МА. т. А'. Σ. 135: 5 — 6).
- ^{vi} Выражение *δέρεν τὸν ἄερα*, взятое из Первого послания к Коринфянам, постоянно используется Михаилом Хониатом для обозначения бесполезной деятель-

- ности. См., например, Двадцать Третье огласительное слово «О гневе» (Cod. Mosquensis Synodalis 218. Fol. 259). Отметим, что писец рукописи № 218 регулярно пишет глагол δέρω через α.
- vii Беседа произносилась в храме Божьей Матери на Акрополе (т. е. древнем Парфеноне), куда, естественно, нужно было подниматься. Несколько ниже (см. § 21) Михаил Хониат называет его «небесным святилищем» (μετεώρφ ἱερῶ). О своем восхождении этим храмом он говорит и в других сочинениях, например в письме митрополиту Новых Патр Евфимию Малаку (МА. т. В'. Σ. 27:14 — 15).
- viii См. Деян. 8, 27 — 28.
- ix Призыв препоясать чресла неоднократно встречается в Священном Писании. В данном случае очевидной является аллюзия на Лк. 12, 35: «Да будут чресла ваши препоясаны, и светильники горящи». В то же время нам нигде не удалось найти аналогов употребленному автором сочетанию слова ζώνη с причастием χαλωμένη, которое, будучи буквально понятым, лишает смысла всё высказывание, поскольку автор не мог предлагать *распустить* пояса. Возможно, в тексте пропущено отрицание, так что следует читать ζώνη ἀνδρικῆ οὐ χαλωμένη.
- x См. Быт. 39, 12.
- xi См. Дан. 13.
- xii См. Исх. 24, 18; 3 Цар. 19, 8.
- xiii Ср. Иез. 14, 14.: И аще будут сии трие мужие среде ея, Ное и Даниил и Иов, тии во правде своей спасутся.
- xiv Было бы заманчиво истолковать греческое слово συνόδου в его техническом смысле, однако контекст показывает, что речь здесь идет не о церковных соборах, но о поведении прихожан в храме.
- xv Это вторая в тексте беседы ошибочная ссылка на Священное Писание: вопреки утверждению проповедника, приведенные им слова принадлежат пророку Варуху.
- xvi Здесь Михаил Хониат показывает свое знакомство с аскетической практикой восточного монашества, которая требует ежедневно уделять определенное время рукоделию, но не предаваться ему всецело. Ср. мнение св. Исаака Сирина, одного из наиболее авторитетных учителей монашеской жизни: «Во избежание уныния пусть будет у тебя небольшое дело, не возмущающее ума. Если же для милостыни пожелаешь больше заняться делом, то знай, что молитва в чине своем выше милостыни, а если ради телесных потребностей, то... достаточно с тебя и того, чем наделяет тебя Бог» (Исаак Сирин. Иже во святых отца нашего, аввы Исаака Сириянина, Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 138 — 139).

МАНУИЛ ФИЛ. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья, перевод и примечания
О.В. Смыки

Корпус сочинений Мануила Фила насчитывает более 25000 стихов, и донесли его до нашего времени Эскуриальская, Флорентинская, Парижская, Ватиканская, Московская Синодальная, Торинская, Монакская и Оксфордская (Бодлеянская) рукописи.

В 1530 г. в Венеции архиепископ монемвасийский Арсений первым напечатал поэму Фила «О свойствах животных»; затем ее же издали Иоаким Камерарий и Григорий Берсман в 1575 г. и Иоанн Корнелий де По¹ в 1730 г. Последовал еще ряд изданий отдельных сочинений, из которых отметим книгу немецкого филолога Готтлиба Верндорфа (1768 г.)² — отдельные стихотворения с латинским переводом, предваренные небольшим исследованием. В 1855 — 57 гг. известный византист Эдуард Миллер предпринял издание почти всех сочинений Фила в двух томах на основе четырех рукописей, сохраняя порядковую нумерацию в каждой из них; работа снабжена латинским вступлением, дополнением и индексами. К. Крумбахер назвал это издание «неметодичной и поверхностной работой»³, однако оно стало раритетом уже через 30 лет, а за последующие 100 лет ничего качественно нового не появилось, так что в 1967 г. в Амстердаме был выпущен репринт издания Миллера⁴. В настоящее время принято пользоваться изданием Миллера, и места указываются номерами тома и страницы. Дидактические поэмы были изданы в собрании Лерса и Дюбнера в 1896 г.⁵

Основные сведения о Мануиле Филе приведены в работах К. Крумбахера (Op. cit.) и Г. Хунгера⁶, там же — полная библиография.

Единственным специальным трудом, более 100 лет сохраняющим свое значение, является исследование известного русского византиста Х.М. Лопарева «Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII, XIV вв.» (СПб, 1891)⁷. В нем содержится очерк творчества поэта и подробно исследуются стихотворения II, 59 — 65 и II, 240 — 255, содержащие весьма ценные исторические и географические сведения. Авторы отечественных фундаментальных трудов «История Византии» и «Культура Византии»⁸, базовых для нашей работы, при создании глав, обобщающих историко-культурные процессы палеологовского периода, учитывают и творчество Мануила Фила и указывают на существенную роль, которую играет его изучение.

Кратко упомянут и даже процитирован Фил в «Истории всемирной литературы»⁹; «Памятники византийской литературы IX—XIV веков» помещают два небольших отрывка¹⁰ — и это всё, что существует по-русски.

Таким образом, становится понятной наша задача, которая видится в том, чтобы постепенно вводить в обиход специалистов, да и просто читателей, тексты этого малоизученного и непереузнанного автора, предоставляя материал для исследования и осмысления такого сложного и специфического явления, как поздневизантийская «высокая» словесность, и способствовать приближению к установлению критериев, применимых к анализу элементов этой эстетической системы, замкнутой в себе и далекой от наших вкусов, чтобы понять, какой же суд признаёт над собой эта поэзия.

Традиционно считается, что Мануил Фил жил с 1275 по 1375 гг., но Х. Лопарев убедительно аргументировал некоторое расширение этих рамок: так, было установлено, что в 1293 году поэт уже выполнял функции посланника, и Лопарев весьма справедливо усомнился, что правительством поручило бы эту миссию восемнадцатилетнему юноше; с другой стороны, лемма к стихотворению II, 58 указывает на обращение к Кантакузину как к василевсу, тогда как он, как известно, вступил на престол в 1347 году. На этом основании Х. Лопарев допускает, что поэт родился около 1270 и умер около 1350 года, и время его жизни, тем самым, пришлось на правление Михаила Палеолога, обоих Андроников и Кантакузина.

Вернсдорф¹¹ и Миллер¹², вслед за Фабрицием¹³, собрали сведения о представителях фамилии Филов и установили, что они занимали видное положение и состояли в родстве с высшей знатью. Например, Алексей Фил, великий доместик, был женат на дочери сестры императора Михаила, Евлогии; после смерти Алексея его вдова стала женой царя Болгарии Константина. Из леммы к стихотворению II, 267 мы узнаем и о тесном родстве со старинной родовитой фамилией Мелиссенов.

Лемма к стихотворению II, 334 свидетельствует, что Мануил Фил родился в Эфесе. Стихотворение II, 400 — 405, эпитафия Георгию Пахимеру (1242 — 1300), где Фил называет покойного своим учителем, позволяет предположить, что учиться у Пахимера Фил мог в Константинополе. Высшая школа богословия, патриаршая *οἰχομενικὸν διδασκαλεῖον*, считавшаяся самым стабильным учебным заведением империи, возобновила свою работу в 1266 году¹⁴, и здесь и преподавал Георгий Пахимер¹⁵.

Образованный и родовитый Фил занимал видное положение при дворе; по поручению Андроника старшего он как посланник ездил к арабам, индийцам, туркам (Фил именует их персами) и тавроскифам¹⁶. В 1293 г. он ездил заключать брак между ханом Золотой Орды Тохтой и незаконнорожденной дочерью императора Марией (II, 7).

Филу были хорошо известны некоторые реалии русского быта. В частности, о теплой шубе, которая ему нужна для защиты от холодов, Фил говорит, что ее «сшил из обработанных кусков густой шкуры какой-то рос, обрета ее у пастухов, разводящих собак» (II, 4). Говоря о протостраторе Михаиле Тарханиоте Главе, которому посвящена историческая поэма, проанализированная Х. Лопаревым, Фил показывает знакомство с русским языком (II, 107): «Кто, о военачальник, дал тебе имя Главы? Ведь в переводе это означает “голова”» (а Миллер добавляет: «*lingua russica*»).

В стихотворении «О посольстве к кельтам», под которыми подразумевались грузины, Фил рассказывает, как он сам принимал участие в этом посольстве (II, 59 — 65).

Жизнь Мануила Фила, как и большинства его современников, не была ни спокойной, ни безмятежной. Он рано утратил родителей, остался вдовцом с малолетними детьми, извечал и тюремное заключение¹⁷. Судя по лемме к стихотворению II, 397 — 398, поэт был репрессирован за свое сочинение «Хронография», вполне естественно, до нас не дошедшее, вызвавшее недовольство Андроника Старшего. Вероятно, в тюрьме написаны стихотворения «На крест нательный» (№1 в прилагаемых переводах), «К святому Николаю» (№2) и так называемая «Клятва» (№ 3), высоко оцениваемая комментаторами нашего времени¹⁸. Что именно побудило императора, неизвестно, но, так или иначе, Андроник II, знаменитый своим прекрасным философским и богословским образованием, любитель литературы и покровитель наук и искусств¹⁹, освободил поэта. (Вспомним, что в свое время и Михаил Глика обратился из тюрьмы к императору Мануилу Комнину с «поэмой-прошением, в которой автор хочет предстать перед государем во всем блеске своих творческих и интеллектуальных способностей»²⁰. В ответ император распорядился немедленно ослепить поэта, сохранив ему, правда, жизнь.)

К теме своего освобождения Фил обращается еще раз в следующем своеобразном цикле.

I, 283 — 284. Благодарение императору, спасшему оклеветанного поэта, превознесение его суда выше соломонова. Финальные строки:

33 Умолкни, Соломон, здесь василевс — судья!
Решай же, Судия мой справедливейший!
Умолкни, Соломон, ты умер заново —
Бог создал человека, что мудрей тебя!

За этим следует стихотворение, обращенное к императрице (I, 284). Начало:

1 Владычица моя, прости мне, дерзкому..

Далее, в I, 285 — 287, снова славословие кротости императора и, на-

конец, благодарение Богоматери (I, 287 — 288 и I, 288 — 289). Впрочем, в I, 268 («автократору») читаем:

Писал я, не писал — уж ты прости меня,
 На все грехи и заблужденья подданных
 Лишь доброта — ответ природы царственной...

В дальнейшем отношения с двором не омрачались трагическими коллизиями, поэт активно откликался на события государственной и природной жизни, будь то военная победа (I, 220 — 225) или поражение (II, 37 — 58), переезд императора в летнюю резиденцию (II, 152 — 153), пострижение Андроника Старшего в монахи (II, 375 — 376) или благополучное приручение друг к другу льва и собаки, удавшееся страстному любителю животных Михаилу Палеологу (I, 415 — 419).

К императору, членам его семьи, известным вельможам, их супругам адресовано множество крупных и небольших стихотворений, а некоторые написаны от лица заказчика. Неистощимая изобретательность, изящество, эрудиция, остроумие и тонкость риторства отличают его энкомиастические послания и стихи «на случай», эпиграммы и эпифиции.

Порой панегирик государственному лицу может принимать совершенно необычную форму: восхваление Иоанна Кантакузина, тогда еще великого доместика, — это целый спектакль, где действующие лица — сам Фил и Ум-Нус — беседуют на протяжении 965 триметров, обмениваясь десятистрочными репликами, о достоинствах Кантакузина. Посреди этого разговора к ним присоединяются подросшие двенадцать красавиц-Добродетелей, а под конец является и сам Кантакузин, оставая за собой последнюю строфу (Драматическая Этопея I, 143 — 184).

Несомненный познавательный интерес представляет стихотворение, условно называемое «Табель о рангах» (II, 407 — 413), где Фил проявляет себя знатоком генеалогии членов императорского дома, сообщая, по словам Лопарева²¹, многое, «чего нельзя найти в таких трудах, как “Византийские фамилии” Дю Канжа и “Христианский Восток” Ле Кёна».

Стихи Фила, как правило, имеют адресата — лицо, предмет, событие, на которое они направлены, «написаны на», что дает основание называть их в широком смысле эпиграммами. <...> Эпиграмматическая традиция оставалась на редкость непрерывной более полутора тысячелетий. Есть периоды, когда поэзия только и представлена эпиграммами. Греки не могли перестать писать эпиграммы, как они не могли перестать сочинять торжественные речи в совещательном, судебном и эпидейктическом роде; утилитарные приложения школьной риторики в парадной прозе и ее же игровые приложения в эпиграмматической поэзии — это, так сказать, минимум данного типа словесной культуры, его скромное ядро, без чего невозможно обойтись. <...> Эпиграммы

пишут все <...> это вопрос школьного умения, вопрос грамотности <...> иногда сочинение эпиграмм напоминает по своей функции что-то вроде домашнего музицирования или игры в шахматы»²².

Впрочем, применительно к концу XIII и началу XIV вв. стоит обратить внимание на то, что сочинялись эпиграммы на «литературном диалекте», за полтора тысячелетия весьма отдалившемся от живого языка, и овладение им требовало от учащихся много времени и больших усилий, так что возникла даже специальная дисциплина, оптимизирующая этот процесс, схедеография²³, и тем самым «минимум культуры», требовавшийся и от составителей, и от читателей эпиграмм, оказывался здесь величиной уже весьма значительной. Распространенность эпиграмм и вкус к сочинительству и сочинениям характеризует интеллектуальный уровень этого времени. Недаром тогда же составил свою редакцию антологии Кефалы знаменитый Максим Плануд²⁴, знакомец и корреспондент²⁵ Мануила Фила.

Большую группу составляют эпиграммы, которые современный греческий исследователь А. Коминис называет *ἑρά*²⁶. Это в основном небольшие стихотворения, воспевающие Спасителя (их 54), Богоматерь (тоже 54), Иоанна Крестителя (их 15), и других святых, пророков, апостолов, храмы, иконы, праздники и священные тексты от лица автора или заказчиков.

Есть эпиграммы и на другие, самые разные случаи, например, просьба прислать книги, и т. п.

Многочисленны стихи «на случай» смерти. Надгробное слово во все времена — самая практикуемая разновидность парадного красноречия. В основном учебнике риторики — труде Гермогена (II в. н. э.) — техника построения речей такого рода специально не рассматривалась, но нашла разработку у ритора конца III в. н. э. Менандра Лаодикейского в его сочинении «О торжественном красноречии», где, в частности, по отдельности рассматриваются эпитафия, утешительная речь и монодия²⁷.

Мануил Фил успешно прошел риторическую школу и знает все приемы и правила, полагающиеся к применению. Однако пользуется он этим арсеналом средств с полной свободой и оригинальностью. Среди многих стихотворений на тему смерти есть, например, драматическое произведение «Человек, разговаривающий с душой» (I, 419 — 430). Гнетомый горем человек (видимо, сам овдовевший Фил) ведет печальную беседу с Душой (каждая реплика — по десять пятнадцатисложников, первое слово строфы — в порядке алфавита), в разговор вступает умершая жена, в итоге требующая, чтобы ее перестали задерживать на пути к свету, что и выполняет человек и обретает утешение (240 стихов). Необычна и «Монодия» на смерть Иоанна Палеолога (I, 388 — 414; 597 стихов). Действующих лиц здесь еще больше — царь, царица, вдова, царский сын, слуга (видимо, сам поэт). Это — уже своего рода траурный митинг.

Фил пишет эпитафии от лица заказчика (№ 9), по заказу (№ 10) и от своего имени (№ 11). Эпитафия Георгию Пахимеру, № 11, сделана с особым мастерством и являет предмет специального исследования.

Для Фила и его читателей представлял несомненный интерес и ценность такой вид сочинения, как «переложение». Так, сохранилось его переложение на триметры акафиста Богородице (II, 317 — 334). Наши переводы включает также пример «переложения». Это обязательное риторическое упражнение, первое в списке прогимназмов: басня. Обычно ее сочиняли в прозе, но во времена Фила в риторической практике проза и поэзия легко менялись местами (так, уже давно писали прозаические гимны и стихотворные хроники). Фил блестяще справляется со своей задачей, живо диалогизирует материал, сжато и емко повествует и сохраняет требуемую в басне генерализацию, создающую здесь острый комический эффект: ἀνήρ λοτε κλῶψ в начале, ударно-вопросительное τίς (в стихе 24) в роли обобщающе-неопределенного и универсализирующая концовка комически закрепляет как вечную данность нелепую житейскую ситуацию вынужденной лжи²⁸.

Прилагаемые переводы выполнены нами по последнему изданию Миллера.

1. На крест нательный. Стихотворение Эммануила Фила

II, 399

В плененьи да найду в тебе хранителя,
 Великую защиту, избавителя,
 Ведь сам Христос, как руки на тебе простер,
 Все души отпустил из заточения!

2. Св. Николаю

II, 199

Пока дышал ты в теле человеческом,
 Ты милостью чудес преизобразил,
 А ныне там, где дух и свет мешаются,
 И ум крылатый зря и Бога явственно,
 5 Блаженный, ты ли бросишь чудотворствовать?
 О, прекрати мне это заключение,
 От ужасов тюрьмы освободи меня!
 Прими свой образ, дар мой за спасение,
 Его душой писал я, как рукой моей,
 10 Ведь там, где хочешь, все исполнить властен ты!

**3. Фил — Автократору,
когда по наветам из-за «Хронографии»
от него потребовали клятву в благонадежности**

II, 397 — 398

Свидетель мне — сам Сущий прежде всех времен,
О Авзонарх, Сам Тот, создатель времени,
Чей трон великий окружают ангелы,
Кто небо распростер над головой моей,
5 Кто землю утвердил, что под стопой моей,
Кто ветер и огонь отвесил поровну,
Кто смог собрать, стянуть природу водную,
Единственный, кто звездам в небе знает счет,
Кто зелень трав растит, лелеет лилии,
10 Кто сотворил одушевленных множество,
Кто создал и людского прародителя,
И разумом, и словом одарил его,
Тот Самый, Кто Эдемский насадил мне сад,
Кто дал познать величье силы почести,
15 Кто запретил от древа мне вкушение,
Кто снял с нас грех ошибшейся праматери
Своим неизреченным милосердием,
Когда послал к нам Сына — искупителя,
Ведь Дух Святой от крови чистой девушки,
20 Не знавшей мужа, дал Ему рождение
Во истинной плоти, плоти причастия,
И с чистотою первого рождения.
Свидетель Он — не смел тебя злословить я!
Бессмертья светом в этом я клянусь тебе!
25 И преданно любовь мою горячую,
Как безупречный раб, я приношу тебе,
И мой язык, и все мои писания,
Чтоб силу дать тебе на крыльях слов моих
Всю землю облететь, все времена пройти,
30 И весь наш род людской пусть знает в будущем,
Какого Авзонарха солнце видело!

4. Автократору

II, 198

Фил твой, когда молчит, и когда пишет — твой,
Твой он, когда скорбит, и твой он в радости.
О солнце! Разве есть такое облако,
Что медлит раствориться от лучей твоих?

5. На Авраама, угощающего Святую Троицу²⁹

II, 399

«Ты в жертву, Авраам, быка закласть решил?»
 «О нет, готовлю я для пира кушанье».
 «А кто же гость, кого обедом потчуеть?»
 «Сама Святая Троица». — «Бог ест быков?»
 5 «Не мне вникать в слова неизреченные».
 О, сколь благословен за веру, старец, ты,
 За жизнь благословен гостеприимную!
 И будет вам обоим плод от чресл твоих!

6. На икону Пресвятой Богородицы

II, 279

Есть у меня твое изображение,
 О Дева, Ты, неизречимо родшая —
 Есть Ты — моя надежда на спасение,
 И больше не страшусь несчастий в жизни я —
 5 Ведь Ты — мое лекарство от страдания.

7. На источник от руки святого Николая

II, 278

И даже кость нагая от руки твоей
 Богатством одаряет чудодейственным —
 В ней благодать живет, и густо капает
 Источник мира, Мир блюститель праведный!

8. Святому Духу

II, 400

О, дух живой, о ток росы божественной!
 О, утешитель, радость обновления,
 Животворящий Свет, Дыханье ангелов,
 5 Податель нескупой благого, доброго,
 Творец всего, что зрению является,
 Творец всего для взоров недоступного,
 О Новый дар, о сила всемудрейшая,
 О мощь любой науки и умения,
 В тебе дышу, живу, пою и радуюсь,
 10 Пишу — со мною будь во время всякое!

9. Эпитафия десному господину Мануилу³⁰ от имени его матери

I, 226

Святая дева, свят твой плод Божественный!
 А я — земная мать чада смертного.
 О, поделись своей святою силою!
 Сын умер мой — даруй ему бессмертие!

10. Эпитафия Иоанну Факрасу³¹

I, 376 — 377

Не может быть! Факрас — причина треносов!
 Факрас! Какой удар судьбы разительный!
 Что в наше время может быть ужаснее?
 Природы чудо — вещь, души лишенная!
 5 Всех дел творец — в могиле прах безжизненный,
 Краса — в земле, достоинство — в ничтожестве,
 И слава — дым, и речь ушла в безмолвие.
 Богатства не нужны — жизнь обесценилась,
 Отец счастливый — брошен. Вот конец тому,
 10 Кто жизни вечной был достоин заживо,
 Ведь был он — луг цветущий благу всякому,
 Харитам — терем, Музам — обиталище,
 Пристанище всем Божьим наставлениям,
 Что с детства жизнь его блюли блистательно
 15 В борьбе со злом, идущим от материи.
 Кто эту скорбь о чуде может выплакать!
 О солнце, о земля, о люди смертные,
 Сливай хоть все моря — и то нехватит слез!
 Сам Василевс, заметив, сколь разумен он
 20 Не по летам, сколь дивен красноречием,
 И дел бразды правления вручил ему,
 И неусыпным стражем стал он доблестно,
 И, мудрый кормчий, вел корабль общественный
 На пользу всем народам столько времени,
 25 Средь логофетов лучший, к процветанию.
 Когда ж дохнул злотворный ветер зависти
 И чуть не сбил с прямого курса плаванья,
 Сын-Василевс его себе в наследство взял
 И над своим поставил достоянием.
 30 Здесь цвел он сверх природы человеческой
 И выносил судьбы удары с твердостью
 Ведь корень прочный был его — жена его,
 Помощница во всем, а нравом — горлица,

- 35 Как будто от рожденья с ним срослась она!
 Хоть жизнь теснила их — но не могла смутить,
 Все видели, что наиболее благороднейше
 Он натиск жизни выносил, с достоинством
 Свой вел корабль, и добрый дал пример
 И в том, что тварным — все бывает к лучшему,
 40 Когда кончину встретил он счастливую.
 Достиг он всем желанной, тихой гавани,
 Спустил и парус плаванья последнего,
 И все богатство жизни тут, не мешкая,
 Вернул Тому, Кто нам его на время дал.
 45 Но как же бедняки по нем кручинятся —
 Ведь он кормильцем был их прирожденнейшим!
 Скорбит и тонкой речи слово всякое,
 Такого потерявши сочинителя.
 Скорбит супруга, хоть о ней пекутся все,
 50 И чад, что видом — копии родителя,
 Заботы окружают неустанные,
 От дома царской крови исходящие —
 Жена не хочет жить, и свет не в радость ей,
 Но погибает, всякий раз кончается,
 55 Лишь память о потере всколыхнется в ней.
 А ты, о зритель, помни — повстречается
 Тебе скорбящий кто — скажи тогда ему:
 Сидериот Факрас уже в могилу лег,
 А ты свое при сем готов оплакивать?!
 60 Оставь! Твое — второе после этого!

11. Эпитафия Георгию Пахимеру³²

II, 400 — 405

- Могу живописать я по желанию —
 И верное создать изображение,
 Чтоб зритель мог увидеть как воочию
 Любого, кто сокрыт уже могилою —
 5 Мне сделать то поможет красноречие,
 В портрет вдохнет и силу, и дыхание, —
 В портрет любого, но, увы — не твой портрет!
 Учитель мой, ты умер, о учитель мой,
 10 И все Хариты речи тоже умерли!
 И я боюсь, что к человеку мудрому,
 И от страстей и горестей свободному,
 Не речь я обращаю, а лишь невнятицу.
 Но ты при жизни — и не раз бывало так —

- 15 Хвалил по доброте и неученые
Писанья, чтобы поддержать способного.
Так неужель в могиле обитаючи,
Покрытый камнем, в глубях обретаяся,
Где вовсе нету книг, ужели речь мою
- 20 Сочтешь ты ни за что, при том, что цель ее —
Воздать тебе хоть малость благодарности!
Горюйте, города, законы — траур вам!
Не разожжет уже огня риторики
Пред вами Демосфен благочестивый ваш,
- 25 Не взяткам ли — терновник, больно жалящий, —
Скамья судьбы, коль видят — не пуста она?
А ты, Гомер, в такой-то час безмолвствуешь?
Вторую «Илиаду» должен ты писать
И плакать, что страдает твоя первая!
- 30 Ведь тот, кто ныне смолк и смертным сном объят,
Не он ли был среди тех мужей наставников,
Кто выпростал из тучи всяких вымыслов
Поэмы блеск твоей во всем сиянии!
Теперь, старик Платон, ты умер заново, —
- 35 Не душ переселенье и не сам Сократ, —
Уменье, как твое, такой, как твой, язык
Дыханьем чистым наполни умершего.
Ты, Аристотель, чем теперь гордишься ты?
Тебе теперь молчать пристало, спрятавшись,
- 40 Когда твои увечат сочинения.
Ведь ныне твой исследователь опытный,
Достигнув цели лучшей и отраднейшей,
Сам издан праотцам, как «Аналитики»!
О Новый Рим, стеной, сплетая треносы —
- 45 Земля сокрыла лучший цвет словесности!
Но если вновь слова ты можешь чувствовать,
Приди, о Пахимер, и победи всех тех,
Кто пишет о науках математики,
Им преподай свои находки новые.
- 50 Да что там — кратко я скажу: поистине
Со мною бьется в горе мудрых сонмище!
Ты был, как ларь, всех наших книг вместилищем,
А ныне стал ларем, где прах и тление.
О справедливости хранитель, коль в тебе
- 55 Жива забота о законах, о суде,
Вещай, внушай решенья, распри прочь гони
И суд верши по нелицеприятности,
Ведь к правде страсть твоя не умерла с тобой,

- 60 Не ты ль при жизни видел и конец пути,
И все же воспевал ее возвышенно?
О белый лебедь! Вот, за все труды твои,
Увы — конец — могила трехлоктевая!
Где твой язык могучий, где уста твои,
Божественным писанием дышавшие,
- 65 И ясный ум — скажи, куда все скрылось?
И он в ответ: «Я понял, что у смертных жизнь —
Ничто — лишь тени тень, иль отражение
В Эврипа водах, призрачное, зыбкое.
Она — пузырь, и пепел, дым клубящийся,
- 70 Четверка-астргал — забава отроков,
Шестерка-кубик — кость непостоянная.
Но я пришел сюда, и вот в могиле я,
Где жду трубы последней призывания,
Услышу — встану, Слову кинусь в сретенье,
- 75 Идущему судить всех тварей праведно.
Ты обо мне пиши без восхваления,
Молчаньем обходи забавы важные
Таких, как я, людей — ведь пыль взметенная
Порою прямо к небу подымается,
- 80 Но все равно осядет, раз уж пыль она,
Как нашей жизни нитка обрывается.
Все наши речи, книги, рассуждения,
Все силлогизмы, протасисы, стасисы —
Всё гибнет, всё — в ничто, всё только сон один,
- 85 Ведь смерть кладет предел существованию
Со скоростью, уму непостижимую.
Дела мои не стоят восхищения,
Хвали лишь кротость, бедность добровольную,
Хвали всей жизни стройность музыкальную,
- 90 И звук моей души хвали особенный,
С ним я сумел владеть страстями дерзкими,
Перебирая их, как струны лирные».
О, будь блажен, и шлём благословение
За речь и наставленья мистагогу мы.
- 95 Ты не молчишь, напротив, с силой большею
Показываешь сущность добродетели,
Как будто жив, как будто сочинишь ты,
О Мудрый, дом найдя в последнем портике,
Теперь твоя отчизна — край премудрости,
- 100 Что выше и Афинской Академии,
И лишь сейчас, сейчас я понял явственно,
Что праведник, достигнув часа смертного,

105 Как говорит Писанье, обретет покой,
Жизнь чистую и чуждую страдания,
И к свету перейдет из мрака сумерек.

12. Переложение известной басни

I, 213 — 214

Однажды некий муж с большой котомкою —
А был он вор — забрался к огороднику
И принялся за жатву тут бесшумную,
Весь срезал урожай и уложил в мешок.
5 И вдруг — сам огородник появляется.
«Ты что же это у меня тут делаешь,
Ты, вор», — кричит, — «негодник, огород сгубил,
Плоды присвоил ночью всех трудов моих!»
А вор ему в ответ: «Да нет, совсем не я!
10 Я сам не знаю, как и очутился тут.
Со мной случилось страшно необычное —
Тифон меня схватил и поволок меня,
И кувыркал, гоня своим дыханием,
И, как пернатый, я летел по пустошам,
15 И вдруг остановился в огороде я
Средь овощей где ты и лицезришь меня.
А урожай твой, видно, тот же смерч сгубил,
Что и меня валял, где ему вздумалось».
— «А твой мешок, вот этот, говорит о чем?
20 Что, разве кто другой, сюда забравшийся,
Набил его плодами огородными?»
Тут вор молчит и только тихо пятится.
Но, погодя, от страха чуть опомнился
И говорит: «Ну, кто тут скажет что-нибудь!»
25 Так, оплошав, ни с чем он удаляется,
Мешок оставил, душу, правда, выиграл.
Вот так вранье и не проходит явное,
Когда его несут, коль деться некуда.

Примечания:

¹ De Pauw. Trajecti ad Rhenum, 1730.

² Manuelis Philae carmina graeca, cura G. Wernsdorfii. Lipsiae, 1768.

³ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527 — 1453). 2 Aufl. München: Beck, 1897.

⁴ Manuelis Philae carmina, ed. È. Miller. Vols. 1 — 2. Paris, 1855, 1857.

⁵ Poetae bucolici et didactici, edd. Fr. Dübner et F.S. Lehrs. Paris: Didot, 1862. В этом издании опубликованы поэмы «О свойствах животных», «О шелковичных червях», «О струтокамиле», и «Краткое описание слона».

- ⁶ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1—2. München: Beck, 1978.
- ⁷ На эту работу Лопарева ссылается и современный историк: Нуждин И. Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия // Византийский временник. 1997. 57 (82). С. 96 — 109, и филолог Кочев Н.: Античная литературна традиция и византийските автори. София: Наука и изкуство, 1982.
- ⁸ История Византии. Т. 1 — 3 / Отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967; Культура Византии. Т. 1 — 3. М.: Наука, 1989. В нашей работе мы опираемся также на следующие важнейшие для нас монографии: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы М.: Coda, 1997; Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996; Бибииков М.В. Византийская историческая проза. М.: Институт всеобщей истории, 1996; Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том I. О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997; Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб: Алетейя, 1997.
- ⁹ История всемирной литературы. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 37. Приведенный здесь отрывок взят из перевода С.С. Аверинцева, помещенного в издании «Памятники византийской литературы IX—XIV веков» (М., 1969. С. 331—332).

Державный повелитель, обносился я!
 Хитон поистрепался, продырявился,
 И ворс на львиной шкуре, тонко стриженный,
 Весь вылез от мороза и попортился.
 И вот, нуждаясь страшно в одеянии,
 К тебе я припадаю!..

Весьма часто в своих стихах к разным адресатам, включая императора, поэт жалуется на бедность, даже нищету, и на разные житейские невзгоды. Не останавливаясь на обсуждении этой тематики, скажем только, что условная маска попрошайки имеет образцом Птохо-Продрома.

- ¹⁰ Один из отрывков приведен в предыдущем примечании. Второй отрывок, из поэмы «О свойствах животных», посвященной императору Михаилу Палеологу (2015 триметров), за которую адресат щедро наградил поэта, был опубликован в издании: Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М.: Наука, 1969. Воспроизведем перевод С. С. Аверинцева:

Катоблен

Как молвят, изо всех животных злейшее
 Живет в земле Ливийской и имеет вид
 Весьма похожий на быка свирепого.
 Смотрит оно, как будто разъяренный лев,
 Из-под бровей густых и нависающих.
 А глаз его по мере меньше бычьего,
 Налит густою кровью и притом вовек
 Не взглянет прямо, в землю потупляясь:
 Отсюда и прозвание катоблепово.
 С макушки зверя волосы обильные
 Нисходят гребнем и на лоб спускаются,
 И с конской гривой сходствуют. Великий страх
 Тому, кто с этим дивом повстречается!

Зверь кормится корнями ядовитыми,
 Которых больше ни одно животное
 В рот не возьмет, а коль возьмет — отравится.
 Избывившись и в землю взор уставивши,
 Он распускает гриву и вздымает шерсть,
 Как будто вепрь, свирепо ошетинившись.
 И если рот его приоткрывается,
 Из недр гортани мерзостный исходит дух,
 Отравного зловония исполненный.
 Тот, на кого повеет дуновением,
 Лишится языка незамедлительно
 И навзничь в корчах яростных повергнется.

- 11 Wernsdorf. Op. cit. Praefacio III.
 12 Miller. Op. cit. Praefacio II — IV.
 13 Fabricius. Bibliotheca graeca, VII (ed. 1727).
 14 Культура Византии. Т. 3. С. 406 — 407.
 15 Там же. С. 407.
 16 Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988. Книга IV, 6: «отправил его к тавроскифам, которых в просторечии обычно называют росами»; см. также примечание 24 на стр. 182 того же издания: «Лев Диакон первым использовал данное этническое наименование применительно к русским».
 17 Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 3.
 18 Там же.
 19 История Византии. Т. 3. С. 86; Hunger Н. Zur Humanität Kaiser Andronikos II // Сборник Радова Византолошког института. 8/1. 1963. S. 149 — 152.
 20 Чичуров И.С. Литература XI — XII вв. // Культура Византии. Т. 2. С. 198.
 21 Там же. С. 13.
 22 Аверинцев С.С. Риторика... С. 179.
 23 Чичуров И.С. Указ. соч. С. 186 — 187.
 24 Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 298 и 291—342; Krumbacher К. Op. cit. S. 727.
 25 Treu М. Maximi Monachi Planudis epistolae. Breslau, 1890. S. 254.
 26 Κομίνης Α.Δ. Τὸ βυζαντινὸν ἱερὸν ἐπιγράμμα καὶ οἱ ἐπιγράμματοισι. Ἀθήναι, 1966.
 27 Menander Rhetor. Eds. D. Russel and M. Wilson. Oxford, 1981. Существует и русский перевод: Парфенюк Г.А. Трактат Менандра Ритора о торжественном красноречии как исторический источник. Дипломная работа (машинопись). Кафедра истории древнего мира, исторический факультет МГУ. М., 1996. Об эпитафии и монодии в византийской литературе см.: Hunger Н. Die hochsprachliche... Bd. 1. S. 132 — 133.
 28 Ср.: Аверинцев С.С. Риторика... С. 298 — 301.
 29 Ср. Быт. 18, 7 — 8.
 30 Мануил Палеолог, сын Михаила Палеолога.
 31 Иоанн Факрас — великий логофет при Михаиле Палеологе.
 32 Георгий Пахимер (1242 — 1310), знаменитый историк, государственный и церковный деятель, педагог, ученый эрудит, автор трудов по математике, астрономии, риторике, философии, музыке; поэт и мемуарист. См. Бибииков М.В. Указ. соч. С. 126 — 128; Krumbacher К. Op. cit. S. 288 — 291; Hunger Н. Die hochsprachliche... Bd. 1 — 2, passim, и Коробейников Д.А. Из ΣΥΓΓΡΑΦΙΚΩΝ ΙΣΤΟΡΙΩΝ Георгия Пахимера // Византийский Временник. Т. 60 (в печати).

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ. ЦИЦЕРОНИАНЕЦ

Вступительная статья, перевод и комментарий Г.В. Лим

Однажды, в некоем городе ренессансной Европы начала XVI века, залитом ярким светом греко-римской учености, прогуливались, как обычно, по портику, прячась от солнца, ученые. Неизвестно, вели ли беседу в тот момент двое из них — Булефор и Гипологⁱ. Ведь Булефор был не только уважаемым в ученой среде эрудитом, но и обладал даром наставлять всех ценными советами, а также умел высказывать здравые суждения в своей области. Что касается Гиполога, то он всегда выслушивал эти советы и мнения и соглашался с ними. Как ученый-эрудит он много знал, но не всегда понимал, какое мнение можно иметь относительно того, что он знал. Если Булефор и Гиполог говорили, то это, скорее всего, была ученая беседа, а не спор, дискуссия или перебранка. Читателю, разумеется ученому и понимающему, их разговор Эразм не сообщает. Мы начинаем «слышать» беседующих ученых во время их прогулки только тогда, когда Булефор неожиданно для себя замечает вдалеке своего старого приятеля Носопонаⁱⁱ. Много лет назад упорные труды в области возрождения античной образованности нанесли непоправимый вред разуму усердного ученого. Новое тяжелое заболевание мозга и части души заставило Носопона, самого талантливого и усердного не только в развеселых ренессансных попойках, но и в красноречии, оставить друзей, прежние научные интересы. Болезнь преобразила некогда упитанного и жизнерадостного красавца. Теперь он, и бледный, словно от чахотки, и желтый, словно от желтухи, и одутловатый, словно от водянки, доживает явно последние дни. Рабское, а точнее, обезьянье подражание стилю Цицерона — это внешнее проявление нового морового бедствия, которое, по мысли Эразма, порождено чрезмерным увлечением античным язычеством и забвением христианства. Страшная заразная болезнь безжалостно набрасывается именно на самую талантливую научную молодежь и опустошает редкий строй бойцов новой ренессансной науки, доводя их до смерти. Болезнь не поддается лечению средствами традиционной средневековой медицины — драгоценными камнями, травами, заклинаниями. Больную душу и пораженный цицеронианством мозг может исцелить только ученая беседа. Диалог Эразма «Цицеронианец», изданный в Базеле Фробеном в марте 1528 г., и является попыткой излечить от смертельного недуга уже пораженных цицеронианством молодых ученых и предостеречь других от увлечений язычеством.

Для своего сочинения Эразм выбрал литературную форму диалога. В предисловии-посвящении он пишет, что это сочинение рассчитано на читателей молодых; а для того, чтобы успешнее воздействовать на чувства молодежи, надо выбрать наиболее легкую и веселую форму подачи сложных, даже серьезных проблемⁱⁱⁱ. Кроме того, как нам представляется, возможности композиционной структуры соответствуют характеру Эразма и его страсти к своего рода литературной игре. Перед нами, как и перед ученой «молодежью» XVI века, не прямолинейный трактат или учебник, а театральная игра — столкновение различных взглядов. Каждый персонаж имеет свой собственный характер и свое мнение. Эти психологические типы хорошо просматриваются в первой части диалога. Поэтому нельзя всё воспринимать как мысль автора. Именно читателю надо суметь выделить из обилия разных, а подчас противоположных мнений, мнения автора. Форма диалога позволяет вести спор, высказывая свои мысли в безопасной форме, как бы не от своего лица.

Возрождающимся наукам, как полагал Эразм, вредна любая ограниченность, даже самая сложная и труднодостижимая. Парадокс того времени: как совместить широту интересов и глубину изучаемых вопросов? Вероятно, Эразм, как представитель первого поколения гуманистов-ученых, не считал необходимым тщательно и всесторонне изучать отдельные проблемы. Проблема специализации научных тем, в данном случае — выделение различных дисциплин, существующих в рамках понятия *eloquentia*, возникла гораздо позже. Научная «молодежь» — гуманисты первой половины XVI века — пыталась по-своему решить проблему времени. Ими был выбран путь специализации. Цицеронианцы, глубоко и тщательно изучающие вопросы стиля Цицерона, были не поняты Эразмом.

Предлагаемый перевод^{iv} — это перевод первой части диалога, посвященной подробно изложению «цицеронианства» как явления научного, так и бытового. Фактически, это — монолог Носопона. Реплики Булефора и Гиполога только помогают раскрыть все аспекты темы цицеронианства.

В сложившейся традиции^v прочтения, комментирования и, в конечном итоге, понимания этого произведения современники, а затем, исследователи проводят полный знак равенства между одним из персонажей (Булефором) и Эразмом. По замыслу Эразма, подкупающе искренним персонажем является только цицеронианец Носопон, в то время как Булефор и Гиполог в самом начале диалога, в «присутствии» читателя договариваются о том, как бы им получше притвориться цицеронианцами и обмануть Носопона. Мало того, что сам Эразм дистанцируется от читателя с помощью литературной формы, так еще и некоторые герои сами решают разыграть спектакль. Булефор признает, что часть из того, что он говорит — это роль в комедии, обман. Но следует

ли читателю так прямолинейно воспринимать явную театральную игру?

- ⁱ Булефор от βουλφόρος дающий советы, являющийся советником. Гиполог от ὑπό-под- (приставка, обозначающая подчиненность, незаметность, ослабленное качество) и λόγος слово, мнение, то есть имя Гиполог буквально означает «сопровожающее, зависимое слово или мнение»; Гиполог — это «собеседник», «поддерживающий беседу».
- ⁱⁱ Носопон от νόσος болезнь и πόνος труд, страдание, болезнь. Носопон — это человек охваченный болезнью в результате совершения им тяжелого труда.
- ⁱⁱⁱ Argumentum hoc dialogo tractauimus, quo simul et minus esset taedii lectoribus, et res facilius illaberetur in affectus iuuenum. (Цит. по: Erasmus Desiderius. Opera omnia. Amst., 1972. Ordo I. T. 2. LB 971. P. 600, 15)
- ^{iv} Перевод сделан по изданию: Erasmus Desiderius. Opera omnia. Amst., 1972. Ordo I. T. 2. P. 606 — 616. LB 973 — LB 979.
- ^v Существует пересказ на русский язык диалога «Цицеронианец» (См. в кн.: Маркиш С.П. Знакомство с Эразмом из Роттердама. М., 1971. С. 48 — 55.). Полный перевод диалога на французский язык и комментарии к нему сделан П. Менаром (См. в кн.: Erasme. La philosophie chrétienne. Paris, 1970. P. 261 — 358.).

**Диалог ДЕЗИДЕРИЯ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО,
озаглавленный:
ЦИЦЕРОНИАНЕЦ, или О НАИЛУЧШЕМ СТИЛЕ РЕЧИ**

Действующие лица:
БУЛЕФОР, ГИПОЛОГ и НОСОПОН

Булефор. Смотри, кто же прогуливается там, в самом конце портика? Если не обманывают меня глаза, это — Носопон, старый друг-собутыльник и σὺντροφός¹ в учебе.

Гиполог. Тот ли знаменитый Носопон, когда-то великолепнейший кутила, краснощекий здоровяк, словно переполненный Венерами и Грациями?

Булефор. Он самый.

Гиполог. Откуда этот новый вид? Он, кажется, больше похож на привидение, чем на человека. Неужели какая-то болезнь охватила его?

Булефор. Тяжелейшая.

Гиполог. Скажи, какая? Неужели водянка?

Булефор. Эта болезнь не под кожей, а гораздо глубже.

Гиполог. Неужели это новый вид проказы, которую люди ныне скрывают под именем чесотки?

Булефор. Глубже, гораздо глубже эта зараза.

Гиполог. Неужели простуда?²

Булефор. Не в легких болезнь, а гораздо глубже.

Гиполог. Неужели чахотка³ или желтуха?

Булефор. Болезнь находится не в печени, а более глубоко.

Гиполог. Может быть, свирепствующая в венах и в сердце лихорадка?

Булефор. Это — и лихорадка, и не лихорадка, а нечто опаляющее более глубоко, чем если бы лихорадка свирепствовала в венах и в сердце. Эта болезнь свирепствует, нападая из самых глубин души, находящихся в мозгу. Но перестань гадать напрасно. Это — новый вид болезни.

Гиполог. Что ж, болезнь еще не имеет названия?

Булефор. У латинян — нет, а греки называют ее зелодулея⁴.

Гиполог. Она недавно случилась, или это χρόνιον⁵ недуг?

Булефор. Уже более семи лет ею охвачен несчастный. Но, послушай, нас заметили. Кажется, он направился к нам. Лучше, если ты сам узнаешь от него, что это за болезнь. Сначала я буду играть роль Дава⁶, ты же только поддерживай мою речь и играй свою роль в комедии.

Гиполог. Конечно, я отлично исполню роль, если узнаю, что ты мне поручишь.

Булефор. Очень хочу избавить старого друга от столь тяжелой болезни.

Гиполог. Разве сведущ ты в медицине?

Булефор. Знай, что этот род безумия не отнимает разум целиком, а только повреждает одну часть души, правда, сильно. Подобно тому, как некоторым кажется, что у них на голове выросли рога быка, или их отягощает очень длинный нос, или что у них огромная и, к тому же, глиняная голова на тонкой шее, которая сразу же должна разлететься на куски, если чуть повернуть ее. Есть и такие, которые, полагая, что они мертвы, сильно боятся собрания живых людей.

Гиполог. Перестань. Этот вид болезни знаком мне.

Булефор. Для излечения таких больных нет более легкого пути, как притвориться больным тем же недугом.

Гиполог. Это я часто слышал.

Булефор. Сейчас так и случится.

Гиполог. В этой комедии буду не только зрителем, но также охотно стану участником. Ибо больше всего хочу помочь этому человеку.

Булефор. Итак, придай своему лицу соответствующее выражение, надень маску, чтобы он не почувствовал, что мы сговорились.

Гиполог. Согласен.

[*Носопон приближается к Булефору и Гипологу.*]

Булефор. Желаю Носопону крепкого здоровья.

Гиполог. И Гиполог приветствует Носопона.

Носопон. Со своей стороны желаю вам обоим того же. Но если бы исполнилось то, чего вы мне желаете!

Булефор. Да будет так, если в нашей власти, конечно, даровать то, чего мы желаем. Но скажи, несчастье какое-то у тебя? Ведь это болезненное лицо и худоба предвещает нечто зловещее. Похоже, у тебя болезнь печени.

Носопон. Нет, скорее — сердца, мой добрый друг.

Гиполог. Прекрасные слова, если говоришь так о неизлечимой болезни.

Булефор. Разве нет надежды на врачей?

Носопон. Нет у меня надежды на лекарства смертных, надо надеяться на помощь божества.

Булефор. Говоришь о жестокой болезни. Но на помощь какого божества?

Носопон. Есть богиня, которую греки называют Πειθώ⁷.

Булефор. Знаю эту воздействующую на души⁸ богиню.

Носопон. Люблю ее без памяти и погибну, если не овладею.

Булефор. Не удивительно, Носопон, что ты чахнешь. Известно мне, как жесток Купидон и что значит быть νυμφόληπτον⁹. Давно ли поразила тебя любовь?

Носопон. Около десяти лет качу этот камень, и до сих пор безуспешно. Вот почему ясно — или умереть мне от тяжкого труда, или заполучить, что люблю.

Булефор. Говоришь о любви постоянной и, в то же время, несчастной. Ведь столько лет не смог ты ни избавиться от нее, ни овладеть предметом страсти.

Гиполог. Может быть, обладание этой нимфой разрушило бы его больше, чем ее отсутствие?

Носопон. О нет! Я, несчастный, мучаюсь от ее отсутствия.

Булефор. Разве такое возможно? До сих пор ты один настолько превосходил всех в красноречии, что многие хвалили тебя теми же словами, какими некогда было сказано о Перикле — «Свада обитает на твоих устах»¹⁰.

Носопон. Короче говоря, мне отвратительно всякое красноречие, кроме красноречия Цицерона. Это и есть та нимфа, от любви к которой я таю.

Булефор. Теперь понимаю твою страсть. Ты добиваешься громкого и привлекательного имени цicerонианца.

Носопон. Да так сильно, что если не добьюсь этой цели, то буду считать жизнь свою невыносимой.

Булефор. Теперь я совершенно перестал удивляться — ведь ты направил свой дух к самому прекрасному занятию. К сожалению, слишком прав тот, кто говорит: δύσκολα τὰ καλά¹¹. Но сам я поддерживаю твои желания в том, чтобы кто-нибудь из богов обратил на нас милостивый взор.

Носопон. В чем дело?

Булефор. Сказал бы, если сможешь стерпеть соперника.

Носопон. Куда ты клонишь?

Булефор. К той же нимфе и меня любовь терзает.

Носопон. Что слышу? И ты охвачен той же страстью?

Булефор. Настолько, насколько позволяют мои силы. И с каждым днем усиливается огонь.

Носопон. От этого ты, о Булефор, стал мне даже приятнее. Разумеется, и до сего времени я к тебе относился с особым уважением, теперь же, поскольку наши души сошлись в одном, пожалуй, готов даже полюбить тебя.

Булефор. Может быть, не стал бы ты желать избавления от этой болезни, предложи тебе кто исцеление травами, драгоценными камнями или заклинаниями?

Носопон. Все это скорее убьет, чем исцелит. Необходимо или умереть, или овладеть — середины нет.

Булефор. Как легко чувствую твое состояние благодаря своему.

Носопон. Поэтому ничего от тебя не утаю, ведь ты как бы посвящен в те же мистерии.

Булефор. Без опаски можешь сделать это, Носопон.

Носопон. Меня не только волнует слава наипрекраснейшего имени цицеронианца, но также дерзкое оскорбление некоторых итальянцев. Ведь они не признают вообще никакого стиля, кроме стиля Цицерона, и считают наивысшим поношением, если кому-нибудь отказано в звании цицеронианца; кроме того, они утверждают, что никому из цизальпинцев¹² от сотворения мира не доставалась честь этого имени кроме одного Христофора Лонголио, который недавно ушел из жизни¹³. Чтобы не показалось, что я завидую его славе, осмелюсь отозваться о нем так же, как Квинтилиан написал о Кальве: «Торопливая смерть была к нему несправедлива»¹⁴.

Типолог. Лучше сказать, смерть поторопилась не к нему, а к наилучшей из наук¹⁵. Она поступила несправедливо. Ведь сколько Лонголио мог бы для нас создать в литературе, если бы небожители наделили столь огромный талант, столь огромное усердие достаточным сроком жизни?

Булефор. Но что мешает, чтобы многим, при помощи благосклонных Муз, досталось то, что было дано одному?

Носопон. Он умер, думаю, счастливым, в самом блеске славы. Ведь что может быть прекраснее, почетнее, благороднее для цизальпинского мужа, чем быть названным итальянцами цицеронианцем? Считаю, что надлежит радоваться счастью того, кто вовремя ушел из жизни, то есть раньше, чем какое-нибудь облачко заслонило эту славу. Или облачко, возникшее из-за изучения греческой литературы, которой он собирался себя посвятить, или выползший из христианских авторов туман¹⁶, от которых он, может быть, недостаточно строго бы воздерживался, если бы он прожил подольше.

Булефор. Ты абсолютно прав: ему было дано умереть в самом блеске славы. Но я надеюсь, что мы переживем эту прекрасную славу и не умерем¹⁷.

Носопон. Одобряю твои надежды. Пусть я погибну, если не жажду быть причисленным к сонму богов.

Булефор. Кто же не жаждет быть прославленным у потомков в качестве цицеронианца, а не в качестве святого? Впрочем, раз этот род любви не знает ревности, во имя нашей любви и наших общих надежд прошу тебя: поделись опытом с таким же любящим! Как ты ухаживаешь за своей подругой? Вероятно, мы вдвоем быстрее достигнем цели, если будем помогать друг другу.

Носопон. Музы не знают зависти, еще меньше — Грации, спутницы Муз: нельзя ни в чем отказывать сотоварищу в занятиях и нужно, чтобы все было общее у друзей.

Булефор. Ты меня просто осчастливишь, если поступишь так.

Гиполог. А что, если вы и меня примите в свое товарищество? Ведь уже давно кусает меня тот же овод.

Носопон. Принимаем. Итак, вас, словно посвященных тому же богу, посвящу в мистерии. Уже целых семь лет ни к чему не прикасаюсь, кроме цицероновых книг; от прочих же я воздерживаюсь с не меньшим благочестивым усердием, чем катары воздерживаются от мяса.

Булефор. Зачем это?

Носопон. Для того, чтобы не пристали чужие, невесть откуда взявшиеся, стили, словно оскверняющие грязью блеск цицероновой речи. Поэтому, чтобы по неосторожности не впасть в грех, убрал с глаз подалее все книги других авторов и запер их в сундуки. Короче говоря, никаким книгам нет места в моей библиотеке, за исключением сочинений одного Цицерона.

Булефор. О горе мне, нерадивому! Никогда не почитал Цицерона со столь великим рвением.

Носопон. Не только в ларарии и музее¹⁸, но и над всеми дверями в доме, чтобы никогда не забывать о Цицероне, поместил его прекрасно нарисованные портреты, обрамленные драгоценными камнями. Таким образом, ничей образ, кроме Цицерона, не является мне во сне.

Булефор. Не удивляюсь.

Гиполог. Я поместил Цицерона в своем календаре среди апостолов.

Булефор. Правильно. Ведь иногда его называли богом красноречия.

Носопон. И вот, до того усердно читал и перечитывал его сочинения, что почти все выучил наизусть.

Булефор. Расскажи о своей усердной работе.

Носопон. Теперь приступаю к подражанию.

Булефор. Сколько времени этому посвятил?

Носопон. Столько же, сколько для чтения.

Булефор. Это мало для такого серьезного дела. О если бы слава столь блистательного имени цицеронианца достигла меня хотя бы в возрасте семидесяти лет!

Носопон. Дослушай. Не довольствуюсь я этим усердием. Во всех книгах божественного мужа нет ни одного маленького словечка, которое я не занес бы в алфавитный Лексикон.

Булефор. Преогромный, должно быть, том.

Носопон. Два крепких носильщика, изрядно нагруженные, едва ли унесли бы его на спине.

Булефор. Вот это да! А я видел в Лютетии¹⁹ — достаточно было бы везти его на слоне.

Носопон. Но есть другой том, даже больше первого. В нем я расположил в алфавитном порядке все обороты речи, присущие Марку Туллию.

Булефор. Только теперь мне стыдно прежней лени.

Носопон. К ним прибавлен третий том.

Булефор. Как? Неужели еще и третий?

Носопон. Это необходимо. В нем я собрал все стопы, которыми Цицерон или начинает, или заканчивает части периодов, предложения, целые периоды; затем — стихотворные размеры, которыми он упорядочивает средние части предложений; наконец, наставления, которыми он объяснял соразмерность. Таким образом, даже самое незначительное не могло бы ускользнуть от меня.

Булефор. Но как получилось, что первый индекс может быть больше всего Цицерона?

Носопон. Узнай всё до конца и тогда перестанешь изумляться. Неужели ты думаешь, что удовлетворяюсь я записью только отдельно взятого слова?

Булефор. Думаю, что да. Неужели еще что-то?

Носопон. Если только слово — то это меньше, чем ничего.

Булефор. Что ты хочешь сказать?

Носопон. Посмотри, насколько бы ты отклонился от цели. Одно и то же слово не всегда употребляется одинаковым образом. Возьмем, к примеру, слово *refero*. Оно имеет одно значение, когда Марк Туллий говорит *referre gratiam*, другое, когда говорит *Liberi parentes et forma corporis et moribus referunt*, третье, когда говорит *refero me ad intermissa studia*, четвертое, когда говорит *Si quid erit quod mea referat scire*, и, наконец, пятое, когда говорит *Non ignota referam*²⁰. То же самое, одно значение имеет *orare Lentulum*, другое — *orare causam*²¹. Так же, в одном случае, *contendit* — кто сражается с кем-нибудь, а в другом случае — кто настоятельно требует что-либо от кого-либо; в одном случае *contendit* — кто старается изо всех сил что-либо сделать, в другом случае — кто сравнивает две вещи между собой.

Гиполог. Вот как! На нем надо написать — *λεξιμοὺς ἐλέγχους*²².

Булефор. Теперь, наконец, понимаю и твое рвение, и мою леность.

Носопон. Я не заносу только одно слово без сопутствующих ему слов, а прибавляю и предшествующие, и последующие слова. Также не достаточно отметить одно или два места, где встречается слово (как это

обычно делают другие), но сколько раз встречается слово у Цицерона, даже в одинаковой форме, столько раз отмечаю лист, сторону листа, номер строки, и прибавляю значок, который указывает, в середине строки находится данное слово, в начале или в конце. Теперь ты видишь, почему оказывается, что одно слово занимает много страниц.

Булефор. Боже бессмертный! Чего только не сотворит столь огромная любовь.

Носопон. Остановись же, Булефор. То, о чем ты до этого слышал, есть ничтожная толика.

Булефор. Что же еще можно к этому прибавить?

Носопон. Для чего надобно помнить слово, если ты колеблешься или даже ошибаешься в его окончаниях, производных и композитах?

Булефор. Не совсем понимаю, о чем ты говоришь.

Носопон. Объясню. Что обыденнее и проще, чем эти глаголы — *amo, lego, scribo*?²³

Булефор. Неужели даже они вызывают у тебя сомнения?

Носопон. Или эти имена существительные — *amor, lectio, scriptor*?²⁴

Булефор. Ничто.

Носопон. Но я убежден, что необходимо и мне, и следует всякому, кто стремится достичь достойного имени цicerонианца, приложить как можно больше благочестивого рвения к тому, чтобы не употреблять эти, пусть даже обычные слова, без сверки с индексом. Пожалуй, нельзя без опаски полагаться и на грамматиков, которые спрягают глаголы во всех наклонениях, лицах, родах и временах, склоняют имена существительные, местоимения и причастия во всех падежах и числах. Ведь нам не дозволено употреблять те формы слов, которые не употреблялись Цицероном.

Булефор. Пожалуйста, скажи яснее.

Носопон. *Amo, amas, amat*, пусть будет сказано ради примера, нахожу у Цицерона, *amatius* и *amatis* — быть может, не нахожу. То же самое, *atabam* — нахожу, *atabatis* — не нахожу. Снова, *amaveras* — нахожу, *amaras* — не нахожу. В свою очередь, *amasti* — замечаю, *amavisti* — никогда. Ну что, если *legeram, legeras, legerat* встречаю, *legeratis* — не встречаю? Если *scripseram* — нахожу, *scripseratis* — нет. Подобным образом были изучены окончания всех глаголов. Тот же способ был применен и к падежным окончаниям: *amor, amoris, amorem, amori* — нахожу у Цицерона, *o amor, hos amores, horum amorum, his amoribus, o amores* — не нахожу. То же самое, *lectio, lectionis, lectioni, lectionem* — нахожу, *lectiones, lectionibus, lectionum, has lectiones, o lectiones* не нахожу. Так, *scriptorem* и *scriptores* — замечаю, *scriptor* и *scriptorum* в качестве имен существительных не нахожу. Не скрою, что это покажется смешным, если вы дерзнете употребить в речи *stultitias* и *stultiarum, vigilantis* и *vigilantiarum, speciebus* и *specierum, fructuum, ornatuum, cultuum, vultuum, ambitibus* и *ambituum*, и бесчисленное количество других слов подобного рода. По

этим несколькими словам, взятых в качестве примера, вы можете судить обо всех остальных, изменяющихся подобным образом.

Гиполог. «Малое дело».

Булефор. «Но честь не мала».

Носопон. Подпою и я: «если будет угодно то благосклонным богам и не тщетна мольба Аполлону!»²⁵. Теперь слушай о производных. *Lego* не боюсь употребить, *legor* не осмелюсь сказать. *Nasutus* осмелюсь сказать, *nasutior* и *nasutissimus* — никогда. *Ornatus* и *ornatissimus*, *laudatus* и *laudatissimus* говорю без страха, если не найду *ornatior* и *laudatior* — то произносить их — грех. Потому, что нахожу у Цицерона *scriptor* и *lectio*, нельзя тотчас отважно говорить *scriptorculus* и *lectiuncula*.

Булефор. Вижу непроходимые дебри проблем.

Носопон. Теперь слушай о композитах. *Amo*, *adamo*, *redamo* — скажу, *deamo* — не скажу. *Perspicio* — скажу, *dispicio* — нет. *Scribo*, *describo*, *subscribo*, *rescribo*, *inscribo* — скажу, *transscribo* — не скажу, если только не обнаружу в книгах Марка Туллия.

Булефор. Не утомляй себя, Носопон, перечислением, мы видим словно в зеркале, о чем идет речь.

Носопон. Вот что содержит этот Индекс, наименьший из всех.

Булефор. Вижу, что это груз для верблюда.

Гиполог. И к тому же драгоценный.

Булефор. А как же не теряешься ты среди столь разнообразного материала?

Носопон. Прежде всего, я не доверяю ни грамматикам, ни остальным, пусть даже авторитетным писателям, ни наставлениям, ни правилам, ни аналогиям, которые запутывают многих. В индексе отмечаю сначала все окончания одного слова, затем его производные, наконец, композиты. Те слова, которые есть у Цицерона, отмечаю красной чертой, которых нет — черной. Таким образом, не может случиться, чтобы я когда-нибудь ошибся.

Булефор. А что, если слово будет найдено у Теренция или у другого столь же достойного автора? Оно будет отмечено черной чертой?

Носопон. Нет исключений. Не будет цицеронианцем тот, в чьих книгах будет найдено хоть одно маленькое словечко, которое нельзя найти в трудах Цицерона. Я посчитаю целую фразу этого человека фальшивой, словно поддельной монетой, если в ней будет находиться хоть одно слово, которое не несет на себе печати стиля Цицерона. Ведь единственному Цицерону, словно принцепсу красноречия, было дано небожителями право чеканить монету римской речи.

Булефор. Этот закон более жестокий, чем законы Дракона. Если из-за одного, не вполне цицеронова словечка, осуждать весь том, хотя бы даже изысканный и красноречивый.

Гиполог. Но это справедливо. Разве ты не знаешь, что из-за одной фальшивой монеты конфискуется огромная сумма денег, а одно, даже

самое маленькое пятнышко, делает безобразной внешность красивой девушки?

Булефор. Согласен.

Носопон. Если, уже представляя себе всё, о чем мы говорили, вы так изумляетесь, насколько огромен первый индекс, подумайте, насколько больше объем индекса, в котором я собрал обороты и выражения, тропы и риторические фигуры, изречения, восклицания, красивые высказывания и другие подобные уклады красноречия. Еще больше третий том; он содержит все размеры и стопы, которыми Цицерон начинает, продолжает и заканчивает все части своих речей. В самом деле, во всем Цицероне нет места, которое я не свел бы к определенному размеру.

Булефор. Эта тяжесть потребовала бы слона-носильщика.

Гиполог. Одним словом, говоришь об ἀμαξίαλον грузе²⁶.

Носопон. Но я ничего не выдумываю.

Булефор. Да, недурно ты провел эти семь лет. Теперь, когда ты прекрасно вооружен индексами, осталось рассказать нам, как друг друзьям и ομιλιότας²⁷, каким образом ты используешь это прекрасное снаряжение для создания речей и сочинений?

Носопон. Не допущу, чтобы могло показаться, что я что-то скрыл от вас. Но прежде я вам расскажу о создании сочинений. Ведь правильно было сказано, что палочка для письма — наилучший учитель красноречия. Самое первое условие: я никогда не приступаю к работе, кроме как глубокой ночью, когда царствуют абсолютная тишина и величественное молчание. И, если предпочитаешь услышать песнь Марона,

Ночь опустилась, и сон успокоил тела утомленных
Смертных по всей земле; уснули рощи, утихли
Волны свирепых морей; полпути пролетели светила,
Смолкли луга, и поля, и стада, и пестрые птицы²⁸.

Наконец, когда наступит такое спокойствие повсюду, что Пифагор, если бы он жил сейчас, мог бы отчетливо слышать гармонию небесных сфер. Ведь именно в такое время боги и богини с удовольствием ведут беседы с чистыми умами.

Гиполог. Именно в такое время ночи мы, профаны²⁹, особенно сильно боимся встретить лемуров³⁰.

Носопон. Напротив, нам Музы даровали презирать и зловещих лемуров, и злобную чернь.

Булефор. Но бывают такие спокойные ночи, когда неожиданно Австры и Борей играючи разрушают каменные здания и вызывают плачевные кораблекрушения.

Носопон. Знаю. Но я выбираю самые спокойные. Не думаю, что пустое то, что написал Овидий, «Есть в певцах божество: мы пылаем, когда оно живо»³¹. Поэтому, если дух человека имеет что-то божественное, то оно проявляется только в глубочайшей тишине.

Булефор. Мне прекрасно известно, что именно такого уединения искали прославленные мужи, когда они стремились создать что-нибудь достойное бессмертия.

Носопон. Мой Музей расположен в самой глубине моего дома, с толстыми стенами, с двойными дверями и окнами; все щели тщательно заделаны гипсом и смолой так, что днем свет или какой-нибудь звук едва мог бы ворваться, если только он не сильнее, чем шум от бранящихся женщин, или от работающих кузнецов.

Булефор. Громоподобный гвалт людей и шум мастерских не позволяют душе сосредоточиться на себе самой.

Носопон. Поэтому не позволяю даже в соседних комнатах устраивать спальню, чтобы голоса спящих или храп не прерывали уединенного размышления. Есть такие, кто даже во сне разговаривает, а некоторые так громко храпят, что их слышно вдалеке.

Гиполог. Мне, когда я собираюсь писать ночью, часто и землеройки причиняют хлопоты.

Носопон. В моих покоях даже мухе нет места.

Булефор. Мудрец ты, конечно, а также счастливец, Носопон, если мог бы изгнать беспокойные переживания души. Ведь если они и ночью сопутствуют нам в уединенном месте, зачем нам добиваться желанной тишины?

Носопон. Правильно говоришь, Булефор. Ибо я полагаю, что именно эти шумы часто бывают более тягостными, чем меха или молоты соседних кузнецов.

Булефор. Так что же? Тебя никогда не тревожили любовь, ненависть, черная зависть, надежда, страх, ревность?

Носопон. Чтобы обойтись без лишних слов, сразу узнай, Булефор: тот, кто испытывает любовь, ревность, честолюбие, стремление к наживе и прочие подобные недуги, напрасно домогается той славы, на которую мы рассчитываем. Дело столь священное отыскивает душу не только чистую от всех пороков, но также свободную от забот. Здесь не иначе, чем в тайных науках — Магии, Астрологии и той, которую называют Алкумистика³². Впрочем, более легкие заботы без труда уступают место столь сильному и столь серьезному стремлению духа. Хотя и эти заботы, если они есть, я рассеиваю, прежде чем приступить к нашему священному делу. Ведь к этому я приучил свою душу долгим трудом. К тому же, это явилось наиважнейшей причиной, почему я решил остаться холостяком (хотя никоим образом я не отрицаю, что брак — святое дело). Но нельзя избежать того, что жена, дети, родственники жены являются причиной для многих беспокойств.

Булефор. Благоразумен ты, Носопон. Ибо моя жена, если бы я приготовился ночью на твой манер позаниматься Цицероном, вломилась бы в дверь, разодрала бы индексы, спалила бы размышляющую о Цицероне бумагу. И больше невыносимо то, что, пока я занимаюсь Цицеро-

ном, она пригласила бы кого-нибудь, кто занимался бы ею вместо меня. И случилось бы то, что пока я мечтаю сделаться похожим на Цицерона, та произвела бы на свет кого-нибудь, не похожего на Булефора.

Носопон. Поскольку я знаю, что это случилось с некоторыми, то, предостереженный опытом других, своевременно уберегся от этой опасности. По той же причине не хотел принять на себя ни государственную должность, ни церковное звание, чтобы от них не приключилось душе никаких волнений.

Булефор. Но ведь это именно то, чего усиленно добиваются другие.

Носопон. Право, я не завидую. Для меня быть и считаться цicerонианцем предпочтительнее и консулата, и верховной власти понтифика³³.

Гиполог. Кто действительно любит, тот не может любить никого, кроме одной единственной.

Носопон. Когда я готовлюсь к делу такого рода, то до самой ночи я, легко позавтракав, воздерживаюсь от обеда. Ведь какие-нибудь жирные материи могут потревожить обиталище прозрачной души, и облако, испаряющееся из желудка, утяжелит «и пригнет к земле часть дыханья божественной силы»³⁴.

Булефор. Думаю, что Гесиод был в таком же состоянии, когда с ним разговаривали Музы³⁵.

Гиполог. Но

«даже и Энний-отец бросался оружие славить,
Выпив всегда»³⁶.

Носопон. И поэтому он писал стихи, пахнувшие вином.

Булефор. Однако, «клич заздравный творя, Гораций, конечно, был сытым!»³⁷. Что касается поэтического исступления, то к нам оно не имеет никакого отношения: быть цicerонианцем — значит быть трезвым.

Гиполог. Разум покидает меня, если я воздерживаюсь от пищи.

Носопон. Не полный голод. Я принимаю десять крохотных ягод сушеного винограда, который называют коринфским. Это и не еда, и не питье, но и то, и другое.

Булефор. Понимаю. Слегка увлажняет, поддерживает разум и память.

Носопон. Прибавляю три зернышка засахаренного кориандра.

Булефор. Прекрасно для того, чтобы какие-нибудь испарения из этих ягод не устремились к обиталищу разума.

Носопон. Кроме того, не каждую ночь я использую для этого занятия.

Булефор. Не каждую? Ты исключал те, когда свирепствовал Австр или Борей? Вероятно, ты избегал суровых зимних ночей?

Носопон. От этого неудобства легко избавляет яркий огонь.

Гиполог. Но ведь мешает дым и потрескивание дров.

Носопон. Бездымные³⁸ использую.

Булефор. Так какие же ночи ты избираешь?

Носопон. Мало ночей удачных для этого занятия: поэтому выбираю благоприятные.

Булефор. Как выбираешь — прошу, скажи!

Носопон. Из астрологии.

Булефор. Ведь тобою всецело владеет Цицерон. Как ты находишь досуг для глубокого изучения астрологии?

Носопон. Индекс себе приобрел у опытейшего в этом искусстве. Следую его советам в своем деле.

Гиполог. Слышал, что многие были обмануты этими индексами, ведь сколько раз составитель ошибался в расчетах.

Носопон. Испытанный и проверенный я купил.

Булефор. Боже бессмертный! Всё это для того, чтобы писать. Не удивлюсь совсем, Гиполог, если наши сочинения окажутся неподобающими и грубыми. Но в таком способе составления сочинений, что из двух главное, сюжет или слова?

Носопон. Оба — главное, и оба — второстепенное.

Булефор. Загадку, а не ответ дал.

Носопон. Но распуताю узел. В содержании главное — сюжет, в выражении сюжет — второстепенное.

Булефор. Пока еще не вполне ясно, что ты хотел бы сказать.

Носопон. Поясню на примере. Я решил написать Титу, представьте себе так, чтобы он постарался как можно быстрее, если хочет сохранить нашу дружбу, вернуть мне книги, которые я ему любезно одолжил. Ведь случилось так, что они мне самому срочно понадобились. Если он делает это, то может располагать всем, что у меня есть, как своим. Если нет, то я возвращу ему тессеру³⁹ старой дружбы и объявлю вражду. Здесь главное внимание уделено сюжету, но в общих чертах.

Булефор. Понимаю.

Носопон. Но за этим тотчас следует забота о словах. Я перелистываю как можно больше писем Цицерона, обращаюсь за справками ко всем своим словарям, выбираю выражения в высшей степени цицеронианские, потом тропы, обороты, затем размеры. Наконец, в избытке вооруженный снаряжением такого рода, я внимательно смотрю, в какие места мог бы я вставить цветистые обороты красноречия. Затем я возвращаюсь к заботе о мыслях. Ибо в том и состоит искусство, чтобы найти подходящий смысл для этого словесного украшения.

Гиполог. Не иначе, как если бы какой-нибудь выдающийся скульптор сначала приготовил бы прекрасную одежду, сверкающие ожерелья, браслеты, драгоценные камни, затем вылепил бы восковую статую, на которую надел бы эти украшения, или, точнее, сделал бы статую для этих украшений.

Булефор. А почему бы и нет? Ты прав, Носопон. Неужели целая ночь предназначена для одного письма?

Носопон. Почему говоришь мне об одной? Думаю, что я должен совершить при благих предзнаменованиях славное жертвоприношение Музам, если один период завершит зимняя ночь.

Булефор. Итак, ради дела, не столь значительного, столь обстоятельное послание ты пишешь?

Носопон. Напротив, прекороткое. Знай, оно не превышает шести периодов.

Булефор. Таким образом, требуется шесть ночей чтобы его закончить?

Носопон. Почти достаточно, чтобы написать первый раз. Десятикратно необходимо возвращаться к тому, что написал: десятикратно нужно прибегать к индексу, чтобы случайно какое-нибудь фальшивое словечко не обмануло тебя. Кроме того, еще остается проверка тропов и выражений, затем размеров и композиции.

Булефор. Это, конечно, чтобы завершить труд.

Носопон. Даже этого не достаточно, мой дорогой! Потом, то, что создано с наибольшим, насколько можно, старанием, нужно отложить на несколько дней, чтобы через некоторое время, уже остыв от страсти созидания, прочесть свое, словно чужое. Только сейчас может идти речь о серьезной взыскательной критике. Суровое, неподкупное и, как говорят греки, ἀδέκαστον⁴⁰ суждение, когда тот, кто написал, становится из родителя членом Ареопага. Очень часто случается так, что, поворачивая стиль, ты ничего не оставляешь.

Булефор. Бесспорно, от этого послание становится точно выверенным, но тем временем твой друг пользуется необходимыми тебе кодексами.

Носопон. Предпочитаю терпеть это неудобство, чем сотворить что-нибудь, что не было бы цicerонианским. Каждый руководствуется своим мнением. Я предпочитаю писать многое, чем много.

Булефор. Способ написания мы имеем. Какими упражнениями ты вырабатываешь речь?

Носопон. Первая предосторожность — не говорить, насколько могу избежать, ни с кем по-латыни.

Булефор. Не говорить по-латыни? Но предписывают разговаривать, чтобы мы хорошо говорили. Стало быть, новый род тренировки, если учимся молчанием говорить.

Носопон. Устная речь дает возможность бегло разговаривать, но никогда — по-цицерониански. Те, кто готовит себя к конному состязанию, удерживают породистых коней от бега с тем, чтобы они прибыли на серьезное дело со свежими силами. Так же охотник спускает с поводка породистого пса не раньше, чем будет замечена дичь. Чтобы болтать о каких-нибудь пустяках, мне достаточно языка галльского или батавского⁴¹: не оскверняю священный язык⁴² историями нечестивыми и обыденными. Если же что-нибудь вынуждает говорить по-латыни, то

говорю и мало, и не без предварительной подготовки. Ведь для этого у меня приготовлено несколько выражений.

Булефор. Каких выражений?

Носопон. Например, если нужно приветствовать, или ответить на приветствие друга-эрудита, с которым случайно пришлось столкнуться; если надо восхвалить того, кто хвалит тебя. Кроме того, если необходимо поздравить или возвратившегося из дальнего путешествия, или вернувшегося к жизни после тяжелой болезни; или нужно поблагодарить того, кто оказал тебе услугу; или нужно пожелать счастья тому, кто недавно женился, или выразить соболезнование потерявшему жену. Для этих и других подобных случаев я вооружен выражениями, которые вырвал из Цицерона, правильно соединил и выучил наизусть с тем, чтобы использовать их, сообразуясь с текущими обстоятельствами. Если же случится так, что не смогу избежать произнесения длинной речи, то длительным чтением искупаю то, что навлекли уста. Так же хорошо мне известно, что из-за этой самой беседы, которую мы с вами ведем, столько допустил постыдных проступков, такой ущерб причинил тому, что я усердно созидаю. Чтобы исправить это, едва ли хватит месячного чтения.

Булефор. А что ты будешь делать, если представится тебе время для подготовки?

Носопон. Тогда то, что было создано при свете лампы⁴³ упомянутыми способами, выучиваю наизусть и, чтобы укрепить мою память, многократно повторяю вслух. Таким образом, когда требуется, говорю как по писанному.

Булефор. А что если возникнет необходимость произнести речь без подготовки?

Носопон. Как же может случиться такое? Я не занимаюсь общественной деятельностью. И даже если бы я и занимал какой-то государственный пост, то считал бы себе не лучше Демосфена, который никогда не хотел выступать с речью без подготовки, даже если был побуждаем голосами народа. Поэтому мне не должно стыдиться делать то, что хвалили греки у принцепса ораторов. Поэтому не вызывает у меня досады язвительная насмешка того, кто скажет, что мои труды τὸν λύχρον ἀλόξειν⁴⁴.

Булефор. Конечно, Носопон, и восхищаюсь твоим намерением, и уважаю храбрость духа, больше, чем можно выразить. Можно даже испытывать некоторую зависть, если вдруг могло бы случиться вышеупомянутое великое бедствие⁴⁵ в этом занятии среди близких друзей и собутельников. Кроме того, тяжело то, к чему мы стремимся, и путь не только длинный и претрудный, но также опасный. Если ты один попадешь в опасность, то, полагаю, необходимо нам по дружбе, и необыкновенной, и стародавней, помочь советом другу, чтобы он не тратил напрасно много усилий и бессонных ночей с ущербом и для здоровья, и для имущества,

стремясь к намеченной цели. Ведь слишком часто в делах людей случается так, что вместо сокровищ, долго и упорно разыскиваемых, находят уголь. Но теперь, когда нами правит одна страсть, и мы охвачены любовью к той же самой нимфе (ведь и Гиполог испытывает те же чувства), будь так добр благосклонно принять, если мы скажем что-нибудь, или, если у тебя будет что-нибудь получше, охотно сообщить друзьям.

Носопон. Справедливейшее, Булефор, требуешь. Поэтому не буду слушать тебя с неохотой или с неприязнью; со своей же стороны, сообщу всем, если что-нибудь пожелаю посоветовать⁴⁶.

Булефор. Прежде всего, мы с тобой сходимся, я думаю, в следующем: тому, кто стремится достичь славы в красноречии и сочинительстве, прежде изучив и тщательным образом усвоив наставления в этом искусстве, надлежит избрать из многих знаменитых писателей какого-то наилучшего, кому следует подражать и кого следует копировать.

Носопон. Совершенно верно.

Булефор. Далее, нет никого, кроме Цицерона, по крайней мере, у латинян, кто превосходил бы многие доблести в красноречии, о котором в высшей степени справедливо было сказано то же, что об Апеллесе⁴⁷: в нем одном было соединено все, что в остальных художниках было выдающееся и единственное.

Носопон. Кто посмеет это отрицать?

Булефор. Прости меня, Носопон, если буду рассуждать грубо и по-деревенски, неискусен я в диалектике.

Носопон. Среди друзей надлежит все принимать с удовольствием. Хотя, впрочем, для меня достаточно тонко рассуждает тот, кто рассуждает истинно.

Комментарий:

¹ *σύντροφος* букв. «вместе вскормленный». Скорее всего, как полагает П. Менар, Эразм намекает здесь на *σύντροφος τῆ φιλοσοφίᾳ καὶ πένιᾳ* Lucian. Nigr. 12. (Прим. 8, с. 607. Здесь и далее — ссылки на примечания к изданию текста Диалога в кн.: Erasmus Desiderius. Opera omnia. Ordo I, t. 2, Amst., 1971.) Поэтому *σύντροφος* здесь можно понять как «сотоварищ в учебе».

² *ptysis* от *πτύσις* *плевание, выплевывание*. Вероятно, Гиполог-Эразм имеет в виду пневмонию или сильную простуду. П. Менар переводит это название болезни как туберкулез (*la tuberculose*) (См.: Erasme. La philosophie chrétienne... P. 263)

³ *phthisis* от *φθίσις*. Может быть, подразумевается туберкулез. П. Менар переводит это название болезни как общий туберкулез (*la phtisie générale*) (См.: Erasme. La philosophie chrétienne... P. 263)

Такое подробное перечисление возможных болезней цicerонианца Носопона носит явно издевательский характер. Эразм дает понять, что подражание Цицерону в неолатинской литературе не имеет никакой, в том числе и научной, ценности.

⁴ *Zelodulean*. Неологизм Эразма от *δουλεία* *рабство* и *ζηλόω* *подражать, стремиться к чему-либо*. П. Менар считает, что это неологизм в стиле Платона (Прим. 19, с.606).

- ⁵ *χρόνιον* застарелый, хронический.
- ⁶ Дав — слуга молодого Памфила в комедии П. Теренция «Девушка с Андроса». Булефор хочет сказать, что сначала он, чтобы войти в доверие к Носопону, прикинется цицеронианцем.
- ⁷ *πειθῶ* убеждение, убедительное красноречие; употребляется и как *имя собствен.* *Πειθῶ* — богиня убеждения, красноречия. Соответствует лат. *Suada, Suadela*.
- ⁸ *flexanimitat* от *flexanimus*, а, ит *тронгательный*; у Эразма — *букв.* «воздействующая на душу».
- ⁹ *νυμφόληπτον* *букв.* «охваченный нимфами». Здесь, как считает П. Менар, Эразм употребляет это слово в мистическом, платоновском значении (см. прим. 21, с. 607. Plat. Phaedr. 238d), то есть «исступленный, неистовствующий, вдохновенный».
- ¹⁰ Cic. Brut. 15, 59. Эразм дает приблизительную цитату.
- ¹¹ *δύσχολα τὰ καλά* (посл.) *Прекрасное — опасно*. Человек, стремясь к возвышенным целям, может навлечь на себя трудности и опасности.
- ¹² Подразумеваются все остальные народы за пределами Италии.
- ¹³ Именно против Христофора Лонголио и задуман весь Диалог. В этом месте Эразм дает точное указание на то, что Носопон и Лонголио — разные лица. Х. Лонголио умер в 1522 г, а Носопон стараниями Булефора-Эразма полностью излечивается от «болезни», то есть от обезьяньего подражания стилю Цицерона. Но даже в шутивном перечислении бытовых подробностей жизни и воззрений Носопона все современники без труда узнали в нем точное описание Х. Лонголио. Ирония ученого старца была воспринята как жестокая издевка над научными интересами следующего, более молодого поколения гуманистов и вызвала полемику.
- ¹⁴ Quintilianus, Inst., X, 1, 116. В полемической литературе Эразма упрекают в зависти к славе Х. Лонголио. Только в 1528 г., то есть через несколько лет после смерти Лонголио, Эразм опубликовал первое издание Диалога.
- ¹⁵ *Наилучшая наука — optimi studii*, для цицеронианца — это изучение, прежде всего, стиля Цицерона. Все остальные аспекты исследования произведений даже Цицерона, а тем более других языческих авторов, считаются крайне вредным занятием и поэтому не являются предметом научных исследований цицеронианца.
- ¹⁶ *Туман, вышедший из христианских авторов* (ex Christianis autoribus oborta nebula), будет отвлекать охваченного языческими богами цицеронианца от поклонения Цицерону под видом научных занятий. Носопон, полностью доверяя приятелям, не боится признаться в том, что у приверженцев стиля Цицерона культ Цицерона полностью вытеснил веру во Христа. Цицеронианские, точнее языческие, обряды у таких ученых-гуманистов в точности копируют христианские обряды и таким образом их полностью заменяют. Эразм, особенно после пребывания в Италии в 1509 г., начал видеть опасность в такой паганизации общества и церкви.
- ¹⁷ Любовь к красноречию, слава, смерть и бессмертие стоят рядом. Почитание Цицерона Эразм объясняет как мистическую любовь в языческом эротическом смысле; она вызывает тяжелую болезнь (см. начало Диалога), которая привела уже некоторых цицеронианцев, в частности Х. Лонголио, к смерти. Цицеронианцы не верят в бессмертие души, и поэтому смерть — это своего рода забвение, небытие. Но слава, которая достигается научными исследованиями стиля Цицерона, преодолевает смерть-небытие. Таким образом, после приобретения известности в кругах ученых-цицеронианцев, смерть преодолевает смертность людей, ведет к бессмертию. Эразм продолжает эту мысль дальше: слава после

смерти приравнивает их к бессмертным языческим богам. Здесь Эразм высмеивает взгляды Цицеронианцев. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в начале XVI века обвинения в язычестве становятся уже небезопасными для карьеры или даже жизни ученых.

18 В тексте — in Lagario Musaeoque, то есть в домашней молельне и библиотеке. Цицеронианцы не употребляют в своей латыни неологизмов для обозначения современных, в том числе и христианских понятий. Ларарий, стоящий в нише особый шкаф, считавшийся местом почитания лар, пенатов и других богов, имелся в каждом римском доме.

19 Lutetiae (Parisiorum) — в Париже. Булефор хочет сказать, что видел в Париже слона.

20 *Referre gratiam* отблагодарить. *Liberi parentes et forma corporis et moribus referunt* Дети похожи на родителей и внешностью и нравами. *Refero me ad intermissa studia* я возобновил прерванные занятия. *Si quid erit quod mea referat scire* Если речь идет о том, что мне важно знать. Здесь Носопон (или Эразм) допустил ошибку: *refert* (*impers.*) от *res+ferre* «важно, имеет значение» нельзя смешивать с *refert* от *refero*. *Non ignota referam*. Я сообщу небезызвестное.

21 *orare Lentulum* просить Лентула; *orare causam* защищать дело в суде.

22 *λεξικόνους ἐλέυχους* букв. «словарь, предоставляющий доказательства». П. Менар видит здесь косвенную ссылку на Платона (Ср.: Plat. Phaedr. 273c ἐλέυχον παραδοῦναι τιμ *представить кому-нибудь доказательство, доказать*).

23 *ato, lego, scribo* любить, читать, писать.

24 *amor, lectio, scriptor* любовь, чтение, писатель.

25 Verg. Georg. IV, 6 — 7. Пер. С. Шервинского.

Малое дело, но честь не мала, — если будет угодно

То благосклонным богам и не тщетна мольба Аполлону!

26 *ἄμαξιθῶν onus* буквально — груз, который можно перевести только на повозке.

27 *συνιόσταις* «посвященным в те же таинства», от *μύστης* посвященный в таинства.

28 Verg. Aen., IV, 522 — 525. Пер. С. Ошерова.

29 *профаны*, здесь — непосвященные в мистерии Цицеронианцев.

30 *лемуры*, в Древнем Риме — преследующие людей злобные призраки мертвецов. Вероятно, Гиполог (Эразм) хочет сказать, что Цицеронианцы, занимаясь стилистическими особенностями языческой литературы, навлекают древнеримское зло на «непосвященных» в изобретенный культ Цицерона. Эразм выражает настороженное отношение большей части общества к деятельности ученых-гуманистов.

31 Ovid. Fast. VI, 5. Пер. Ф. Петровского.

32 *Alchimistica* Носопон имеет в виду алхимию.

33 Подразумеваются высшие государственные и церковные должности (см. также прим. 18).

34 Hor. Sat. II, 2, 79. Пер. М. Дмитриева.

Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает,

Пригнетая к земле часть дыханья божественной силы!

35 Hes. Erg. 658 — 659.

36 Hor. Epist. I, 19, 7. Пер. Н. Гинцбурга.

37 Juv. Sat. VII, 62. Пер. Ф. Петровского.

38 Эразм заставляет Цицеронианца Носопона употребить *acapnis* (бездымные) — латинский неологизм от *ἀκάπνους*.

39 *tessera* гостевая табличка, служившая опознавательным знаком и для тех, кто был связан узами взаимного гостеприимства, и для их потомков.

- ⁴⁰ *ἀδέξαστον iudicium* букв. «неподкупное суждение». Имеется в виду неподкупность судьи. Aristot. Nic. 2, 9, 6.
- ⁴¹ Носопон имеет в виду французский и голландский языки.
- ⁴² Священный язык для цицеронианца — это латинский язык Цицерона.
- ⁴³ fuerit elucubratum от lucubro — букв. «работать при свете лампы, создавать что-либо ценой упорного труда». Только очень добросовестный и усердный ученый мог стать цицеронианцем. Эразм высмеивает такое применение сил.
- ⁴⁴ τὸν λύχνον ἀπόζειν пахнуть светильником, то есть пахнуть маслом.
- ⁴⁵ *Великое бедствие*, то есть труды друзей-собутельников, пропахнут маслом от напряженного ночного труда при свете масляной лампы. Булефор, даже притворяясь цицеронианцем, не может удержаться от насмешки над простоватым Носопоном.
- ⁴⁶ Здесь Носопон закончил рассказ о методах цицеронианцев. Булефор подводит итог сказанному.
- ⁴⁷ Апеллес — греческий живописец второй половины IV в. до н. э.

ПАВЕЛ ОДЕРБОРН. ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

Вступительная статья и перевод¹
К.А. Морозовой

Павел Одерборн родился в Померании, принадлежал к августинцам. Жил во второй половине XVI в. Издатели называют его священнослужителем. Пастор Ровно и Риги. Известен как автор исторических сочинений, в частности: «Описание русских религиозных обрядов», «О жизни Ивана Васильевича».

Старчевский так пишет о нём: «Его рассказ основывается на ненависти к Ивану и склонности к Стефану Баторию». Одерборн писал с пропольских позиций и был тенденциозен. Сам Одерборн в России не был. Его сочинение основано на рассказах очевидцев, людей, побывавших в Московии. И, по традиции, многое из описания Московии, её истории, списано с сочинений других авторов. Однако, Одерборн много даёт свою оценку, подвергает анализу сообщения. Такой полной характеристики жизни Ивана Грозного, его правления, государственного устройства, описания обычаев, взглядов Ивана Грозного на религию и прочих моментов ни у кого из других авторов нет.

В предлагаемом отрывке из сочинения Одерборна описаны события, которые относятся ко времени войны Московского княжества с поляками.

В ноябре 1581 г. в Александровской слободе царь в порыве запальчивости убил железным посохом своего старшего сына. Выставляются разные причины этого события. Одерборн сообщает, что причиной послужил гнев Ивана Грозного на просьбу владимирцев послать его старшего сына с ними на войну, тем самым оказывая царевичу особое перед отцом расположение.

Далее дается описание заключения мира между поляками и Московским княжеством в 1582 году при содействии посредника иезуита Антония Поссевино, назначенного папой Римским. В посольстве Поссевино произнес убедительную речь в пользу мира.

А на третий год после акта о перемирии Иван Грозный тяжело заболел. Одерборн пишет о последних днях его жизни, о его болезни и смер-

¹ Перевод дан по публикации: Starzewski. *Historiae Ruthenicae scriptores*. Vol. I. Berolini et Petropoli, 1842.

ти. Он пишет, что умер царь 28 марта 1584 года и прожил 53 года и 7 месяцев.

ПАВЕЛ ОДЕРБОРН
Жизнь Великого Московского Государя Ивана Васильевича

(Период 1582 — 1584 гг.)

Владимирцы добивались от Ивана Васильевича обороны.

Наконец они собрались вместе с некоторыми соседними народами и объявили Ивану Васильевичу, что они готовы отвратить общее зло, заверяя, что для них нет ничего важнее верности и повиновения государю.

Многими месяцами, говорили они, в течение трёх лет бездействуя, мы наблюдаем поражение отечества, в то время как религию нашу и нашу свободу низвергли враги. Старики страдают в плену, молодёжь убивают, наших дочерей насилуют. Поля опустошают, города разрушают, а мы настолько стали далеки от настоящей доблести, что считаем — бежать от врага славнее, чем уберечь граждан от беды и с честью умереть за родину.

Противники знают, что бездеятельный народ легко можно одолеть, и потому они дерзко насмеяются над бедой и нашим несчастьем. Если же мы выступим против них объединёнными силами, то без труда будем сражаться против высокомерия дерзких людей и избавим родину от вечной опасности.

Храмы, алтари, вера призывают нас, родина требует, дети и свобода побуждают, чтобы мы это сделали незамедлительно.

Поскольку нам для этого дела нужен вождь и руководитель, то мы просим тебя, светлейший государь и наш повелитель, чтобы ты послал с нами на почётную войну своего старшего сына. Без сомнения, под его предводительством мы легко восстановим былую славу военной доблести и отдадим без остатка жизнь и кровь за родину.

Иван Васильевич не только имел у своего народа имя великого царя, но и пользовался славой пророческого дара. Он приказал распространить слух по Московии, что по совету богов он воздержался от тревог польской войны.

Таким образом, когда граждане, требующие обороны, как бы обвиняли его в неисполнении долга, он начал кричать, утверждая, что ему строят козни, чинят коварство и готовится измена, и что обыкновенно случается так, что всякий раз, когда кто-нибудь ведёт войну без приказа своего правителя, поражение бывает гибельным, а победа ненавистна; и тот, кто замышляет что-либо подобное, в большинстве случаев бывает подвергнут бесчисленным наказаниям.

После этого Иван Васильевич вышел на улицу даже без свиты и, бросив в народ диадему и пурпур, приказал отдать их другому, тому, кто

или умеет ими повелевать, или кому они сами умеют подчиняться. Затем он стал перечислять свои благодеяния, что он покорил Ливонию, умирил турок и татар и, наконец, что он не только защитил, но и приумножил достоинство своего народа. Если он недоволен теми, от власти над которыми отказывается и кому передаёт свои знаки царские, то это потому, что они ищут правителя, которому бы они приказывали.

И когда устыжённый народ просил его взять обратно знаки царской власти, он до тех пор отказывался, пока они не предали наказанию руководителей мятежа. После этого, обратившись к сыну, сказал: «Неужели ты осмелился явиться на глаза отцу, имея гнуснейшую голову с такими мыслями и намерениями — побуждать к ненависти и мятежу, будто радуясь? Неужели ты до такой степени забыл о благочестии? Разве не было более подходящего случая сражаться, чем несчастье отца и тяготы неудачной войны? И когда ты при выборе был назван народом предводителем, не пытался ли ты лишиться достоинства, я уж не говорю отца, а наверняка вождя своих граждан, и не добивался ли ты этими действиями и разговором ничего иного, как моей гибели? Итак, следовательно, ты не признаёшь в отце государя московитов. Я же скорее назову себя государем, чем отцом, и с тобою поступлю так, чтобы впоследствии никто не смеялся над неудачами родителей».

Когда Иван (сын), сильно напуганный этим порицанием, опустив голову, готовился защититься и, умоляя, просил дать ему возможность сказать слово в своё оправдание, Иван Васильевич в самом начале речи, желая дать знак смущённому юноше замолчать, ударил его железным посохом в висок. А так как тот из-за волнения и страха не почувствовал удара, то ещё не поверил, что ранен. Но, спустя некоторое время, бездыханный, весь окровавленный он упал на землю на глазах отца.

Тут отец, увидев, что сын ранен ударом, но ещё дышит, тотчас из гнева обратился в раскаяние. Он простирает руки к небу, жалобно плачет, то умоляет лежащего, то целует, то утешает, то оплакивает свой собственный жребий, то общую судьбу, то обвиняет богов, что они столь дорогого юношу повергли в эту беду. Сын, услышав крик отца, сказал, что для него, по крайней мере, утешением в его настоящем положении является то, что он в последних словах совсем не будет говорить о случившемся несчастье. А жизнь и кровь его отнята тем, от кого он получил и жизнь и кровь, но Господь знает, что он не был организатором никакого заговора и желает, чтобы отцу досталась власть над всеми землями, и чтобы он обнажал меч против врагов более счастливо, чем против сына. Сейчас он просит более о справедливом прощении, чем о положенном для погребения.

В народе, между тем, происходил шум и большое волнение, все скорбели больше о несчастье государя, чем о своей собственной беде. Сам Иван Васильевич, словно лишившись ума, сидел только на полу и не просил ни еды, ни питья, совсем не снимал траурную одежду и, при-

слонясь к стене, когда смотрел на мертвенную бледность на лице сына, дни и ночи оплакивал свою утрату и его жалкую смерть. Сын умер на пятый день после полученного ранения в тяжёлых душевных и физических муках.

Во время похоронной процессии, по-царски пышной, простой народ совсем не проявил к нему участия, а сам отец, который в последнее время жизни был преисполнен к умирающему сыну всеми знаками нежной любви и уважения, так тосковал о нём, что и после этого, если случайно вспоминал об этом прекрасном юноше, даже и при весёлом разговоре, вновь приходила старая печаль и появлялись слёзы на глазах.

Гроб он по царскому обычаю приказал захоронить в храме Михаила и положить в могилу предков. И так как он полагал, что Бог покарает его за это преступление непрерывными бедствиями рода и гибелью всего народа, он пересылает в Грецию к патриархам Константинопольскому и Александрийскому и монахам, охраняющим гроб Господа Иисуса, свыше 77 тысяч золотом, чтобы они молитвами и жертвоприношениями умилостивили душу от мучений загробного мира.

Затем он написал письмо королю Стефанию, в котором просил о безопасном проезде через границы Польши для его посланцев, которые должны отвезти милостыню грекам. Павел Одерборн слышал даже, как это письмо по получении было прочтено королевским секретарём.

Вообще же известно, что, когда он получил этот удар от судьбы дома, когда увидел плен своих, гибель людей и городов, разбитые и обращённые в бегство свои войска, убитых воевод крепостей, великое множество истреблённого провианта и военного снаряжения, то посчитал своевременными соображения о желанном мире. И поскольку бывшее счастье ему изменило и успех не сопутствовал ему благоприятно в делах, он предвидел на будущее, что взятый Псков подвергнется самому тяжёлому из всех бедствий в его царстве.

К нему прибыл из королевского лагеря Поссевин, который взял на себя миссию примирителя между правителями.

На совете он начал говорить о самых главных тяготах войны и о мире, на который необходимо согласиться. Он говорил, что величайшей глупостью является пытаться дальше отстаивать Ливонию, которую нельзя защитить только надеждой на получение внезапной помощи, когда почти уже все ливонцы или перебиты, или погибли, изгнанные из отечества.

Не следует дальше спорить с судьбой с пагубной дерзостью, так как москвиты, которые находились в провинции, получили от неё больше чем достаточно и богатства, и выгоды.

Теперь необходимо уступить полякам, и потом позорная потеря провинции касается самой судьбы, которая имеет обыкновение попеременно или возвеличивать дела смертных, или ослаблять. Далее необходимо принять разумное решение, которого требует необходимость, а

не проявлять пустое упрямство, из-за которого ничего кроме гибельного не может случиться с теми, кто находится в крайней опасности.

Поэтому ему представляется столь же честным, сколь и необходимым для всеобщего спасения отдать Ливонию правителю поляков и испытать верность того, кто хотел, чтобы о нём думали, что он сражается за славу. Ведь для храбрых мужей не будет недостатка в удобном моменте на родине, когда они могут проявить храбрость. Со страстным желанием свободы они даже при неблагоприятных обстоятельствах отомстят за полученные от татар обиды.

Иван Васильевич, находясь под воздействием страстных речей Поссевина в собрании и вынужденный крайней необходимостью, проявил весьма благородное намерение рассмотреть вопрос о мире в совете, и в письме к королю Стефанию, написанном очень дружественно, уговаривал его, чтобы король, ради прекращения пролития христианской крови, пожелал рассмотреть условия честного примирения.

Ибо до сих пор ещё повсюду наводили ужас грабежи, убийства, пожары... и рядовые воины, чтобы бороться со стихией, устраивали землянки прямо в глубоком снегу. Король и князья, вышедшие из дворцов, селились в деревянных домах и жили на вражеской земле так, что я не знаю, как ещё безопаснее они могли жить в самой Польше и Литваниии. Очевидно, в самом лагере они имели какое-то изображение богов, покровителей домов и домашнего очага.

Назван был наконец Заполец, чтобы в этом месте написать договор об установлении мира с продуманными и обсужденными условиями с той и с другой стороны.

Ведь у самого короля было и желание получить победу, и в то же время хватило духу и благоразумия неутомимому воину подумать о согласии.

Заполец находится в двадцати четырех милях от Пскова.

Королём были направлены лучшие и знатные люди: Братиславский, вельможа Збарский, воевода Остки и Нисвиежа, маршалл великого княжества Литваниии Альберт Радзивила и Михаил Гарабурда.

Они ожидали московитов, прибыв в Заполец в почётном сопровождении трёхсот всадников. Московиты были напуганы и нашей военной силой, и опустошениями; и когда, наконец, они оправились от напрасного подозрения и страха, то прибыли со значительным опозданием. Это были Василий Елецкий, Иван Басенков и некий Захария по секретным делам у Ивана Васильевича.

Король, отослав послов и дав им полномочия на переговоры с врагом, сам в тот же день, который приходился на день Андрея, отправился в Литваниию, поручив вести войну и командовать на это время Ивану Замайскому.

Свидетелем правителей при послах был Поссевин, который надеялся и горел желанием установить мир. Он, начав с молитвы Богу, с осо-

бенным красноречием убеждал собравшихся, чтобы они проявили на этом совете вполне определённое стремление заключить мир и высказали единую волю и желания:

«Как говорят, небесные тела, если они даже незначительно приходят в волнение или отклоняются от правильного курса, совершают это не без серьёзной опасности для человеческих дел, что мы воочию видим при солнечных и лунных затмениях. Так и великие правители, если они не отстаивают дорогого мира или же предпринимают какую-либо войну из-за страсти к обогащению и к чужим землям, то этим сразу же наносят огромный вред всей вселенной.

На самом деле, никогда никакое затмение не может сделать более несчастным род человеческий, чем какая-нибудь продолжительная война между соседними правителями. Такую войну в продолжении целых трёх лет увидели теперь эти народы, и увидели и то, какое множество всяких бед она приносит с собой, сколько пролито христианской крови, сколько юношей было подвергнуто опасностям, сколько было оставлено вдов, стариков, лишившихся детей, сколько людей было сделано нищими и несчастными.

Вдумайтесь, какая разница между человеком, существом, рождённым для мира и добродетели, и между дикими зверями и животными, рождёнными для грабежа и войны. К тому же, какая разница между человеком и человеком-христианином. Посмотрите внимательно, насколько желанная вещь мир, какая она почётная и сколько приносит счастья. И напротив, насколько война дело вредное и вместе с тем преступное, даже если она будет самую справедливую, если вообще какая-то война может называться справедливой.

Примите во внимание хлопоты, напрасные затраты, обременительные и длительные приготовления и, освободившись от пристрастия хотя бы на короткое время, подойдите к решению с разумом; если только по-настоящему подсчитать, то неужели то, что достигается войной, настолько ценно, даже если будет верная победа, сколько стоила до сих пор подготовка к этой войне.

Итак теперь, когда уже больше чем достаточно пролито крови человеческой, достаточно безумия во время обоюдной гибели, достаточно отдано дани и дикому безумству и смерти, давно окончена драма, которая услаждала взоры злых гениев, придите в себя, опомнитесь от бедствий войны, которые вы слишком долго переносили.

Какое бы безумие ни совершалось до сих пор, пусть оно будет приписано року, пусть христиане решатся забыть о прежних обидах, на что решились когда-то поганые. После этого совместными решениями добейтесь мира и таким образом добейтесь, чтобы он соединил вас дружескими крепкими узами, а не связал пеньковой верёвкой, и союз никогда не должен быть нарушен. Пусть объединит вечное согласие тех, кого объединила природа столь многочисленными делами. Пусть все сообща

делают то, что касается в равной степени счастья всех. К этому побуждают сами естественные чувства, сама суть человеческая. К этому призывает Христос, творец всего человеческого счастья, выгоды мира и бедствия войны.

К этому призывает великий папа, назначенный пастырем и выполняющий обязанности наместника Христа на земле. Если же вы агнцы, то последуйте за пастором, если сыны, выполните волю отца. Вы видите, что до сих пор ничего не сделано мятежами, ничего не достигнуто ни оружием, ни силой, ни местью. Теперь бесспорно, что против опасности имеет силу миролюбие и согласие. И ныне пусть благодарность рождает благодарность, благодеяние склоняет к благодеянию, и тот считается более царственным и величественным, кто больше поступает своим правом». Таким убеждением Поссевин внушил всем необходимость заключения мира. Ведь очень многие испытывали отвращение к войне, а некоторые даже более откровенно требовали немедленно начать переговоры и заключить дружеское перемирие, так как вовсе недостоинно, чтобы пренебрегали этой речью папского посла и чтобы личные настроения некоторых были предпочтены общей пользе. Когда доходило до дела, московиты имели обыкновение всё, что касалось расчёта, тщательно обдумать и взвесить.

В свою очередь королевские послы, зная о хитрости и присущих варварам легкомыслии и непостоянстве, мало им доверяли. Ведь осталось в памяти, что дед Ивана Васильевича Иван в правление Казимира, вопреки закону союза (нарушив заключённый союз), захватил Великий Новгород. А его сын в правлении Александра завоевал Стародуб, а в правление Сигизмунда — Смоленск. И, наконец, Иван Васильевич, наследник дедовских обманов, вероломством отнял у Августа Полоцк, а у Генриха Пернову.

Напуганные такими признаками, они считали верность московитов весьма сомнительной, тем более что вынуждены были с большой досадой и негодованием терпеть их мешкание в передаче Ливонии.

Иван Васильевич, как заявили послы на первом совещании, желал удержать за собой значительную часть провинции с Мариенбургом. Таким образом, когда эти планы и предложения стали всесторонне обсуждаться, послы разошлись во мнениях. В конце концов, побуждаемые горячим стремлением Поссевина и желая избежать пролития человеческой крови, они решили установить мир.

И сразу же московиты заявили, что им предоставлена возможность передать Ливонию королю; однако таким образом, чтобы и король пообещал, что он вернёт некоторые крепости, захваченные в этой войне.

Таким образом, когда чётко был изложен каждый пункт в отдельности, был написан договор о мире и утверждён папской властью, по которому король бесспорно своевременно отведёт назад войско от города Пскова, воздержится от пожаров и опустошения земель, а также все

крепости и города, захваченные в прошлом году, вернёт москвитам. Если всё это он полностью выполнит, то москвиты, в свою очередь, обещали вернуть всю Ливонию и все владения в ней, и не требовали обратно ни Велиж, ни Усвят, ни другие города, относящиеся к Полоцку. Особенно чётко в условиях было сказано о том, что москвитам можно беспрепятственно увезти домашнюю утварь.

В это же время войско готов захватило обе Нарвы. И когда москвиты стали жаловаться на это беззаконие, говоря, что они даже не знают, какое точно владение из этих городов они смогут передать королю, послы, так как им было приказано сохранять нейтралитет, ответили, что король намерен ничего не предпринимать с готами по этому вопросу, поскольку это мешает перемирию.

Напоследок, когда стали разрешать вопрос о тех, к кому судьба имела снисхождение и отдала их в качестве пленных в руки вельмож, было решено, что они могут выкупиться на свободу за установленную договором сумму.

Затем общим голосованием было назначено время, в которое должны принести клятву исполнять условия мира. Так, король Польши принесёт клятву 10 июня в Московии, а Иван Васильевич — 15 августа в Польше через послов. Поскольку договор о мире должен был быть утверждён самим Поссевином, это было обставлено с большой помпой.

В заполоцком городе Пассариссе он жил в дешёвом доме, который он построил от непогоды сурового климата. Сюда, пригласив к себе послов, он сразу сделал алтарь из дерева и накрыл дорогим шёлком. И после того, как с благоговением по римскому обычаю совершил священный обряд, принёс к алтарю этот договор. Москвиты тотчас приблизились со своим священником, по своему отечественному обычаю почтительно целовали крест, и перед алтарём заявили, что они эти условия от имени своего государя считают незыблемыми и нерушимыми. Когда они удалились, Поссевин таким же образом протянул для торжественного ритуала изображение Христа, распятого на кресте, которое он привёз из Рима, и приказал как настоящий папа, чтобы этот акт желанного мира, заключённый договор и десятилетнее перемирие были подтверждены тройным прикосновением к изображению Бога. Так после трёх лет был положен конец тяжелейшей войне.

Для Ивана Васильевича была такая радость, что он освободился от огромного страха и великой опасности, и его уже совсем не волновали ни государственные, ни домашние несчастья (которые он слишком долго терпел).

Акт этот был совершён 15 января 1582 г. от рождения Пречистой Девы.

Весть о мире распространилась сразу же, как только послы вернулись в лагерь. Она, казалось, вызвала огромную радость не только у простого народа, но и у тех, кто считался правителями. Радовались вообще

все, потому что весьма важные вельможи, которые из-за лютой ненависти друг к другу подвергались обоюдной опасности и умножали силы врагов и диких варваров внутренними и гражданскими войнами, оставив в настоящий момент всякую жестокость и прекратив звон оружия, оценили великое значение мира и согласия, приносящих счастье.

Замойский, который командовал войском короля, выйдя навстречу послам с вооружёнными отрядами всадников, встретил их приятной и ласковой речью. После этого, послав парламентёра к префекту города он, известил его о заключении мира. Насколько это сообщение было приятно тому, он доказал многими знаками. Однако, когда его попросили пойти в лагерь короля к обеду и изъявить желание войти в дружбу с предводителями польского войска, он указал на очень важные причины, из-за которых не может этого сделать.

И всё же он ради исполнения долга послал мужей из выдающейся знати, чтобы они присутствовали на обеде, устроенном сообразно королевскому великолепию. Их Замойский принял в шатре, устланном великолепными коврами и покрывалами, вытканными золотом. И пока проводил с ними какое-то время в приятной беседе, приказал расставить столы и устроить пышный пир. Пир продолжался с утра до глубокой ночи со множеством яств, изобилием вина, пением и музыкой. Все, кто был приглашён, возвратились в город, одаренные также щедрыми подарками.

А некоторое время спустя, Замойский снимает осаду и, преодолев много затруднений в пути, приводит войско назад в Литву. Король и республика ему оказали затем милость.

Народ также праздновал по всей Сарматии, устроил всенародное молебствие и отблагодарил милостивого Господа Бога за то, что война закончена без промедления и войско вернулось обратно.

А Иван Васильевич, убитый таким горем, потерпев поражение на войне, утратив прежнюю славу доблести, после того, как повсюду был лишён войска, орудий, обоза, крепостей и лагеря; когда, дома потерявший сына, увидел также плен своих, гибель и смерти; когда его, терзаемого тревожными и горькими раздумьями, граждане тайно презирали, а враги осмеивали, охваченный недугом душевной скорби, умер на втором году после окончания войны (1584 г.).

А за несколько дней до этого он проявил дикую жестокость к своим и наполнил всю страну убийством граждан и жалким стенанием невинных. Он не проявлял никакого сострадания ни человеческого, ни родственного ни к возрасту, ни к полу. Ибо 2300 человек, которые сдались в плен в Полоцке и других крепостях, он отнёс к числу людей вне закона и намеревался их или уничтожить, или отослать в самые отдалённые неизвестные края. Их, вызванных после заключения мира, когда они, сбросив оружие, лежали на земле, он распорядился немедленно убить или бросить в грязные темницы. Он не только убил тех, которые были под

оружием более трусливыми, но также людей миролюбивого характера отнёс в число преступных людей и, таким образом, словно очистив царство, полагал, что одержит достаточно славную победу. Он приказал также приговорить к смертной казни множество пленных от всех национальностей, чтобы насытить свирепую жестокость непрекращающимися смертями. И я твёрдо уверен, что всемилостивейший Бог, тревожимый часто повторяющимися молитвами людей, против которых тиран точил нож, готовил гибель, затягивал петли, придумывал новые пытки, наслал на него смерть. А иначе казалось, что с такой физической силой и крепостью организма он готов был перенести недуг вообще какой угодно болезни, даже продолжающейся много дней подряд.

Но благодаря божественной силе эта болезнь настолько сильно овладела им, что он жил совершенно жалкой жизнью, полагаясь на безнадёжные средства медицины. В течение многих дней он совсем не принимал пищи, не говорил; казалось, что он сделался немым. Потом, когда, спустя много дней, он кричал от боли, то ничего другого не произносил, кроме имени сына Ивана. Ему казалось, что он видит Ивана, слушает Ивана, с ним разговаривает, иногда звал его жалобно, словно живого.

Затем, оправившись на короткое время, после длительной болезни, он пожелал склонить по привычке к прелюбодейнию Арину Удадову, настоящую красавицу, жену своего сына, приходящую во дворец по обязанности. И она не спаслась бы, если бы только не закричала.

Когда, лишённый этой надежды, он увидел, что некоторые не безопасны ему из-за этого поступка, то, чтобы не оставалось никого, кто бы мог обнародовать это, приказывает уничтожить шестерых знатных людей и среди них Михаила Зюзина, человека знатного рода и отличающегося усердием по отношению к родине. Саму женщину он также решил или изгнать из дворца, или убить. А с сыном говорил ласково и осторожно (то ли из-за чувства стыда, то ли из-за гордости), чтобы тот, прогнав её, взял в жёны другую.

Но, так как для сына большее значение имела честь, чем просьбы отца, Иван Васильевич гнев обращает в раскаяние (так как души тиранов вообще лживы и непостоянны). Он начал обращаться со своими ласково, причём каждого в отдельности заискивающе называл то своими соратниками, то своими друзьями, союзниками во всех испытаниях и делах, считая их теперь и убежищем для спасения и единственной защитой. Они единственные, храбростью которых покорены ливонцы, единственные, кто следовал на войну за отцом и дедом, с их помощью он сделался императором и приобрёл бессмертную славу над покорёнными татарами и турками.

Болезнь и смерть Ивана Грозного

После этого он, помня о человеческой брэнности и о смерти, которая бывает однажды в жизни, от страха и беспокойства посылает подар-

ки в темницы для пленных всех племён, прося одновременно, чтобы они усердно помолились святым о его невредимости. Если они это охотно исполняли, то каждому обещал свободу и беспрепятственное возвращение на родину. Но все они ненавидели справедливую ненавистью тирана, который прославился свирепой яростью и самой бесстыдной позорной жестокостью. Они знали, что в нём не осталось ничего человеческого, кроме самой формы человека; что он обыкновенно вырезал половину живых людей, заставлял родителей есть тела своих детей. Его имя заслуженно считалось ненавистным для всей природы вещей.

Поэтому в ответ на это послание, в котором им приказано было вымолить у бессмертного Бога для тирана пользование презренным светом жизни и продление жизни, они с тихой радостью и весельем просили Всевышнего, чтобы Он убрал из жизни это чудовище, которому полезнее умереть, чем остаться в живых. О Ты, говорили они, трижды великий и милостивый Отец неба, просим и умоляем Тебя, не допусти, чтобы дремало Твоё карающее око, и отврати твоё справедливое негодование от нашего преступления.

Ведь если мы и оскорбили однажды Твою святую волю недостойными поступками, если мы были нечестивыми и дерзкими, мы, сыны Твои, просим о Твоём милосердии — покрой тайной, заслуженно снисканной нами, низость души и деяний наших, поскольку теперь (как мы надеемся, несчастные) понесли достаточно наказаний, так как алтари, храмы, религию нашу этот тиран уничтожил. Теперь он свёл всех к одинаковому положению в жизни; он убил наших жён, осквернённых насилиями; малолетних наших детей, сидящих на материнских коленях, на глазах родителей или убивал оружием, или сажал на колья, или разбивал о стены. И мы, также находясь в руках этих самых жестоких надзирателей, сохраняем брэнность тела до тех пор, пока наша жизнь, тронутая лёгким дуновением насилия, сразу окончится. Поэтому, о милосердный Отец, избавь нас от этих цепей и несчастий и повергни этого тирана, пытающегося похоронить в кровавом кошмаре род человеческий. Ведь при жизни его и разгуле ярости мир не сможет оставаться в своём привычном положении.

Эти молитвы каждого в отдельности, эта всеобщая мольба, этот крик несчастных матерей и малых детей, как нужно полагать, ускорили смерть Ивана Васильевича. В самом деле, болезнь стала до такой степени страшной, что из-за того, что происходил гнойный процесс внутри организма, половые органы, пропитанные отвратительным запахом, поедались живыми существами, которые обыкновенно появляются в разлагающихся телах.

И так как в жестоких муках души и тела он продлевал пищу и питьём несчастное и жалкое существование, то подошёл к роковому часу и последней черте прежде, чем можно было представить смущённым ра-

зумом. Однако, скончался он не обычным ходом смерти. А именно, за несколько дней до своей смерти он трижды терял сознание и был без движения, словно Бог продлевал наказания за те дни нечестивых преступлений. Он лежал подобно мёртвому в продолжение двадцати четырех часов. Оправившись от первого отступившего удара, он с грустным взглядом просил сына Фёдора, чтобы тот распорядился освободить из темниц тех, которых держали под более строгой стражей, приговорённых к смертной казни, заявив, что он в каком-то неудобном из-за мрака и ужасов месте был подвергнут из-за них самым тяжёлым пыткам.

Сын, встревоженный этими чудовищными словами, приказал немедленно разрушить строения этих темниц. Он установил молебствия по всему городу, прося богов, чтобы они удостоили хорошим концом жизнь отца, который сделался ненавистным всем людям из-за чрезмерной жадности и жестокости. Пленным сын также дал в изобилии денег и пищи. Кроме того, он пообещал свободу и почётное положение, соответственно их достоинству, если они попросят у всемогущего Господа для Ивана Васильевича только небольшое смягчение этих пыток.

Но гнев справедливейшего Бога был сильнее, чем просьбы людей. И вот тиран, покрывшись мертвенной бледностью, отвратительно пахнущий, во второй раз потеряв сознание, лежал без чувств перед глазами окружающих. Для других смертных он являл самое настоящее свидетельство того, что люди нечестивые и преступные даже в самый последний день несут те наказания, которых они избежали здоровыми при жизни.

Между тем, в городе царило глубокое молчание, длительное ожидание событий, потому что никто не оплакивал серьёзно судьбу государя, никто не хотел, чтобы умирающий жил. Старики прославляли представившуюся свободу, сыновья радовались за отцов, что те выйдут из темниц. Все надеялись на лучшую судьбу.

Иван Васильевич, когда снова пришёл в сознание, словно вызванный с того света, говорит сыну: «И сбор денег и подати в провинциях, которые я всегда уменьшал при увеличении годовых доходов, ты отменишь. Тем людям, у которых я много отнял имущества, ты поможешь своими царскими средствами, а пленных всех до одного отпустишь и дашь свободу. Я хочу, чтобы эти самые последние мои просьбы имели для тебя силу, чтобы они дали тебе власть над всеми землями».

Сказав это, он в третий раз впал в летаргию, а немного спустя со вздохом и жалобным стоном испустил дух. И сразу же эту палату наполнил таким зловонием прорвавшегося наружу гноя, который заполнял срамные места, что присутствующие разбежались, оставив его одного, не желая заразиться от несущего заразу гноя.

Он умер 28 марта 1584 г., прожил он 53 года и семь месяцев.

Когда народу было объявлено о его смерти, граждане предались плачу и наполнили весь город рыданиями и криком. Каждый мысленно

представлял перед своими глазами осаду, плен и врагов-соседей, вспоминая то крушение своей империи, то жалкое рабство, и все оплакивали больше общую судьбу, чем личную.

30 марта его вынесли из дворца в невероятно торжественной процессии и с исключительно пышной погребальной церемонией внесли в усыпальницу предков, в храм Михаила. Возможно из-за одного того блаженный, что имел те же самые пенаты, тот же самый дворец, ту же могилу.

Тело его сразу же в день смерти пропало, и никто его потом не видел и не находил. Хотя это самое покажется многим маловероятным, однако я, опираясь на вполне ясные свидетельства из сообщения присутствующих там людей, знаю, что рассказываю дело, хотя и очень редко слышанное, но истинное. Дело в том, что в тот самый момент пленным были даны подарки и им строго предписано, чтобы они просили защиты для Ивана Васильевича от такого рода смерти, и чтобы тотчас начали просить в горячих молитвах воли Божьей на погребение его тела, которое сейчас не может быть открытым. Разумеется, когда оно будет найдено, все получат безопасность вместе со свободой и подарками. А так как умирающему, человеку очень лютому, гневом бессмертного Бога было назначено столько пыток и страшный конец, то от лживых молитв пленных никакого эффекта не было. А когда спустя немного дней они пришли сюда в большом количестве, то подтвердили нам это в достаточной степени основательным своим свидетельством.

И таков вот был конец могущественного и очень жестокого правителя; и больше власти и страха, чем он, никто не имел у соседних королей и народов.

Характеристика Ивана Грозного

Роста он был очень высокого, полный, с сильным и правильным, пропорциональным телосложением, но с маленькими глазами, страшно сверкающими дикой и свирепой необузданностью. Он чрезмерно издевался над всяким неудачно сказанным словом, чему умные люди очень удивлялись. И, напротив, сколько раз он гнусно и насильственно истреблял огромное количество людей, устраивая ужасное кровопролитие, сколько раз похожие на издевающегося испытывали самое приятное чувство наслаждения.

От природы он обладал удивительно острым умом и исключительной памятью на всё, в такой мере, что он знал и мог назвать имена всех пленных из всех стран. Случалось иногда, что он очень благородно давал некоторым свободу и позволял возвращение на родину. В то же время, если во всей массе он не обнаружил одного ребёнка или одного взрослого, а секретари сразу не могли дать отчёт о пропаже, он обыкновенно тут же убивал их или закалывал.

Когда же надо было оказать благодеяние несчастным, что однако случалось очень редко, тогда он проявлял особенную щедрость своей

натуры и распускал все паруса щедрости и милости для свершения благодеяния.

Он сам рассматривал и читал часто и со вниманием письменные жалобы, и было позволено всякому человеку, самого низкого происхождения сообщать о беззакониях и свободно жаловаться на бездельность и жестокость магистратов, которые вопреки установленным порядкам издавна мучили без всякой меры своих подданных людей.

Свои сокровища он стремился увеличить изобилием запасов и большими доходами от податей. Сам очень жадный, правитель ненавидел жадных людей, и считал, что не следует допускать к управлению общественными делами тех, которые бы заботились о личной выгоде без настоящей пользы для людей.

Он охотно увеличивал границы империи и уже до сарматской войны было сделано столько значительного, что он не столько боялся врагов, сколько сам стал тем, кого надо бояться.

Исключительно из честолюбия добивался дружбы с иностранными правителями для сохранения достоинства своего имени. Так он добивался расположения к себе и цезаря Максимилиана II, а персейских царей Шаха Тама и Магомета Годабенда обязал благодеяниями и услугами. К британской же королеве настолько сильно благоволил, что связал себя тесной дружбой с её послом, охотно делился с ним секретными делами и руководствовался по большей части его советами. Этот последний был человеком почтенного возраста и солидной внешности; отличался умом и красноречием, знанием изяшных наук, у него был большой опыт во многих делах. Благодаря таким дарованиям добродетелей он настолько сделался необходимым для лютого государя, что государь вообще ничего не решал о войне и мире, прежде чем это не было представлено на обсуждение Понту, в котором его поражала большая сила ума в изобретательности в делах, подлежащих рассмотрению и исполнению.

При попутном ветре судьбы он становился удивительно высокомерным и так страстно жаждал славы, что по этой только причине предпринимал слишком тяжёлые войны. К этому он стремился прежде всего, чтобы быть в славе и почёте у людей, как античному герою.

О дрессировке слона. Поэтому, когда однажды он лъстецами был назван Александром Македонским и услышал, что его физические силы и величие души, отмеченное достойными похвалами, возносится до небес, охваченный тщеславием, решил превзойти подвиги великого воина и выдрессировать слона, которого совсем недавно получил, посланного в качестве подарка персидским царём Шахом Тамой, таким образом, чтобы животное научилось сразу сгибать колени, приветствуя его, когда он проходит со свитой. И вот он в течение многих месяцев он старательно приучал к этому слона. Как только занималась утренняя заря, он приказывал приводить к нему животное и пронзать его лоб очень ос-

трым копьём, полагая, что под воздействием этих кровавых ударов животное мало-помалу привыкнет к уважению повелителя. Утомлённый этой безумной и довольно смешной затеей, так как напрасно искал какой-то след чувства в тупой душе, и животное непослушанием не подтвердило ожидания величия, он разрубил его на куски.

Он стремился укрепить союз и дружбу с цезарем Максимилианом и говорил о нём, что он является правителем, наделённым исключительной честностью и постоянством и сверх того владеет огромными богатствами. Поэтому считал, что вообще следует твёрдо быть уверенным в его дружбе в затруднительных обстоятельствах и при всяких расстройках в делах.

Но здравомыслящие люди говорили тогда, что между некоторыми народами существует такое огромное различие, что вообще более разумно воздерживаться от сношений с ними, чем связывать себя крепкими союзами.

Ведь и Германия от московитов настолько была далеко, что даже если бы она очень захотела, однако помочь варварам смогла бы немногим. И в то же время народы московские считались настолько нелюдимыми, нарушающими договоры и заносчивыми, что если бы даже им и поверили, то, по-видимому, они были бесполезны для всякой дружбы.

Последнего посла он послал к нему на собрание благородных. Максимилиан принял его во дворце, сверкающем блеском золота, окружённый королями и принцессами, которые присутствовали там. Он с улыбкой взял письмо Ивана Васильевича и, проявляя знаки величайшего внимания, спрашивал о положении дел московских. Затем расспрашивал о характере Ивана Васильевича, о возрасте, о привычках, о его власти, о количестве сыновей. Он также принял подарки, которые доставил ему посол. А сколь приятны были они ему, он доказал многими знаками внимания и со своей стороны пообещал выполнить все обязанности надёжного друга. Но немного дней спустя благодарный император поменял жизнь на смерть. Кончина его повергла в глубокую печаль как самих послов, так и вообще всех людей. Он был одарён такой человечностью, что весьма затруднительно сказать, боялись ли многие больше его храбрости, или больше любили за доброту.

Так Иван Васильевич, сильно просчитавшись, с глубокой скорбью перенёс смерть этого правителя.

А немного спустя он очень неудачно бросил жребий сарматской войны, и под конец, по завершении её, как мы уже упоминали, заботился о дружбе с королём Стефанием. Он послал ему незадолго до смерти через Илью Тимофеевича в качестве подарка несколько штук отличных соколов с охотниками, одетыми в одежду, расшитую золотом.

В мирное время, когда в провинциях у него было всё спокойно и весело, он с великим удовольствием проводил жизнь в охоте, в азартных играх, в хороводах, в сладострастии и кровавых зрелищах.

В охоте у него обыкновенно были свои привычки, отличные от других государей. Конечно, и они часто содержали большое количество лошадей и охотничьих собак с тем, чтобы верховой ездой и различными движениями тела укрепить здоровье, или чтобы охотиться на зверей, которых нужно уничтожить, или чтобы доставить приятное наслаждение за своим столом.

Тот же, обезумевший от чрезмерного удальства во время охоты, бросал на страшных медведей невинных пленных, и если каких-то потом раздирали на куски, он смотрел на это несчастье жадными глазами. Остальным, которые храбро выдерживали нападение зверей, он давал подарки как лекарство от увечий.

Так, за несколько месяцев до смерти, чтобы во время жесточайших мучений души и тела испытать какое-то наслаждение, [Иван Васильевич] приказал, чтобы многие освобождённые из оков плена боролись со зверями, и сам из окна наблюдал за судьбой борющихся внизу на площади и с удовольствием смотрел, как огромная толпа людей в растерянности бегала то в одну, то в другую сторону. Среди них какой-то сармат держал в руке найденный на земле небольшой камень. Когда на него набросился медведь необыкновенной величины, он тотчас же бросил камень в голову чудовищного зверя и, смело схватив его за язык, на какое-то время почти лишил его дыхания. Когда Иван Васильевич увидел это, то был приятно удивлён и проявил благосклонность к сармату за то, что тот отличился такой смелостью.

Он с увлечением играл в азартные игры и в карты. И когда порою в игре со своими боярами входил в азарт, выигравших, равно как и проигравших, или убивал, или безжалостно отрезал у них члены, отрывал уши или нос, или отрезал губы, устраивая отвратительное и достойное сожаления зрелище. А если кто-нибудь, чтобы избежать подобных оскорблений, малодушно позволял обыграть себя, их как людей ленивых и слабых, он избивал до смерти палками и тяжёлыми дубинами. Иные, кто вообще уклонялся от игры, тут же подозревались в злоумышлении и оскорблении царского величия.

Он далеко превосходил всех смертных похотью. Знатных женщин и девушек, насильственно обесчещенных, он возвращал отцам семейства. А если они случайно проявляли какой-нибудь признак негодования, то они подвешивались в их домах над обеденными столами, за которыми обычно несчастные мужья и отцы принимали пищу. А в другом месте им невозможно было безнаказанно обедать или завтракать. В противном случае их безжалостно бросали в ту же самую бездну и наказывали смертной казнью за оскорбление величия государя.

Без сомнения, если он совершал нечто иное, как только достойное вечного проклятия, то он и заслужил этими нечестивыми преступлениями, чтобы его имя было проклято потомками.

Он много раз менял с сыновьями любовниц и наложниц. Когда ка-

кая-то из них, переданная старшему сыну Ивану, была в разговоре оскорблена и осмеяна другими женщинами за то, что безрассудно осквернила своё целомудрие в разврате с сыном государя, она, терпя незаслуженно эту обиду, со слезами и жалобами рассказала обо всём государю и просила его покровительства и защиты, чтобы она не терпела раскаянные впоследствии при встрече с народом и не клеймили её позором постоянно. Иван решил, что подругу, окружённую грубыми оскорблениями, следует защитить публично. Улучив удобный момент для своего намерения, он напомнил своему отцу обо всём этом. Тот рассердился на это упрямство до такой степени, что беззаконным решением пожелал из-за злобы на немногих уничтожить всех женщин Москвы. Но под влиянием просьб всех приближённых намного смягчился, однако, несчастных женщин осыпал ужасными оскорблениями. Ибо под угрозами и страхом он заставил их придти во дворец. Там они, лишённые одежды, на глазах его сыновей и свиты и оскорбительно мучимые на снегу, в стужу, представляли для всех жалкую картину. А Иван Васильевич, обратившись к любовнице сына, говорит: «Теперь ты получай утешение и смейся над своими хулительницами». После этого некоторых из этой массы он избил до смерти плетьюми, а их трупы бросил на растерзание зверям.

Предателей и тех, которые без энтузиазма защищали города и крепости от нападения врагов, он убивал в хитро придуманных пытках. А именно в 69 г., когда войска литовцев захватили Изборск, вернувшихся в Московию префекта крепости Полубенского и гарнизонных Иван Васильевич связанными сажал на деревянные колья, непрерывно призывая присутствующих, чтобы они, напуганные их примером, учились сражаться за родину с большей храбростью.

Таким же способом он уничтожил и других, которые вынуждены были сдать крепость Буск, и выкупились за огромную сумму.

Германцев он вначале так любил, что по большей части не только советовался с ними по секретным делам и по управлению государством, но также и усердно наделял их саном и почётными должностями. Так что своим боярам, сильно завидующим счастьем чужеземцев, он отвечал, что германцев просто необходимо наделять должностями и почётом. Он знает, как хорошо они обучены военным наукам, они очень образованные министры государей, и при том не пастухи коров, как московские бояре, которые привыкли налетать на дворец с дурными и очень испорченными нравами. Ему ненавистны врождённые качества своих сограждан, и именно потому, что они совершенно напрасно пытаются подражать образу жизни иностранцев с малокультурным поведением и варварское своенравие характера исправить несоответствующей противной природой.

Среди германцев, которые до недавнего времени пользовались у государя варваров таким большим почётом, первыми несомненно были:

Г. Фаренсбекий, Иоганн Таубе, Элард Крузе и известный Христиан Боркорний, священнослужитель великого князя кимвров. И Фаренсбер, прославившись доблестью, счастливо вёл войну у Ивана Васильевича против татар.

Несвоевременный уход остальных из Московии стоил, как бы мягче сказать, несчастным гражданам в Ливонии много человеческой крови. Ибо тиран, варвар, был очень недоволен, что был обманут теми, кто, прикрываясь настоящей доблестью, превосходно скрывая искусное притворство неверной и мало искренней души, неблагодарно и безбожно обманул доверие.

По этим причинам он сделался ещё более подозрительным и жестоким, даже до такой степени, что считал, будто гражданам германского происхождения, которым до сих пор предоставлял свободу действий, совсем не следует оказывать никакого доверия, даже незначительного, в вопросах мира и войны, и уничтожал их беспощадно прямо-таки с неслыханной жестокостью и в Дорпате и в других местах.

Также германцев, которые жили в Москве, он самовластно лишил имущества, и этим наказал их таким образом, что они, потеряв надежду на преимущество почётной жизни, безумно мучились также страхом более сурового наказания.

Теперь германцы, которые находятся в Московии, по свежим воспоминаниям о прошлом, без сомнения, живут в золотое время. Они в изобилии имеют все удобства процветающего мира и благосостояния, предназначенные для роскоши счастливого отдыха и для веселья. У них свободное вероисповедание евангелического учения и у них германский епископ родом из Тюрингии, который наставляет благочестию граждан германской национальности в каком-то большом деревянном доме. И в воспоминаниях не указано, чтобы какой-нибудь человек был замучен чудовищным принципсом из-за религии. Только в отношении одних иудеев он был постоянно очень жестоким. Их, если они не хотели принимать крещение в святом источнике, он или сжигал живыми, или вешал, а некоторых также бросал в реку. Он обычно говорил, что мудрый правитель никогда не будет бояться никакой опасности больше той, которая исходила от предателя.

Конечно, существует скрытое, тайное зло, которое убивает прежде, чем его можно заметить. Поэтому он не отпускал от себя людей испорченных и пагубных, а бездельников клял с каким-то наслаждением последними проклятиями.

Из пленных он мягче обращался только с одними литовцами, часто называя их своими братьями и соседями. Поляков же и германцев и весь другой народ всяких национальностей держал в невыносимой неволе и подвергал жестоким оскорблениям, и ни к чему так сильно не стремился, как к тому, чтобы они испытывали всякого рода несчастье и всё зло неудач.

При жизни он имел у своих не только авторитет божественного прорицателя, но и авторитет великого императора и верховного жреца. Если возникал спор по какому-нибудь затруднительному делу и невозможно было положить конец этим обсуждениям и спорам, ему говорили, что Бог и великий князь судит о важности всех дел и знает выход. Поэтому, что бы он ни сделал или дурное, или достойное одобрения, во всём этом были обязаны предопределению и попечению Бога. И сам он также, чтобы дать глупцам сладостную пищу божественного вдохновения, имел обыкновение, удивляя всех, распространять в народе советы небожителей, полученные во сне. Этой выдумкой он увеличивал благоговение к себе, которым постоянно пользовался у своих подданных.

Он исполнял богослужения, а отдельные виды религиозных обрядов проводил с исключительной величественностью, так что говорили, что сами духовные жрецы не исполняли службу почтительней и благолепнее его.

Весьма благоговейно он почитал в числе святых Святого Николу, Михаила Архангела, Илью-Пророка и Ивана-Купалу, надеясь в будущем, что после столь многочисленных преступлений, совершённых им, он будет представлен бессмертному Богу их ручательством.

Греческие же храмы, хотя и считаются более праведными, чем латинские, однако и они до сих пор сохраняют много пустых религиозных страхов и нередко обращаются к святой Богородице и другим святым, о чём мы уже однажды рассказывали в более пространным сочинении.

Иван Васильевич, если хотел совершить богослужения или исполнить установленные праздничные, торжественные обряды, сразу отправлялся в Александровскую слободу, очевидно, чтобы ему, свободно от забот об империи, легче было обратить душу к божественным делам. Необходимо знать, что Александровская слобода — знаменитое местопребывание великих князей. Она отстоит от Московии не более чем на 24 мили, превосходно построена в форме какого-то большого монастыря. Там часто помещают подарки великих князей и народов, так что неизвестно, что здесь достойно большого восхищения — великолепие сокровищ или пышность обрядов.

Отправляясь сюда, государь и сам надевал монашеское платье и давал церковное одеяние своей свите, от которой требовал не только воздержания и набожности, но требовал по его примеру горячо молиться и усердно поститься. Больше всего он ненавидел тех, кто или неохотно повиновались требованиям, или бесстыдным обжорством оскверняли святой день.

Сам он, между прочим, с жадностью читал и перечитывал снова без всякого признака усталости священные книги и так терпеливо, что за многие часы пребывания в храме очень редко принимал пищу и своими действиями подавал успешно пример всем остальным монахам.

Однако сама действительность отлично свидетельствовала, что всё

это исполнялось совсем не для истинной набожности, а скорее ради притворства и для подготовки к самым дурным делам.

И так как злодеяния совершались не с меньшей охотой, чем богослужения, то сразу же после окончания молебствий он убивал самым безбожным образом великое множество невинных людей.

И с преступным намерением в злодейских деяниях он всю жизнь стремился главным образом к тому, чтобы его страшно боялись все люди, — и родственники, и чужестранцы и граждане, — как самого настоящего палача. Он любил известную пословицу, заключающую в себе ужасную лютость: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

И не могли совершаться богослужения в Александровской слободе иначе, если только дороги вновь ежедневно не были заполнены трупами убитых, при виде которых проходящие мимо должны были содрогаться.

Но оставим наконец это страшное и печальное человекоубийство и этого тирана, который наполнил слезами, стоном, убийствами все земли своего отечества, который, разрывая договоры о всякой дружбе, разрушал мир, законы, разрывал священные узы родства и не исполнял долга.

**К ИСТОРИИ АНТИКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ.
ВОСПОМИНАНИЯ
ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
М.Е. СЕРГЕЕНКО**

Публикацию подготовила Е.В. Фёдорова

Вступление

Имя Марии Ефимовны Сергеевны (1891 — 1987) пользовалось широкой известностью; ее труды знали все, в той или иной мере причастные к антиковедению.

М.Е.Сергеевны была не только выдающимся ученым с широкой эрудицией и великолепным знанием языков, но и просто замечательным человеком, образцом высокой нравственности и искренней благожелательности к людям; при этом она была человеком бескомпромиссным, и все испытывали к ней особое почтение. Ей всегда была присуща ясность мысли в сочетании с лаконичным остроумием. У нее был свой, подчас неординарный взгляд на события прошлого и настоящего.

Мое знакомство с Марией Ефимовной состоялось следующим образом. В 1969 г. вышла в свет моя первая книга «Латинская эпиграфика»; тираж был невелик, всего 1750 экземпляров, и он был распродан моментально. Случилось так, что Федор Александрович Петровский, тогда возглавлявший сектор античной литературы в Москве в Институте мировой литературы АН СССР, в очередной раз побывал в Ленинграде и повидался с Марией Ефимовной. Вернувшись, он мне сообщил, что она жаждет иметь мою книгу; его слова были буквально таковы: «Я никогда не видел человека, который бы так страстно хотел получить книгу. Пошлите ей ее», — и дал мне адрес. Я книгу послала, получила благодарственное письмо, а когда сама летом была в Ленинграде, мне передали, что Мария Ефимовна желает со мной познакомиться. Я приехала к ней домой, она жила на улице Вишневецкого 18, кв. 37 недалеко от набережной реки Карповки; обстановка квартиры была скромная, все заполняли книги. На письменном столе стояла стопка книг, часто требовавшихся ей при работе и поэтому не убравшихся в шкаф. Среди них стояла и моя «Латинская эпиграфика». Один этот факт уже говорил о высокой оценке моего труда. Мария Ефимовна, взяв в руки мою книгу, сказала: «Вам можно верить. Я не всё проверяла, но то, что проверила, оказалось правильным». И прямо спросила: «Сколько вам лет?» — «Сорок два», — «Вы выглядите моложе», — и, покачав головой, добави-

ла: «В таком возрасте иметь такую книгу...». В дальнейшем, когда я была в Ленинграде, я всегда первым делом навещала Марию Ефимовну. Она одобрила мою следующую книгу «Латинские надписи», а об «Императорском Риме в лицах» в письме написала: «Вы обрызнули живой водой мертвый мир императорского Рима». Я считаю это высшей оценкой моего труда.

Мария Ефимовна была невысокого роста, худенькая, скромно одетая, с короткой стрижкой; взгляд ее глубоко посаженных глаз всегда источал энергию. С ней было очень интересно разговаривать. Однажды она стала мне рассказывать о прошлом. И тогда я сказала ей, что надо бы это всё записать. Но Мария Ефимовна к этой идее отнеслась без энтузиазма, заметила только, что кое-что написала о Бестужевских Курсах и о блокаде Ленинграда, но написала не так, как это принято; о блокаде вспоминала без патетического восторга, ведь в те времена официальная пропаганда преимущественно видела одну сторону воздействия войны на душу человека — пробуждение героизма, а Мария Ефимовна, прожившая в Ленинграде всю блокаду, увидела воочию и другую сторону. Она понимала, что такие мемуары не имеют шансов на публикацию, поэтому и не стала писать много, а все силы отдавала своему прямому предназначению — науке, хотя правдивые записи современников служат основой исторической науки будущего. Но все-таки Мария Ефимовна отнеслась к моим словам со вниманием, и однажды я получила от нее заказную бандероль вместе с письмом:

«29 марта 1973

Дорогая Елена Васильевна, посылаю Вам свои воспоминания. Рада буду, если отзоветесь. Много работаю (“как дикий осел”, как говорили у нас на Курсах; почему дикий осел считался образцом трудолюбия, не знаю), и устаю, как десяток домашних ослов. Будьте здоровы и не забывайте меня.

Ваша М. Сергеенко».

Марии Ефимовне тогда был 81 год.

Несколько слов о биографии М.Е. Сергеенко. Она родилась на Украине близ Чернигова 9 декабря 1891 г. в дворянской семье, закончила Черниговскую Министерскую гимназию, а в 1910 г. приехала в Петербург и поступила на Бестужевские Курсы (долгое время считалось, что университетское образование существует не для женщин, но наиболее здравомыслящие люди понимали всю дикость подобного мнения, и при Петербургском университете были организованы Бестужевские Курсы специально для женщин; они давали университетское образование, но под другим названием. Курсы, подобные Бестужевским, были и при Московском университете).

После успешного окончания Бестужевских Курсов М.Е. Сергеенко в 1917 году стала преподавателем греческого и латинского языков на историко-филологическом факультете Саратовского университета. В

1920 г. она получила звание доцента и стала читать лекции по античной и западноевропейской литературе. В 1929 г. навсегда вернулась в Ленинград, где работала в Государственной Публичной библиотеке, преподавала латинский язык в Первом Ленинградском медицинском институте и одновременно работала в Институте Истории науки и техники АН СССР в секции агрикультуры. С 1934 г. Мария Ефимовна стала преподавателем Ленинградского Государственного университета, а в годы войны заведовала кафедрой латинского языка в Первом Ленинградском медицинском институте. В 1943 г. она защитила диссертацию на степень доктора филологических наук о трудах древних римских писателей по вопросам сельского хозяйства. Она их перевела и, бесспорно, была лучшим знатоком этого материала в СССР; он опубликован в ее книге «Ученые земледельцы древней Италии» (Л., 1970). В течение многих лет Мария Ефимовна была научным сотрудником Ленинградского отделения Института Всеобщей истории АН СССР, откуда в 1974 г. ушла на пенсию в возрасте восьмидесяти трех лет; скончалась 28 октября 1987 г. на девяносто шестом году жизни.

Перу М.Е. Сергеенко помимо вышеупомянутого труда принадлежат книги: «Помпеи» (М., Л., 1949); «Жизнь древнего Рима. Очерки быта» (М., Л., 1964); «Простые люди древней Италии» (М., Л., 1964); «Ремесленники древнего Рима» (Л., 1968). Она занималась переводами авторов не только языческих (Тита Ливия, Тацита, Плиния Младшего и других), но и христианских. Из всех своих многочисленных переводов она особенно ценила «Исповедь» Блаженного Августина, которую в те времена невозможно было опубликовать ввиду ее идеологической несовместимости с советской властью; кончилось дело тем, что Мария Ефимовна отдала свой перевод деятелям церкви, и он был опубликован без упоминания ее имени и фамилии.

Труды М.Е. Сергеенко не устарели и не устареют по двум причинам.

Во-первых, они созданы на основе добросовестного и высококвалифицированного понимания текстов античных авторов и надписей и полностью лишены налета «дани времени». Свои выводы Мария Ефимовна согласовывала только с материалом исторических источников, а не с мнением К. Маркса и его последователей. Она справедливо полагала, что знает источники лучше, чем К. Маркс, который их не читал, а глобальными проблемами рабовладельческой общественно-экономической формации она не занималась. Она не воспаряла мыслью к небу и, будучи беспартийным ученым, твердо стояла на почве положительного знания.

Во-вторых, труды М.Е. Сергеенко написаны превосходным русским языком и по сути являются художественными произведениями, где за строками научного повествования проглядывает живой ум и даже юмор автора. В книгах Марии Ефимовны начисто отсутствуют академическая сухость и наукообразная заумь, бывшая в моде при советской

власти. В связи с этим позволю себе упомянуть о том случае, который произошел с Сергеем Ивановичем Соболевским еще в дореволюционные времена. Много лет спустя он рассказал об этом Ф.А. Петровскому, а тот в свою очередь поведал мне. Пригласили С.И. Соболевского в Троице-Сергиеву лавру прочесть лекцию о Священном Писании. Местные власти, соблюдая бдительность, прислали на лекцию становой пристава, дабы столичный профессор не позволил себе какого-либо вольномыслия. Соболевский стал профессором Московского университета очень рано и пробыл в этой должности более чем полвека; в молодости он был очень хорош собой; становой пристав, очевидно, был весьма удивлен его отнюдь не дряхлым видом. Сергей Иванович лекцию прочел, а после его отъезда становой пристав спросил у духовных властей: «Что же это такого плохого профессора прислали из Москвы?» Те изумились: «Помилуйте, это очень хороший профессор, это лучший». На что пристав ответил: «Нет. Я так полагаю, что ежели б он был ученый профессор, то я бы из его слов ничего понять не должен, а я всё понял!» Увы! В советские времена еще встречались люди, находившиеся на уровне подобного станowego пристава, для которых наука и заумь были синонимами. Так вот, Мария Ефимовна на уровне станowego пристава никогда не находилась. В добавление к этому скажу следующее. Однажды много лет тому назад доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ, моя коллега, Людмила Михайловна Попова, человек исключительно добросовестный, с удивлением и обидой рассказала мне, как кто-то (не помню кто) так отозвался о ее работе: «Это не наука, потому что у вас все понять можно». Тогда было модно выводы не просто обосновывать, но непременно фундировать, а случайное употребление слова называть не случайным, а окказиональным. Так вот, никакая заумь никогда в труды Марии Ефимовны не залетала даже окказионально.

По сути дела М.Е. Сергеенко была не только выдающимся ученым, но и очень ярким летописцем своего времени, однако мало кто знает об этом, ибо ее мемуары опубликованы без ее фамилии на титульном листе. Я позволю себе привести из них два отрывка: о еде и воде в блокадном Ленинграде.

О еде

«В зиму 1941/42 г. жители Ленинграда держали экзамен на человеческое достоинство и экзаменовались у голода. Экзаменатор оказался беспощаден, а ученики оказались плохо подготовлены.

Голод начался в Ленинграде уже с осени — в сентябре служащие стали получать по 200 грамм хлеба — и встречен был нами стойко. Люди недоедали и помнили, что рядом с ними такие же люди, которые недоедают так же, как они, а может быть еще и больше.

Даже с соседом, не говоря уже о близком знакомом или друге, дели-

лись всем, чем могли: последним сахаром, скудной порцией каши, кусочками случайно полученного белого хлеба. Было немислимо есть самому и видеть рядом голодного; если на чью-нибудь долю случайно выпали крохи чего-то вкусного, его микроскопическими порциями делили в дружеском кругу, сплошь и рядом обделяя себя. Желудку было голодно, но сердцу было сыто.

Время шло, принося с собой только ухудшение. 200 граммов хлеба давно были заменены голодной нормой 125 гр., по карточкам почти ничего не давали. Голод не грозил; он как хозяин распоряжался людьми, тысячами выводя из строя слабых и нежизнеспособных, укладывая в постель тех, кто еще боролся за жизнь, ожесточая самых крепких, хотевших выжить во что бы то ни стало. Люди вдруг догадались, что они будут более сыты, если никому не будут уделять от своего, а кое-что и прихватят у соседа. Кончилась совместная еда и угошение друг друга: каждый норовил теперь есть в одиночку, таясь от соседей. Тут был и человеческий стыд за себя, и животное озлобление на того, кто может захотеть кусочек от твоей порции. Каждый кусок съестного превратился в бесценное сокровище: это сокровище начали прятать и не спускать с него глаз, боясь, чтобы им не завладел сосед. Люди, от века ничего не запиравшие, убирали хлеб под замок или всюду носили его с собой: если мало осталось в Ленинграде таких, кто не таскал — в большей или меньшей степени — съестного у соседей и близких, то, ручаюсь, не было ни одного человека, который никого не заподозрил в том, что его обкрадывают. В одной своей юношеской драме Клейст назвал подозрение духовной проказой — Ленинград в эту жестокую зиму был сплошной колонией прокаженных. Старая и длительная дружба, давнишнее знакомство с человеком, в нравственных качествах которого вы были уверены — ничто не спасало от подозрения в том, что ты украл. Рвались и рушились старые, казалось бы, такие прочные отношения, приносившие когда-то мир и радость: в страшной борьбе за жизнь каждый почувствовал себя одним и одиноким: рядом стояли враги, гибель которых была лишним шансом на собственную жизнь и победу»¹.

О воде

«Каждое утро, взяв детские саночки, я иду за водой. Путешествие это для меня значительно облегчено тем, что в огромном доме, отстоящем от нас только на один квартал, у меня есть “блат”, и я получаю воду только там. Весь же наш двор ездит на Неву: добрых километра полтора в один конец, ухабистая, раскатанная дорога, крутой спуск.

Итак, я езжу за водой в дом Свирьстроя. Двенадцать лет назад на его месте был чудесный пустырь, где цвели одуванчики, паслись стреноженные лошади, а под выходной сиживали люди с кирпичиком хлеба, колбасой и “маленькой”. Дом строился долго, лет пять или шесть, но выстроился на славу, большой, удобный внутри и не уродливый снаружи. Снаб-

дили его всей современной техникой: электричество, паровое отопление, радио, солярий. С осени электричество выключили; уголь, запасенный на зиму, увезли, то ли для каких-то заводов, то ли для госпиталей, радио замолчало, а солярием в петербургскую зиму обычно не пользуются. Перестала идти вода и действовать уборные. Стараниями энергичного управдома после двухмесячного перерыва воду наладили — не по квартирам, конечно, а в подвале; жильцам раздали жестяные круглые жетоны как марки на право пользования водой; отпускать воду поставили дворничиху Лизу и разрешили свирьстроевским жильцам — и только им — брать воду два раза в день: от 9 до 11 утра и от 4 до 6 вечера.

В подвал, где идет вода, надо спускаться по небольшой — всего десять ступенек — лестнице, крутой и всегда оледенелой от неизменно проливаемой воды. Люди жадно стремятся наполнить этой редкой и драгоценной влагой ведро доверху, но у них обычно не хватает сил донести его до верха, и какая-то часть расплескивается на лестницу, на валенки, ботинки и пальто стоящих в очереди и свирепо лающих людей. Лиза, ведающая раздачей воды, знает чуть ли не весь дом в лицо и от каждой подозрительной фигуры требует предъявления жетона. Я неизменно показываю его — он у меня зажат в кулаке — и неизменно слышу: “К ведру надо привязывать, дурья башка, сколько раз говорю! ничего не слушают! что тетеревам глухим объясняешь!”

Не знаю, как справлялась Лиза — коренастая плотная баба, сильная до сих пор, с несомненной подмесью добродушия к своему круто замешенному нраву — с дворничьими обязанностями, но, отпуская воду, она в своей стихии. Она никогда, конечно, не слыхала ни о Кире, ни о Саргоне, ни о прочих восточных деспотах, но властью своей она упивается не меньше, чем они, и надо признать, что могущество ее, пожалуй, превосходит то, которое выпало на долю древним владыкам мира. Вряд ли во власти Кира было не дать кому-либо из своих подданных ведра воды, жизненно необходимой. Лиза может это сделать и делает: каждое утро в подвале, на лестнице и у входа толчется кучка чужаков, которые не имеют права на воду и приходят вымалывать себе кто кастрюльку, кто чайничек. Обычно их выгоняют; в редких случаях Лиза проявляет милосердие: “Ну уж бери, сволочь, в последний раз... шляетесь, провала на вас нет”. Жильцы-счастливы, получающие воду на законном основании, обычно приветствуют грозный аспект Лизы: бесправные пришельцы, дерзко желающие вскипятить себе чашку кипятку, представляются им нахальными узурпаторами, посягающими на чужие права².

«Человеческое, оказывается, наведено очень тонким слоем на человеке. Когда этот лак сходит, то в соответствии с изменением самого существа происходят изменения в языке. В Ленинграде зимой 1941 — 1942 г. не разговаривали, а лаяли; не ели, а жрали; не умирали, а дохли; не жили, а выживали, не останавливаясь перед тем, чтобы перервать для этого глотку соседу»³.

В этом кошмаре люди не только постоянно пребывали, но и работали, преподавали, сидели в библиотеках, писали диссертации. Что касается М.Е. Сергеенко, то для нее всегда работа и жизнь были понятиями совпадающими. Вот ее слова: «Ничего больше, чем работу, не люблю, в блокаду спасла работа»⁴.

Блокада была вторым серьезнейшим испытанием Марии Ефимовны, а первой суровой школой жизни для нее, как и для очень-очень многих, явилась революция, которую она встретила одна лицом к лицу. О том времени она пишет так:

«У двора стоял ноябрь 1918 года. С 1916 года я почти безвыездно жила в родовом имении моих родителей, верстах в пятнадцати от Чернигова и в двенадцати — от Городни, милого крохотного городка, утопавшего в садах и зарослях белой акации. Осенью 1916 года скончалась моя мать, которую окрестные крестьяне называли не иначе, как святой, а через несколько месяцев умер и отец, боевой генерал, участник нескольких кампаний. Я жила одна в нашем большом старом доме. Для меня этот дом был не просто жильем: это был старый добрый друг, здесь прошло мое золотое детство, дому известны были все мои печали и радости; мои деды и прадеды всегда старались закончить здесь свою часто долгую и всегда достойно прожитую жизнь. И старый дом беседовал со мной о многом, но чаще всего о жизни, ее цене и достоинстве.

Мне шел двадцать седьмой год; за плечами у меня были Бестужевские Курсы, год занятий в Берлине у Дильса и Виламовица (война прервала эти занятия), магистерские экзамены. Я усердно и увлеченно писала работу об Эсхиле, но в этом ноябре что-то не писалось. От дедов и родителей осталась богатейшая историческая библиотека; я много читала и, пожалуй, еще больше оглядывалась и думала.

Вокруг творилось что-то неслыханное и невиданное: рухнула Российская империя; откуда-то, словно чертик из волшебной коробки, выскочил гетман самостийной Украины, которую наводнили немцы, дружно ненавидимые всем населением.

И гетман, и немцы исчезли, как мыльные пузыри; Украину голыми руками захватывали большевики, грозная сила, собиравшаяся по-своему, на новый лад, переkreить жизнь. И хотя я в коньектурах к Эсхилу разбиралась лучше, чем в политике, но у меня хватало здравого смысла понять, что старый мир погиб непоправимой последней гибелью, и неизвестно, будет ли в новом место для меня и Эсхила. И я прилагала все силы ума и воли к тому, чтобы выработать в себе *amor fati* (“Принятие судьбы”), которому учили стоики. И неоднократно задумываясь над Шиллеровским *die Weltgeschichte ist das Weltgericht* (“Всемирная история — это Всемирный суд”), я вновь приходила к выводу, что суд этот свершается по законам, часто для нашего ума непостижимым.

Подходили Святки. И Киев, и Чернигов были уже взяты большевиками; на второй день Рождества Остап (вероятно, управитель имения —

прим. Е.Ф.), с каждым днем становившийся все сумрачней, проворчал, что солдаты страшного Таращанского полка (“убивцы та злодии”) бродят по селам, навевываясь в крестьянские хаты побогаче и опустелые помещицьи усадьбы. Катря, с утра не осушавшая глаз, и Остап, забывший даже прибавлять к моему имени “панна”, умоляли меня уйти к ним; я пообещала, и они ушли, как обычно. Как мне было объяснить им, что я не могу уйти из дому; в этот вечер — последний вечер — я была здесь госпожой и хозяйкой и хотела принять гостей, убийц и грабителей — и моих кровных братьев. Я не знаю, какая сила двигала мною, не разум — во всяком случае, а то, что над разумом и, может быть, выше разума. Я зажгла все свечи, накрыла стол парадной скатертью, нарезала толстыми ломтями хлеб и сало, разложила их по тарелкам и стала читать — не одними глазами — хор старцев из “Агамемнона”, так спокойно и непререкаемо утверждающий торжество правды и справедливости. Раздался грохот распахиваемых дверей, дикий ор и топот. Я встала навстречу. Боже мой! что это было за войско! солдатские шинели, кожаные, цельные и в лохмотьях, женские кацавейки, офицерские френчи; на ком-то что-то вроде жилета из парчи. Вся эта толпа кинулась прямо к столу, к еде, меня и не заметили. Я постояла несколько минут — в комнате раздавалось довольное сопенье и чавканье — и, захватив Эхила, ушла на кухню, в другой конец дома.

Не знаю, сколько времени я просидела, не то о чем-то думая, не то ни о чем не думая, как вдруг дверь тихо отворилась; солдатская фигура с большим узлом в руках подошла к печке и далеко в подпечье засунула этот узел. Затем солдат перенес — именно перенес, а не передвинул — тяжелый дубовый чурбан, на котором Катря колола лучину, прошелся раза два по кухне и остановился лицом ко мне; собирался заговорить и не знал, как начать.

Луна ярко освещала его: простое солдатское лицо; глаза, ушедшие куда-то под лоб, пышные фельдфебельские уныло обвисшие усы. Лицо не злое, но хмурое и какое-то тоскующее; разговаривая со мной, он снял фуражку; волосы были сильно тронуты сединой. Он потоптался на месте, прошел два раза по кухне и обратился ко мне на хорошем русском языке — кацап явно: “Спасибо, барышня (не “гражданка”), за угощение”. Помолчал, подошел поближе: “Разговор у меня с вами большой: Господь наш Иисус Христос (он широко перекрестился) грешников купил, рукописание грехов наших разорвал и положил такой завет: которые не виноваты — должны за виновных пострадать, на себя их грех взять. Вам, барышня, большое Господь уважение сделал, от Своей чаши испить позволил”. Он замолчал, поклонился мне в ноги, быстро пошел к двери, но в дверях задержался: “Может, когда помолитесь; Филиппом звать”»⁵.

Древние мыслители из глубины веков как будто протянули руку помощи Марии Ефимовне, и она приняла от них *amor fati* и веру в победу

добра. При новой власти она нашла свое достойное место в жизни, и ей не пришлось идти в дворники (а такие случаи бывали, достаточно вспомнить, что княжна Мещерская много лет в Москве была дворником).

Мария Ефимовна, разумеется, навсегда рассталась и со старым домом, и с родовым поместьем, и с солнечной Украиной вообще. В пасмурном Ленинграде жилищные условия у нее были вполне хорошие (а это при советской власти было далеко не у всех). Она жила в неплохом доме послереволюционной постройки со всеми удобствами и с высокими потолками; квартира была тихая с окнами во двор довольно унылого вида, но — это Петербург; недаром Поленов написал свой знаменитый «Московский дворик»; будучи петербуржцем, он был потрясен дворами Москвы, с их простором, зеленой травой, кустами и деревьями, с их уютной и спокойной жизнью. Правда, двор, на который судьбой была обречена смотреть Мария Ефимовна, не был темным каменным мешком, он был довольно широким и светлым, и на том спасибо, ибо более зловещих дворов, чем в Петербурге, наверное, нет нигде в мире. Но двор — это тишина, а для Марии Ефимовны, много работавшей дома, это имело первостепенное значение.

Мария Ефимовна, выросшая в красотах природы родительского имения и под сенью садов тихого Чернигова, в принципе не любила жизнь большого города, но с городом ее накрепко связывали университеты, институты, библиотеки и другие интеллектуальные учреждения, без которых ее работа была невозможна. Именно ради работы она стойчески терпела все минусы ленинградской жизни с ее сыростью, холодными ветрами, шумом и копотью. Район реки Карповки, где она жила, не был частью великолепного холодно-торжественного императорского Санкт-Петербурга, он более походил на обшарпанный скорбный Петербург Достоевского. И речка Карповка выглядела скромной и печальной; в ней не было ничего от царственной Невы с ее державным течением.

Осенью 1984 г. Мария Ефимовна писала из Ленинграда: «Я в своей “зимней берлоге” перевожу Ливия и с тоской гляжу на грязное месиво: снег пополам с грязью. В деревне снег — одно удовольствие, взял валенки и топай себе на здоровье. А в солнечный день к вечеру видишь “сиянье розовых снегов” — это зрелище такой красоты, что дух захватывает. А здесь угрюмые чучела, именуемые высотными домами, не дают ходу даже чахоточному петербургскому солнцу»⁶.

И поэтому летом, пока позволяли силы, Мария Ефимовна, как можно быстрее, уезжала в тихую зеленую Эстонию, где чувствовала себя счастливой даже под дождем.

Ей был присущ особый дар любви к природе. 10 июня 1971 года в возрасте 79 лет она писала в Ленинград из Куремяэ: «Тут очень хорошо: солнце не раздражает, а радует; стоит неугомонный птичий щебет:

скворцы растят свое потомство; слышно кукушку. Сирень в цвету. Перед окном грядка белых нарциссов и уже кое-где расцветающие тюльпаны. В лесу еще не была, но вид из окна чудесный: луг, сильно заросший кустами; старый друг — развесистая береза; с заборного столбика только что слетел скворец; очень тихо»⁷.

Марию Ефимовну отличало своеобразное мироощущение; как святой Франциск Ассизский, она чувствовала себя частью мироздания и имела потребность разговаривать с животными. Она к ним относилась с особой любовью, но умела в этом плане соблюдать меру. У нее был только один песик по кличке Тоби, среднего размера, черный, существо очень доброе и благовоспитанное, он никогда не лаял сдуру, а спал в ногах у хозяйки. Однажды произошел такой случай. Мария Ефимовна заболела, лежала в постели. Пришел врач и, увидев Тоби у ног хозяйки, возмутился: «Как вам не стыдно пускать в постель собаку? Вы же культурный человек!» Мария Ефимовна, разумеется, оставила эту тираду без внимания. Через год ситуация повторилась. Пришел тот же врач, и тот же Тоби лежал на той же постели в ногах у своей хозяйки. На этот раз гневной тирады не было, напротив, Эскулап задумчиво произнес: «А знаете, это хорошо, что собака рядом с вами, от нее исходят полезные излучения».

Ниже публикуемые воспоминания М.Е. Сергеенко повествуют о временах, для нее благополучных, — о дореволюционной России. Постереволюционные времена в общем для нее тоже были благополучными: она всегда имела любимую работу, блокаду пережила, родных людей терять не пришлось, ибо родители умерли еще до революции, братьев и сестер никогда не было, семьи тоже не было, а репрессии — проклятие XX века — обошли ее стороной. С друзьями несчастья, конечно, случались, и она по мере возможности приходила им на помощь, так как была бескорыстнейшим человеком, с душой доброй, отзывчивой. Милостивая судьба даровала ей жизнь долгую, содержательную, достойную.

Воспоминания Марии Ефимовны Сергеенко

Как он был хорош, Чернигов моих детских и отроческих лет, тихий, тихий, без заводов и фабрик, без двухэтажных домов и мощеных улиц, весь в садах, с узенькой речкой и густой рощей посередине города — деревьев тогда было в Чернигове вообще больше, чем людей. Овеянный дыханием седой старины, видевший на своей земле людей, которыми гордится наша история, благословенный всеми дарами украинской природы, щедрой и ласковой, он уже давно жил мирной жизнью провинциального захолустья, которую мы, с юношеской дерзостью, называли мешанством и которая теперь представляется утраченным раем.

И гимназия была под стать этой жизни — тихая, старозаветная, ми-

нистерская гимназия без ослепительных задач и блестящих преподавателей. Учитель истории П.П. Трезвинский, старый умный хохол, обучавший наших матерей, обленившийся от возраста и неколебимо спокойной жизни, прекрасно разобрался в тумане официальных требований и уверенно трусил на Людовиках и Генрихах, загородившись скучнейшими учебниками от живой истории, окружавшей нашу гимназию постройками чудесного украинского барокко, глядевшей в ее окна куполами соборов, ровесников Новгородской Софии. За преподавателями словесности числится одна, но не малая заслуга: отвращения к родной литературе они не внушили, и мы читали и учили Пушкина не только потому, что ему были посвящены два длиннющих экзаменационных билета. Лучшее всего были учительницы трех младших классов, скромные старушечки, питомицы этой же гимназии, на ней и закончившие свое образование. Обучали они от опыта и советов здравого смысла, без экспериментаторских трюков и педагогических фиглей-миглей. Мир праху их! Они научили нас — и на всю жизнь — грамотному изложению своих мыслей, грамматическому разбору, то есть начаткам анализа, наконец внушили, что Эльбу не следует искать в Сибири, что Австрия и Австралия не одно и то же, и заставили в хронологической последовательности запомнить главнейшие исторические события. Беседуя с современными студентами и экзаменуя их, я по заслугам оценила непреходящее достоинство этого старомодного обучения.

Как, когда и через кого в эту тихую заводь залетела слава Бестужевских Курсов? В городе не переводились петербургские студенты из разряда «вечных», которые зиму и лето репетировали двоечников и устраивали нелегальные кружки разной революционной окраски и разного марксистского накала; стали появляться бестужевки. И те и другие говорили о Бестужевских Курсах, но по-настоящему мы узнали о них от Лидии Александровны Басовой, единственной настоящей преподавательницы литературы, быстротечной звездой мелькнувшей на нашем гимназическом горизонте. Она сама недавно окончила Курсы, знала их, любила и много о них рассказывала. И уже с седьмого класса (курс старой гимназии был рассчитан на восемь лет) слова «Бестужевские Курсы» горели для нас и переливались тем сиянием, в котором грезился Иерусалим первым читателям Апокалипсиса.

Поступить на Бестужевские Курсы было просто: как для юношей, окончивших классическую гимназию и поступавших в университет, не было экзаменов, так не было их и для нас, кончавших министерские гимназии. Предпочтение отдавалось получившим золотую или серебряную медаль, но место находилось и для остальных; конкурсной свалки не было, не было и никаких сословных перегородок.

Большинство шло из небогатых и нечиновных семей: высшее образование становилось надежной опорой в жизни: пора учительниц, окончивших только гимназию, ошутимо уходила в прошлое. Невидные

чиновнички на скудном жалованье; торговцы, в чьих приходно-расходных книгах никогда не бывало четырехзначных чисел и редко трехзначные; хозяева маленьких мастерских, жадные на работу и скупые на отдых; бедные сельские учителя из медвежьих углов — все готовы были отказывать себе во всем, лишь бы вывести дочерей «на дорогу». Для большинства этих людей городское четырехклассное училище было сладкой недостижимой мечтой; слова «высшее образование» звучали в их ушах небесной музыкой, от звуков которой раскрывались все запоры и рассыпались прахом все заставы. Какой-то писатель (не прощу себе, что не записала его имени и заглавия его романа) с бойкой развязностью человека, трогательно не подозревающего о необходимости хотя бы частично согласовать свои слова с реальными фактами, обвинив свою идеально совершенную и идеально безжизненную героиню всеми терниями дореволюционной России, вонзил в нее и этот острый шип: она не смогла поступить на Бестужевские Курсы, потому что при дворе у нее никого не было, кто мог бы дать ей рекомендацию. Все терпит бумага, — и только ли бумага.

В начале нашего века — точно года не помню — на Курсах, так же как и в Университете, была введена курсовая система. Это был акт большого уважения и доверия к нам: отказывались считать нас детьми, которые, только что соскочив с гимназической скамьи, нуждаются в поводке и указке; взрослые люди, мы сами должны были определить, чего мы хотим и чего нам надо. Мы могли сдавать экзамены в любом порядке, могли выбрать любое отделение историко-филологического факультета (например, романскую филологию, философию, русскую или всеобщую историю и т. д.), а на этом отделении ту область, в которую хотели бы углубиться. Мы могли заниматься у кого хотели, могли записаться в любой просеминарий или семинарий, могли окончить курс за четыре, за пять, шесть лет — как нам было угодно. Требовалось только сначала сдать экзамен по латыни и какому-либо иностранному языку: без этих двух зачетов нас к дальнейшим экзаменам не допускали; человека, не сдавшего за шесть лет ни одного экзамена, исключали. Вот и все рогатки, нам поставленные.

Первое время, ошеломленные этим царством свободы, мы пребывали в каком-то сладостном столбняке. Столбняк, однако, скоро проходил; к концу первого года, а чаще даже в середине его нам уже было ясно, когда и в каком порядке мы будем держать экзамены, чьи лекции мы будем слушать, что выберем себе специальностью. Помогали просеминарские занятия, советы учителей, разговоры со старшими товарищами и больше всего, пожалуй, то, что на нас глядели, как на взрослых, доверяли, как взрослым, предлагали задачи, достойные взрослых. Это обязывало.

Мы любили лекции и охотно на них бегали и, если требовалось, безропотно вскакивали к девяти часам неуютного петербургского утра.

Среди наших учителей были превосходные лекторы, умевшие одевать богатый научный материал в блестящую словесную одежду. Но не в лекциях, однако, было главное. Сердцем всего преподавания были семинарии (в мое время слово это произносилось в этой правильной латинской форме, а не в искаженной немецкой «семинар»), полностью оправдывавшие основное значение этого слова — «питомник». Они были действительно питомниками, где росли и крепили молодые научные силы. В семинариях мы знакомились с методом научной работы, с тем, что такое наука, усваивали критерии того, хороша данная работа или нет. Это было важнее самого богатого запаса знаний. Уже в самом конце моего пребывания на Курсах состоялась защита магистерской диссертации О.А. Добиаш-Рождественской. Событие для того времени исключительной важности и торжественности; бестужевки на нем присутствовали, вероятно, в полном составе; в числе их была и я с моим другом, ставшей потом крупным специалистом по детской литературе вообще и по XVIII в. в особенности, ныне здравствующей Екатериной Петровной Приваловой. По окончании диспута Катя, вообще любившая сократический метод беседы, обратилась ко мне:

— Ты много понимаешь в средних веках?

— Мало.

— Я тоже. А тема диссертации тебе хорошо знакома?

— Вовсе незнакома.

— Мне тоже. И, однако, ты утверждаешь, что работа хороша?

— Утверждаю.

— И я тоже. На каком основании?

И тут мы впервые отчетливо сформулировали один из ценнейших результатов нашего семинарского образования: понимание того, чем должна быть настоящая научная работа, каким она должна требованию удовлетворять. Приобретение немалое.

Когда сейчас, в конце жизни, я спрашиваю себя, в чем же было очарование наших Курсов — а сила его так велика, что полвека спустя после того, как за мной закрылись их двери — не бойся я слишком сильного впечатления на прохожих, — я неизменно застывала бы в земном поклоне перед домом 33 на 10 линии Васильевского Острова — все больше утверждаюсь в мысли, что нас покоряла и на всю жизнь покорила та нравственная атмосфера, которой мы дышали все годы нашего пребывания на Курсах. Воздухом Бестужевских Курсов была неустанная забота о нас, горячая ревность к делу нашего обучения, служение науке — для наших учителей она была святыней — радостная готовность помочь младшим товарищам, еще спотыкавшимся на пути к этой святыне. И мы несли сюда свой вклад: юную, ошеломляющую радость искания и упрямое рвение, одолевавшее и джунгли греческих глаголов и зигзаги средневековой логики.

Создание этой нравственной атмосферы было делом всего коллек-

тива Курсов, но первое место среди ее создателей принадлежит Ивану Михайловичу Гревсу.

Его официальным званием было «профессор Санкт-Петербургского Университета», но он имел право на другое, ни в каких послужных списках не упоминаемое. Он любил слово «идеал», и его можно было назвать «служителем идеала». В это расплывчатое понятие он вкладывал очень точное содержание: он считал своей обязанностью служить Богу, абсолютной истине и абсолютному добру, и занятия историей раскрывали перед ним — а через него и перед его учениками — как постепенно, сквозь века ошибок и преступлений, человечество начинало улавливать брезжущий свет этого добра, этой истины. Можно было не быть ученицей Ивана Михайловича, как не была ею и я, но он вводил нас в жизнь Курсов своими вступительными беседами, приобщал к их атмосфере, зажигал наши сердца, естественно тянувшиеся к добру, своей незыблемой верой в абсолютное добро, абсолютную истину. И если мы, старые бестужевки, прожив долгую и не очень легкую жизнь, близко взглянув в смрадные омуты подлости, лжи и злобы, повстречав на своем пути много породистых Каинов, сохранили веру в победу этого добра, этой истины, то это всходы семян, посеянных Иваном Михайловичем.

Я не могу с точностью определить, что заставило меня выбрать в качестве специальности древнюю историю. Была здесь и память о потрясении, которое испытало семилетнее сердце от двух маленьких книжечек (крепко помню их обложку): «Лев Андрокла» и «Спартак», было и детское восхищение величавым обликом С.И. Протасовой, знакомившей новичков с древним миром. В год моего поступления она вела просеминарий по Плутарху, вела с исключительным умением и педагогическим тактом. К концу года мы были уже непоколебимо убеждены, во-первых, в том, что интереснее истории Греции и Рима ничего на свете нет, а во-вторых, в том, что если желаешь проникнуть в это святилище, то изволь овладеть древними языками. И тут на первых же шагах судьба послала нам такого учителя, как Софию Венедиктовну Меликову.

У меня уже был случай говорить о ней и добавить к сказанному мне остается мало. София Венедиктовна была тонким знатоком греческого языка и умела ему учить. И учила в духе, царившем на Курсах: ревностно, добросовестно и строго. Как мы ее боялись, как готовились к ее занятиям, как любили!

Просеминарии Протасовой и Меликовой подводили нас к занятиям у Михаила Ивановича Ростовцева.

Михаил Иванович играл в жизни Курсов роль не меньшую, чем Гревс. С какой щемящей отрадой я вызываю в памяти его облик: невысокую коренастую фигуру с волосами бобриком, и бритым квадратным лицом римлянина. Он был неумолимо строг, беспощадно требователен к нашей работе, и трогательно заботлив о нас, наш грозный учитель и

наш добрый старший брат. Он беспокоился, хороша ли квартира, где мы живем (общежития ведь не было), беспокоился о том, есть ли у нас деньги на жизнь, устраивал на работу, помогал словом и делом. Он знал своих учениц, любил их и любил их учить. Занятия у него захватывали круги и властно. Время для нас, учениц его семинария, мерялось промежутками от четверга до четверга, т. е. от одного занятия до другого, и свободным был только четверговый вечер, остальные дни надо было «готовиться к Ростовцеву». Читался ли текст древнего автора, читались ли надписи — все нужно было комментировать, и обязанность эта распределялась между слушательницами. Комментарий был делом нелегким: перебирали груды материала, часто упускали нужное, терялись среди шишки противоречивых утверждений. А надо было прийти к каким-то стойким заключениям и обосновать их. «Судагыня» (Михаил Иванович слегка картавил), — «важно не то, что вам кажется, а то, что есть на самом деле: благоволите это доказать: *quod est demonstrandum*», — слова эти были постоянно на устах нашего учителя, и до сих пор они звучат для меня, как колокол, зовущий на верную дорогу. В семинарии Ростовцева мы узнавали многое, но важнее всяких знаний было знакомство с методом разработки исторического материала. Можно было возвести самое причудливое здание: требовалось утвердить его прочность вескими добротными фактами. И приходилось признавать, что ошибся, если возведенная постройка, так пленявшая юный ум своей стройностью, не выдерживала напора свидетельств, проскользнувших сквозь пальцы, еще не навывшие исследовательской хватке. Михаил Иванович не терпел голых теорий, работы à thèse считал позором и бесчестьем для науки. «Богиня строгая», она могла снизить к невольным ошибкам и заблуждениям, но гневно анафемствовала предвзятость и ложь. Она требовала честности, и каждое занятие у Михаила Ивановича учило нас этой честности, честности исторического исследования. Это требование было выше всяких авторитетов, перед ним равно склоняли головы и светила науки и новички. Помню такой случай: как-то я заявила Михаилу Ивановичу, что он ошибается, что этот текст надо толковать иначе и вот почему. Голос у меня осекался от страха, но шенки — народ принципиальный. И наш учитель, ученый уже с европейским именем, подумав и задав мне несколько вопросов, признал правоту шенка. Можно ли дать урок красноречивее?

Нет сиротства, горше сиротства ученика, оставшегося на первых же шагах своего самостоятельного пути без учителя. Ребенок-сирота часто находит людей, которые заменят ему отца и мать. Учителя никто не заменит. Горе осиротевшему ученику! Вдвойне горе ему, когда из доброй, ласковой атмосферы внимания, поощрения и сочувствия он оказывается в водовороте подозрения, недоброжелательства и отрицания тех научных основ, на которых он воспитывался. Если он даже пойдет иудиним путем отречения и предательства, он все равно останется чужаком

в новой научной среде. Насколько я знаю, никто из учениц Михаила Ивановича от него не отрекся: ушли в «подполье» библиотек, переводческих бюро, преподавания языков. На эти задворки благополучно пробралась и я, очутившись в 1917 г. в роли лектора греческого языка в Саратовском университете.

Примечания:

- ¹ Письма и воспоминания М. Е. Сергеенко, а также сведения о ее биографии содержатся в главе II книги «Три встречи» (М., 1997), которую составил Александр Трофимов; она выпущена в свет издательством «Православный Паломник» тиражом в 8000 экземпляров в серии «Православный приходской сборник» (выпуск 3. Село Ям. Храм во имя святых мучеников Флора и Лавра). Цитируемый текст находится на стр. 158 — 161 этой книги и датирован 19 апреля 1942 г.
- ² Там же. С. 154 — 157.
- ³ Там же. С. 162.
- ⁴ Там же. С. 123.
- ⁵ Там же. С. 132 — 136.
- ⁶ Там же. С. 181 — 182.
- ⁷ Там же. С. 181.

ЛАТИНСКАЯ ЭПИГРАФИКА

Программа спецкурса

Составила Е.В. Фёдорова

1. Введение

Предмет эпиграфики. Значение надписи как источника по истории, экономике, культуре и языку античного общества. Характер античного латинского письма, его назначение и сфера применения. Задачи эпиграфики как вспомогательной историко-филологической дисциплины, ее соотношение с палеографией, филологией, историей, источниковедением, языкознанием.

Основные проблемы латинской эпиграфики:

1. Буквы и знаки, уяснение их значения, изучение истории их возникновения и видоизменения.
2. Расшифровка слияний букв (лигатур) и сокращений слов (аббревиатур).
3. Датировка надписей.
4. Определение подлинности надписей.
5. Восстановление утраченного или испорченного текста.
6. Систематизация надписей.

II. История собирания, издания и изучения латинских надписей

Собирание латинских надписей в средние века (Аноним из Эйнзидельна) и в эпоху Возрождения (Франческо Петрарка, Кола ди Риенцо, Поджо Браччолини). Первые издания надписей в XV — XVI вв. (издания Дезидерия Спрета, Альбертини-Маццокки, Апиана и Аманция, Смеция). Крупнейшие эпиграфические находки XVI — XVIII вв. (консульские фасты, перечень триумфаторов, календарь юлианского года, «Деяния божественного Августа», акты коллегии арвальских братьев, элоги Сципионов, постановление сената о вакханалиях). XVIII век — век рождения латинской эпиграфики как науки. Труды Г. Марини, Ш. Маффеи, единый свод латинских надписей А. Муратори. *Corpus inscriptionum Latinarum* и издания надписей в XIX — XX вв. (Орелли — Хенцен, Вильманнс, Дессау, «Надписи Италии» и др.). Иностранские общие курсы латинской эпиграфики (Э. Хюбнер, Р. Канья, Д.Э. Сэн-

дис, И. Калаби Лиментани, А. Кальдерини). Издание и изучение латинских надписей в отечественной науке: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*, труды В.В. Латышева, И.В. Помяловского, И.В. Цветаева, В.И. Модестова, И.И. Холодняка, Ф.А. Петровского, М.Е. Сергеенко.

Способы копирования надписей.

Основные собрания латинских надписей.

III. Античное латинское эпиграфическое письмо

Материал и орудия письма в древней Италии. Античные авторы о древнейших письменных памятниках. Происхождение и развитие латинского письма непосредственно от западно-греческого алфавитного письма. Древнейшие латинские надписи (надпись на пренестинском серебряном сосуде, надпись на пренестинской золотой фибуле, надпись на керамическом сосуде из Габий, надпись Вендии, надпись на стеле Римского Форума (под «черным камнем»), Дуэнова надпись, надпись из Сатрика). Виды эпиграфического письма позднереспубликанского и императорского времени (*scriptura monumentalis (sive quadrata, sive lapidaria), scriptura actuaria, scriptura cursiva, scriptura uncialis*). Обозначение долготы слогов. Удвоение согласных. Обозначение придыхательных звуков. Сокращения и слияния. Способы выражения множественного числа. Цифры. Обозначения календарных дат в надписях.

IV. Имена и их написание в античных латинских надписях

Состав имени римского гражданина (*praenomen, nomen, cognomen, agnomen*) и правила его написания в надписях. Имена женщин. Имена рабов, вольноотпущенников и провинциалов. Разложение традиционной системы римского имени в эпоху империи. Императорские имена.

V. Должности и написание их названий в античных латинских надписях

Должности сенаторские и всаднические. Должности в муниципиях и колониях. Низшие должности. Должности в коллегиях. Императорский титул.

VI. Виды античных латинских надписей

Принципы классификации надписей. Классификация надписей по содержанию: надписи почетные (в том числе элогии), посвятельные, надгробные, строительные, надписи на милевых и межевых столбах, надписи на различных предметах (на мраморных блоках, клейма на кирпичях, черепице, амфорах, на гирях и мерах, монетные легенды,

надписи на различных тессерах и на других мелких предметах), надписи на стенах домов в Помпеях, наговоры. Документы общественные: законы, постановления сената, плебисциты, эдикты, декреты, послания, воинские дипломы, фасты (календари, перечни консулов и триумфаторов). Документы коллегий. Документы частные: расписки, договоры и др.

VII. Критика надписей.

Приемы восстановления испорченного и утраченного текста

VIII. Античные латинские надписи в музеях и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга

IX. Античные христианские латинские надписи

Их своеобразие: четкая датировка и немногословие.

X. Латинские надписи Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени

Зависимость эпиграфического письма от палеографического. Восстановление античной внешности надписей в эпоху Возрождения.

Латинская надпись 1491 г. над воротами Спасской башни Московского Кремля. Латинская надпись 1659 г. на алмазном троне царя Алексея Михайловича, подаренном армянской торговой компанией, действовавшей в Персии. Латинская эпитафия М.В. Ломоносова на его надгробии на кладбище в Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Фёдорова Е.В. Латинская эпиграфика. М., 1969.
2. Фёдорова Е.В. Латинские надписи. М., 1976.
3. Фёдорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982.
4. Фёдорова Е.В. Ранняя латинская письменность VIII — II вв. до н. э. М., 1991.
5. Петровский Ф.А. Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962.
6. Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. 4 ed. Paris, 1914. 5 ed. Paris, 1964.
7. Sandys J.E. Latin epigraphy. 2 ed. Cambridge, 1927.
8. Calabi Limentani I. Epigrafia latina. 3 ed. Milano, 1974.
9. Calderini A. Epigrafia. Torino, 1974.

МАНТИКА (искусство прорицания Древней Греции)

Программа спецкурса

Составила Е.В. Приходько

На протяжении всей истории античного общества мантика (или дивинация) неизменно была одной из важнейших сторон древнегреческой культуры. Однако современная традиция нередко с безотчетной легкостью предлагает ошибочную трактовку многих сторон деятельности античных прорицателей. Задача предлагаемого курса — приблизиться к собственно античному представлению об искусстве прорицания и его роли в жизни общества.

ВВЕДЕНИЕ

Мантика как определенный этап мирового религиозного процесса. Современные научные теории об особенностях мировосприятия первобытных людей. Дологический характер первобытного мышления; иррациональная интуиция и напряженная мистичность мысли как основа этого типа мышления. Возникновение шаманизма — появление посредников между смертным миром и миром духов. Греческие прорицатели — тоже посредники между людьми и богами и в определенном смысле наследники шаманов прошлого.

Источники изучения мантики и их характеристика.

1) Научные и философские трактаты, большинство из которых известны лишь по названиям. Платоновские определения мантики (Charm. 173 e, Def. 414 b), Аристотель «О пророческом даре, возникающем во сне», Цицерон «О дивинации», дельфийские моралии Плутарха, «Сонник» Артемидора, «О сновидениях» Синесия, «О египетских мистериях» Ямвлиха.

2) Отдельные рассказы и упоминания античных авторов об оракулах, пророках, сновидениях или гаданиях.

3) Изучение традиции построения контекста при повествовании о наиболее распространенных видах мантического искусства, например, о вопрошении оракулов.

4) Лексико-семантический анализ обслуживавших мантику терминов.

Изучение мантики стоиками и предложенная ими **система классификации** видов мантического искусства. Деление мантики на **естествен-**

ную (интуитивную): прорицания оракулов, изречения пророков и сновидения, — и **искусственную** (индуктивную): предсказания и гадания, основанные на знании значения различных специально наблюдаемых знаков и необычных явлений. Традиционность этой системы классификации, представляющей анахронический срез всей античной мантики, при построении современных научных работ (Буше-Леклерк, Освецимский), и невозможность при подобном подходе изучения диахронического развития каждого направления мантического искусства в его взаимосвязи и взаимообусловленности с другими. Словесная мантика и общее представление о древнейшем единстве ведовского дара.

ПРОРИЦАТЕЛИ

Древнейшее название прорицателя — **мантис**. Кем был для эллинов мантис: пророком-интуитивистом, просто прорицателем (независимо от вида его дарования) или гадателем? Функционирование термина «мантис» в поэмах Гомера: отсутствие у Гомера серьезного отношения к гаданиям и индуктивной мантике в целом, мантисы — Калхант, Тиресий, Амфиарай, Феоклимен и др. — пророки, обладающие даром божественного познания и умеющие благодаря этому дару давать проникновенные толкования единственных в своем роде чудесных знамений. Развитие семантики термина «мантис» в эпоху архаики и классики как отражение процессов изменяющих и усложняющих систему мантического искусства: постепенное разложение некогда единого ведовского дара на интуитивную и индуктивную мантику, мантис — уже не только пророк, но и просто прорицатель и даже гадатель. Вопрос об этимологическом значении термина «мантис»: имеем ли мы право говорить о генетическом родстве мантики и безумия, индоевропейский корень *men- и его значение «напряженно думать», мантис — не «безумец», а «знающий», «ведущий».

Мантис и тератоскоп — свидетельства древнейшего единства прорицательства, врачевания и магии; полубогатые и исторические личности, обладавшие изначально, еще неделимым ведовским дарованием: Олен, Орфей, Мусей, Эмпедокл, Эпименид Критский и др.

Появление термина «**профет**». Вне мантической сферы профет — слуга, возвеститель воли вышестоящего субъекта. Те пророки, которые для Гомера были лишь мантисами, у авторов архаики и классики неизменно называются мантисами и профетами одновременно. Актуализация проблемы понимания пророческих речений. Какое представление стоит за утверждениями об «энигмовидности» (загадочности) слов мантисов? «Энигма» — способ непрямого, образного называния табуированного субъекта. Понимание богатого иносказаниями, метафорами, сравнениями языка мантиса требовало дополнительных усилий или толкования. Но, будучи профетом, мантис сам стремился довести

смысл своих изречений до сознания окружающих. Пиндар о «двойном сокровище пророческого дара» (Ol. VI 65 — 66), то есть о неразрывном единстве дара мантика и дара пророка — дара постигать божественные тайны и дара в доступной для понимания форме возвещать их смертным. Представление о том, что человек мог быть профетом бога-мантика. Проблема уникальности пророческого дара Кассандры (подробное рассмотрение сцены из «Агамемнона» Эсхила (1072 — 1330)): обладая дарованием мантика, Кассандра была лишена дара пророка, в результате чего ее пророчества, даже понятые на синтаксическом уровне, никогда не воспринимались как истинные божественные речения, и им никто никогда не верил.

Ученые в поисках ответа на вопрос: кто такие **хресмологи**? Хресмологи — Сивилла, Бакид, Лисистрат Афинский — древние пророки, чьи пророчества простирались на много столетий вперед, но не содержали при этом точного указания на время свершения predetermined. Позднее хресмологи — собиратели и хранители древних изречений, пытающиеся постигнуть их тайный смысл и связать то или иное изречение с определенной ситуацией. Роль хресмологов-хранителей в жизни античных полисов. Хресмолог-мошенник как действующее лицо комедий Аристофана.

ОРАКУЛЫ

Какое представление вкладывали древние эллины в понятие «оракул»? Оракул — вестный дух места, некое анимистическое существо, соединявшее бога и смертных и активно участвовавшее тем самым в процессе возвещения откровений (родство оракулов и даймонов).

Наиболее знаменитые прорицалища Аполлона: в Дельфах, в Абах в Фокиде, в Беотии на горе Птоон, храм Аполлона Исмения близ Фив, в Патарах Ликийских, оракул Аполлона Кларосского у Колофона, Аполлона Дидимейского недалеко от Милета и многие другие. Прорицалища Зевса: в Додоне, в Олимпии и Зевса-Аммона в Ливии. Прорицалища других богов и обожествленных героев: оракул Геи в Эгире, оракул мертвых в Феспротии, оракул Трофония в Лебадии, Амфиарая в Оропе, Асклепия в Эпидавре, Калханта в Давнии, Тиресия в Беотии.

Гомер об оракуле Зевса в Додоне. Способы прорицания в Додоне. Проблема распределения функций додонских жрецов и так называемых жриц-голубок.

Оракул Аполлона в Дельфах. Возникновение прорицалища: проблема датировки, данные археологических раскопок и различные литературные версии основания святилища (гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, Эсхил, Еврипид, Диодор Сицилийский и др.). Предшественники Аполлона в Пифо (древнейшее название Дельф), убийство дракона Пифона, культ Диониса и вопрос о его влиянии на культ Апол-

лона. Краткий обзор истории святилища, храмы Аполлона: легендарные и исторические, — возможности реконструкции внутреннего устройства храма. Методы прорицания, вопрос о существовании в Дельфах оракула жребиев. Возникновение института Пифий. Традиционное представление о безумстве Пифии и различные теории, объясняющие состояние прорицающей жрицы: опьяняющее воздействие зловонных испарений, поднимающихся из трещины в скале (Буше-Леклерк, Флаксельер), или дыма от сжигаемой в подвальном покое смеси наркотических веществ (Холленд), медиумический транс (Доддс) или самогипноз (Парк), некое воодушевление (Амандри) или возбуждение, в основе которого лежало обычное эмоциональное напряжение (Фонтенроуз). Античные авторы о мнимом безумии Пифии: Пифия как носитель и дара мантия, и дара пророка, Плутарх о гибели действительно обезумевшей Пифии (Mog. 438 a-b (Def. Or. 51)), «энциклопедия Дельф» в сцене вопрошения оракула Аппием Клавдием у Лукана (Phar. V 71 — 224), обращение гостей святилища непосредственно к Пифии и примеры подкупа Пифии. Представление о существовании в Дельфах зловонной расщелины опровергнуто данными археологических раскопок. Вера в обитающий в определенном месте земли вещей дух и возникновение легенды о расщелине: упоминания о расщелине принадлежат исключительно поздним авторам (Диодор Сицилийский, схолия к «Оресту» Еврипида, Ориген, Отцы Церкви и др.) и не могут считаться серьезными свидетельствами ее существования. Дельфийские жрецы: пророки и госии, — и их роль в проведении ритуала вопрошения оракула. Дни благоприятные для вопрошения оракула и ход мантической процедуры.

Изречения Дельфийского оракула. Существующие каталоги изречений: Хендесса, Парка и Уормелла, Фонтенроуза, — и предложенные в них системы классификации изречений. Традиционные формулы вопросов, строгая зависимость возвещаемого ответа от формы и содержания вопроса, важность самого факта вопроса. Структура «оракульного» контекста в произведениях разного жанра и эпиграфических памятниках. Поэтические и прозаические ответы. Праздные вопросы о будущем — повод для двусмысленных изречений. Изречения оракула как материал для возникновения пословиц и поговорок.

ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Артемидор Далдианский. Сонник / Пер. М.Л. Гаспарова, В.С. Зилитинкевич, И.А. Левинской, Э.Г. Юнца под общей ред. Я.М. Боровского // ВДИ. 1989 № 4 — 1991 № 3.
2. Геродот. История / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1993.
3. Книги Сивилл / Пер. М. Витковской и В. Витковского. М., 1996.
4. Плутарх. О том, что пифия более не прорицает стихами / Пер. Л.А. Фрейберг // Плутарх. Исида и Осирис. Киев, 1996. С. 97 — 127.

5. Цицерон. О дивинации / Пер. М.И. Рижского // Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С.191 — 298.
6. Яввлих. О египетских мистериях / Пер. Л.Ю. Лукомского. М., 1995.

Научные исследования:

1. Зелинский Ф.Ф. Трагедия рока // Софокл. Драмы. М., 1915. Т. II. С. 3-69.
2. Нильссон М. Греческая народная религия / Пер. с англ. С. Клементьевой. СПб., 1998.
3. Приходько Е.В. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999. В приложении статьи: А. Оппе «Расщелина в Дельфах», Л. Холленда «Мантический механизм в Дельфах», А. Аргайла «Хресмологи и мантисы» и глава из книги Дж. Фонтенроуза «Дельфийский оракул: его изречения и систематический каталог ответов».
4. Приходько Е.В. Оракулы в раннеклассической греческой литературе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 191 — 197.
5. Соколов Г.И. Дельфы. М., 1972.
6. Amandry P. La mantique apollinienne à Delphes: Essai sur le fonctionnement de l'Oracle. Paris, 1950.
7. Bouché-Leclercq A. Histoire de la divination dans l'antiquité. T. 1 — 4. Paris, 1879 — 1882.
8. Crahay R. La littérature oraculaire chez Hérodote // Bibliothèque de la Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège. Paris, 1956. CXXXVIII.
9. Dodds E.R. The Greeks and the Irrational // Sather Classical Lectures. Berkeley; Los Angeles, 1951. Vol. XXV.
10. Fontenrose J. The Delphic Oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley; Los Angeles; London, 1978.
11. Fontenrose J. Didyma. Apollo's Oracle, cult, and companions. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
12. Hopfner Th. Mantike // RE. 1928. Bd. XIV. Hbd. XXVII, S. 1258 — 1288.
13. Kern O. Die Religion der Griechen. Bd. I — III. Berlin, 1926 — 1938.
14. Latte K. Orakel // RE. 1939. Bd. XVIII. Hbd. XXXV. S. 829 — 866.
15. Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. I. Die Religion Griechenlands bis auf die griechischen Weltherrschaft. 3. Aufl. // Handbuch der Altertumswissenschaft. München, 1967. Abt. V. Tl. 2. Bd. 1.
16. Parke H.W. The Oracles of Zeus: Dodona. Olympia. Ammon. Cambridge, 1964.
17. Parke H.W. Sibyls and Sibylline prophecy in classical antiquity. London; New York, 1988.
18. Parke H.W., Wormell D.E.W. The Delphic Oracle. Vol. I — II. Oxford, 1956.
19. Rohde E. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. 10. Aufl. Bd. 1 — 2. Tübingen, 1925.
20. Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Glaube der Hellenen. 2. Aufl. Bd. I — II. Berlin, 1955.
21. Ziehen. Mantis // RE. 1930. Bd. XIV. Hbd. XXVIII. S. 1345 — 1355.

ПРОГРАММА КУРСА «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК»

*для студентов юридического факультета МГУ
(специальность «Юриспруденция»)*

Составил А.С. Балахванцев

Целью изучения латинского языка на юридическом факультете является овладение грамматическим и лексическим минимумом, необходимым для понимания латинской юридической терминологии, а также для сознательного перевода источников по римскому праву.

Кроме того, изучение латинского языка должно облегчить усвоение новых европейских языков, углубить понимание родного языка. Настоящая программа предусматривает обязательный общий курс латинского языка на I курсе юридического факультета в объеме 28 часов.

Введение

Понятие «латинский язык». Краткие сведения о периодах развития литературного языка в античную эпоху. Латинский язык в средние века, в эпоху Возрождения, в XVII — XVIII вв. Народная латынь. Возникновение из нее романских языков. Влияние латыни на германские языки. Латинский язык как язык римского права. Латинские юридические выражения и изречения.

Письмо и фонетика

Латинский алфавит и его происхождение. Прописные буквы в названиях народов и в прилагательных и наречиях, производных от этих названий. Условность современного произношения латинских букв. Дифтонги ae, oe, au, eu, ei. Произношение i перед гласными в начале слова и между гласными в середине. Произношение s, сочетаний ch, ph, gh, th, ti, qu, ngu, su. Краткость и долгота слогов по природе и по положению. Правила ударения.

Морфология

Имя существительное

Грамматическая система рода и числа. Пять склонений существительных, их основы: I — u, II — o/e, III — i или согласный звук, IV — u, V — e. Парадигмы склонений. Слова III склонения с особенностями в образовании форм.

Имя прилагательное

Классификация прилагательных по I — II и III склонениям. Парадигмы склонений. Степени сравнения прилагательных.

Местоимение

Классификация местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, относительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные. Парадигмы склонений. Местоименные прилагательные. Указательные частицы при местоимениях.

Числительные

Классификация числительных: количественные, порядковые, разделительные, наречные. Согласование числительных с существительными. Римские цифры.

Глагол

Категории спряжения: время, наклонение, залог, лицо, число. Четыре спряжения, их основы инфекта: I — а, II — е, III — **согласный** или u, IV — i. Глаголы III спряжения на -io. Личные окончания действительного и страдательного залога. Образование времен инфекта (Praesens, Imperfectum, Futurum I) и перфекта (Perfectum, Plusquamperfectum, Futurum II). Наклонения: indicativus, coniunctivus, imperativus. Инфинитивы всех времен и залога. Supinum I, II. Причастия. Gerundium. Gerundivum. Активное и пассивное описательное спряжение. Отложительные и полуотложительные глаголы. Глаголы, производные от esse. Глаголы с особенностями в спряжении. Безличные глаголы.

Наречия

Образование наречий от прилагательных. Степени сравнения наречий.

Предлоги

Сочетание предлогов с падежами (accusativus, ablativus). Постпозитивное слияние предлога cum с местоимениями. Постпозитивные предлоги causa и gratia.

Союзы

Классификация союзов: сочинительные и подчинительные.

Междометия

Употребление междометий.

Частицы

Классификация частиц: вопросительные, указательные, усилительные, неопределенные.

Синтаксис

Синтаксис простого предложения

Согласование подлежащего и сказуемого. Наиболее употребительный порядок слов в простом распространенном предложении. Наиболее распространенные функции падежей. Различия в глагольном употреблении падежами в латинском и русском языке.

Инфинитивные обороты. Ablativus absolutus.

Синтаксис сложного предложения

Сочинение и подчинение. Правило consecutio temporum. Виды придаточных предложений (дополнительные, определительные, цели, следствия, причины, условия, уступки, сравнения). Косвенная речь и косвенный вопрос. Правило attractio modi.

ЛИТЕРАТУРА:

Козаржевский А.Ч. Учебное пособие по латинскому языку для юридических факультетов университетов.

ПРОГРАММА КУРСА «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК»

для студентов геологического факультета МГУ
(специальность 0801, специализация «Палеонтология»)

Составила И.В. Кувшинская

Введение:

Данный курс является единственным курсом латинского языка, читаемым на естественном факультете МГУ. Его цель — познакомить студентов с основами естественнонаучной терминологии, способствовать как сложению навыков филологического анализа терминов, так и умению правильно образовывать их. Курс призван также расширить представления студентов об античной науке и культуре.

Содержание курса:

Вступление

Основные этапы развития латинского языка, его роль в мировой культуре. Значение латинского языка как языка научных текстов. Греко-латинские основы международной научной терминологии.

Алфавит и фонетика

Происхождение латинского языка. Особенности классического и современного произношения латинских слов. Правила ударения. Латинская транслитерация древнегреческих слов.

Морфология

Имя существительное. Пять склонений латинских существительных. Образование форм номинатива единственного и множественного числа. Падежная система латинского языка и закономерности в образовании падежных форм. Особенности склонения существительных, заимствованных из древнегреческого языка. Парадигмы склонений.

Имя прилагательное. Классификация: прилагательные I — II и III склонений. Парадигмы. Степени сравнения прилагательных. Согласование прилагательных с существительными.

Наречие. Общая характеристика, способы образования наречий.

Имя числительное. Классификация числительных: количественные, порядковые, разделительные, наречные. Римские цифры. Согласование числительных с существительными.

Глагол. Категории спряжения: лицо, число, время, наклонение, залог. Четыре спряжения латинского глагола. Основы и основные формы глагола. Спряжение глагола в настоящем времени изъявительного наклонения. Спряжение глагола *esse*. Инфинитив настоящего времени. Причастия. Отложительные глаголы. Парадигмы четырех спряжений латинского глагола в настоящем времени.

Синтаксис

Основы синтаксиса простого предложения. Подлежащее и сказуемое: способы их выражения, согласование именной части сказуемого с подлежащим. Наиболее употребительный порядок слов. Отрицательная конструкция. Страдательный оборот.

Основы систематики и таксономии

Анализ естественнонаучного термина. Правильное согласование таксономических единиц — рода и вида. Влияние древнегреческого языка на формирование естественнонаучной латинской терминологии. Принятые современной наукой правила составления термина.

ЛИТЕРАТУРА:

- Козаржевский А.Ч. Учебник латинского языка для нефилологических гуманитарных факультетов университетов. М., 1981.
- Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. СПб., 1998.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1986.
- Коробков И.А. Палеонтологические описания. Л., 1978.
- Палеонтологический словарь / Под ред. Бессоновой Т.А. и Журавлевой Ф.А. М., 1965.

ОБ АВТОРАХ

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич, кандидат исторических наук, ассистент.
Работает на кафедре с 1994 г.

ГВОЗДЕВА Инна Андреевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира. Работала на кафедре лаборанткой в 1971 — 1974 гг.

ДРБОГЛАВ Донат Александрович, кандидат исторических наук, доцент.
Работает на кафедре с 1953 г.

ЗАХАРОВА Ирина Николаевна. Работала на кафедре лаборанткой в 1988 — 1997 гг.

КОЗЛОВА Галина Глебовна, кандидат филологических наук, доцент.
Работала на кафедре в 1949 — 1981 гг.

КРЮКОВ Алексей Михайлович, младший научный сотрудник. Работает на кафедре с 1998 г.

КУВШИНСКАЯ Ирина Владимировна, ассистент. Работает на кафедре с 1981 г.

ЛИМ Галина Вячеславовна, ассистент. Работает на кафедре с 1994 г.

МАЙОРОВА Наталия Геннадиевна, кандидат исторических наук, доцент.
Работает на кафедре с 1994 г.

МЕШЕРЯКОВА Надежда Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории.

МОРОЗОВА Клавдия Андреевна, старший преподаватель. Работала на кафедре в 1949 — 1995 гг.

НАГАЙЦЕВА Татьяна Сергеевна, старший преподаватель. Работала на кафедре в 1961 — 1994 гг.

НИКИШИН Владимир Олегович, ассистент кафедры истории древнего мира. Работал на кафедре в 1997 — 1998 гг.

ПРИХОДЬКО Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.
Работает на кафедре с 1991 г.

РОМАНЕНКО Наталья Игоревна, аспирантка кафедры истории древнего мира.

СМЫКА Ольга Викторовна, старший преподаватель. Работает на кафедре с 1972 г.

ТКАЧЕНКО Наталия Георгиевна, доцент. Работает на кафедре с 1965 г.

ФЕДОРОВА Елена Васильевна, доктор филологических наук, профессор.
Работает на кафедре с 1958 г.

ЧЕХОНАДСКАЯ Нина Юрьевна, преподаватель кафедры германского языкознания Филологического факультета МГУ. Работала на кафедре лаборанткой в 1996 — 1997 гг.

ЧИЧУРОВ Игорь Сергеевич, доктор исторических наук, профессор.
Заведующий кафедрой с 1996 г.

ШАБАГА Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент. Работает на кафедре с 1974 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История кафедры

Г.Г. Козлова

Страницы истории кафедры древних языков
Исторического факультета Московского Государственного
университета им. М.В. Ломоносова 5

Е.В. Фёдорова

Профессор В.С. Соколов — основатель кафедры древних языков 10

Н.М. Мещерякова

Слово об учителе — В.С. Соколове 15

Е.В. Фёдорова

Профессор А.Ч. Козаржевский —
заведующий кафедрой древних языков в 1967 — 1995 гг. 17

Н.Г. Майорова

Слово об учителе — А.Ч. Козаржевском 23

Т.С. Нагайцева

Слово об учителе — Е.Б. Веселаго 26

Статьи

Е.В. Приходько

Расщелина в Дельфах: правда и вымысел 33

В.О. Никишин

Эллинский шовинизм в архаическую и классическую эпохи:
возникновение и развитие 46

Н.Г. Майорова

Римские фециалы: кто они? 52

А.С. Балахванцев

Наследование сенаторского звания:
реальность истории или исторический миф? 62

И.А. Гвоздева

Controversia de fine в Corpus agrimensorum romanorum 71

И.Н. Захарова

«Тезей» Плутарха: к вопросу об источниках биографии героя 77

Е.В. Фёдорова

Рим и варвары 86

И.Ю. Шабига

Небесное видение как элемент земной политики
Константина Великого 98

Н.Ю. Чехонадская

Куда и когда выливать помои? (К вопросу интерпретации
начального эпизода «Приключения Неры») 109

Д.А. Дрбоглав

Немецкая берестяная грамота из новгородских раскопок 1993 г. 116

Переводы и публикации

Ксенофонт Эфесский. «Эфесские повести» 124

*Вступительная статья, перевод с древнегреческого языка
и примечания Г.Г. Козловой*

Избранные латинские надписи

по истории института *Corporis custodes* в Риме 145

Перевод и комментарии Н.И. Романенко

Трактат «О безмятежности духа» Луция Аннея Сенеки 161

Вступительная статья и перевод Н.Г. Ткаченко

Неизвестная редакция

«Второго поучения» Василия I (867 — 886) Льву VI 201

Предисловие, публикация и перевод И.С. Чичурова

Беседа Михаила Хониата об унынии 213

Предисловие, публикация, перевод и комментарий А.М. Крюкова

Мануил Фил. Поэтические произведения 241

Вступительная статья, перевод и примечания О.В. Смыки

Эразм Роттердамский. «Цицеронианец» 256

Вступительная статья, перевод и комментарий Г.В. Лим

Павел Одерборн.

Жизнь Великого Московского государя Ивана Васильевича 276

Вступительная статья и перевод К.А. Морозовой

К истории антиковедения в России. Воспоминания профессора,
доктора филологических наук М.Е. Сергеенко 296

Публикацию подготовила Е.В. Фёдорова

Учебно-методические материалы

Латинская эпиграфика. Программа спецкурса 312

Составила Е.В. Фёдорова

Мантика (искусство прорицания Древней Греции).

Программа спецкурса 315

Составила Е.В. Приходько

Программа курса «Латинский язык» для студентов юридического факультета МГУ (специальность «Юриспруденция»)	320
<i>Составил А.С. Балахванцев</i>	
Программа курса «Латинский язык» для студентов геологического факультета МГУ (специальность 0801, специализация «Палеонтология»)	323
<i>Составила И.В. Кувшинская</i>	
Об авторах	325

Директор издательства «Алетейя»:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Ответственный редактор:

И. С. Чичуров

Редколлегия сборника:

А. С. Балахванцев, Н. Г. Майорова,

Е. В. Федорова, И. С. Чичуров

Подготовка к публикации:

Н. И. Романенко, А. А. Немировский

Оригинал-макет:

А. М. Крюков

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 10.04.2000. Подписано в печать 10.09.2000.

Формат 60×90/16. 21 п. л. Тираж 600 экз. Заказ № 3483

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia